М. И. РУДОМИНО

Книги моей судьбы

ВОСПОМИНАНИЯ РОВЕСНИЦЫ XX ВЕКА

Издательство «Прогресс-Плеяда»

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Маргарита Ивановна Рудомино (1900–1990) — основатель и бессменный на протяжении пятидесяти лет директор Всероссийской государственной библиотеки иностранной литературы. Ей выпала трудная, но счастливая судьба — всю жизнь Маргарита Ивановна занималась делом, которое знала и любила. Она видела результаты своей работы. А.В.Рудомино, сын Маргариты Ивановны, собрал мемуарные записи, дополненные воспоминаниями знавших библиотеку и ее директора людей, деятелей культуры XX века. Воспоминания сопровождаются письмами, документами и фотографиями из архива семьи Рудомино.

- Книги моей судьбы: воспоминания ровесницы XX в
  - Великий библиотекарь[1]
  - Жизнь и судьба
  - «Моя судьба была предопределена
    - От автора
    - Родословная
    - Детские годы
    - Смерть родителей
    - Одиночество. Борьба за самостоятельность
  - Рождение и становление библиотеки
    - Переезд в Москву. Денежный пер., 5
    - Замужество
    - ГБИЛ, Красная площадь, 2
    - Новые читатели
    - Командировка в Париж и Берлин
    - Столешников пер., 2
    - Военные годы
    - "Лопухинка"
    - Книги войны
    - Пояснения А.В.Рудомино к письмам и документам 1945–1946 годов
  - "Золотой век" библиотеки
    - Постановление правительства о ГЦБИЛ
    - "Разинка"
    - Семья
    - Новое здание
    - ИФЛА
  - Несправедливость
    - Изгнание

        - Библиотека без меня
        - На пенсии
        - "Справедливость восторжествовала, но не совсем…"
        - А. В. Рудомино. Последние дни… память…
    - М.И.Рудомино в воспоминаниях современников
        - Вяч. В.Иванов. Библиотека Рудомино в моей памяти[97]
        - К. И.Чуковский. Книги и бомбы[98]
        - Н.П.Колосова, В.П.Енишерлов. Красивая старость[99]
        - Г. Либарс. Моя дорогая коллега, мой хороший друг[100]
        - Л.З. Копелев. Это было чудом…[101]
        - Т. В.Агафонова. Счастливая судьба[102]
        - В.А.Артисевич Яркая личность[103]
        - Ж.-П.Клавель. Прощайте, Маргарита Ивановна[106]
        - Н.И.Тюлина. Почти полвека назад[107]
        - М. В. Урнов. В Столешниках[108]
        - Ю.Г.Фридштейн. Останется в легендах[109]
        - Т.И.Скрипкина. С сердечной благодарностью[111]
        - Л.И. Владимиров. Почетный вице-президент[114]
        - Е.Ю.Гениева Альфа и омега библиотеки иностранной литературы[116]
    - Иллюстрации
    - Основные даты жизни и деятельности М.И..Рудомино
- notes
    - 1
    - 2
    - 3
    - 4
    - 5
    - 6
    - 7
    - 8
    - 9
    - 10
    - 11
    - 12
    - 13
    - 14

- ○ 15
- ○ 16
- ○ 17
- ○ 18
- ○ 19
- ○ 20
- ○ 21
- ○ 22
- ○ 23
- ○ 24
- ○ 25
- ○ 26
- ○ 27
- ○ 28
- ○ 29
- ○ 30
- ○ 31
- ○ 32
- ○ 33
- ○ 34
- ○ 35
- ○ 36
- ○ 37
- ○ 38
- ○ 39
- ○ 40
- ○ 41
- ○ 42
- ○ 43
- ○ 44
- ○ 45
- ○ 46
- ○ 47
- ○ 48
- ○ 49
- ○ 50
- ○ 51
- ○ 52
- ○ 53
- ○ 54
- ○ 55
- ○ 56
- ○ 57
- ○ 58

- ○ 59
- ○ 60
- ○ 61
- ○ 62
- ○ 63
- ○ 64
- ○ 65
- ○ 66
- ○ 67
- ○ 68
- ○ 69
- ○ 70
- ○ 71
- ○ 72
- ○ 73
- ○ 74
- ○ 75
- ○ 76
- ○ 77
- ○ 78
- ○ 79
- ○ 80
- ○ 81
- ○ 82
- ○ 83
- ○ 84
- ○ 85
- ○ 86
- ○ 87
- ○ 88
- ○ 89
- ○ 90
- ○ 91
- ○ 92
- ○ 93
- ○ 94
- ○ 95
- ○ 96
- ○ 97
- ○ 98
- ○ 99
- ○ 100
- ○ 101
- ○ 102

- ○ 103
- ○ 104
- ○ 105
- ○ 106
- ○ 107
- ○ 108
- ○ 109
- ○ 110
- ○ 111
- ○ 112
- ○ 113
- ○ 114
- ○ 115
- ○ 116

Книги моей судьбы: воспоминания ровесницы XX в

Великий библиотекарь [1]

Книга — самый важный хранитель и двигатель человеческой культуры. Книгу ничем заменить нельзя. Книге можно помочь, облегчить пользование ею, улучшить ее оформление, но отменить книгу невозможно. И потому самое главное в культуре любой страны — как бы это ни казалось для кого-то странным — библиотеки. Даже если погибнут университеты, институты, культура может восстановиться, если есть хорошо организованные библиотеки.

В области библиотечного дела Россия XIX в. была самой передовой державой мира. Об этом не говорят, об этом не вспоминают, потому что мы привыкли ругать все прошлое.

Главная гордость образованного человека — его библиотека. Главная гордость цивилизованного государства — его библиотеки. И эта гордость у нас была. Но что сейчас делается с нашими библиотеками?

В наиболее крупных книжных хранилищах страны — пожары, наводнения, обвалы. Заливаются водой этажи и подвалы. Нет помещений для новых поступлений. Бесценные фонды хранятся в совершенно не приспособленных условиях, например в церковных зданиях, хранятся навалом, гибнут от бескультурья и равнодушия. Мы десятилетиями не можем привести в порядок даже нашу национальную библиотеку, что же говорить о десятках и сотнях книгохранилищ в городах и областях огромной страны… Очень многие, и я в том числе, говорили и писали об этом где только могли, а воз и ныне там.

И все же в библиотечной жизни нашей страны есть исключение, о котором мне особенно приятно сказать.

Это исключение — Государственная библиотека иностранной литературы и деятельность ее создателя и директора на протяжении 50 лет — Маргариты Ивановны Рудомино.

То, что совершила для нашей культуры эта удивительная женщина, — фантастично и неоценимо. Подумать только: в тяжелейший 1921 год юная М.И.Рудомино задумывает создать в Москве библиотеку для тех, кто хочет изучать иностранные языки. Она едет в город своего детства Саратов, с огромным трудом перевозит в Москву хорошую коллекцию книг по лингвистике и методике преподавания иностранных языков, принадлежавших ее матери — Э.Я.Рудомино. Эти-то книги и стали той основой, из которой выросла великолепная ГБИЛ. Интересно, сохранились ли эти книги?

К.И.Чуковский вспоминал о зарождении Библиотеки

иностранной литературы: «Была каморка, холодная, промозглая, темная, вся заваленная книжною рухлядью. Книги промерзли насквозь. Стерегла это добро исхудавшая, иззябшая девочка, с распухшими от холода пальцами…» Эта девочка, обладавшая огромным талантом организатора, высокой культурой и уникальной способностью добиваться поставленной цели «наперекор и людям, и судьбе», вынесла десятилетия изнурительной борьбы за свою библиотеку и победила. Вопреки всему она создала уникальную, единственную в мире библиотеку' добилась постройки для нее специального здания, воспитала поколение замечательных специалистов, сплотила вокруг библиотеки множество друзей, представителей интеллигенции не только нашей страны, но и многих стран мира.

И когда на Маргариту Ивановну обрушилась несправедливость и она была отторгнута от своей библиотеки, лишена возможности продолжать дело своей жизни, она не замкнулась, не ушла в себя. Прочитайте этот сборник — <…> и перед вами предстанет человек сильный, не сломленный бедой, много и интересно размышляющий о культуре книги, развитии библиотечного дела.

Жизнь и судьба М.И.Рудомино — это служение. Она принадлежала к тому поколению русской интеллигенции, для которого высшим смыслом жизни были высокая духовность и ответственность. Уникальный специалист, непревзойденный знаток библиотечного дела, Маргарита Ивановна была признанным в мире авторитетом в этой области. Ее вклад в культуру нашей страны огромен, и как жаль, что он не был при ее жизни по достоинству оценен.

И все же свершилась, по-моему, высшая справедливость — библиотека, которую создала Маргарита Ивановна, которую она буквально взрастила своими руками, теперь носит ее имя. И это — навечно.

Я желаю самых больших успехов Всесоюзной государственной библиотеке иностранной литературы имени М.И.Рудомино и надеюсь, что она будет тем маяком, ориентируясь на который, мы все же стронем наш отечественный библиотечный корабль с мели.

Для нашей страны это необычайно актуально. Именно библиотеки — основа гуманитарной культуры. А ведь гуманитарные науки занимают все большее и большее место в мире, и XXI в. будет веком гуманитарных наук. Поэтому нам так важно начать по-настоящему заботиться о библиотеках, и потому так важен для нас опыт великого библиотекаря — М.И.Рудомино.

Жизнь и судьба

Моя мама Маргарита Ивановна Рудомино была ровесницей XX века. Она родилась 3 июля 1900 года и очень хотела дожить до конца века, но 9 апреля 1990 года скончалась.

То, что Маргарита Ивановна начала заниматься библиотечным делом и проводить занятия по обучению иностранным языкам не было случайностью. Она претворяла в жизнь семейный принцип: знание иностранных языков является практической необходимостью каждого культурного человека. Ее детство прошло в семье, где высоко ценилось знание иностранных языков (в доме свободно говорили по-немецки и по-французски), где хорошо знали иностранную литературу и глубоко уважали интеллектуальный труд. Мама Маргариты Ивановны — Элеонора Яковлевна Рудомино и три ее сестры были преподавателями немецкого и французского языков, а две из них — Элеонора Яковлевна Рудомино и Екатерина Яковлевна Кестер — были известными методистами и организаторами преподавания иностранных языков в России.

К двадцати годам мама стала уже совершенно самостоятельным, целеустремленным, энергичным и настойчивым в труде человеком. И когда в 1921 году ликвидировали созданный Екатериной Яковлевной в Москве Неофилологический институт, который должен был организовать обучение иностранным языкам в стране, мама добилась преобразования институтской библиотеки, которой она заведовала, в самостоятельное учреждение — Неофилологическую библиотеку гуманитарного профиля, позже ставшую знаменитой Всесоюзной государственной библиотекой иностранной литературы. Библиотека очень быстро стала своеобразным клубом московской интеллигенции, интересующейся зарубежной книгой. Здесь выступали известные писатели, литературоведы, лингвисты, переводчики, обсуждались новинки западной литературы, решались вопросы переводов.

Здесь собирались преподаватели иностранных языков для обсуждения новых методик, учебников и учебных пособий по обучению иностранным языкам. Мама много внимания уделяла научно-библиографической работе с иностранной книгой и периодикой, пропаганде и активному продвижению к читателю лучших произведений зарубежных авторов, а в послевоенные годы анализу мировой естественно-научной литературы.

В 1920-х годах мама понимала, что недостаточно создать только Библиотеку иностранной литературы, нужен еще и новый

читатель со знанием иностранных языков. Она уже в 1925 году организует при Библиотеке целый ряд кружков по изучению иностранных языков, а в 1926 году создает при Библиотеке Высшие курсы иностранных языков (ВКИЯ), которые в 1932 году по инициативе мамы были преобразованы в Московский институт новых языков — в настоящее время Московский государственный лингвистический университет (МГЛУ).

К работе во ВГБИЛ мама привлекала людей большой внутренней культуры, любящих и профессионально знающих книгу, владеющих иностранными языками, душевно теплых людей, хорошо понимающих читателя. В Библиотеке работали видные лингвисты, историки, литературоведы, а с 1948 года — известные математики, физики, химики, биологи, многие из которых были в немилости у советской власти в период гонений на дворян и старую русскую интеллигенцию в 1920-1930-х годах, на коминтерновских работников в конце 1930-х годов, на интеллигенцию в послевоенное время. Мама, по сути дела, спасала их, предоставляя им работу, а они как высокого уровня профессионалы и люди, в совершенстве владеющие несколькими иностранными языками, вдохновенно работали и вносили неоценимый вклад в общее дело. Так, силами специалистов-естественников, бывших в опале у советской власти в послевоенные годы, впервые в стране были созданы периодические аннотированные библиографические указатели иностранной литературы по фундаментальным естественным наукам. Мама и коллектив Библиотеки несли тот особый дух высокого профессионализма, глубокой культуры, настоящей интеллигентности, который резко отличал ее от казенного учреждения. Эту обстановку любили и ценили читатели — от студентов и аспирантов до маститых академиков, которые говорили, что «приходят в Библиотеку как в свой дом» (академик М.П.Алексеев). Но этот дух интеллигентности вызывал раздражение у чиновников, особенно в тот период, когда министром культуры СССР была Е.А.Фурцева, и был полностью изжит в середине 1970-х годов, когда мама советскими чиновниками от культуры в угоду тогдашнему председателю Совета Министров СССР А.Н.Косыгину была несправедливо отстранена от работы и заменена его дочерью Л.А.Гвишиани-Косыгиной. В Библиотеке воцарилась казенщина и партийность.

За время своей работы мама сыграла значительную роль в установлении многолетних контактов с известными деятелями зарубежной культуры и международными библиотечными организациями. Она имела большой международный авторитет. С 1967 по 1973 год она, сначала как вице-президент, а затем как

первый вице-президент Международной федерации библиотечных ассоциаций (ИФЛА) представляла интересы библиотек и библиотечных работников СССР и других социалистических стран в этой организации. Своей деятельностью в ИФЛА мама способствовала — что было исключительно трудно сделать в условиях холодной войны — установлению и расширению связей, обмену опытом и идеями между советской и международной библиотечной общественностью. Она внесла большой вклад в превращение ИФЛА в настоящую международную организацию с участием библиотек и библиотечных работников социалистических стран, подняв в ней престиж библиотечного дела в этих странах. Во «Всемирной энциклопедии библиотек и информационных служб» М.И.Рудомино названа «послом советского библиотековедения за рубежом». В 1973 году, на 39-й сессии ИФЛА, маме как выдающемуся деятелю международного библиотечного дела было присуждено пожизненное звание «Почетный вице-президент ИФЛА». По инициативе мамы с 1972 года в рамках ЮНЕСКО стали проводиться международные годы книги.

ВГБИЛ была делом всей жизни мамы, которая прошла в мучительно острой борьбе за ее создание, развитие и сохранение. С одной стороны в этой борьбе стояли невежественные, ортодоксальные партийные и государственные чиновники, которые не могли уразуметь, зачем вообще советским людям нужна какая-то иностранная книга, и постоянно добивались закрытия ВГБИЛ. С другой стороны — благожелательно настроенные к Библиотеке деятели науки и культуры, понимавшие всю вредность отрыва советской культуры, науки, просвещения от мировых культурных процессов. Благодаря их поддержке маме удалось сохранить ВГБИЛ в тяжелые для страны периоды чисток, борьбы с космополитизмом и иных кампаний. Не случайны слова недавно, увы, ушедшего из жизни выдающегося филолога члена-корреспондента РАН С.С.Аверинцева о том, что «труд Рудомино был героическим в самом буквальном смысле слова».

Только во второй половине 1980-х годов, в связи с перестройкой в стране и сменой руководства ВГБИЛ — приходом нового директора Вяч. В.Иванова и его заместителя Е.Ю.Гениевой, имя Маргариты Ивановны Рудомино было воскрешено, она смогла почувствовать признательность за свой подвижнический труд. Ей было радостно сознавать, что цель ее — «нести мировую культуру в сознание людей» — будет и далее претворяться в жизнь.

В этой книге М.И.Рудомино представлены собранные воедино

воспоминания мамы, над которыми она работала на протяжении 1980-х годов, порой прерывая эту работу и вновь к ней возвращаясь. По времени они охватывают почти весь XX век. Ей очень хотелось написать о своей жизни и деятельности. Уйдя в 1973 году на пенсию, она писала: «…В перспективе мне надо написать воспоминания. В будущем году мое 75-летие. Но чувствую я себя, тьфу, тьфу, не сглазить, хорошо и мне хотелось бы написать воспоминания, начиная с моих родителей, и отдать долг моей маме, память о которой я не увековечила, а она достойна этого. Она была действительно талантливым педагогом своего времени. И далее написать историю своей жизни, связанную с Библиотекой…» Но для мамы было самое трудное приступить к работе. Вот ее слова: «…Осталось только сесть и начать писать. Но это самое сложное. Необходимо начать, а там дело пойдет». Мама была деятельным человеком, множество дел отвлекало ее от письменного стола. Она писала: «Десять лет после ухода на пенсию я работала над воспоминаниями. Но собой я не удовлетворена, потому что работала все-таки недостаточно, хотя хотелось очень о многом написать. Над моим письменным столом даже висел плакатик: „Ни дня без строчки“. Надо было полностью уйти в эту работу. Но я любила общение с людьми и работала только днем, а по вечерам обычно кто-то приходил в гости. Да и днем что-то все время отвлекало. Но все-таки результат был. В 1974 году профессор МГУ В.Д.Дувакин для архива МГУ записал некоторые мои воспоминания. В 1985 году, уже после смерти Дувакина, я их немного дополнила. За эти годы опубликовала воспоминания о Кларе Цеткин, Жане Ришаре Блоке, Жюльене Кэне, М.П.Роллан (Кудашевой). Они были опубликованы у нас и в зарубежных изданиях. В нескольких зарубежных изданиях была опубликована к 50-летию ИФЛА „Предыстория ИФЛА“. Написала статью о Даре испанского народа — коллекции книг, подаренной нашей Библиотеке правительством Республиканской Испании в 1938 году. Сейчас я работаю над воспоминаниями об отдельных писателях. Начала хронологически с тех зарубежных писателей, с которыми встречалась и, быть может, подружилась. Хочу вспомнить о встречах с немецкими антифашистами, с деятелями французского Сопротивления, с крупными писателями Англии, Франции, США и других стран. У меня есть, что написать, но я собой недовольна, потому что не могу заставить себя ежедневно, как полагалось бы, по нескольку часов сидеть и писать». Надо сказать, что мама — автор свыше 100 научных работ по различным вопросам библиотековедения и истории библиотечного дела.

В 1983 году в журнале «Собеседник», № 4, мама

опубликовала очерк «К рождению ВГБИЛ», с очень краткой историей создания Библиотеки. Несколько раньше, в 1980 году мама завела толстую общую тетрадь и приступила к «Летописи моей жизни» (последним годом записей был 1987 год). По этому поводу она писала своей бывшей сослуживице В.Н.Стефанович: «…Посылаю Вам № 4 журнала „Собеседник“ с моей откровенной и эмоциональной статьей о рождении ВГБИЛ. Я рада была случаю, который заставил меня написать впервые, как ВГБИЛ появилась на свете. Продолжаю писать „Летопись моей жизни“ по годам с указанием конкретных событий по памяти, письмам и архивным документам. Когда пишу, не могу оторваться от работы, но сесть за работу очень трудно себя заставить. В результате — медленно подвигающаяся рукопись. Если она не будет напечатана при жизни, ничего не значит — останется в семейном архиве». Но она не осталась в семейном архиве невостребованной. При подготовке полного текста воспоминаний она вместе с другой рукописью, в такой же общей тетради,

— «Родословная» — стала тем стержнем, вокруг которого были собраны все остальные мамины воспоминания, дополненные письмами, документами и другими архивными материалами.

В настоящей книге собраны вместе перечисленные выше мамины воспоминания. Кроме того, в книгу включены письма мамы к папе Василию Николаевичу Москаленко 1920-х и 1945–1946 годов из Германии, письма к внуку Васе 1988–1989 годов, а также письма к гимназической подруге Марии Васильевне Минкевич, к сотрудникам Библиотеки и друзьям. В книгу включены также отрывки из дневников мамы гимназических времен, записи из гимназических памятных тетрадей и другие материалы.

Первое издание воспоминаний М.И.Рудомино под названием «Моя библиотека» было выпущено издательством «Рудомино» при ВГБИЛ им. М.И.Рудомино к 100-летию мамы в 2000 году. Второе издание под названием «Книги моей судьбы» дополнено многими документами мемуарного характера и приложением, в которое включены воспоминания современников о Маргарите Ивановне. В то же время из текста исключены материалы, представляющие интерес исключительно для специалистов библиотечного дела. В книге публикуются фотографии из семейного альбома Рудомино.

«Мамина Библиотека» — так называли ВГБИЛ в нашей семье — была уважаемым и любимым ее членом. Дома мама всегда рассказывала о библиотечных делах и людях, с которыми она работала и встречалась. Я с детства был в курсе библиотечных дел, и это, безусловно, облегчило мне сбор маминых

воспоминаний воедино, чтобы получилась цельная картина ее жизни и деятельности. Как-то, еще в середине 1960-х годов, мама дала интервью корреспонденту газеты «Комсомольская правда» Татьяне Агафоновой, дочери ее гимназической подруги Т.Н.Гамбурцевой. Я присутствовал при передаче маме газеты с ее интервью. Зашел разговор, что, может быть, Таня смогла бы записать для публикации мамины воспоминания. Но она отказалась, сказав: «Пусть Адриан их подготовит». Я бы пропустил это мимо ушей, если бы не мамино выражение глаз, которые ласково попросили меня об этом. Тогда я работал и сделать этого не мог. В дальнейшем мама никогда об этом не напоминала, но при всяком удобном случае старалась рассказать как можно больше из своего прошлого, особенно после кончины папы. Она знала, что я когда-нибудь займусь ее архивом и воспоминаниями, и была права.

Теперь выходит уже второе издание ее книги. Я благодарен литературоведу и издателю С.С.Лесневскому за выпуск маминых воспоминаний «Книги моей судьбы», В.П.Енишерлову и Н.П.Колосовой, просмотревшим мемуары и высказавшим ряд существенных замечаний. Я очень признателен также моей сестре Марианне Васильевне Рудомино и жене Наталии Николаевне Покровской за их редакторскую помощь. Я благодарен моему сыну Василию Рудомино за постоянную помощь и поддержку. И, конечно, спасибо директору ВГБИЛ Екатерине Юрьевне Гениевой за ее внимание к памяти о Маргарите Ивановне Рудомино и всем сотрудникам ВГБИЛ, которые помнят и чтут ту, кто создал эту неповторимую Библиотеку.

Второе, исправленное и дополненное, издание мемуаров М.И.Рудомино посвящаю моему внуку Арсению, почти ровеснику XXI века, с надеждой, что он продолжит просветительские и культурные традиции семьи Рудомино, так блестяще воплощенные его прабабушкой в XX веке.

«Моя судьба была предопределена

От автора

Я ровесница XX века. И весь этот трагический и созидательный для России век я прожила со своей страной, полностью ощутив его катаклизмы. Воспоминания я начала писать в 1974 году, через год после ухода на пенсию. В них я старалась подытожить свою жизнь. А в ней было много интересного, примечательного, красивого, много встреч с выдающимися людьми, счастливая семейная жизнь; но вместе с тем жизнь была трудная, сложная, беспокойная — все, от малого до большого, доставалось мне огромным трудом и всегда в активной борьбе. Нередко я ходила по краю пропасти и часто испытывала ощущение бездны. Порой считала, что лечу вниз, но всегда что-либо вовремя меня спасало. Выжила, уцелела. Еще в ранней юности, оставшись круглой сиротой, я называла себя "Ванькой-встанькой" — очень часто наклоняли меня, но я всегда быстро вскакивала и бежала дальше. Так было всегда. Сегодня я называю свою жизнь удачной, а может быть, и счастливой. И, оглядываясь назад, с удовлетворением вспоминаю ее. В итоге — любимые муж и дети и замечательная Всесоюзная государственная библиотека иностранной литературы в Москве.

Первые шаги по выбранному пути я сделала очень рано. Моя судьба была предопределена, я следовала семенной традиции: мать и три ее сестры были профессиональными преподавателями иностранных языков. С детства меня окружала доброжелательная атмосфера интеллигентной семьи, жившей интересами общей работы. В мое детское сознание рано вошло убеждение, что каждый культурный человек обязан знать иностранные языки. Создание мною Библиотеки иностранной литературы и организация Высших курсов иностранных языков стали естественным продолжением семейного дела.

Многие люди резко отделяют работу от семейной жизни. У меня же работа и семья всегда переплетались — мы все были вместе. И это не удивительно. Мне посчастливилось встретить замечательного, доброго,

умного и благородного мужа — Василия Николаевича Москаленко. Нас связывало глубокое чувство и большая дружба. Мысленно я всегда считала и считаю, что это он сделал меня такой, какая я есть, и я ему очень благодарна. Он постоянно помогал мне советами, своевременно предостерегал от

необдуманных действий. Василий Николаевич всегда жил моей жизнью, исподволь воспитывая меня. На мою Библиотеку мы смотрели как на нашего старшего ребенка — вместе радовались удачам, вместе волновались и страдали в ее тяжелые времена. И дети наши, подрастая, не отделяли Библиотеку' от семьи. Когда меня спрашивали, сколько у меня детей, я всегда говорила, что трое: старшая дочь — Библиотека, затем — сын Адриан и маленькая дочка Марианна. Так мы дружно жили все вместе. Возможно, дети иногда ревновали меня к работе, но тем не менее помогали мне, любили и уважали Библиотеку.

Кстати, не могу не вспомнить с нежностью трогательный подарок детей к нашей золотой свадьбе в январе 1974 года — большой стенд с изображением генеалогического древа нашей семьи и фотографиями. В середине — моя фотография с мужем, по правой ветке — сына с семьей, по левой — семья дочери, а наверху ствола — новое здание Библиотеки иностранной литературы и фотография друзей — членов Исполкома Международной федерации библиотечных ассоциаций (ИФЛА), снятых вместе со мной у входа в Библиотеку.

А начиналась Библиотека с одного-единственного шкафа с маминими книгами по методике преподавания иностранных языков и немецкой классикой, который стоял в квартире на пятом этаже жилого дома в Денежном переулке на Арбате.

С самого начала революции я была вовлечена в создание системы преподавания иностранных языков у нас в стране, лично принимала активное участие в распространении знаний иностранных языков среди широких народных масс.

Сейчас мне 80 лет, и я могу смело и спокойно оглянуться на пройденный жизненный путь, честно выполнив дело, для которого меня предназначила судьба.

Родословная

Долго не знала, с чего начать воспоминания, а потом решила особенно не мудрствовать, а начать прямо с рождения.

Родилась я в городе Белосток Гродненской губернии 3 июля (20 июня по старому стилю) 1900 года. Город Белосток, основанный в 1320 году, имел свою большую историю: вначале служил укрепленным форпостом Польши и Литвы, позже Пруссии и наконец, в 1807 году, перешел к России. После Октябрьской революции Белосток опять становится польским городом и в настоящее время является административным центром Белостокского воеводства в Польше. Белосток славится дворцовым ансамблем Браницких (XVII–XVIII вв.). Сама я этот

город совсем не знала, так как он был лишь местом моего рождения: там временно работал уездным агрономом мой папа — Иван Михайлович Рудомино. Жили мы в служебном доме из красного кирпича: на первом этаже была папина контора, на втором — квартира из четырех комнат, в которой мои родители поселились после венчания в 1898 году и назначения папы агрономом Белостокского уезда. Всю мебель и домашнюю утварь мама получила от бабушки в приданое. Моя бабушка по маминой линии — Ольга Федоровна Кноте — была моей крестной матерью. Я стала ее первой внучкой. Моим крестным отцом был генерал от инфантерии Альфонс Иванович Буш. Он служил и жил с семьей в Белостоке, был другом моих родителей и обо мне всегда заботился, дарил игрушки и книги.

Белостока я не помню. В 1901 году мы оттуда уехали. Зато в моем сознании сохранился город Гродно (Гродна), административный центр Гродненской губернии, где с 50-х годов XIX века жили родители моей мамы — Ольга Федоровна и Яков Федорович Кноте — и где моя мама родилась и училась. В дальнейшем, будучи уже замужем, мама часто приезжала вместе со мной навестить родителей и родных. В последний раз мы приезжали в Гродно летом 1913 года, за год до начала Первой мировой войны. В то время дом бабушки жил полной жизнью большой семьи и был местом счастливых встреч родных. Я всегда радовалась этим поездкам, возможностью пожить в приятной, теплой и любящей атмосфере бабушкиного дома, чего, к сожалению, я была лишена в доме моих родителей. Городом и его историей я мало интересовалась, вероятно, из-за детского возраста. Но отрывочные воспоминания у меня сохранились.

Дом бабушки располагался в центре города. В большом дворе за домом мы, дети, играли в казаки-разбойники. На главной улице находился дедушкин магазин (дедушка был купцом второй гильдии) и Мариинская гимназия, где училась мама. Через город протекала река Неман. На ее высоком берегу стояли старинный замок и церковь. Из-за свирепого нрава Немана нас, детей, одних к реке не подпускали.

Помню рассказ из далекого прошлого. В начале 80-х годов XIX века в Гродно летом случился пожар, и большая часть города сгорела. На пожаре пропала моя мама, которой было около пяти лет. Оказывается, ее со многими другими детьми забрала одна сердобольная дама-патронесса и увезла за город, к себе в имение. Но родителям детей сообщить не смогла. Бабушка была тогда беременна третьим ребенком. Едва успев сложить в корзинку какие-то вещи, она, с корзинкой в одной руке и с трехлетней дочкой в другой, покинула дом, который сгорел у нее на глазах. А

дедушка в это время в самом центре города спасал имущество казенных учреждений и других домов. Когда он влезал по приставной лестнице в окно одного из домов, лестница загорелась, и он упав сломал себе ногу. Бедная бабушка проявила удивительное мужество: она положила дедушку в больницу, узнала, где старшая дочь, а потом стала оказывать помощь другим погорельцам, забыв о своем деликатном положении. Через несколько дней маму невредимой привели обратно. Дедушка начал поправляться. Но дома не было. Магистрат города присвоил дедушке звание почетного гражданина города Гродно и выдал значительную субсидию, на которую он построил новый дом, стоящий в центре Гродно и по сей день, и открыл оружейный магазин.

На протяжении всей жизни мне хотелось посетить родной моему детскому сердцу город. Однако Гродно был недоступен для советских граждан, так как после революции он оказался за границей — в Польше. После Второй мировой войны город перешел к Советскому Союзу, но только осенью 1978 года заветное желание исполнилось и мне посчастливилось там побывать. Толчком к поездке послужило 850-летие города. Я договорилась поехать со своей приятельницей, тоже из Гродно — Евгенией Михайловной Цветаевой, вдовой брата Марины Цветаевой — Андрея.

Конечно, города я не узнала. Хотя железнодорожный вокзал тот же, что и в начале века, но на вокзальной площади современные дома, кругом заводские корпуса, административные здания, телевизионная башня. Все это придает городу облик современного промышленного и культурного центра. Широкие проспекты, зеленые улицы с интенсивным движением, много памятников, новое здание драматического театра, комфортабельная гостиница, где мы жили. Мы приехали в октябре. Была прекрасная осенняя погода — солнечные дни, желтые дубы и березы, под ногами шуршали опавшие листья.

И, главное, праздничное настроение всего города, яркость красок вновь выкрашенных домов, чистота и порядок. Пожалели, что поздно посетили город. Слишком поздно. Никого из родных и знакомых давно уже нет в живых. Могил мы тоже не нашли. На месте старых кладбищ — новые дома. И старых жителей, которые могли бы что-то рассказать о довоенном и дореволюционном времени, уже не было. Я останавливала прохожих стариков на улице и вежливо спрашивала: не жили ли они в Гродно еще до Первой мировой войны. Если и встречались такие, то в лучшем случае моих лет, тогда они были детьми, как и я, а сейчас им по 80 лет и больше. Поймала себя на мысли — кого же я ищу? Ведь

бабушке было бы сейчас 125 лет, маме год тому назад исполнилось бы 100 лет, а уехала она из Гродно совсем молодой — двадцатидвухлетней. Даже моих сверстников (тем более, что их я тоже не знала) уже мало осталось на свете. Некого было искать. Но бабушкин дом я все же нашла. С виду он такой же, как я помнила: одноэтажный, с четырьмя окнами по фасаду. Чтобы не ошибиться, еще в Москве вынула из семейного альбома фотографии бабушкиного дома конца XIX века и взяла их с собой.

На фасаде дома вывеска — "Протезное отделение Гродненского стоматологического института". Эта вывеска и отделяет годы. Когда входила в дом, волновалась, сердце забилось, ноги немного дрожали. Обходя комнаты, мысленно представляла вместо стоявших в них сейчас зубоврачебных кресел обстановку бабушкиной гостиной, столовой, кухни. Я была целиком во власти грустных воспоминаний полувековой давности и того, что никогда уже никого из родных не увижу. Ком подступил к горлу.

После этой поездки мне еще больше захотелось вспомнить о прошлом своих родных, их жизни, взаимоотношениях. Из детства я помнила похожие на увлекательные романы рассказы мамы об отдельных членах семьи. Многие из рассказанных ею фактов были похожи на легенды, но проверить и уточнить их в течение всей моей жизни мне не довелось. Преждевременная смерть родителей, революция, разбросавшая по всему свету родных, моя ранняя самостоятельная жизнь не дали мне возможности узнать вовремя подробности истории семьи и сохранить какие-либо документы. Поэтому восстановить с точностью генеалогические древа семей мамы и папы мне будет трудно. Но восстановить надо. Человек без родословной, человек, не передающий своим потомкам хотя бы минимум знаний о своем происхождении, об истории семьи, не только не вызывает уважения близких, но достоин осуждения детей и внуков.

Постараюсь восстановить по памяти, по тем разрозненным документам, которые у меня случайно сохранились, сначала историю семьи моей мамы.

Я хорошо помню себя в Саратовской гимназии, где как-то сразу девочки стали группироваться вокруг меня. Мы собирались на перемене в большом зале, и я рассказывала своим подружкам о наших с мамой поездках за границу. В классе я была единственной, видевшей своими глазами Германию и Францию, Берлин и Париж, куда в 1909 и 1911 годах мама брала меня с собой на летние каникулы.

Когда заграничные темы иссякали, я рассказывала семейные истории. Моей прапрабабушкой со стороны матери была знатная

и богатая аристократка баронесса Анна фон Бер (Behr)[2], владелица средневекового замка в Курляндии на границе России и Пруссии. В 1831–1832 годах в Прибалтике свирепствовала эпидемия холеры, которая унесла жизни почти всех членов семьи Бер и других обитателей поместья. В живых осталась только шестнадцатилетняя дочь Беров Анна, в будущем моя прапрабабушка, и садовник Янсон, швед по национальности. Он быстро взял бразды правления поместьем в свои руки и вскоре женился на молодой баронессе, для которой не было другого выхода, кроме как пойти на такой мезальянс.

В старинном семейном фотоальбоме сохранился дагеротип Анны фон Бер, относящийся к началу 1850-х годов. У нее родились две дочери: старшая — Катарина Янсон стала моей прабабушкой, а младшая — Барбара вышла замуж за моряка-англичанина Джона Флинта и уехала в Англию. В 1886 году Флинт погиб в море. Вскоре после рождения детей Янсон ("негодяй" — в моем детском рассказе) пристрастился к картам, проиграл почти все состояние фон Беров и умер, оставив Анну с двумя маленькими дочерьми почти без средств к существованию. Многие годы Анна с дочерьми зарабатывала на жизнь вышиванием бисером, остатки которого до сих пор хранятся у меня в круглых разноцветных коробочках того времени. Бисер так и пролежал в них без употребления около 150 лет. Умерла Анна в 1878 году в возрасте 62-х лет. Этот рассказ вызывал интерес у моих подружек и доставлял удовольствие мне. После революции тяжелая работа предков позволяла мне гордиться "пролетарским происхождением" и почти не вспоминать и, конечно, не рассказывать о своих аристократических корнях.

Моя бабушка, внучка Анны фон Бер, Ольга Федоровна, была замужем за обрусевшим немцем Яковом Федоровичем Кноте. Семья Кноте славилась в городе и входила в круг интеллигентных семей. Яков Федорович был почетным гражданином Гродно, купцом второй гильдии, владельцем оружейного магазина с большим отделом хозяйственных товаров и посуды и двух жилых домов в центре города. Бабушка с дедушкой жили дружно, однако бичом семьи была страсть дедушки к картам, которая привела его к банкротству. Весь ум и энергия бабушки пошли на то, чтобы спасти имущество семьи — дома закладывали и перезакладывали. Бабушка стала сама вести торговые дела, а по вечерам ходить в клуб и, в буквальном смысле этого слова, оттаскивать дедушку от карточного стола.

В семье высоко ценились знания и интеллектуальный труд. Бабушка сумела дать всем детям (а их было пятеро: четыре дочери и сын) гимназическое образование. В старших классах

гимназии дети получили дополнительное образование по иностранным языкам. Немецкий язык изучался с детства, а французским занимались с гувернанткой-француженкой. В результате к окончанию гимназии они свободно говорили по-немецки и по-французски. Кроме того, бабушка дала всем детям музыкальное образование — дочери играли на рояле, а сын на скрипке.

Весь дом вела бабушка. Она была его главой и создательницей всего уклада жизни семьи. В бабушке была сильна память пусть и о нищенском, но аристократическом происхождении, которое в сильной степени проявилось в детях. Воспитание детей, материальные заботы, помощь другим (я ее помню всегда помогающей бедным людям: деньгами, одеждой, едой, советами — вообще всем) — вот основная бабушкина деятельность.

У мамы, старшей в семье, было три сестры и брат. После мамы следующей была ее сестра Антонина Иоганна Яковлевна Кноте — тетя Тоня (1878–1927). Рыжая, с веснушками, интересная, способная. Окончив Мариинскую женскую гимназию в Гродно с золотой медалью, она несколько лет преподавала немецкий язык в Гродненском реальном училище. В начале века Антонина Яковлевна вышла замуж по горячей любви за Ричарда Федоровича фон Кретча. Помню его: высокий, черноволосый, красивый молодой человек. Но очень бледный. Когда мы с мамой в 1906–1907 годах гостили в Гродно, он угощал меня черносливом, орехами, шоколадом. Мама жалела сестру, так как все знали, что Ричард Федорович болен туберкулезом и годы его сочтены. Как ни отговаривали Антонину Яковлевну родители, она все же вышла замуж, и молодые сразу уехали в Швейцарию для лечения. В конце 1908 года Ричард Федорович фон Кретч умер в Давосе (Швейцария). Прах его был привезен в Россию и захоронен в Гродно. На кладбище около кирхи был поставлен громадный черный обелиск. Тетя Тоня почти ежедневно там бывала и всегда плакала. Через два-три месяца после смерти Ричарда Федоровича у Антонины Яковлевны родился сын — Ричард фон Кретч (Чарик). Помню с детства, как его всегда усиленно кормили, боясь дурной наследственности. Знаю, что в начале 1980-х годов он был жив. Отец оставил ему крупное наследство — акции рудников на Урале, которые он в юности "просадил". Высшего образования он не получил, но работал старшим инженером на фирме "Сименс" в Штеттине и Гамбурге. Последний раз я видела его в 1916 году. Тетя Тоня умерла в 1927 году. Она поехала навестить могилу мужа и попала под поезд. Воспоминания о тете Тоне остались у меня теплые и приятные. Ко мне она была всегда

очень добра, особенно после смерти мамы и папы.

Во время посещения Гродно мне указали на старого библиографа, который всю жизнь прожил в этом городе и "все знает". Я нашла его, и он вспомнил Антонину Яковлевну фон Кретч и отозвался с похвалой о ней и как о преподавателе немецкого языка, и как о человеке. Он же рассказал, что ее смерть была неслучайной: она много перенесла, жизнь казалась ей бесперспективной — в отчаянии она бросилась под поезд. После ее гибели было много разговоров, в гродненских газетах, вспомнил мой собеседник, писали об этой трагедии. Я пыталась найти газеты того времени, но безрезультатно: с 1921 по 1940 год Гродно находился на территории Польши, с 1940 по 1941 год — СССР, с июля 1941 по 1944 год — Германии. В 1944 году — отошел к СССР. За это время архивы были уничтожены, библиотеки разорены, и газет конца 1920-х годов не осталось.

Следующая мамина сестра — Екатерина Эмма Яковлевна Кноте, в замужестве Кестер (1883–1957), тоже с золотой медалью окончила Гродненскую Мариинскую гимназию, отличалась умом и самостоятельностью.

Жизнь ее была авантюристична. После окончания гимназии гродненская полиция считала ее неблагонадежной: она участвовала в сходках анархистов в лесу под Гродно. Полиция предупредила дедушку, что если его дочь будет и впредь участвовать в подобных собраниях, то при первой же облаве ее арестуют. Поэтому бабушка сумела убедить непослушную дочь уехать к старшей сестре (моей маме) в Петровск.

От нас Екатерина Яковлевна несколько раз собиралась бежать. Но к тому времени за ней стал ухаживать Сергей Аполлонович Кестер, сын уважаемого мирового судьи, но человек никчемный, из числа уездной "золотой молодежи". Конечно, мама видела, что он неподходящая пара, но выхода не было, и в конце 1903 года в Гродно у бабушки состоялось венчание, после чего молодожены вернулись в Петровск. Жизнь у них не сложилась. Сергей оказался бездельником и гулякой, да к тому же еще и садистом. В сентябре 1904 года у них родилась дочь Ольга (уменьшительное — Лёля). Когда ей исполнился год, Екатерина Яковлевна сбежала от мужа, оставив дочь у отца. У мамы она поддержки не получила, поэтому решила поехать в Гродно к бабушке. Но и там не задержалась, а, взяв у бабушки 100 рублей, отправилась во Францию. Французским языком она владела свободно. Однако документов для поездки во Францию у нее не было, и она перешла русско-германскую границу пешком, обойдя пограничные посты. Приехав в Париж, Екатерина Яковлевна поступила на учебу в Сорбонну, прошла курс преподавания и

через два года была оставлена лектором русского языка.

В 1908 году Екатерина Яковлевна приехала из Парижа в Саратов, где мы тогда жили, и вместе с моей мамой выкрала у мужа свою дочь Лёлю. Дело было так придя домой к бывшему мужу, Екатерины Яковлевна увидела четырехлетнюю Лёлю: та играла на улице под присмотром старой няни. Екатерина Яковлевна попросила отпустить дочь с ней в гостиницу, но отец не разрешил. Неделю Екатерина Яковлевна приходила в дом мужа навещать Лёлю. В конце недели Сергей Аполлонович разрешил взять Лёлю в гостиницу на вечер, а сам уехал на охоту. Моя мама заказала ужин в гостинице, оставила свет в номере и, взяв некоторые вещи, уехала на вокзал, куда приехала Екатерина Яковлевна с Лёлей. Они сели в поезд и уехали в Саратов. В то лето мы жили на даче под Саратовом, туда и привезли девочку. Через сутки приехал Яков Яковлевич Кноте, младший брат сестер. Он предупредил, что Сергей Аполлонович в Саратове и вместе с полицейским разыскивает дочь, чтобы забрать обратно. В ту же ночь Екатерина Яковлевна вместе с Лёлей уехала с дачи в Саратов, а оттуда — в Париж. Сергей Аполлонович пытался догнать их, но было уже поздно. Бабушка сумела убедить Сергея Аполлоновича в безнадежности попыток вернуть дочь. В конце концов он успокоился, и мы больше о нем ничего не слышали.

Екатерина Яковлевна стала профессором Сорбонны. Лёля получила хорошее воспитание и образование. В Париже Екатерина Яковлевна вышла замуж за известного французского лингвиста профессора Сорбонны Г.Гийома.

В начале Первой мировой войны Екатерина Яковлевна с Лёлей, как российские граждане, вернулись через Марсель в Одессу, а затем поездом приехали в Саратов. Летом 1915 года Екатерина Яковлевна организовала в Саратове Высшие педагогические курсы новых языков Е.Я.Кестер.

Екатерина Яковлевна дружила со знаменитыми революционерками Верой Фигнер (1852–1942) и Кларой Цеткин (1857–1933) — В 1919 году она вступила в партию большевиков, а в 1920 году передала свои Высшие курсы иностранных языков государству и переехала в Москву. Сразу же по приезде в Москву она приступила вместе с крупным московским лингвистом профессором И.И.Гливенко к организации Неофилологического института с целью подготовки педагогических кадров по преподаванию иностранных языков (прототипа будущих педагогических институтов иностранных языков). Однако в скором времени И.И.Гливенко перешел на другую работу, а Екатерина Яковлевна по заданию Наркомпроса РСФСР в августе 1921 года выехала в Германию во главе комиссии по закупке книг

для просветительских учреждений РСФСР. В 1922 году Екатерина Яковлевна переехала в Париж и больше уже не возвращалась на родину.

Брак Екатерины Яковлевны с Г.Гийомом не продолжился, хотя все годы разлуки (1915–1922) он писал ей ежедневно. В последний раз я видела ее в 1928 году в Париже. От ее дочери я знаю, что последние военные годы были у нее тяжелыми, хотя материально она была полностью обеспечена. После Второй мировой войны Екатерина Яковлевна переехала к дочери в Аргентину, где Лёля жила с 1944 года, и помогала ей создавать Школу танца Ольги Кировой (псевдоним Лёли). Умерла Екатерина Яковлевна в Буэнос-Айресе в 1957 году.

О Лёле следовало бы написать отдельно. Она достойна этого. Перед нашей сорокалетней разлукой я видела ее тогда же, в 1928 году, в Париже. И лишь в 1968 году она приехала в Москву, позвонила, к моему ужасу, в Библиотеку, когда меня не было на работе, и выложила все секретарю: двоюродная сестра, эмигрантка из Аргентины. Надо помнить, что это были за времена: подобной информации было достаточно, чтобы сделаться "невыездной" на многие годы. Мы встретились у меня дома после долгой разлуки.

Лёля, урожденная Ольга Кестер, во втором браке Ольга де Карабасса, была выдающейся личностью. О ней писали как о талантливой балерине, великолепном хореографе и прекрасном организаторе и руководителе балетных школ, а таких в ее жизни было две.

После отъезда в августе 1921 года Екатерины Яковлевны в Берлин мы с Лёлей остались в Москве одни. Лёля тогда училась в балетной школе Большого театра. Наконец, в июне 1922 года, с огромным трудом, с помощью Клары Цеткин, которая поручилась за нее, удалось получить германскую визу и отправить Лёлю к матери.

В Берлине Лёля поступила в балетную школу Евгении Эдуардовой, ранее выступавшей в труппе "Русский балет" Сергея Дягилева и продолжавшей традиции русского Императорского балета. Переехав в 1922 году в Париж, Лёля продолжает учебу в балетной школе при "Гранд-опера". Здесь ее педагогами были знаменитые русские балерины Любовь Егорова и Вера Трефилова, а также русский танцор и балетмейстер Иван Хлюстин. Будучи еще совсем молодой, она уже выступала на сцене "Гранд-опера" в различных балетах. В конце 1920-х годов известный французский импрессарио Ф.Дельгранж организовал для Лёли самостоятельное концертное турне по большинству стран Западной Европы, азиатским и американским государствам.

Концерты прошли с успехом.

В середине 1930-х годов Лёля создала в Париже Школу классического танца Ольги Кировой. Это была первая ее балетная школа, ставшая очень известной. В американском фильме драматурга и сценариста Р.Шервуда "Мост Ватерлоо" (1940) действие происходит в Школе классического танца Ольги Кировой, в которой учится героиня фильма Майра Лестер (ее роль исполняет Вивьен Ли). Ольга Кирова в фильме и внешне и по характеру очень похожа на Екатерину Яковлевну Кестер.

Во время Второй мировой войны Лёля жила под Парижем, а в 1944 году уехала в Аргентину. В Буэнос-Айресе она организовала новую Балетную школу Ольги Кировой, которой руководила до своей кончины в 1975 году. Многие выпускники Школы составили в 1960-1970-е годы славу аргентинского балета. Кроме того, Лёля создала несколько балетных школ и центров по обучению танцам в различных провинциях Аргентины, поставила "Балет молодых", много лет не сходивший со сцены, выступала с собственной программой в театрах Буэнос-Айреса.

Жизнь разметала нас по всему миру, и не наша вина, что десятки лет мы ничего не знали друг о друге.

Младшая сестра мамы Ольга Барбара Амалия Яковлевна Кноте (1889–1972) окончила Мариинскую гимназию с серебряной медалью. Судьба ее не менее ярка, но трагична.

Она была очень красива: карие глаза, золотые волосы. В нее влюблялись, из-за нее стрелялись, калечили свою, да и ее жизнь. Ее первый жених — богатый фабрикант немец Кунц — оказался женатым. Он предлагал Ольге уехать в Америку и там оформить брак, но она отказалась. Тогда Кунц просил через год дать окончательный ответ. Ольга вторично отказала, и в ту же ночь Кунц застрелился. Были и другие случаи, плохо кончавшиеся.

Своего будущего мужа Ольга встретила в Лодзи, в гимназии, в которой оба были преподавателями: она — немецкого языка, он, Юрий Николаевич Москаленко, — истории. Летом 1914 года, уже во время войны, они венчались в Гродно. В их доме я еще девочкой познакомилась с младшим братом Юрия Николаевича — Василием Николаевичем Москаленко, который потом, почти через десять лет, стал моим любимым мужем.

Первые годы их жизни были безоблачны, и все кругом считали, что Ольга, единственная из сестер Кноте, счастлива в замужестве. Юрий Николаевич был прекрасным человеком, хорошим мужем и отцом. Им жить бы и жить. Но судьба распорядилась иначе — 7 октября 1927 года внезапно умерла их любимая дочь Светлана, семи лет. Ужасное горе привело к трагическому разладу в прежде благополучной семье.

Ольга Яковлевна была талантливым педагогом. В течение 16 лет (1926–1942) она заведовала кафедрой иностранных языков в Московском инженерно-экономическом институте им. С.Орджоникидзе и по совместительству была заведующей кафедрой немецкого языка во Всесоюзной академии внешней торговли. Но наступили трагические времена — Отечественная война. Ольга Яковлевна вместе со своим институтом эвакуируется в Душанбе (в то время Сталинабад). Но через год она, по паспорту немка, была выслана в какой-то маленький уездный город Узбекистана. Юрий Николаевич остался в Москве, связанный по рукам и ногам новой семьей. После войны, в 1946 году, Ольга Яковлевна негласно вернулась в Москву, но тут же начались подозрения, доносы. С невероятными трудностями ей удалось восстановить свое право на жительство в Москве, но личная жизнь оставалась неустроенной. Конец ее жизни был печальным — сильнейший атеросклероз, потеря памяти. Осенью 1972 года Ольга Яковлевна умерла от воспаления легких. Так закончилась жизнь этой некогда красивой, жизнерадостной, доброжелательной женщины. Ее мягкость и аристократичность даже в старости притягивали людей.

Единственный мамин брат Яков Яковлевич Кноте (1885–1945) после окончания мужской гимназии в Гродно и Санкт-Петербургского технологического института работал начальником электростанции Одесского порта. В 1914 году он женился на дочери начальника порта польской аристократке Нике Локуцеевской. Брак оказался малосчастливым. В 1922 году семья переехала в Польшу, где родился сын Георгий Кноте. В 1928 году, проезжая Познань по пути в Германию и Францию, я останавливалась у них на два дня. Впечатление от семейной жизни тяжелое. Ника — взбалмошная, ревнивая. Больше с ними не виделась и не переписывалась. От Лёли знаю, что сразу после Второй мировой войны Яков Яковлевич умер. Все довоенные и военные годы он работал главным инженером фирмы "Сименс" в Польше, хорошо зарабатывал, имел прекрасную квартиру и дачу в пригороде Познани. После его смерти жена и сын переехали в Канаду. Сын получил высшее медицинское образование, стал совладельцем магазина французских товаров для мужчин в Нью-Йорке. Лёля видела его один раз в 1973 году, когда Георгий приезжал в Буэнос-Айрес. Элегантный пятидесятилетний барин, без интереса к жизни интеллектуальной, равнодушный к семье Кноте.

Теперь о старшей сестре — моей маме Элеоноре Яковлевне Кноте, в замужестве Рудомино. Она родилась в Гродно 17 июня (4 июня по старому стилю) 1877 года, окончила Мариинскую

гимназию, где было прекрасно поставлено преподавание иностранных языков. Училась очень хорошо. По окончании гимназии мама была отправлена бабушкой в Ригу, в Рижское музыкальное училище, которое уже в XX веке стало Рижской консерваторией. Жила она в Риге в пансионе для молодых девиц, который содержала некая интеллигентная дама. Одновременно мама училась на курсах при пансионе (рисование, пластика, рукоделие и шитье, вышивание бисером, резьба и выжигание по дереву, кулинария и другие предметы). В 1897 году мама успешно окончила курсы и была на все руки мастер, стала прекрасным кулинаром, особенно вкусно она готовила кондитерские изделия. К сожалению, Рижское музыкальное училище ей пришлось оставить на последнем курсе, так как ее бабушка, жившая в их доме, умерла, и маме, как старшей дочери в большой семье, пришлось остаться дома и помогать по хозяйству. Но музыку мама очень любила, была хорошей пианисткой и могла часами сидеть за роялем. Она свободно играла и, будучи уже замужем, скрашивала музыкой свою жизнь. Нотные альбомы Петерса в красных золоченых переплетах с ее любимыми фортепианными сонатами Баха, Гайдна, Моцарта и Бетховена хранятся у нас в ее черной нотной этажерке. В Риге у мамы был жених — молодой инженер, сын хозяйки пансиона Владимир Балтинг, которого мама любила. Но в 1897 году, когда на Рождество он приехал в Гродно, чтобы сделать маме предложение, произошла глупая ссора, и свадьба расстроилась. Балтинг уехал в Ригу, и они больше не встречались.

Через год, в 1898 году, мама вышла замуж за уездного агронома Ивана Михайловича Рудомино. Теперь я понимаю, что мама вышла замуж без любви, без охоты, с досады на несостоявшийся брак и, вероятно, покорясь желанию своего отца, который настаивал на этом союзе. В будущем брак оказался неудачным. Так мама испортила жизнь себе, моему отцу, который глубоко ее любил, и мне, девочке, на глазах которой проходила несчастливая жизнь родителей. Это оставило болезненный, тяжелый след в моей душе. Еще в юности я всегда себе говорила, что если выйду замуж и у меня будут дети, то никогда не допущу, чтобы дети росли в такой тяжелой атмосфере, в какой росла я. К счастью, этого не случилось, судьба мне благоприятствовала — мой брак был счастливым, и дети выросли в дружной, спокойной семье.

С раннего детства помню, что где бы мы ни жили, наша квартира становилась центром уездной интеллигенции. Семья наша была небогатая, жила на свой заработок, однако мама устраивала музыкальные вечера, в нашем доме ставили

самодеятельные спектакли, играли в шарады, мелодекламировали. Мама всегда была главой и центром этих вечеров.

Однако, наверное, такое времяпрепровождение было не в ее характере, и вскоре мама взялась за усовершенствование своего образования. Хорошо зная иностранные языки, мама решила начать педагогическую работу, тем более что в 1905 году папа был переведен на работу в Саратов. Благодаря материальной помощи бабушки, мама окончила в 1908–1909 учебном году годичные курсы для преподавателей иностранных языков при Берлинском университете и, получив диплом педагога, с осени 1909 года была утверждена Казанским учебным округом Министерства народного просвещения преподавателем немецкого языка в Первой саратовской женской гимназии.

Мама была талантливым педагогом и умела заинтересовать учениц своим особым методом обучения. Многие ее ученицы, поступившие в первый класс, совсем не зная иностранного языка, в седьмом классе уже свободно говорили и читали по-немецки. Для каждого уровня в разных классах мама готовила наглядные пособия и по-немецки объясняла не только особенности грамматики и лексики языка, но и обращалась к различным культурологическим аспектам изучаемой темы. Например, при рассказе о знаменитом Кёльнском соборе она говорила и об истории архитектуры разных стилей, стран и эпох, показывала фотографии, открытки, рисунки в книгах и т. п. Или, изучая стихотворение Гёте "Лесной царь", мама одновременно объясняла элементы стихосложения. Враг всякой рутины, стандарта, мама умела привлечь к себе учеников и своим товарищеским отношением. Она стремилась оживить работу всего класса, вводила новые методики преподавания иностранных языков, давала ученикам дополнительные сведения из других областей знаний, заботилась об их общем росте и развитии. Это, конечно, не могло не вызвать недовольство и зависть рядовых преподавателей. Все ученики боготворили ее и завидовали мне, что у меня такая мама.

Элеонора Яковлевна была одной из создательниц в дореволюционной России так называемого натурального метода обучения иностранным языкам, объединявшего зрительный, слуховой и речевой аспекты изучения языка. На Первом Всероссийском съезде преподавателей иностранных языков в Москве в декабре 1912 — январе 1913 года мама выступила с двумя докладами: "Сущность натурального метода и его психологическое обоснование" и "Правописание на основе звука", которые были полностью опубликованы в сборнике трудов съезда.

В своих докладах мама дала анализ процесса изучения иностранных языков и сформулировала основные принципы и общие требования натурального метода, исходя из психофизической сущности преподавания иностранных языков и духовной природы человека. В книге С.М.Никоновой "У истоков советской методологии обучения иностранным языкам" Элеонора Яковлевна Рудомино названа в числе "пионеров создания новой методики преподавания иностранных языков в России в предреволюционный период". Натуральный метод явился в какой-то мере родоначальником метода изучения иностранных языков с помощью аудиовизуальных средств. Кроме выступления на съезде Элеонора Яковлевна выступала с лекциями по вопросам обучения иностранным языкам в Саратове и Казани. У меня сохранилась целая подборка объявлений о маминых лекциях в этих городах.

В 1911–1912 учебном году, с разрешения Казанского учебного округа, мама ввела в 8-м педагогическом классе Первой саратовской женской гимназии специальность "преподаватель иностранного языка", что давало окончившим 8-й класс по этой специальности право преподавать иностранный язык в младших классах государственных учебных заведений. Такая специальность в начале XX века была разрешена только в нескольких учебных заведениях Москвы и Петербурга. В провинции это было впервые. Уже первые три педагогических выпуска позволили пополнить штат учебных заведений Поволжья квалифицированными педагогами. Многие из них успешно работали в советское время, некоторые стали авторами учебников и учебных пособий по обучению иностранным языкам.

Мама организовала в Саратове Общество преподавателей иностранных языков и стала его председателем. Помещения для собраний Общества не было, и заседания часто проходили у нас в квартире дома 42 на Приютской улице. Я с троюродной сестрой Надей приносила стулья из помещения соседнего банка, а нашу мебель из освобождаемой гостиной уносили в соседние комнаты. Помню, как папа нервничал из-за этих "сходок" (так он называл заседания Общества), предупреждал маму, что полиция давно следит за нашим домом, и требовал, чтобы она пожалела если не его, то хотя бы малолетнюю дочь. Только не так давно я узнала, что "политическое дело" на Общество во главе с мамой действительно было заведено в полицейском управлении Саратова. И оказывается, на самом деле были строгие угрозы в адрес мамы. А узнала я это из статьи профессора МГУ Н.С.Чемоданова в "Учительской газете" о педагогах иностранных языков, за которыми велось полицейское наблюдение в дореволюционной России. Статья была напечатана в начале 1960-

х годов. После смерти мамы Саратовское общество преподавателей иностранных языков распалось.

За свою короткую жизнь мама успела написать книгу "Натуральный метод преподавания новых языков, его психологическое обоснование и практическое применение". В приложении к книге давалась методика проведения уроков немецкого языка в первые четыре года обучения. Эта книга была принята к печати издательством "Товарищество И.Д.Сытина" в Москве. Книга была набрана в начале 19 И года и прошла две корректуры, но преждевременная смерть мамы и условия военных лет заставили издательство прекратить печатание и рассыпать набор. Одна из этих корректур книги до 1934 года хранилась у меня. Я передала этот экземпляр в Наркомпрос РСФСР для возобновления печатания книги, но корректура безвозвратно пропала. Дело в том, что заведующая отделом иностранных языков Наркомпроса РСФСР Нина Эрнестовна Мамуна, известный методист преподавания иностранных языков, была в 1935 году арестована, и все материалы, хранившиеся у нее на работе и дома, были конфискованы. Пропала и корректура маминой книги. Хочу надеяться, что в переданном Ленинской библиотеке архиве издательства И.Д.Сытина найдутся другие экземпляры корректуры маминой книги и ее можно будет восстановить. Пока мои поиски не увенчались успехом. Рукопись маминой книги хранится в моем архиве.

Постоянное напряжение, работа сверх сил, накаленная предвоенная обстановка, разлад в семье не могли не отразиться на хрупком организме мамы, на ее нервной системе, на ее здоровье в целом. В результате — малокровие.

Мама умерла 10 апреля 1915 года в Саратове. Ей было 36 лет. Она была в самом расцвете своей педагогической деятельности.

В газете "Саратовские вести" от 23 апреля 1915 года известный петербургский лингвист Л.П.Милицина опубликовала некролог "Памяти умершего товарища". Элеонора Яковлевна Рудомино действительно была личностью, талантливым педагогом. И вот сейчас, через 70 лет после ее смерти, имя мамы не забыто и встречается в педагогической литературе по преподаванию иностранных языков. В книге СМ.Никоновой "У истоков советской методологии обучения иностранным языкам" приведено много примеров из деятельности "талантливого педагога начала XX в. в Саратове Э.Я.Рудомино". Незадолго до своей смерти профессор И.В.Рахманов, известный советский методист педагогики, говорил мне: "Я виню себя за то, что своевременно не написал в своих трудах о вашей маме. Она же была выдающимся педагогом".

Я тоже виновата, не проявила активности в увековечении памяти мамы, не сумела напомнить заинтересованным специалистам о ее трудах и деятельности. Но сделать это не поздно и сейчас, это мой долг и моя обязанность. Именно маме я обязана всей своей жизнью. Она не только моя мать, она сумела вложить в меня те качества, которые дали мне возможность, оставшись в 15 лет круглой сиротой, пойти по правильному пути и сделаться человеком.

Историю семьи папы, Ивана Михайловича Рудомино, я знала плохо, сведения о ней были самые скудные. В доме его родителей я никогда не бывала. Знала, что у них под Вильнюсом свой хутор. Знала, что корни этой фамилии древние — род Рудомино является древним дворянским родом литовского происхождения, восходящим к XVI веку. Известный литовский книговед, автор монографии "Всеобщая история книги" профессор Лев Иванович Владимиров провел поиск моих литовских предков. В связи с этим он писал мне: "Многие считали фамилию Рудомино французского происхождения. Это, конечно, заблуждение: в Великом княжестве Литовском с XVI в. был известен шляхетский род Рудомино (Рудомина).

Одним из виднейших представителей этой семьи был Казимир Станислав Рудомина, живший в первой половине XVII в. Он учился в Падуанском университете, был композитором и искусно играл на лютне. Петр Рудомино (конец XVII в.) был кашеляном Дерптским (Тартуским) и Смоленским. Иван Рудомино (1588–1646) написал первую польскую книгу о военных походах "Подлинные воспоминания о походе войска Королевства Польского и Княжества Литовского в Левант". Род Рудомино внесен в VI часть книги дворянских родов Минской, Виленской и Ковенской губерний. В двенадцати километрах от Вильнюса находится маленький городок Рудомино, который упоминается в хрониках крестоносцев 1373 года, когда литовские войска победили крестоносцев. В городке сохранился католический собор 1592 года строительства". Папина ветвь рода Рудомино была обедневшей и потерявшей свою ветвь родословного древа.

Древность рода Рудомино и необычность фамилии, даже несмотря на зарождавшуюся в 1920-х годах большевистскую нетерпимость к "иностранщине", привели к тому, что, вступая в брак с Василием Николаевичем Москаленко, мы взяли себе двойные фамилии. Я стала Рудомино-Москаленко, мой муж — Москаленко-Рудомино. Но жизнь и советская власть решили за нас по-другому — оставили нам наши фамилии. Благородство моего любимого мужа Василия Николаевича позволило и детям

— сыну Адриану в 1924 году и дочери Марианне в 1936 году — дать фамилию Рудомино. Надеюсь, что мой внук Вася Рудомино (сын Адриана) продолжит род Рудомино.

Папа родился 5 июня 1860 года на хуторе в Ковенской губернии (в 1917 году город Ковно (Ковна) был переименован в город Каунас, который в 1919–1940 годах являлся столицей Литвы). Иван Михайлович был старшим ребенком в семье (еще были сестра Анна и брат Христофор). Окончил сельскую школу. С ранней юности вел самостоятельную жизнь в г. Ковно. Был евангелическо-лютеранского вероисповедания. Знал четыре языка: русский, литовский, польский и немецкий. Получил агрономическое образование и работал уездным агрономом.

Детские годы

Еще в 1901 году, при женитьбе, дедушка Кноте помог папе получить в долг десять тысяч рублей у знакомого банкира, которому дал поручительство. Мама об этом не знала. Неожиданно в 1905 году банкир обанкротился, и встал вопрос о выплате долга полностью. В это время дедушкины дела были плохи

— карточные проигрыши довели до того, что были заложены его охотничий магазин и дом. Вексель был предъявлен родителям, и в доме разразился скандал. Мама хотела тотчас же уехать от папы. Но в конце концов было принято решение самим выплачивать долг. Каждый месяц, когда приносили длинный синий вексель, атмосфера в доме накалялась, и скандалы становились неизбежны. Особенно после того, как мама начала преподавать в гимназии и зарабатывать деньги. В защиту папы скажу, что он любил семью и непременно хотел разбогатеть. Но был неудачником. Я думаю, что долги папы во многом были причиной разлада в семейной жизни родителей. В 1905 году папе удалось найти управленческую работу в Саратове у сахарозаводчика М.Н.Терещенко, будущего министра Временного правительства.

Новая работа папы дала возможность улучшить материальное положение семьи и вовремя выплачивать деньги по векселю.

Летом мы с мамой обычно ездили к морю. Запомнились лето — осень 1905 года, когда мы гостили у моего крестного, генерала А.Буша, на его даче в Сочи (после революции она была национализирована, и в ней помещался кремлевский санаторий им. М.И.Калинина). Время было революционное и тревожное. Помню страх всех. Из окон на чердаке мы смотрели на море, где, возможно, мог находиться броненосец "Потемкин". Генерал

боялся ареста. Поздней осенью мы уехали из Сочи пароходом в Севастополь, где нас встречал папа, который лечился на курорте в Саках.

На Рождество в 1907 году к нам в гости приехала младшая сестра мамы тетя Оля. Я помню ее как красивое видение — золотые волосы и постоянно улыбающееся лицо. На ней был меховой жакет с маленькой круглой меховой муфточкой и такой же шапочкой. Я была влюблена в нее. Той же зимой случилось происшествие, едва не стоившее мне жизни. Во дворе в каретнике была заперта бешеная собака, которая все время выла, гуляя одна во дворе, я захотела ей помочь, протянула руку под ворота каретника и стала гладить нос собаки. К счастью, это увидел дворник, схватил меня на руки и отнес к маме. Переполох был большой. Варежку сожгли, мне вымыли руки, прибежал знакомый доктор из соседнего дома. Все окончилось благополучно, но вспоминать и сейчас страшно, ведь тогда вакцины против бешенства еще не было.

В ту же зиму я впервые по-настоящему увлеклась чтением. С огромным удовольствием прочла "Маленького оборвыша" Д.Гринвуда, "Тома Сойера" М.Твена. Увлекалась Чарской.

Возможно, приезд в гости из Парижа в 1908 году сестры мамы Екатерины Яковлевны, их разговоры, может быть, плохие отношения с папой привели к решению мамы стать преподавательницей иностранных языков. Списавшись с бабушкой и получив ее поддержку, мама уехала учиться на курсы для преподавателей иностранных языков Берлинского университета. Меня отправили в Гродно к бабушке. Вещи перенесли на склад этого же дома на хранение, а квартиру сдали. Папа в это время находился в основном в командировках. Мне было жаль оставлять папу одного, но власть мамы была так сильна, что все решения были исполнены и к Рождеству мы с мамой уехали в Гродно к бабушке. Оттуда в конце декабря 1908 года мама уехала учиться в Берлин, а я поступила в подготовительный, а может быть, первый класс начальной школы в Гродно. Читать я уже умела и знала арифметику в достаточной степени, чтобы поступить в школу в середине года. Рождество и новый 1909 год я встретила у бабушки. Под елкой для меня лежало много подарков — бархатное платье электрик, туфли шантэн, полный набор белья и кукла. Ее происхождение занятно: на одном из благотворительных вечеров в купеческом клубе разыгрывалась кукла, имя которой надо было угадать. Дедушка, как всегда, был увлечен картами и даже не пошел в зал с елкой. Когда ему предложили назвать имя куклы, он в азарте карточной игры назвал свое имя — Яков — и выиграл. Был еще один

человек, назвавший то же имя, но все знали, что к дедушке приехала старшая внучка, и из уважения вручили куклу ему. Когда утром я увидела куклу со всем ее приданым (от рождения до юноши-казака), радость моя была огромна. Мой Яшка был любимейшим до юношеских лет. Переезжая в 1921 году из Саратова в Москву, я взяла его с собой. Мои дети играли с ним. К сожалению, во время войны куклу разбили.

Дедушка продолжал играть в карты и проигрывать. Чтобы выручить денег, дом бабушки заложили. Весною 1909 года в Германию через Гродно ехала тетя Оля. Она взяла меня с собой, чтобы отвезти к маме, которая училась тогда на курсах усовершенствования преподавания иностранных языков Марбургского университета. У меня был свой паспорт, который сохранился до сих пор.

После окончания курсов в Марбурге мама вместе со мной поехала в Париж к сестре Екатерине Яковлевне. Тогда я вновь встретилась с Лёлей, но внутренней близости у нас было мало. Она почти не говорила по-русски, а я еще не знала хорошо французский язык. Помню только, что она была капризной и мы ссорились уже тогда. Лёля училась в школе и была красиво одета.

Мы с мамой ходили в Люксембургский сад, и я впервые катала высокий обруч. Видела, как парил над Парижем воздушный шар. Запомнился шумный Париж с блестящими витринами, толпами людей и иллюминацией. Денег было мало, но мама купила севрский чайный сервиз, который многие годы напоминал мне мою первую заграничную поездку.

Осенью 1909 года мы вернулись в Саратов. Поселились в новой квартире. Диплом Берлинского университета позволял маме работать самостоятельно. Но, получив место преподавателя немецкого языка в Первой саратовской женской гимназии, она уже не могла, как хотела, уйти от мужа: по закону разведенные женщины не имели права преподавать в казенных учебных заведениях. Атмосфера в доме была тяжелая. Я поступила учиться в ту же Первую женскую гимназию. Мама взяла к нам в дом жить учившуюся в той же гимназии дочку своей тети Амалии Федоровны Надю, с которой в те годы я не дружила и часто ссорилась. Зима 1909–1910 годов прошла спокойно.

В первый для мамы учебный год ей были даны младшие классы. Но, увидев ее одаренность, дирекция гимназий на следующий учебный год передала ей все классы — с 1-го по 7-й. На ее уроки часто приходили гости — преподаватели гимназии и других учебных заведений Саратова. 1909–1910 учебный год в Первой саратовской женской гимназии стал началом маминой преподавательской карьеры. Сама мама, вероятно, почувствовав

влечение к научной деятельности, стала выступать с докладами и лекциями для преподавателей.

Папа работал в Крестьянском поземельном банке хорошо оплачиваемым ученым управителем и занимался ликвидацией крупных имений. Мама тоже хорошо зарабатывала. Интересно, что второй домработницей у нас в то время была немка из Поволжья, которая говорила на искаженном немецком языке, поэтому Наде и мне запрещалось с ней говорить по-немецки. Звали ее Анна. Раза два в месяц приезжал ее отец, богатый крестьянин, и привозил нам топленое масло, муку и всякие сладости. Свою дочь он отдал в прислуги не для заработка, а для воспитания в интеллигентной семье.

Лето 1910 года мы провели в Мариенгофе на Рижском взморье с тетей Олей и Чариком. Мама уехала в Германию на курсы преподавателей иностранных языков Берлинского университета, а меня оставили у бабушки. Уже после отъезда мамы тетя Оля взяла меня на Рижское взморье, где я заболела. Из Гродно приехала бабушка ухаживать за мной. С ней мне было хорошо, и на всю жизнь осталось чувство признательности к ней. В августе приезжал папа навестить меня и одновременно на торжества по поводу открытия памятника Петру Первому в Риге, на которых присутствовал Николай II. Тетя Оля с Чариком стояли в первом ряду, а меня не было — болели зубы после кори. Была несчастна — помню ощущение одинокой девочки. Мое письмо с Рижского взморья от 1 июля 1910 года рассказывает о том времени.

Дорогая милая моя мамочка!

Ты, наверное, удивлялась: отчего ни одного письма не получила от меня. Когда я приехала в Мариенгоф, я заболела серьезно. Позвали доктора. Он сказал, что у меня тяжелая ангина и корь. У меня была высокая температура, больше 40. Доктор удивлялся, что такая молодая барышня (тетя Оля) взяла на себя детей, и сказал, что нужно кого-нибудь постарше. Тогда тетя Оля дала телеграмму бабушке, и бабушка на другой день приехала. Бабушка за мной очень хорошо ухаживала. Доктор сначала приходил два раза в день, потом один раз в день, и фельдшерица приходила один раз в день смазывать горло. Сегодня первый день я хорошо себя чуствую. А бабушка еще остается, потому что мне нужно часто есть, много сразу доктор не позволил, потому что у меня слабое сердце и теперь после болезни нужно хорошее питание. Благодаря бабушкиным заботам, я хорошо ем. Чарик слушается меня. Он все время у тети Эльзы. Мне тетя Оля подарила мячики, обруч и ведерко. Я только один раз купалась, а Чарик два раза. Он рад, что бабушка приехала…

Всю ночь я мучилась с зубом и сегодня полдня, пока тетя Оля не принесла капли. Кончаю вчерашнее письмо.

Целую. Рита.

Особенно чувствовала я себя одинокой сразу по приезде в Мариенгоф. Это было воскресенье 3 июля (по новому стилю) 1910 года, в день моего рождения. Мне исполнилось 10 лет, а тетя Оля, занятая кавалерами, забыла меня поздравить и только на другой день, увидев мои слезы, вспомнила о дне моего рождения. Купила игрушки, серсо, пирожные. Но горечь осталась у меня на всю жизнь. На родителей тоже осталась обида — письма и подарки я получила позже.

В ноябре 1910 года умер Лев Толстой. Прекрасно помню этот ноябрьский день, вернее, утро, когда кто-то принес траурную телеграмму. Мама плакала, а я стояла у ее колен на скамейке и не понимала, почему надо плакать по поводу смерти чужого человека.

В июне 1911 года, с заездом к бабушке в Гродно, мама поехала в Марбургский университет на летние курсы и взяла меня с собой. На этот раз мама не училась на курсах, а преподавала, тем самым заработав деньги на отдых в Германии. В августе в Марбург из Парижа приехала Екатерина Яковлевна с Лёлей. И мы все четверо уехали отдыхать на немецкий курорт Шварцвальд.

Мама была строга со мной, может быть даже слишком строга, и я ее очень боялась. С детства она приучала меня к труду: в 5 лет я накрывала стол, вытирала пыль в доме, исполняла ее поручения. Она учила меня музыке, с ней я начала заниматься иностранными языками. Но, как это ни странно, я не любила учиться у нее. Вероятно, ко мне она была чересчур требовательна. Когда я училась у нее в гимназии (первых четыре класса), она никогда не выделяла меня среди других учениц, а, наоборот, была более строга и взыскательна. Хорошо помню, как она меня вызывала к доске, зная, что я накануне не подготовила урока, и ставила двойку. Особенно беспощадно она ставила мне двойки, когда я забывала тетрадь дома. При любом нарушении или непослушании мама смотрела на меня таким мрачным взглядом, что я готова была провалиться сквозь землю. Помню, как однажды она увидела меня на переменке в гимназии с плюшкой во рту (нам запрещали покупать что-либо в буфете гимназии, а давали в корзиночке завтрак и какао) и так посмотрела на меня, что я боялась идти домой. Этот страх остался на всю жизнь.

Только уже будучи взрослой, я поняла, какую большую роль мама сыграла в моем развитии и какую огромную заботу она проявляла обо мне. Она научила меня понимать прекрасное в

живописи, музыке, обращать внимание на главное и проходить мимо второстепенного. Она заставила меня пристально смотреть на мир, постепенно расширяя мой кругозор и развивая во мне интерес ко всему новому. А это время и было временем "нового".

Из рассказов маминых друзей знаю, что она была сильно привязана ко мне, но не расточала нежностей, следуя системе детского воспитания, в то время господствовавшей на Западе. Мама поощряла мое детское увлечение игрой в шахматы. Она следила за моим чтением, стараясь приобщить меня к серьезной литературе. Но я, к сожалению, отлынивала и увлекалась повестями Чарской, поглощая это модное чтиво потихоньку от мамы. Сейчас я вижу, как много я потеряла, не следуя ее советам и указаниям.

В 1912 году к нам приехала жить Надина мама (сестра бабушки — Амалия Федоровна) — "тетя", как мы ее звали. После окончания занятий в июне вся семья, включая тетю и Надю, поехала на лето в имение Каракино Кологривского уезда Саратовской губернии, где папа жил как ликвидатор имения и имел право в летнее время пригласить к себе семью. В большом двухэтажном доме внизу расположились мы с Надей и тетей. Наверху была гостиная, столовая и спальня родителей. Вспоминаю, как приятно было бегать по огромному парку, любоваться клумбами с цветами. С удовольствием купались в пруду. Вокруг были красивые леса с озерами, где водилась рыба и где мы всей компанией ловили раков. Случались и ночные прогулки.

Мама все лето работала над своей книгой "Методика преподавания иностранных языков". Она привезла с собой большую библиотеку по философии и иностранным языкам. В Саратов она отправила готовую рукопись, дополнив ее разделом "Пробные уроки", и издательство И.Д.Сытина в Москве приняло рукопись к печати. Мама была переутомлена ночной работой, была бледна, у нее кружилась голова. И в таком состоянии осенью она вновь пошла на работу в гимназию. Хозяйство в Каракине вела тетя Амалия Федоровна.

Среди служащих Крестьянского поземельного банка, подчиненных папе, шли разговоры о ликвидации банка, что грозило папе потерей работы. К счастью, в 1912 году банк не лопнул, но в 1913-м был закрыт и папа остался без работы. Шли разговоры о том, что у папы есть вторая семья. Я в это поверила и страдала.

Летом 1913 года мы вместе с мамой отдыхали на Рижском взморье. Гостили в Мариенгофе у двоюродной сестры мамы Эльзы Мюндель, муж которой был крупным рижским фабрикантом. У

нее гостила и сестра мамы Антонина Яковлевна фон Кретч с сыном Чариком. Мама принимала лечебные серные ванны в Мариенгофе. Мы посетили в Риге и Tanta Flint, сестру моей прабабушки, дочери баронессы фон Бер, жившую в комфортабельной богадельне в Риге. На следующий день после приезда я участвовала в свадебной церемонии другой двоюродной сестры мамы Герты Кноте (младшей сестры Эльзы Мюндель). Она выходила замуж за Н.Н.Луцкого-второго, богатого помещика и промышленника из Ташкента. Под Кокандом у него было большое поместье.

О своих впечатлениях от свадьбы я писала папе 9 июля 1913 года в Симбирск, где он тогда находился.

Дорогой папочка!

В Ригу мы приехали 6-го шюля. На вокзале нас ждали тетя Тоня и Чарик. Экипаж тоже был.

Свадьба состоялась 7-го шюля. Она была роскошной. Я была шаферицей и держала букет тети Терты в церкви. Обед состоял из 15-ти блюд. Чего только не было!.. Точно в сказке… Я была в белом платье. Зовут его Николай Николаевич Луцкой II. Ему 30 лет. Он высокого роста, глаза и волосы черные и ужасно сильный. Когда они стояли в церкви и их венчали, он все время смеялся. Он русский. Живет в городе Коканд, и они уехали в тот же вечер в 11 часов.

Гостей была масса, в особенности молодежи, и было очень весело. Мы имеем здесь две отдельные комнаты. Тетя Оля тоже две и тетя Тоня — одну, но только очень большую. Здесь много ягод. Мы с тетей Олей все время едим ягоды. Погода здесь ужасная — дождь идет и холодно. Целую тебя крепко.

Твоя Рита.

Осенью 1913 года, за год до войны, мы переехали на новую квартиру — на Приютской. Квартира была приготовлена к свадьбе старшей дочери владельца дома Горина, которая выходила замуж за сына М.С.Кузнецова, владельца фарфоровых предприятий "Т-ва М.С.Кузнецова". Однако хозяин дома разорился, и мама сняла эту барскую семикомнатную квартиру с садом и террасой. С младшей дочерью Горина я поступала вместе в приготовительный класс гимназии и сидела за одной партой до отъезда Гориных в Барнаул, где скрывался от кредиторов Горин. В этой большой квартире у нас с Надей были отдельные комнаты, у тети тоже, у родителей — большая спальня, у мамы — свой кабинет, большая гостиная с розовыми шелковыми обоями. В общем, уютная, комфортабельная, интеллигентная квартира. В 1960-х годах мы с мужем были в Саратове и зашли на Приютскую, 42, где некогда я прожила два года и где умерла мама. Мы нашли

почти полностью разрушенный дом и уничтоженный сад. В бывшей нашей квартире: на семи дверях — семь замков. Типичная коммуналка.

Зима 1913–1914 годов прошла спокойно. Папа часто уезжал из Саратова по служебным делам. Мама возвращениями папы домой была недовольна. Я уже училась в пятом классе. Дружила с одноклассницами: Мусей Минкевич, Таней Гамбурцевой, Таней Кедровой, менее с Олей Гаген, Леной Крыловой и Таней Акимовой. Дружба с ними прошла в дальнейшем через всю мою жизнь, особенно с Мусей Минкевич. Училась я хорошо, была первой в классе по математике. Мама говорила, что хочет, чтобы я училась на математическом отделении Брюссельского университета. Я действительно с детства любила решать математические задачи, причем любила больше, чем читать, хотя увлекалась тогда Чарской, Желиховской, Лукашевич.

На лето 1914 года я поехала с тетей и Надей на дачу в Лесную Ниловку (Саратовская губерния). Ко дню моего рождения мама прислала мне письмо, которое я привожу ниже.

Дорогая моя детка!

Поздравляю тебя, дорогая Риточка, с днем твоего рождения и от души желаю тебе побольше удач в жизни, а для этого необходимо приобрести и выработать в себе следующие данные: 1. иметь побольше знаний; 2. поменьше все к сердцу принимать и 3. радостно жить — иметь веселый нрав. С этими тремя принципами прожить уже можно!

Теперь, что касается твоего ближайшего будущего, то этот год по музыке наверстать придется, что было за предыдущие годы упущено: я летом еще пройду к Мме Дроздовой и попрошу ее тебя принять к себе в ученицы; она, говорят, хорошо готовит в консерваторию. Затем, так как V класс — один из легких классов, то французским языком заняться придется, чтобы подогнать. Дай Бог, чтобы я только имела возможность все это провести, а ты уже постарайся время использовать: нужно брать все, что дается в руки, так как вопрос, представится ли эта возможность в дальнейшем. <…>

Сегодня получила письмо тети Амалии — спасибо ей. Из письма узнала, что ты, милая моя, объелась, попросту говоря. Будь осторожней, так как заболеваний следует избегать. Надеюсь, теперь чувствуешь себя опять хорошо?

Да и еще одно, пожалуйста, Риточка, в те дни, когда ты нездорова, ради Бога, будь поспокойней: не бегай, не утомляйся и никоим образом не купайся.

Теперь несколько слов о себе: что-то работается очень плохо. С трудом 16-го отправила 80 страниц корректуры, которая, боюсь,

не безукоризненная: лежат еще 50 страниц. Скоро месяц, что я задерживаю. Совсем не могу взять себя в руки. Спасибо Владимиру Львовичу, который со мной обедает. Стол хорошо накрыт, так что хоть это приятно. В квартире у нас все хорошо убрано. Временами все блестит, как, например, вчера, когда после полотера блестели полы. Сегодня обтирали все двери, окна, печи. Все выбивали, ручки вычищены, так что прекрасно. Это так приятно, когда знаешь, что во всех щелях все чисто — ведь ты это тоже очень любишь. Marie моя очень веселая и старательная, так что она меня иногда веселит. Вообще она приятная прислуга. Молоденькая и славная.

Я нигде не бываю. Это не совсем хорошо… Досадно то, что связана я теперь — уехать на несколько недель уже никуда не могу.

Целую тебя крепко, моя дорогая, а также тетю и Надю.

Твоя мама.

В Лесной Ниловке ходили за ягодами и грибами в лес. Ходили в соседний городок Базарный Карабулак в гости к богатым крестьянам, которые имели свои красильни по окраске ситцевых тканей. Покупали у них ситец и бублики. И вдруг неожиданно в конце июля 1914 года началась война. Тетя — немка. К немцам возникло недоверие у местного населения. В семье появился страх. Мне это было непонятно. Началась всеобщая мобилизация — в деревнях плач, стоны, горе и тут же веселые пляски.

Вот что писала об этом мама 22 июля 1914 года из Саратова своей тете Амалии Федоровне и нам:

Дорогая тетя!

При каких изменившихся условиях писать приходится, и кто бы мог подумать неделю тому назад, что такие ужасы переживать придется.

А папа и мама в самом что ни на есть очаге могут очутиться[3]*. Хотя мирные города бомбардировать и не будут, но война есть война, и для нее законы не писаны.*

В общем, мы являемся вдвое страдающими, так душа за всех скорбит. Обвинять кого бы то ни было и изрыгать громы негодования, злобы и ненависти человеку культурному, понимающему, что войны, создаются в тиши дипломатических кабинетов без всякого участия в этом народов, которые вопреки своим чувствам, желаниям и воле, голову свою безропотно положить должны на плаху кумира войны, конечно, невозможно.

Судить при таких условиях, кто прав, кто виноват, крайне трудно, даже невозможно. История только в будущем скажет в этом смысле свое слово и осветит то, что сейчас так темно и непонятно для нас, ближайших участников всего этого! Остается одно — спокойно и молча исполнять долг свой по отношению к

страждущему человечеству и родине своей.

Дорогие Рита и Надя! Обращаюсь к Вам и прошу Вас вникнуть в то, что я только что высказала — для Вас это особенно важно, так как Вам, к сожалению, приходится слышать, возможно, совсем обратное. Не забывайте, что большинство людей стоит еще на довольно низкой ступени развития, в особенности в окружающей нас среде. Они не могут схватить настоящий момент в его развитии. Они питаются исключительно фантазиями газет, которые лучше и не читать, до того недостоверно почти все, чем они наполняются. Эти люди купаются теперь в разжигаемых в них чувствах ненависти и злобы (это тоже политическая уловка: подымать дух, долженствующий убивать других). Не поддавайтесь всему этому. Оставайтесь спокойными, даже когда вокруг Вас жаркие споры раздаются. В особенности ты, Рита, и помните одно — Господь Бог сказал: "Не убий!" Этим сказано все. Никогда, ни при каких условиях убивать никого нельзя! Культурное человечество, христианское человечество свои споры должно решать иным путем.

Горе нам за то, что приходится жить в эпоху, еще не воспринявшую вполне эту идею. (Есть только отдельные личности и группы, поднявшиеся на эту ступень развития.) Те же, которые чувствуют себя созревшими для восприятия этих идей, воспринимают их и по мере возможности тихо и спокойно, но неотступно и твердо проводят их в жизнь. Надо твердо идти своим путем, широко раскрывая сердце всем страждущим в настоящий момент. Всех их объять одним чувством любви и сострадания, помочь где и как возможно. Вот задача всех, в особенности детей!

Что касается пребывания Вашего на даче в Лесной Ниловке, то не нарушайте его, пока воздух и все остальное Вам идет на пользу…

Целую Вас крепко. Ваша Лёра. Тебя, Ритуля, крепко целует мамуля. Папа тоже крепко целует.

Со страхом выехали с соседями Нейфертами ночью в Саратов. Но все обошлось. Утром приехали в Саратов, и мама встретила нас с упреком — "зачем вернулись?" Оказывается, в эти дни произошел окончательный разрыв между родителями. Я была на стороне папы, хотя молчала. Папа ушел из дому и стал работать проректором по хозяйственной части Саратовского университета и жить в университете. Я к нему ходила и жалела его. Первые месяцы войны и осень в гимназии были очень неприятным временем для меня.

С первого дня войны на маму посыпались неприятности. Шовинистически настроенный директор Первой саратовской

женской гимназии и Первого саратовского реального училища Александров тотчас отдал приказ о ликвидации специальности "преподаватель иностранного языка" в восьмом педагогическом классе. Записавшихся на эту специальность было много. Они и их родители не хотели бросать обучение и требовали пересмотра решения директора. Мама обратилась во все инстанции, а также в Казанский учебный округ Министерства народного просвещения. Но все молчали и ответа не давали. Александров, воспользовавшись этим, свой приказ не отменил. В то же время некоторые преподаватели гимназии, недолюбливавшие маму, главным образом из-за нового метода ее преподавания, и охваченные патриотическим угаром, поддержали реакционные настроения директора и очень обидели маму.

Она вынуждена была расстаться с любимой гимназией, тотчас получив предложение прогрессивно настроенного профессора Лазанова, директора Второго саратовского реального училища, перейти на работу в училище.

Вся гимназия провожала маму со слезами, все основные классы, где она преподавала, снялись с ней на большого формата фотографии (фотография сохранилась у меня). Всего три месяца мама проработала в мужском учебном заведении. Работать педагогом женщине среди мальчиков всегда было трудно, а маме после женской гимназии особенно. Я помню, в каком состоянии приходила она домой в первый месяц. До тех пор я никогда не видела ее в таком угнетенном состоянии. Всегда скрытная в своих чувствах, на этот раз она не смогла скрыть своего отчаяния — первое время ей трудно было совладать с недисциплинированными мальчишками, усмирить их грубость и проказы. Однако, благодаря педагогическому таланту, она сумела обуздать мальчиков. Через месяц ученики стали неузнаваемы: в ноябре в классе была тишина, мальчики преобразились под ее влиянием и с интересом работали на ее занятиях, а к концу 1914 года относились к своему педагогу-женщине с уважением и даже с обожанием.

Осенью 1914 года последним пароходом приехала из Парижа Екатерина Яковлевна Кестер с дочерью Лёлей. Приехали они в Россию как русские подданные. Лёле было 10 лет и по-русски она не говорила. Ссориться с ней я начала с первого же дня, хотя мне было 14 лет. У Лёли с детства был несносный характер. Целыми вечерами мама и Екатерина Яковлевна планировали будущее школы, которую они хотели создать, обсуждали новую прогрессивную программу обучения и возможности покупки продававшейся в то время Третьей саратовской женской гимназии Храмцовой. Из планов ничего не вышло — не хватило денег, да и

не было у мамы здоровья: последнее лето без отдыха, разрыв с папой, корректура книги, вечерние уроки с гимназистками (одной из учениц тогда у мамы была Нелля Пташкина — будущий автор знаменитого дневника времен революции и гражданской войны, погибшая в 1923 году во Франции).

Приезд Лёли и Екатерины Яковлевны еще больше осложнил обстановку: они поселились у нас в доме. Денег не хватало. Заложенные еще папой вещи в ломбарде пропали. Несмотря на болезнь и трудности домашней жизни, мама отдала нашу гостиную под лазарет для раненых. На последние деньги покупались железные кровати, матрацы, подушки, полотенца и т. п. В доме устроили швейную мастерскую, где кроилось и шилось белье для госпиталя. Об этом добром жесте мамы было сообщено в газетах с благодарностью. Однако открытие лазарета так и не состоялось из-за тяжелой болезни и преждевременной смерти мамы.

Смерть родителей

На новый 1915 год мама устроила для меня, Нади и Лёли первый вечер с мальчиками. Помню, поздно ночью, когда все уходили и мы с мамой стояли рядом у белой кафельной печи, руки за спину, все говорили, что это две сестры, а не мать с дочерью: мама — очень бледная в белом шерстяном платье, а я — в голубом.

2 января рано утром мама потеряла сознание. Вызвали врача, уложили ее в постель. Больше она не вставала. Лечил ее доктор Кушев, лучший саратовский врач, дочери которого учились у мамы в гимназии. Приезжал из Москвы консультант, профессор Киреев. С самого начала определили диагноз — злокачественное малокровие. Тогда эту болезнь лечить не умели. Было несколько консилиумов, но безрезультатно. Ухаживать за мамой приехала бабушка из Гродно. Тогда же из Киева приехала тетя Оля. Она заменила маму во 2-м реальном училище, чтобы маме не лишиться заработка, и все три месяца маминой болезни материально поддерживала семью. Папа был на фронте. Сбережений не было. Наступило тяжелое время. Мама почти не разговаривала и с каждым днем слабела.

Неожиданно в марте, за месяц до маминой кончины, приехал папа. Был тяжелый разговор с мамой, знаю, что обсуждалась и моя судьба. После папиного отъезда мама мне сказала: "Если я выживу, то с твоим отцом жить не буду. Тебе пятнадцатый год — решай сама, с кем останешься?" Я так и не ответила, протестуя против обоих. Позже я слышала, как бабушка сказала тете

Амалии, что папа болен тяжелее, чем мама (у него было больное сердце), и "что же будет с Ритой?"

Все три месяца болезни мамы раздавались беспрестанные звонки у парадной двери — справлялись о здоровье мамы, старались помочь, сочувствовали… Мама была безучастна, никого не принимала, ни с кем не разговаривала и медленно сгорала.

За несколько дней до смерти мама позвала к себе пастора (по рождению она была евангелическо-лютеранского вероисповедания) и попросила похоронить ее без церковного обряда. Мама всегда была атеисткой, папа тоже. И я не обратила бы на эту просьбу мамы внимания, если бы после похорон не было по адресу мамы много толков и нареканий. Но люди, близко знавшие маму, говорили о ее передовом мышлении, об ее уме, о демократичности, о смелости пойти против тогдашнего общественного мнения. Последние слова мамы к бабушке касались меня: "Риту не оставьте без помощи…"

В ночь на 10 апреля (по старому стилю) 1915 года мама умерла на руках у бабушки. Похороны были гражданские, без священника, несмотря на просьбы бабушки и окружающих. Было воскресенье следующей после Пасхи недели. Стояла оттепель. Вся гимназия и реальное училище присутствовали на похоронах. Стояли в доме и на улице. Всю длинную дорогу от дома до Лютеранского кладбища гроб несли поочередно преподаватели и старшеклассники. Была масса живых цветов, много металлических венков. От меня венок — крест из незабудок (металлический), который долго оставался на могиле. Саратовская центральная газета "Саратовские ведомости" дважды поместила некрологи о жизни и деятельности мамы. Некролог известного петербургского лингвиста Л.Милициной я уже приводила выше.

Мое отношение к маме было сложным. Все вокруг уважали ее, и это не могло не сказаться на моем отношении к маме. Но моя любовь была своеобразна. Когда девочки, как я уже говорила, завидовали мне, что она моя мама, я, в свою очередь, завидовала им — мне хотелось иметь маму, которая ласкала бы меня, хвалила, давала бы мне две копейки в карман на плюшку и вообще была бы той простой мамой, как у моих подружек Когда мама умерла, я не испытала того ужасного горя, которое испытала через год, когда умер папа. Однако на протяжении всей жизни я была благодарна маме за все то хорошее, что она дала мне за свою короткую жизнь, что вложила в мою душу, в мое развитие. Я благодарна маме за то, что она приучила меня высоко ценить знания. Годы без родителей до моего замужества (1924 год) были самыми тяжелыми в моем становлении. Окончив

гимназию и уйдя от опекавших меня теток, я с семнадцати лет самостоятельным трудом создала свою жизнь. И этим я обязана моей маме.

Папа на похоронах мамы не присутствовал, так как о ее смерти ему сразу сообщить не могли — он был в действующей армии и в тот момент его местопребывание было неизвестно. Папа приехал в Саратов в мае и очень плакал: он любил маму, а мама его временами ненавидела. Я страдала от непонимания случившегося и соболезнований окружающих. Но смерть мамы не произвела на меня сильного впечатления. У меня оставались папа, бабушка и тетя Амалия. Решили, что я буду жить с тетей, пока в нашей квартире.

Родственники — мамины сестра и брат — были очень внимательны ко мне, помогали духовно и материально.

Папа, в то время полковник интендантской службы, был в далеком Закавказье. Будучи уполномоченным Военного ведомства, он руководил заготовкой фуража для действующей армии в красивейшем месте Кавказа — Царских колодцах. Его штаб располагался в крепости царицы Тамары в Царских колодцах в Алазанской (Кахетинской) долине, где до войны стоял Драгунский Тверской полк, а во время войны находились военные фуражные склады. В письмах ко мне папа часто описывал красоту этих мест.

Дорогая моя, милая Риточка!

Поздравляю тебя, моя ненаглядная дочурка, с днем твоего рождения. Желаю тебе всего хорошего, много счастья в будущей жизни, успеха в науках и, главное, доброго здоровья.

Теперь тебе уже 15 лет, и ты у меня уже большая, умная, рассудительная и многие жизненные вопросы можешь самостоятельно решать и ориентироваться в них. Будь тверда в жизни, следуй всему хорошему и благородному, отстраняйся от того, что твой внутренний голос считает нехорошим, старайся познать, т. е. отличить дурное от хорошего, читай хорошие книги избранных писателей, в которых ты почерпнешь и познаешь житейскую премудрость, и ты создашь себе красивую и приятную жизнь. Не теряй напрасно времени на чтение книг без всякого разбора по содержанию таковых. Это напрасная трата времени, и помни, что книга плохого содержания оставляет на юной душе плохой отпечаток, а хорошая — хороший отпечаток.

Напиши мне, пожалуйста, подробно, как ты провела все это время после моего отъезда. Я очень скучаю и хотел бы возможно чаще получать от тебя письма.

Как вышли фотографии? Пришли мне одну фотографию заказною бандеролью в Холм. О высылке остальных я сообщу тебе.

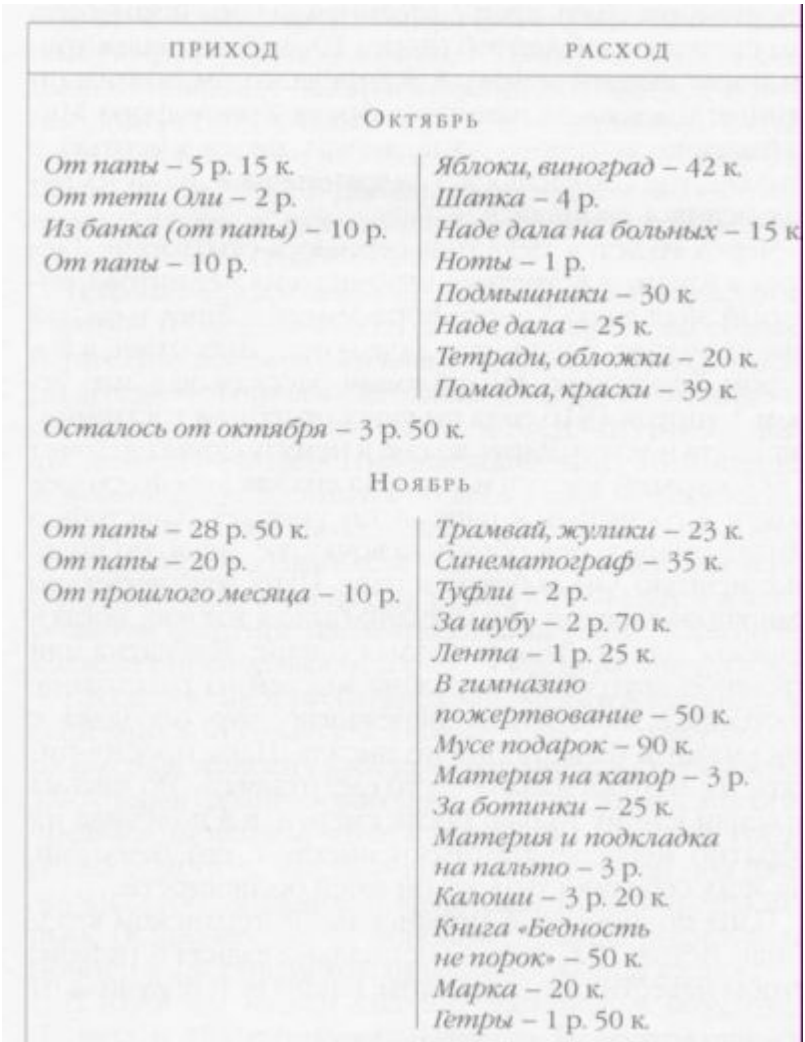
По военным обстоятельствам пока нахожусь в Холме. Если переведут в другой город, напишу. Тете и Наде привет. Тебя крепко, крепко целую.

Твой любящий папа.

P.S. Тете Амалии переведено по почте на твои расходы 125 рублей, и посылаю заказное письмо.

После смерти мамы, еще в 1915 году, по решению семьи с маминой стороны меня взяла под неформальную опеку тетя Амалия. Мы с тетей Амалией, Надей, бабушкой и приехавшим после ее отъезда в Гродно дедушкой Яковом Федоровичем Кноте продолжали жить в нашей квартире, которую папа оплачивал. Постепенно началась ликвидация нашего имущества. Многое продали. Кое-что из приданого моей мамы осталось, и в 1921 году я перевезла все в Москву. До сих пор мы любуемся старинным (начала XIX в.) буфетом из дуба с очень красивой резьбою — память о далеких предках фон Бер. Хотя я и перестала играть, но с любовью смотрю на мамино пианино, в котором когда-то затерялось мамино обручальное кольцо. К сожалению, старинный книжный шкаф из орехового дерева после моего ухода на пенсию пропал из ВГБИЛ, куда я его в 1964 году передала для редких книг. Так стало распадаться мамино саратовское семейное "гнездо". После смерти мамы связь между членами семьи начала прерываться, а революция эту связь оборвала навсегда — члены когда-то большой и дружной семьи рассыпались по разным уголкам нашей планеты.

Зима 1915–1916 годов прошла спокойно. Тетя Амалия была ласкова и заботлива ко мне. О своем будущем я серьезно не задумывалась: много играла на пианино, занялась поэзией (переписывала стихи Надсо-на, Тютчева, Фета), ходила на каток, дружила с девочками, которые относились ко мне с жалостью, и я принимала это как должное. Летом 1915 года я много времени гостила на даче у Муси Минкевич, моей лучшей подружки. В общем, жила довольно самостоятельно. Вела свою бухгалтерию. Узнала, что такое подвести баланс. Вот выдержки из сохранившейся моей "Conto-Buch" ("Конторской книги") за 1915 год:



ПРИХОД	РАСХОД
Октябрь	
От папы – 5 р. 15 к.	*Яблоки, виноград* – 42 к.
От тети Оли – 2 р.	*Шапка* – 4 р.
Из банка (от папы) – 10 р.	*Наде дала на больных* – 15 к.
От папы – 10 р.	*Ноты* – 1 р.
	Подмышники – 30 к.
	Наде дала – 25 к.
	Тетради, обложки – 20 к.
	Помадка, краски – 39 к.
Осталось от октября – 3 р. 50 к.	
Ноябрь	
От папы – 28 р. 50 к.	*Трамвай, жулики* – 23 к.
От папы – 20 р.	*Синематограф* – 35 к.
От прошлого месяца – 10 р.	*Туфли* – 2 р.
	За шубу – 2 р. 70 к.
	Лента – 1 р. 25 к.
	В гимназию пожертвование – 50 к.
	Мусе подарок – 90 к.
	Материя на капор – 3 р.
	За ботинки – 25 к.
	Материя и подкладка на пальто – 3 р.
	Калоши – 3 р. 20 к.
	Книга «Бедность не порок» – 50 к.
	Марка – 20 к.
	Гетры – 1 р. 50 к.

1916 год — самый тяжелый год в моей жизни. 1 апреля в Тифлисе от болезни сердца умер папа. Его смерть потрясла меня и заставила осознать всю будущность круглой сироты, ведь после смерти мамы я была окружена вниманием папы, тети Амалии и подруг. Да и материально была обеспечена.

В день смерти папы, 1 апреля 1916 года, это было в пятницу накануне Пасхи, я шла домой после занятий в гимназии. Был солнечный весенний день. Голубое небо, тает снег, текут ручейки. И вдруг я заплакала: представилось мне мое будущее "кухарки" — другого выхода я не видела. Дома тетя стала утешать меня, предложила снять креп с весенней шляпы и заменить его светло-серой лентой (через 10 дней кончался траур после смерти мамы). А 3 апреля утром почтальон принес письмо от папиного брата Христофора Михайловича, которого папа вызвал перед смертью в

Тифлис, где сообщалось о смерти папы: "…на моих руках бедняга скончался…"

Через 16 лет, в 1933 году осенью, в санатории "Гаспра" в Крыму я встретила инженера из Чернигова, который знал дядю Христофора Михайловича, и он дал мне его адрес. Я написала дяде и получила ответ, в котором Христофор Михайлович рассказывал, что утром 1 апреля 1916 года он ушел от папы в гостиницу, лег спать и уснул. Вдруг во сне к нему подошла девочка с белокурыми косами и умоляла его как можно скорее пойти в госпиталь к папе — он умирает. Христофор Михайлович хотел обнять девочку, т. е. меня, но видение исчезло. Он побежал к папе. Папа действительно умирал со словами обо мне. Это было в тот час[4], когда я плакала, идя по базару и думая о папе. Телепатия или что-либо другое? Но передача мыслей на расстояние состоялась. Всю жизнь переживаю, что опоздала с письмами к папе. Долго не писала. Папа просил писать, и с марта я начала часто ему отвечать. Но письма пришли к нему только после смерти, и я получила их обратно нераспечатанными вместе с его бумагами. Не могу себе простить такой моей беспечности!

Папа похоронен в Тифлисе на Лютеранском кладбище. Летом 1927 года я специально ездила в Тифлис, чтобы навестить могилу папы, нашла ее и получила от кладбищенского привратника справку о месте захоронения папы.

В мае-июне 1916 года в Саратов съехались все родственники по маминой линии: Яков Яковлевич из Одессы, Ольга Яковлевна из Киева, Антонина Яковлевна из Коканда. Они обсуждали, как мне жить дальше, и решили отказаться от завещания папы в отношении моего опекунства дядей Христофором Михайловичем, договорились, что я буду жить у тети Екатерины Яковлевны, которая в конце 1915 года все же открыла в Саратове Высшие курсы иностранных языков Е.Я.Кестер в шестикомнатной квартире на Немецкой ул., 21, что тетя Антонина Яковлевна станет оплачивать преподавателя музыки в консерватории, а дядя Яков Яковлевич — все расходы на мою одежду и личные мои расходы. Таким образом, материально я была устроена, но о том, что мне нужна и душевная забота, никто не подумал. Я должна была жить у нелюбимой тети, которая в дальнейшем эксплуатировала меня самым бессовестным образом.

Тетя Оля предложила приглашать меня на лето на Украину, и уже лето 1916 года я провела в семье ее мужа Юрия Николаевича Москаленко. Семья была большая: родители — Николай Яковлевич и Мария Матвеевна, два сына — Юрий Николаевич и Василий Николаевич, две дочери — Мария Николаевна и Анна Николаевна, первый и единственный в то время внук — Сережа

Королев, сын Марии Николаевны, и две няни — Анна Ивановна и Варвара Ивановна Марченко. В Киев они переехали из Нежина после разорения в 1914 году и жили в большой квартире на Некрасовской улице. Юрий Николаевич преподавал историю, а Василий Николаевич — русский язык и русскую словесность в Александровской мужской гимназии в Киеве, а две сестры учились на Высших женских курсах — готовились стать преподавателями французского языка. Ольга Яковлевна преподавала немецкий язык в женской гимназии. Интересно отметить, что ее ученицей, с которой она даже дружила (обе молодые и красивые), была Милица Корьюс (в замужестве) — исполнительница роли Карлы Доннер в американском фильме "Большой вальс".

В Киев мы плыли сначала пароходом компании "Кавказ и Меркурий" до Нижнего Новгорода, затем ехали поездом через Москву в Киев. На том же пароходе ехал настоятель храма Христа Спасителя в Москве. Он внимательно наблюдал за мною. Я это видела. В конце поездки он сказал тете Оле, что "из этой девочки в жизни выйдет толк". Мне было 16 лет, и, узнав его мнение, я поднялась в своих глазах.

В Москве мы на сутки остановились в номерах на Никитском бульваре. Я впервые была в Москве. Мы посетили Третьяковку. Большое впечатление произвела на меня картина Репина "Иван Грозный и сын его Иван".

В Киеве мы с тетей пробыли недолго и поехали отдыхать на хутор Плюты, который расположен на Днепре, ниже Киева. Там находилась летняя гимназическая колония — интернат мужских гимназий Киева. Заведовал этой колонией Юрий Николаевич. Погостить в Плютах на лето он взял меня и своего племянника Сережу Королева, будущего академика[5].

Когда мы с тетей Олей приехали в Плюты, Юрий Николаевич снял на одной из дач по соседству с интернатом комнату с террасой, в которой поселили меня и Сережу. Понятно, что мне как старшей полагалось присматривать за мальчиком, меня же тянуло к подружкам, к сверстникам. Однако обязанности есть обязанности, и я добросовестно их исполняла. Сережа казался мне трудным подопечным: авторитетом я для него не была, он был упрям, настойчив и несговорчив и вообще послушанием не отличался. Вечно я искала его в саду и в лесу и с трудом находила где-нибудь в невероятных чащах и зарослях. Особенно трудно было найти его по вечерам: он постоянно где-то прятался, а в сумерках не так просто искать. Мне всегда казалось, что он делает это нарочно, чтобы досадить мне и напугать, но я удивлялась, как он сам не боялся темноты. Здорово попадало мне

от тети из-за того, что я вовремя не приводила его к обеду или к ужину и сама запаздывала. Не раз я втихомолку плакала из-за него. Но вот подошли к концу оживленные и интересные летние каникулы, и осенью я возвратилась в свой Саратов к "злой тетке".

Одиночество. Борьба за самостоятельность

Училась я в гимназии в 7 классе хорошо, хотя учить уроки было некогда — много работы было на Курсах и по дому. После приезда переписывалась с мальчиками из интерната, в том числе с Васей Пехуром. В одном из писем он спрашивал меня, "гадают ли у Вас на святки об имени суженого". В январе 1917 года я действительно гадала и написала ему правду: "Вася". А было это так: после 12 часов ночи мы, девочки, собрались у моей подруги Иры Сабанеевой, выскочили на мороз и побежали вверх по Никольской улице, завидев там стоявшего извозчика. Я быстро бегала (даже брала призы) и первая спросила его имя. Извозчик спросонья сказал: "Василий". После этого письма наша переписка с Васей Пехуром прекратилась. Когда я, будучи уже взрослой, рассказывала об этом мужу Василию Николаевичу и сыну, они не верили. И вот недавно среди старых писем я нашла письмо Пехура и была счастлива доказать, что это была не выдумка, а действительность.

Я увидела Василия Николаевича Москаленко в первый день приезда в Киев. Конечно, сразу влюбилась. Уж очень он был красив. Василий Николаевич, будучи 27-летним холостяком, на меня, 16-летнюю девочку, не обратил внимания. Но я, вернувшись в Саратов, хвалилась перед подружками — рассказывала, что у меня роман, что я обручилась, а мать его благословила, и что он вот-вот приедет, или я уеду к нему. Но революция и годы гражданской войны разлучили меня надолго с Киевом. И следующая встреча состоялась только в 1921 году.

Осенью 1916 года умер дедушка Яков Федорович Кноте. Вновь съехались в Саратов все дети (кроме Антонины Яковлевны из Коканда). Похоронили дедушку рядом с мамой в стальном гробу, чтобы после войны перевезти в Гродно. Но помешала революция: Гродно стал польским, а в 1924 году Лютеранское кладбище в Саратове было ликвидировано, и на его месте построен завод и дома. Из-за военных действий сообщить в Гродно бабушке о смерти дедушки не было возможности. Она узнала об этом гораздо позже.

1916 год был самым тяжелым для меня еще и потому, что во мне все больше укреплялось чувство, что родственники меня кормят, учат, одевают из милости и я им всем обязана. Я помню,

что на следующий день после того, как я узнала о смерти папы, в моем сознании укоренилась мысль, что я должна стать для родственников кем-то вроде "кухарки", бесплатной прислуги, и я взялась за это дело сама, без принуждения старших. Еще живя в мамином доме с тетей Амалией Федоровной, я вставала в 6 часов утра и бежала на базар за молоком, хлебом, овощами и фруктами, потом — в гимназию, а после уроков убирала комнаты, стирала… Тетя одобряла мои старания, хвалила меня и не запрещала. Но когда с осени 1916 года я начала жить у тети Екатерины Яковлевны, мой труд не только принимался как должное, но и понуждался.

Зиму 1916–1917 годов никогда не забуду — не только базар, стирка, уборка, но и топка печей сырыми дровами, которые никак не загорались. А главное, расклейка объявлений по городу о приеме на Высшие курсы иностранных языков Е.Я.Кестер. Помимо всего, меня охватывал ложный стыд — как бы меня не увидели подружки и знакомые мальчики. Приходилось расклеивать по ночам. Иногда было очень страшно — иду одна по глухим и пустым улицам с ведром и ящиком, вдруг вдали фигура, я прячусь в подворотню и жду, когда незнакомец пройдет. И так всю зиму.

Несмотря ни на что, я много читала (Тургенев, Толстой, Гюго, Диккенс, Додэ, Ауэрбах, Шпильхаген, Островский, Алтаев, Писемский, Шекспир, Ростан, Лагерлёф), увлекалась музыкой, но тетка на концерты не пускала. Приходилось хранить вечернее платье у подруги Муси Минкевич: я притворялась, что ложусь спать, а на самом деле потихоньку, через черный ход, бежала к Мусе, переодевалась и бегом в консерваторию. И так же назад. Не попалась ни разу.

Я была большой любительницей классической музыки, несколько лет занималась на фортепиано в Саратовской консерватории. В моей "Conto-Buch" за 1916 год записано посещение множества концертов известных музыкантов, в основном пианистов — Сливинского, Розенберга, Скляревского, Эмиля Фроста, Сперанского и др. Из-за концерта знаменитого пианиста Боровского я пропустила Февральскую революцию 1917 года. А дело было так. У меня не было билета, и, чтобы попасть на концерт, я после занятий в консерватории заранее спряталась в туалете концертного зала и стала ожидать прихода публики. Жду, жду, а в туалет почти никто не заходит. Наконец терпение мое кончилось, я вышла в фойе, а там тоже почти никого нет. Зал полупустой. Нервно прослушала первое отделение. Концерт закончился рано. Пошла на выход. На мой вопрос, почему зал полупустой, швейцар ответил: "Девочка, да откуда ты свалилась?

Какой там концерт! Революция!" Это было 27 февраля 1917 года. Я вышла на Немецкую улицу (самый центр Саратова), она была полна народа. Все с красными бантами в петлицах, и все кричали: "Свобода! Свобода! Долой царя! Долой войну! Хлеба!" Все обнимались, целовались. Я поняла серьезность положения — свершилась революция.

Но жизнь продолжалась. Ходила в кино. Смотрела фильмы с Верой Холодной, Иваном Мозжухиным, Анной Павловой (кинофильм "Роман балерины") и другими знаменитыми артистами.

В то время я особенно подружилась с Мусей Минкевич, дружба с ней прошла через всю нашу жизнь. Мои дети называли ее тетей Мусей и относились как к родному человеку. Большинство окружающих считали ее нашей родственницей — так сильна была наша близость. Муся (Мария Васильевна) происходила из семьи потомственных дворян, была очень красива, отличалась тонкими чертами лица и аристократичностью облика. Она окончила Саратовский университет и преподавала там английский язык. Личная жизнь ее долго не складывалась. В начале 1930-х годов она вышла замуж за артиста Саратовского драматического театра И.М.Мочалова. Две ее дочери — также преподаватели английского языка в Саратове и Ленинграде. Одна девочка носит мое имя — Маргарита, другая имя Мусиной сестры — Нина.

Наша дружба началась еще в дошкольном возрасте и не прекращалась ни разу за нашу жизнь, при том, что я жила в Москве, а Муся в Саратове. Встречались мы очень редко: Муся иногда приезжала в Москву, мы заезжали в Саратов, путешествуя на пароходе по Волге. Единственное многомесячное пребывание всей семьи в Саратове у Муси было связано с эвакуацией из Москвы во время войны.

Наша переписка началась с записей в гимназические альбомы, где мы писали об отношении друг к другу и о нашем будущем. В дальнейшем, живя в разных городах, мы регулярно переписывались. Будучи в командировках, я одновременно с письмами домой писала Мусе. Переписка окончилась только со смертью Муси в 1979 году. По моим письмам к Мусе можно проследить всю мою личную и служебную жизнь. В дальнейшем я часто буду обращаться к этим письмам, которые Муся передала мне перед смертью. В 1917 году Муся в моем альбоме написала только два слова: "Ритушка!.. Муся", ведь мы действительно понимали друг друга без слов. Всю жизнь.

Еще я дружила в двумя Танями — Таней Гамбурцевой и Таней Кедровой. Обе они происходили из известных саратовских

дворянских семей. Отец Тани Гамбурцевой был одним из руководителей рязанской железной дороги, а Тани Кедровой — главным саратовским полицмейстером.

Таня Гамбурцева, так же как и я, в начале 1920-х годов уехала из Саратова в Москву, и наша дружба прошла через всю жизнь. Однако близости, граничащей с родственностью, как с Мусей Минкевич, не было. Это были ровные дружеские взаимоотношения. Мне было приятно, когда ее дочь, Таня Агафонова, в середине 1970-х годов взяла у меня интервью для газеты "Комсомольская правда", в котором позволила мне довольно свободно говорить и выйти за чиновничьи рамки тогдашних интервью.

Моя гимназическая дружба с Таней Кедровой продолжалась и в Москве, куда она переехала с мужем, художником Борисом Зенкевичем, братом поэта-акмеиста Михаила Зенкевича. Борис Зенкевич, полностью отвергая советскую власть, уехал с женой в Абрамцево под Москвой. Они жили там в абсолютном затворничестве, бедствуя материально. Михаил Зенкевич сотрудничал с моей Библиотекой и даже одно время жил в ее помещении в Денежном переулке в Москве. В моем гимназическом альбоме Таня написала: "Желаю тебе развить в себе твердый характер, не кукситься, не приставать с пустяками и быть менее наивной. Не сердись на меня за мою грубость. Помни, что "кто в глаза бросает правду смело, тот друг""…

Несмотря на то что у меня были любимые подруги, я была очень одинока: родителей нет, тетя Екатерина Яковлевна всегда занята Курсами и преподаванием, а двоюродная сестра Лёля — взбалмошная девочка, духовно мне чуждая. С тех пор я всю свою жизнь больше всего боялась одиночества. Вероятно, поэтому я начала вести дневник в виде писем к родителям. (По сути дела, я продолжала вести дневник моей мамы, который она начала писать еще в Белостоке в 1901 году, но, сделав несколько записей, бросила его.) Я вела его очень недолго — в течение первой половины февраля 1917 года. Затем революционные события, переезд в Москву, создание Неофилологической библиотеки в Москве полностью оторвали меня от дневника, и только в октябре 1923 года в Москве я вернулась к нему, сделав одну-единственную последнюю запись. Вот некоторые мои записи:

г. Саратов, 2-го февраля 1917 г.

Этот первый дневник посвящаю моим незабвенным родителям: папочке и мамочке. Милые, я Вам каждый вечер молюсь, говорю все, что я делала днем, и это будет все написано, мои дорогие, хорошие… Простите меня…

г. Саратов, 9 февраля 1917 г., 8 час. вечера

Неужели мне именно сегодня предстоит продолжить эту тетрадь моей милой, дорогой и незабвенной мамуленьки. Давно я хотела писать, но считала себя как-то недостойной писать здесь, хотя не думаю, чтобы и сегодня мое мнение относительно этого поменялось- Нет! Я считаю себя такой же, как и раньше, но начать другую тетрадь, значит эту бросить, а так, открывая ее, первое, что попадается в глаза — это несколько страниц маминого прошлого, и я думаю, что, если бы мамочка знала, что я сейчас пишу, она ничего не имела бы против этого, а наоборот, была бы рада, моя милая, недосягаемая мамочка… Вот идеал женщины, к которому я стремлюсь, но., это тщетная попытка, которая, к моему несчастью, неосуществима. Боже, быть хоть немного похожей на нее, это счастье!!!

Сегодня у меня настроение убийственное. Уже с утра я поссорилась с Лёлей, с этой злой и взбалмошной девчонкой, как она мне много отравляет счастливых часов моей только что начинающейся юности. Хотя, что я говорю "счастливых", теперь у меня никогда их не будет, разве когда я буду жить одна. Сейчас, например, сижу и пишу, а Лёля все время вертится около, так ей хочется посмотреть, что я пишу… И так все время, все время. Буду продолжать, что было сегодня, а то уже очень увлеклась…

В 12 часов пришла Надя и утащила меня к себе… Надю не узнать. Мамуленька, папочка, если бы Вы ее увидели… как может перемениться человек… На Курсы она совсем рукой махнула… Сегодня идет на вечер в коммерческое училище, там будут ее верные рыцари, что ей желать лучшего!!! Увлекающаяся Надя находит в этом счастье, ну и пусть себе, ведь ей 17 лет. Как раз возраст… Я так пишу, что можно подумать, что я сама 70-летняя старуха… Но нет, у меня насчет этого мнение другое: все время веселиться — это ерунда, человек создан не для того, но если с другой стороны взять, для чего же создан тогда человек? Какая, например, у меня цель жизни? Вот вопрос, на который трудно ответить, но как-нибудь потом отвечу <".>

10 февраля. 10 час. утра

Сегодня масленица. Как не похожа на все предыдущие… Нет Вас, мои папочка и мамочка. Ведь это первая масленица без Вас, мои милые. Сегодня встала как будто бы в хорошем настроении, помирилась с тетей Э. Хотим с Лёлей идти в синематограф на "Ледяной дом". Сейчас Лёля играет мою пьеску для фортепиано. Прелестная она, такая изящная и не особенно трудная. Через час я буду ее учить, а сейчас пойду заниматься словесностью — Пушкиным.

9 час. вечера

Настроение опять ужасное, кажется, хуже вчерашнего, а во всем виновата эта капризная Лёля. Скоро ли я дождусь того времени, когда буду без нее…

<_>

11 февраля. 6? час. вечера Сижу сейчас одна, тетя Э. ушла к парикмахеру. Лёля делает примочки, у нее страшно опухли глаза, потому что полдня ревела, а сегодня вечером — вечер на Курсах. Утром встала в ужасном настроении, но теперь хорошее, с тетей и Лёлей помирилась. Был и сегодня опять блины, но я очень торопилась в театр, что не до блинов было… В театре было бесподобно! Играли лучшие артисты: Слонов, Жвирблис, Гринев, Рудина, Астахова, Смирнов, Смирнова и др. Какой был Слонов!!! Пьеса была "Соколы и вороны", по содержанию чудная… Как все на свете бывает, виновные счастливы, невиновные в Сибири! Какая несправедливость!!!

12 февраля. 1 час дня Никак не могла вчера поделиться с Вами, милые мамочка и папочка, моими мыслями. Как было вчера чудно, только Вас не было, мои хорошие… Надела я черную юбку-клеш, кофточку в голубенькие полосочки и туфли с тонкими чулочками. Кажется, была ничего себе. Лёля надела свое новое синее платье и новые туфли; выглядела хорошо, только глаза опухли: еще бы — полдня она ревела… и из-за чего, из-за того, что тетя Э. на каток ее не хотела пустить; конечно, у нее страшно голова разболелась и она рано ушла спать. Тетя Э. была в черной из тафты юбке и шифоновой кофточке. Вид у нее был хороший. Надя была в голубенькой шелковой кофточке и в синей юбке-клеш, тоже хорошо выглядела. Р.Ф. была восхитительна: на ней было очень простое, но изящное платье зеленого цвета. Большей частью я была с ней, очень ее заинтересовало мое отношение к ней и мой дневник… Я ей даже немного хотела показать, и потом раздумала, лучше не стоит, вообще я хочу никому не показывать эту тетрадь. Не так ли, мамочка??? Вечер начался рефератом ученицы Ознобкиной со II курса. Затем читали стихотворения. Очень хорошо прочли Брюханова, Шишкина и Людвикович. Остальные прочли тоже довольно хорошо. В конце литературного отделения пела Р.Ф. Она пела "Bercuese" (слова Виктора Гюго, музыка Гуно) и "Лебедь" — Грига. Как хорошо она пела! У нее такой чудный голос! Какая она милая и хорошая, стояла около рояля и пела!!! Вчера она была грустной, но еще лучше пела, чем всегда… Кончилось это отделение французским гимном "Marseillaise". Играла Лифшиц, ученица со II курса. Она еще в середине играла, но ужасно. Весь вечер был посвящен Виктору Гюго. Мамочка, папочка, Вы его, вероятно, там, у Вас, знаете? Да? После окончания был буфет: много было вкусных вещей, но я ела очень мало… сама не знаю

почему. После буфета пошли танцевать; я свой незабвенный вальсенок играла. Прямо руки отваливались, так устала. Были разные игры: в "мои соседи", в моргалочки, в отгадывание слов и др. В 12 часов многие ушли, а некоторые остались: пили еще раз чай, играли в загипнотизирование. Очень хорошо нам с Брюхановой удалось… Только потам Протопопова догадалась, а Р.Ф. никак. В час ночи Р.Ф. еще поиграла. Около 2-х все ушли: Д., Р.Ф., Кузьмина, Брюханова, Протопопова и несколько приготовишек. Мы еще с тетей Э. поговорили, покритиковали всех и в третьем часу легли спать. Сегодня встали в 10 ч., Лёля ушла на урок музыки, я с тетей все убрали. Сейчас готовы и хотим пойти на выставку работ беженцев. Потом нужно пойти за уроками и подучить, а то завтра в гимназию, а я еще не начала учить. Р.Ф. сказала, что сегодня не придет, так что я совершенно спокойно могу уйти, куда нужно…

11 час. вечера

Были днем на выставке. Тетя купила несколько салфеточек и вышитую беленькую кофточку. Как бы я хотела так вышивать! Верно ты, мамочка, мне говорила, чтобы я училась всему, а я так не хотела. Теперь приходится раскаиваться… Заходили Муся и Таня, приглашали меня в театр, но я не пошла, потому что тетя Э. была немного против этого. Хотя, конечно, я могла бы настоять на своем, но не хотела, потому что тетя больна и Лёлька бы опять ревела, как вчера. Сегодня много играла на рояле. Выучила довольно хорошо мою пьеску. Сейчас писала английский: написала больше, чем следует. Покойной ночи, мамочка и папочка…

16-го февраля. 9 час. утра

Вчера не писала, не было ни минутки свободной. Лёля больна, новая прислуга… Р.Ф. я уже два дня не видела, она на курсы не ходит, не знаю, что с ней.

Мы сегодня устроили в уборной балет. На что это похоже!!! Моппочка танцевала умирающего лебедя, а Лена — казачок. Подумать только, кончающие гимназию!!!

В воскресенье умерла Каппе, ученица VI класса. Я ее очень хорошо знала, т. к. она немка и мы сидели вместе на Законе Божием, мамочка, ты ее помнишь. Счастливая она, теперь с Вами, там на небе… Еще умерла одна наша бывшая гимназистка — Люба Белокудрина. Она тоже у тебя, мамочка, училась в V классе вместе с Соней Бонковской.

17-го февраля. 3 часа дня

Сейчас у нас география. Объясняется что-то про земледелие, скотоводство и т. п. чушь. Как терпеть я не могу географию! Вчера я ничего не могла написать здесь потому, что попросила Таню Акимову написать мне что-нибудь здесь, а она мне за тем же

уроком не отдала, а я потом забыла. Я ужасно боялась, чтобы она не прочла, но она говорит честное слово, что не читала, и я ей верю. Ведь она не читала, мамочка и папочка? Да, я хочу проколоть уши, стоит???

19-го февраля 1917 г. 10 час. вечера

Милые папочка и мамочка! Напишу Вам, как я провела сегодня день. Встала, как всегда, в 8 ч. Убрала, играла на рояле и в час пошла к тете Амалии; сегодня ее именины; я ей подарила подставку под кофе. Обедала у них, в три пришла тетя Эмма: пили кофе с тортам и вино за здоровье тети. В 6 мы ушли. Я понесла записку Дуссану, а оттуда пошла на каток. Немного покаталась с ученицей из VI класса, затем с Мусенком и Таней Гамбурцевой. С Таней Кедровой я немного рассорилась… Видела Митю; я с Таней Г. проходила на катке мимо него, а он мне и говорит: "Риточка, наконец вы здёсь, наконец-то выздоровели и живы…" Он мне все же нравится! Когда я пошла на каток, я думала, что у меня с ним все кончено, а оказывается, что нет… он мне все же очень нравится. И что в нем хорошего??? Слава Богу, что я в него не влюблена… почти. Я еще ни в кого не была влюблена… <…> Мамочка, папочка, попросите Боженьку, чтобы мне Митя Т. разонравился… Покойной ночи!!!

Это были последние записи в саратовский дореволюционный дневник. Вернулась к нему, как я уже писала, через 5 лет, в 1923 году, когда жила уже в Москве, была директором Неофилологической библиотеки и была влюблена в своего будущего мужа Василия Николаевича.

10 мая 1923 г.

Прошло пять лет, случайно попалась мне эта тетрадь… прочла… и стало стыдно… больше было души, больше было внимания к Вам, мои милые, хорошие папочка и мамочка. Не знаю, в конце концов, довольны ли Вы мной? Прошло столько времени, на ноги я встала уже давно, много перенесла и горестей и радостей, стала совсем иной. Потеряно много… холодная какая-то. Не могу чувствовать, как чувствовала когда-то. Ловлю себя на мыслях, что надо думать, когда пишу в дневнике, ведь вдруг кто-либо прочтет, а тогда писалось все как было на душе. Грустно и больно. Проходит и юность, а я все одна, одна. А все же, если бы Вы были, очень м.б., было бы иначе. Не молюсь я больше, не думаю о чем-то высоком? Рассудок взял свое, а на душе стало холоднее. Хотя я редко помню дни, когда мне было бы хорошо, хорошо…

Мне очень хотелось бы писать здесь почаще, быть с Вами — я помню мои первые думы по отношению к Вам. И я люблю Вас. Как-то на днях я наткнулась на некоторые письма Ваши друг к другу. И осудила Вас по-своему, конечно, во многом Вы виноваты… Пишу и

все мысли отклоняются — хуже, хуже стала я. Не стало той простоты, даже непосредственности.

Милые мои, я, кажется, люблю. Но не дают мне любить. И почему меня так боятся?

Иду спать, теперь буду возвращаться чаще к моему милому, дорогому дневнику. Как смешно, ведь не раз за эти пять лет я называла это сентиментальностью, детством и т. д., а теперь… что же это было в конце концов?

Покойной ночи, как когда-то пять лет тому назад?

На этом записи в дневнике закончились, и я больше дневников не вела. Было небольшое исключение, когда в начале мая 1945 года, попав в горевший еще Берлин, я в течение очень короткого времени вела дневник.

А тогда, в 1917 году, я продолжала учиться в Первой саратовской женской гимназии за казенный счет, поскольку мама там преподавала. На учебу не хватало времени: работа на Высших курсах, ведение домашнего хозяйства и хозяйства Высших курсов, военная обстановка. Но, несмотря на нехватку времени, в тот выпускной год училась серьезно.

Дома у тети была тяжелая атмосфера. Лёля ругалась с матерью, иногда защищала меня от ее плохого отношения ко мне. Часто мне хотелось сделать что-нибудь "тетке", как я ее называла, назло. У меня появилось сознание своей силы, я стала отвечать ей так же грубо, тем более что пример Лёли был налицо. Она, тринадцатилетняя девочка, накричит на мать, и мать приутихнет. Требования тети доходили до того, что я вместо нее, в дни, когда у нее бывали мигрени, давала уроки французского языка на Высших курсах.

Февральская революция не прошла даром для моих с тетей отношений: тетя стала сдержаннее и лучше стала ко мне относиться, а я, наоборот, почувствовала себя крепче и в один прекрасный день в июне 1917 года сбежала к своей подруге Мусе Минкевич. Их семья меня приняла радушно. Но через пару дней в квартиру Минкевичей пришел милиционер (в то время уже появилась милиция вместо полиции), вызвал отца Муси Василия Петровича и приказал ему вернуть меня к тетке. Василий Петрович, человек мягкий и слабохарактерный, не захотел ссориться с милицией, и мне пришлось вернуться домой. После моего бегства тетя почувствовала все же свою неправоту и стала обращаться со мной как со взрослой, даже советовалась по делам Высших курсов и методам обучения.

Окончила гимназию я с серебряной медалью и поступила осенью 1917 года в 9-й класс для того, чтобы получить аттестат зрелости. Восьмиклассное образование давало право быть

домашней учительницей, а девятиклассное образование — право поступления в высшее учебное заведение. Учиться в 9-м классе было трудно, впервые овладевала латинским языком, да и пробелы в знаниях старших классов давали себя знать. Занималась я спустя рукава, так как была "ответственным" работником на Высших курсах: на мне был секретариат, касса, бухгалтерия, библиотека и частые замены тетки в группах французского языка — у меня просто не оставалось времени на учебу. Кроме того, фактически и все хозяйство дома тоже было на мне. Лёля помогала мало.

Лето 1917 года мы с Лёлей провели на даче под Саратовом. Было весело, появились мальчики, часто мы с Лёлей оставались одни, что доставляло нам большое удовольствие.

В Саратове появилось много военных в длинных до пят шинелях, и некоторые ходили с саблей, которая волочилась по земле. Девочки были от них в восторге. Я была от этого далека. Далека была также и от компании девочек, увлекающихся поэзией. В эти годы в Саратов приезжали Константин Бальмонт, Игорь Северянин, кажется, Осип Мандельштам, жил в Саратове Михаил Зенкевич. Мои подруги бегали на вечера поэтов и близко были с ними знакомы. Я тоже была как-то на одном из вечеров поэзии, но почувствовала, что это не моя стихия и их стихи до меня не доходят.

Тетины Высшие курсы иностранных языков были в расцвете. Масса желающих изучать иностранные языки заполняла классы. Тетя сняла помещение Саратовской мужской гимназии на вечернее время. Успех был огромный. Ко мне отношение улучшилось. Уже не приходилось скрываться, посещая концерты, — тетя разрешила, лишь бы все ее желания были выполнены.

Но в городе чувствовалась тревога. Я боялась одна расклеивать афиши Высших курсов, и мне помогал кое-кто попроще из моих подружек. Политические афиши висели на всех стенах: за Государственную Думу, против нее, против большевиков, за партию кадетов, за партию эсеров и пр. Впервые я услышала имя "Ленин", но по-настоящему не знала, кто он. Уже говорили, что в Петрограде и Москве неспокойно, но Саратов еще не знал, в чем дело. В один из последних октябрьских дней тетка послала меня за прачкой. Дорога была длинная, поиски долгими, и когда я возвращалась, то была поражена безлюдностью центра города, где всегда по Немецкой улице вечером прогуливалась молодежь. Неожиданно появился извозчик с пассажиром, а за ним гнался другой экипаж, из которого стреляли в седока первого. Конечно, я испугалась, кто-то схватил меня и втащил в парадное.

Когда выстрелы уже не были слышны, я побежала домой. Лёля была одна, стояла у окна, поджидая мать и меня. Мы еще долго вместе наблюдали за улицей: доносились отдельные выкрики прохожих, слышна была стрельба. Волновались за тетю. Когда она пришла, то сказала почти с радостью, что совершается революция и большевики берут власть. Мы с Лёлей стали доказывать, что это ужасно, но она стояла на своем. Вечером к нам стали ломиться какие-то люди с черного хода, который был наглухо заперт. Когда они ушли, тетка схватила несколько хороших вещей и отнесла их дворнику в подарок Все обошлось. Так в Саратове произошла Октябрьская революция.

1918 год был последним годом моего пребывания в гимназии — 9 класс. Училась я мало и знаний, по сути дела, не приобрела, но аттестат получила с хорошими отметками. Это давало мне право сразу же поступать в университет. Но я решила, что мне надо начинать самостоятельную жизнь, работать. Я записалась в очередь на биржу труда, но предложений не получила, вероятно, мешало происхождение. Тетя предложила остаться работать на Высших курсах иностранных языков. Я согласилась, хотя и сознавала, что опять буду от нее в зависимости. Однако, видно, судьбе было угодно приобщить меня с самого начала моей самостоятельной жизни к иностранным языкам и книгам. Так я начала самостоятельную жизнь, создавая сама себя и впитывая все новое, что меня окружало.

Кроме работы на Высших курсах иностранных языков, я стала преподавать в Третьей Советской школе: коллеги покойной мамы по гимназии на гимназическом совете решили меня поддержать и устроили меня учительницей рукоделия. На приеме у старичка директора школы я схитрила: показала ему мамину вышивку и кружева, выдав за свои. Но что было делать? В рукоделии я ничего не смыслила, надеялась, что случай поможет. Так и получилось: на мою удачу рано наступили холода, многие учителя болели, и я предложила заменить уроки рукоделия уроками математики, тем более условия для рукоделия были тяжелые — мерзли руки. Математику я знала хорошо и с энтузиазмом занималась со старшеклассницами, почти моими ровесницами. Так прошла зима. Хуже стало, когда потеплело. Я хорошо умела штопать чулки и довольно долго занимала своих учениц этим полезным занятием. Но как-то одна из девочек принесла нитки и попросила меня показать вязку кружев. На уроке я отговорилась, а вечером побежала к матери одной из моих подружек, чтобы она меня поучила. Однако вязание кружев оказалось труднее, чем я думала, и на следующем уроке я уговорила девочку не портить зря катушку ниток, а лучше

обменять их на базаре на масло или даже на курицу. На этот раз обошлось, но я решила не ждать неминуемого разоблачения, а довести учебный год до конца и затем отказаться. Случай и здесь мне помог. Ушел библиотекарь бывшего Реального училища, где в свое время мама работала, и меня назначили на его место. Эта библиотека имела прекрасное помещение и хорошо подобранный книжный фонд. Я проработала в ней почти 4 года, вплоть до моего переезда в Москву. Эта случайная должность сделала меня на всю жизнь библиотекарем.

Я начала работать, не имея понятия о библиотечном деле. Но вскоре поступила на Курсы библиотекарей при Саратовском университете, которые окончила в 1920 году. В то время в Саратов из-за голода в Петрограде приехало много столичной профессуры, в том числе известный библиотековед, бывший директор библиотек Варшавского и Петербургского политехнических институтов Евгений Наркисович Добржинский. У него я училась азам библиотечного дела. Но, конечно, я сама чувствовала, что мои знания недостаточны. Но время тогда было другое. И не за такие дела люди брались. С самых первых дней в библиотеке я чувствовала себя как рыба в воде, сами книги учили меня. Одновременно я работала на Высших курсах и была там за всех: за секретаря, библиотекаря, бухгалтера, уборщицу, лектора, преподавателя.

1918 год оказался для меня годом серьезных размышлений, годом переоценки ценностей, осмысления жизненного пути, борьбы за самостоятельность, борьбы с собой. В этот же год было мое первое увлечение Василием Ивановичем Багаевым. В дальнейшем отношения с ним сложились, как у Татьяны и Онегина в пушкинском "Евгении Онегине", особенно в последней главе. Осенью я ушла от тети и переехала к Тане Кедровой. Семья приняла меня тепло. Отец и мать Тани старались не делать разницы между своей дочерью и мною, но у меня было двоякое чувство: с одной стороны, я стояла на собственных ногах, но с другой, — я стала "лишним ртом". Я отдавала приютившей меня семье свое жалованье, но чувствовала, что этого мало.

Летом 1918 года из Москвы в Саратов приехал директор библиотеки Государственного Исторического музея профессор Ю.М.Соколов. Во время приезда Ю.М.Соколов организовал совещание саратовских библиотекарей, на котором я была избрана секретарем. Ю.М.Соколов обратил на меня внимание и неофициально предложил мне работу в библиотеке Исторического музея в Москве. Я приняла это предложение не без гордости, но прекрасно понимала, что переехать в Москву только с таким предложением не было никакой надежды. Моя

гимназическая подруга Таня Акимова, а ныне доктор филологических наук, профессор Саратовского университета, так описывает начало моей трудовой деятельности:

"Учение в гимназии заканчивалось в бурное время, сначала февральской, а затем Великой Октябрьской социалистической революции. Да и сама гимназия перестраивалась в новую советскую среднюю школу, открытую для всех. Еще до окончания гимназии наша классная дама, строгая и чопорная, как всегда громко, на весь класс, говорила, обращаясь к Рите Рудомино: "Рита, поступайте на бухгалтерские курсы. Куда вы иначе денетесь без родителей?" Но, окончив гимназию, Рита поступила не на бухгалтерские курсы, а на Высшие курсы иностранных языков. Здесь она изучила английский язык, дополнительно к немецкому и французскому, которыми владела свободно. На курсах ей было предоставлено место библиотекаря. Она должна была организовать, укомплектовать эту вновь созданную библиотеку и наладить в ней работу.

Внешне скромное дело организации небольшой библиотеки иностранной литературы на Высших курсах иностранных языков по существу было блестящим началом всей последующей деятельности М.И.Рудомино. Когда в 1918 году в Саратов из Москвы приехал профессор Юрий Матвеевич Соколов с поручением обследовать библиотечное дело, он обнаружил, что лучшей из городских библиотек, даже образцовой, была библиотека на Высших курсах иностранных языков. Его удивило, что эта библиотека была создана по типу передовых библиотек того времени "молоденькой девушкой", так аттестовал ее Ю.М.Соколов в своем отчете по приезде в Москву.

Свою командировку Ю.М.Соколов совместил с возможностью повидаться с братом Борисом Матвеевичем, профессором Саратовского университета с 1919 года. Братья были очень дружны и в жизни, и в науке. Известный ученый Борис Матвеевич Соколов не был похож на кабинетного исследователя. Это был ученый нового типа, общественный деятель самого широкого диапазона, всегда устремленный вперед в строительстве советской культуры. Борис Матвеевич, со слов брата, заинтересовался работой Маргариты Ивановны Рудомино и познакомился с нею. Чрезвычайно общительный и обаятельный человек, Борис Матвеевич принял в судьбе М.И.Рудомино живое участие. Он рассказывал, как напутствовал ее перед поездкой в Москву и со свойственной ему любовью к шутке рекомендовал взять побольше шляпок, что будто бы в Москве особенно важно"[6].

Осенью 1918 года тетя Екатерина Яковлевна уехала на

несколько месяцев в Москву, и я осталась, по сути дела, "хозяйкой" на ее Курсах. В ноябре по возвращении из Москвы тетю арестовали большевики. Мне пришлось вернуться домой от Кедровых и опекать Лёлю, которая держалась очень храбро. Тетины Курсы оказались полностью на мне. Через два месяца тетю выпустили и даже извинились за ошибку. В скором времени она опять уехала в Москву. Там она, к нашему с Лёлей ужасу, вступила в коммунистическую партию. Но я никогда не считала ее большевичкой по духу.

О своих отношениях с Екатериной Яковлевной я писала тете Оле:

..Иногда на меня находят такие минуты отчаяния, что хочется порвать все с Саратовом и уехать куда-нибудь. Но куда? И теперь я обращаюсь к тебе за советом, как мне быть??? <…> Я больше не могу, не могу. Мне невыносимо тяжело стало. Но самое тяжелое то, что сколько раз я ни говорила с тетей по сердцу, к концу мы никогда не приходили. Сколько раз я обращалась к ней за советом: как нам быть, что бы она сделала на моем месте? Она мне отвечала: "Если хочешь быть самостоятельной и свободной, то уходи; если же думаешь о будущем, то оставайся!" Теперь ты сама мне скажи, тетя Оля, что мне делать, как мне быть? У нас создались такие отношения, что сказать невозможно. Главным образом недоразумения у нас выходят на почве недоверия…

Письмо я не дописала и не отослала, оно сохранилось у меня. Несмотря на такие отношения, я все же осталась жить с Екатериной Яковлевной. Это было непросто, но благодаря этому я получила достаточно крепкую закалку, что, безусловно, помогло мне выжить в моей самостоятельной жизни.

1919 год был годом продолжения борьбы за самостоятельность, за свой жизненный путь. Все мысли были об учебе, заработке, специальности. Летние каникулы провела на даче в Большой Поливановке. Было увлечение Глебом Миловидовым, бывшим военным царской армии.

В конце лета 1919 года 3-ю Советскую школу, а с ней и библиотеку, которой я ведала и в которой с удовольствием работала, неожиданно переселили в бывший Коммерческий клуб. В здании реального училища расположился военный госпиталь. Надо было срочно переносить книги. Из учебных кабинетов книги вынесли быстро, но с книгами библиотеки было сложнее. Госпиталь был переполнен. Раненые лежали в вестибюле прямо на полу. Мне и 3–4 девочкам из моего класса по рукоделию пришлось носить книги, переступая через лежащих раненых и больных сыпным тифом. Никто нас не предупредил об опасности. В итоге я заболела сыпным тифом. К счастью, мои помощницы не

заразились. Таня Кедрова отвезла меня в больницу. Болела я тяжело. Таня Кедрова и Муся Минкевич прибегали ко мне и приносили еду. Рядом со мной лежала пятнадцатилетняя девочка из рабочих. Она произвела на меня глубокое впечатление: впервые я близко увидела детей рабочих, детей новой формации человека. Девочка уже выздоравливала и нежно ухаживала за мной, и я не чувствовала себя совсем одинокой, к тому же моя соседка оказалась заядлой театралкой. Еще в больнице я заболела паратифом, а после выписки — возвратным тифом. Выходила меня Таня Кедрова.

Придя в себя после долгой болезни, я посмотрела на себя в зеркало и содрогнулась: худая, голова обрита. В первый же день навестил меня Глеб Миловидов, ужаснулся и больше не приходил. Я не очень горевала, но перед подругами было неловко — кавалер бросил. Вскоре он женился на дочери богатого саратовского фотографа. Случайно, уже в 1920 году, я встретила его в поезде на пути в Москву. Он был очень внимателен, уступил мне свое место в мягком вагоне. В 1920-х годах он умер в Москве.

В том же 1919 году Надя, дочка маминой тети Амалии Федоровны, вышла замуж за Володю Дурасова, который происходил из семьи потомственных дворян Дурасовых. Надино замужество отвлекло моих родственников от моей болезни. Им было не до меня. В то время в Саратове был настоящий голод. Я никогда не забуду, как однажды я шла по Немецкой улице, в это время бежавший впереди мальчик с ведерком упал, и из ведерка что-то вылилось, очевидно, суп. Тогда мальчик лег на живот и начал с мостовой собирать то, что было в ведерке, и есть. Это было ужасно.

У Кедровых было голодно. Иногда подкармливал нас старыми сухарями сотрудник ЧК, который жил в реквизированной у Кедровых комнате. Помню, как однажды пришла тетя Екатерина Яковлевна и принесла курицу и большую буханку хлеба. Конечно, курица и хлеб тотчас же пошли на общий стол, это был настоящий пир. Но по-настоящему мы не голодали. Я уже к тому времени работала в двух библиотеках и получала две продовольственные карточки.

Началось классовое расслоение. Я впервые почувствовала, что я не принадлежу ни к тем и ни к другим: я не буржуазия, потому что мои родители давно умерли, но вместе с тем я и не пролетарий, хоть и работаю по найму, но у меня аристократическое происхождение, интеллигентный вид и нет знакомых среди рабочего класса, наоборот, все мои подружки из буржуазии и дворян. Насильственное деление людей вызывало у меня протест против советской власти.

К концу года я начала медленно выздоравливать. Надо сказать, что после тифа я стала гораздо крепче. За время моей болезни библиотека 3-й Советской школы, которой я заведовала, влилась в Городскую библиотеку. Однако школьная библиотека была выделена и обслуживала читателей 3-й Советской школы. Работала я энергично, но без энтузиазма. Боролась с начальниками, защищая интересы школы, хотя школе это было безразлично. Одновременно я работала библиотекарем на тетиных Курсах. И там и там занимала штатные должности и получала зарплату.

Все мое внимание было обращено на тетины Курсы. В августе, когда начались занятия, одновременно явились все записавшиеся. Пройти в помещение Курсов было просто невозможно. Толпа шумела, ничего не было слышно. Мне пришлось схватить табуретку, встать на нее и крикнуть: "Слушайте!" Не сразу, но шум затих. Когда собравшиеся успокоились, я сообщила всем номера их групп и место занятий. Порядок был восстановлен. Откуда тогда, в 20 лет, у меня была такая смелость и решительность, я удивляюсь и сейчас. Но я почувствовала тогда свою силу и поверила в себя. Это был переломный этап в моей жизни. Я решилась ехать в Москву, чтобы по-настоящему встать на ноги.

Я уехала в Москву в конце ноября 1920 года по служебной командировке Губнароба (Губернского управления народного образования) для того, чтобы привезти в Саратов из Центропечати вагон (именно железнодорожный вагон!) новых книг, которых в Саратове уже долгое время не получали.

Ехала я вместе с тетей Екатериной Яковлевной. Они с Лёлей покидали Саратов навсегда. Свои Высшие курсы иностранных языков тетя полностью передала государству. Остановились мы в Москве у знакомых Екатерины Яковлевны в Ермолаевском переулке около Патриарших прудов. Тогда я впервые встретилась с Кларой Цеткин, которая много делала для тетиных курсов в Саратове — помогала получать ассигнования для развития Курсов.

О моей жизни в Москве в то время я писала Мусе Минкевич в Саратов.

18. XII.20 г.

Не смейся, Мусенок, но я еще в Москве и уеду, вероятно, не раньше четвертого. Нет худа без добра, и у меня то же самое. Если бы пропуск в Киев не пропал, я не уехала бы сегодня. А теперь слушай, что со мной случилось: прихожу утрам в Наркампрос, говорят, на мое имя из Саратова перевод на 300 ООО получен, я,

как сумасшедшая, помчалась в Горфинотдел и в понедельник получаю деньги. Это те деньги, которые я ждала с самого начала приезда. По дороге, пробегав по всем учреждениям, узнаю, что надо обязательно на руки получить деньги для Библиотечного Комитета (в университете). Никаких мандатов у меня нет и не было, а ассигновка на руках. Здорово! Если эти 300 тыс. для Комитета получу, пошлю их через Костю в университет. Представляю их радость, они и не ожидают!!! Но и стоили эти деньги мне много труда. В Нарком-просе сейчас меня знают лучше, чем в Саратове. С некоторыми я в великолепных отношениях, со многими, наоборот, на ножах. Когда я вхожу, они вздыхают или отворачиваются, шепча: "Опять эта Рудомино приставать пришла". Но что же делать? Зато какой толк. В 2 недели получить миллион сто тысяч. Правда? <…>

Ты спрашиваешь, как устроилась тетя, — как тебе сказать, пока, конечно, неважно. Работает целый день — устраивает Неофилологический институт. Получила дивную квартиру, сейчас идет ремонт, смета на него 25 миллиона. Очень довольна, что развязалась с Саратовом. Действительно, работа совершенно не та, и отношение лучше, главное — доверие. В Москве работать очень приятно — все идут навстречу, тактичны, вежливы и милы. Да и толку добьешься скорее, чем в Саратове.

Была сегодня в Румянцевском Музее, проглядела в 20 минут все, мельком, чтобы иметь представление — не понравился. Все этнография. Библиотека дивная, уютная. На днях пойду туда позаниматься.

В Москве за последнее время стало как-то оживленнее, масса народу, шум, автомобили — славно жить в большом городе, только, конечно, не одной.

Целую крепко, Рита.

К Новому 1921 году, списавшись с тетей Ольгой Яковлевной, я поехала в Киев к ней в гости, т. е. в семью Москаленко. Из поезда Москва — Киев писала Мусе:

25. XII.20 г.

Мурочка моя милая, дорогая! Еду сейчас по Курской губернии. Ночью думаем быть в Киеве. Ужасно волнуюсь. Вообще за последнее время много передумала, и дорога на это наводит. Еду в великолепных условиях. Спутники попались интеллигентные. Живем одной семьей. Все удивительно милы, ласковы, предусмотрительны. <…>

Командировка в Киев как-то так не радует, если бы она была в другое время. Знать, что есть в Москве письма, и не иметь их. И самой бессмысленно писать, все равно скоро не придут. В Киеве хочу остаться на все Рождество. Числа 20-го буду в Москве, а к 1

февраля — в Саратове, недели на две-три. А потом опять в Москву. Мусенок, ты пока кроме Тани никому не говори об этом. Мне, конечно, очень жаль покидать тебя, Таню и вообще Саратов, но что же делать! Другого исхода нет.

У Танюши я была в последний день перед отъездом. Было очень хорошо. Я писала Тане, она тебе расскажет. Были на лекции Маяковского. И здорово его почистили все: и Брюсов, и Полонский, и человек из публики. Заключительная же речь Маяковского произвела на аудиторию такое впечатление, что все встали на его сторону. Маяковский защищал футуризм и провозглашал здравицу за него. В заключение он говорил массу своих стихотворений: "Солнце", "150 миллионов" и др. Кроме того, выступал еще — угадай кто? — Василий Каменский. Удивлена? Читал великолепно. Всем очень понравилось. Вообще, мне кажется, Каменский в Москве имеет больше успеха, чем в Саратове. Хочется походить на такие лекции по моему возвращению из Киева — очень интересно. Была еще на лекции Кореини, известной путешественницы. Читала она об Испании, где жил Шопен. Тут же показывала световые картинки, и Орлов играл произведения Шопена. Очень было мило. Таня обещала меня еще поводить по театрам. Очень жаль, что так трудно достать билеты. Кроме того, благодаря VIII съезду, Большой театр закрыт на время.

Служебные дела мои в Москве шли блестяще — получила все деньги и даже для университета, провела Устав, осталось упаковать книги — это работа не из малых! <_>

Крепко, крепко целую.

Всем привет. Рита.

Я приехала в Киев после пятилетнего расставания, когда мы почти ничего не знали друг о друге. Встреча была радостной. Оказалось, что тетя Оля в 1918 году ездила в Гродно к бабушке. Той большой семьи, которая там была когда-то, уже не осталось. Дедушка умер. Дети разъехались. Тетя Антонина Яковлевна вместе с моим двоюродным братом Чариком уехали в Германию, где он учился. Новый год встречала в семье тети Оли. Много времени провела в разговорах с тетей Олей, советовалась с ней о будущей моей жизни. Об этом я писала Мусе Минкевич.

31. XII. 20 г.

Мурочка, дорогая!

Завтра Новый год. Поздравляю тебя со старым Новым годом и также с праздниками. Очень жалею, Мурочка, что этот год не вместе будем на Рождество, но зато ты должна радоваться за меня — я совсем счастлива. Как-то раньше за 4 года я не могла приехать сюда — до сих пор не понимаю. Мурочка, сейчас рассказать всего невозможно — одним словом, чудно хорошо. Меня

балуют как не знаю кого, как маленькую пятилетнюю девочку. Тетя Оля — прелесть. Хорошенькая, молодецкая, веселая, дивно одевается. Юрий Николаевич тоже, его родные — замечательные…

Заказала здесь себе ботинки и делаю платье. Платье, Мусенок, такое, что я всех в Саратове затмлю!!! Может быть, закажу и шляпу. Как ориентироваться в моде буду — не знаю.

Ели разные вкусные вещи — смоковницы, орехи в сахаре, конфеты, белый, белый хлеб и, вообще, старые вещи! Вкусно, замечательно! Жаль, что нельзя провозить ничего, никаким чудом не провезешь…

От В. Я. получила уже в Киеве письмо. Пишет, что выезжает в Москву, — "скоро увижу Вас и поговорю с Вами". Отношусь я к этому как-то странно. Даже тетя Оля удивляется. Сама не знаю почему…

Мне безумно много Вам всем надо рассказать, но не могу что-то. Письма пишутся совсем не так, как в Москве, — не понимаю сама. Это письмо посылаю через одного молодого человека, который ехал со мной сюда, а теперь едет в Москву и там пошлет письма почтой. Посылаю вместе и письмо, написанное в дороге из Москвы в Киев. Тетя Оля прекрасно всех Вас помнит, тебя в особенности. Ты же часто тогда у нас бывала. Все время расспрашивает про всех и просит тебя крепко, крепко расцеловать. Поцелуй от меня всех Ваших.

Тебя целую тысячу раз. Твоя Рита.

P.S. Вчера в семье тети Оли я рассказала про свое "темное пятно" в жизни. Рассказывала о том, какой я была учительницей рукоделия в гимназии. Все хохотали…

В декабре 1920 года тетя Екатерина Яковлевна и профессор МГУ, известный лингвист Иван Иванович Гливенко приступают к организации в Москве Неофилологического института (НФИ) как единого руководящего центра преподавания иностранных языков в стране — от научно-исследовательской работы до обучения иностранным языкам. Первоочередной целью Института являлась методическая помощь преподавателям иностранных языков и подготовка новых педагогических кадров. Структура Неофилологического института включала целый ряд подразделений: научно-исследовательский и учебный институты, высшие курсы иностранных языков, подготовительные курсы, кабинеты, студии, библиотеку и пр. Под контролем НФИ должны были создаваться учебные институты, техникумы, курсы, практические группы по обучению иностранным языкам. Главпрофобр Наркомпроса, в руках которого было сосредоточено руководство всеми высшими учебными заведениями страны, придавал большое значение будущему центру изучения

иностранных языков.

На Арбате на 5 этаже дома на углу Денежного и Глазовского переулков было найдено и помещение для Института — пятикомнатная квартира с двусветным залом, с антресолями. До революции дом принадлежал известному московскому адвокату Мандельштаму, эмигрировавшему в 1918 году. Говорили, что в начале века он помогал Ленину финансами и что Ленин дал ему разрешение на возвращение, но адвокат так и не вернулся. О Мандельштаме ходило множество легенд. Рассказывали, что в дореволюционных журналах "Русское богатство" или "Мир божий" был опубликован роман о его жизни с какой-то артисткой, об "афинских ночах" в квартире в Денежном переулке. Но с 1918 по 1920 год квартира стояла брошенной, и в ней обосновались беспризорники: паркет и мебель пошли на топку, обивка на одежду. Мы застали печальную картину: окна разбиты, лифт не действует, отопление не работает, электричество включают лишь временами. По всей квартире валяются книги на немецком и французском языках.

Вернувшись из Киева в Москву сразу же после Нового года, я стала жить вместе с тетей и Лёлей в мансарде над помещением Неофилологического института.

Настроение у меня было боевое, я с энтузиазмом взялась за выполнение порученного мне в Саратове задания — привезти вагон текущей литературы для саратовских библиотек и просветительских организаций. Я каждый день бегала в Центропечать. Трудности меня не останавливали, боролась. В результате в феврале мне удалось получить книги и железнодорожный товарный вагон для их перевозки. Но сопровождать вагон никто не брался. Пришлось мне взяться и за это. На товарной станции старый проводник мне сказал: "Девушка, милая, неужели вы не понимаете, что живой до Саратова не доедете? Ведь сейчас с фронта домой едут солдаты. Выбросят эту самую вашу печать, и вы ничего не сможете сделать. Тут нужно, по крайней мере, двух мужчин с наганами". Я ему объяснила, что помощников у меня нет. Он сжалился надо мной: "Ну, давайте, я возьму вас под свою опеку, но смотрите — не выходить, не топить и не показываться. Я вас закрою в вагоне на замок Сколько ехать будете — не знаю. Может быть, и неделю". На мое счастье, запертой я ехала только двое суток, больше бы я не выдержала. Я довезла книги в целости! Радость саратовцев была огромна. Они получили свежие номера журналов, новую литературу, брошюры.

В ночь, когда я вернулась в Саратов, у Кедровых был обыск. У меня забрали нитки, которые я привезла для своих саратовских

знакомых, а также чистые бланки Саратовских Высших курсов иностранных языков Е.Кестер. Время было тяжелое. К Саратову приближался фронт. ЧК брала в заложники представителей элиты саратовского общества, их свозили на заминированную баржу на Волге. Весной 1921 года арестовали и Бориса Николаевича Кедрова, отца Тани, но вместо него на баржу пошел его сын Игорь. К счастью, фронт отошел от Саратова и, вопреки правилам большевиков, арестованные были возвращены домой. Но испуга было много.

Рождение и становление библиотеки

Переезд в Москву. Денежный пер., 5

Еще в январе 1921 года, перед возвращением в Саратов, я получила от Наркомпроса приглашение переехать в Москву на работу и приступить к созданию библиотеки для организуемого Неофилологического института. Внутренняя борьба "за" и "против" была большой. Но я понимала, что в Саратове мне делать нечего, даже своей квартиры у меня не было. Поначалу Саратовский губернский отдел народного образования не отпускал меня. Помог мой "подвиг" — доставка из Москвы в Саратов вагона современной литературы. Это произвело на всех большое впечатление. Так "вагон литературы" решил мою судьбу: весною 1921 года мне разрешили переехать в Москву.

В конце июня 1921 года я распрощалась с саратовскими подругами и села в поезд. Было грустно уезжать из города, где прошли детство и юность, много радостных дней, но больше тяжелых. Здесь я осиротела, здесь познала чувство одиночества. Но в Саратове я обрела самостоятельность, которая мне была так нужна.

Приехав в Москву, я, по просьбе Екатерины Яковлевны, сразу же поехала в Киев за продуктами к зиме. Повезла с собой какое-то барахло, чтобы обменять на гречку, сахар, муку. Остановилась у тети Ольги Яковлевны. Она помогала мне с добычей продуктов. Ни Василия Николаевича, ни Марии Николаевны, ни других Москаленко я не видела. Привезла продукты в Москву. Тем самым были сделаны запасы на зиму 1921–1922 годов, что развязало руки Екатерине Яковлевне, собиравшейся в командировку в Германию. Мы с Лёлей были на несколько месяцев обеспечены продуктами.

Вернувшись из Киева, я приступила к организации библиотеки при Неофилологическом институте. Распоряжение Наркомпроса РСФСР о ее организации уже было. В архиве сохранился приказ от 27 июня 1921 года Главпрофобра Наркомпроса о назначении меня заведующей библиотекой Неофилологического института. В приказе говорилось, что мне поручается набрать сотрудников для создаваемой библиотеки и оборудовать ее. Наркомпрос предоставил мне квартиру в мансарде дома в Денежном переулке, где я уже жила. Я тут же начала собирать книги для библиотеки и искать сотрудников. Одновременно помогала в организации Неофилологического

института, которая шла полным ходом: новое учреждение находилось на госбюджете Наркомпроса РСФСР, был утвержден устав НФИ, утверждена смета расходов на 1921–1922 учебный год, включавшая и капитальный ремонт помещений в Денежном переулке. Значительная часть набранных сотрудников и преподавателей начала подготовку к занятиям. Главпрофобр Наркомпроса РСФСР, в ведении которого находились все высшие учебные заведения, придавал большое значение Неофилологическому институту как будущему центру обучения иностранным языкам.

О моей жизни в Москве в первое время после переезда я писала Мусе Минкевич и подругам в Саратов.

3 июля, 21 г., 2 ч. дня

Если бы Вы знали, как мне трудно сесть и писать. Ради Бога не думайте, что я не хочу Вам писать. Думаю о Вас ежеминутно, но состояние какое-то странное и так все время. Хочется столько сказать, со всеми поделиться, написать обо всем, обо всем подробно. Сегодня у нас генеральная варка, печение и т. д. Во-первых, воскресенье, во-вторых, сегодня мой день рождения, 21 год (старая дева по-настоящему). Готовлю рис для пирожков, на коленях сидит маленький трехлетний сынишка прислуги и помогает мне писать. Тети дома нет, надо все приготовить. Я опять отклонилась в сторону, хотела рассказать все подробно.

Доехала хорошо; Б.<Миловидов> уступил мне свое место, устроил, так что я великолепно ехала. Приехали в Москву в пятницу днем. Шел сильный дождь. Промокла как курица, но чувствовала себя прекрасно. Лёля чуть не задушила от радости. Тетя пришла только вечером, рада была тоже. Немного пожурила меня, но сейчас все забыто. Живут они хорошо. Но тетя сделалась неузнаваемая. Апатичная, безразличная, менее энергичная, работы научной никакой, чаще плачет и только и думает, как бы скорей уехать в Париж к Г.[7] *<…> Все это сейчас вызвано его письмами к ней; переписываются они много. Насчет поездки возможно, что она уедет через месяц в качестве переводчицы Коминтерна, но Лёлю с собой не берет. Хотя боюсь, что в последний момент не разрешат. Вообще, ее командировка еще не наверное, и потому-то она в таком состоянии. Материально — хорошо, все еще получает пайки, да из Украины присылают. На днях должен приехать Юрий Николаевич, и, возможно, я с ним поеду на несколько дней в Киев в командировку.*

Здесь я остаюсь безусловно. Когда я подумаю, Саратов или Москва, то хочется рассмеяться. Какие могли быть сомнения. Конечно, мне страшно жалко Вас всех и Курсы, но это дело поправимое, во-первых, в конце августа я приеду, во-вторых, буду

наезжать часто и, в-третьих, думаю, и Вы приедете сюда. Здесь я приглашена Главпрофобром организовать опытно-показательную Неофилологическую библиотеку иностранной литературы. Помещение, там где живем мы, внизу. Помнишь, Танюшка, я подробно рассказывала. Это очень удобно. Деньги уже отпущены — 10 млн. на организацию, на днях получаем знаки. Штат имеется, хотелось бы привлечь сюда Лукину и Звереву. Я им писала, но ответа пока нет. Работа очень интересная и при хороших помощниках благодарная. Вроде моей саратовской. Скоро переведу ее на академический устав, тогда будет еще приятнее работать с Отделом научных библиотек, с Ю.М.Соколовым. Ю.М. мне предложил место заведующей библиотекой у себя в Историческом музее и инструктором академических библиотек. Но я пока отказалась, не хочется много набирать, тем более скоро выяснится, буду ли я здесь получать академический паек. Если да, то я обеспечена на всю зиму. Работать начала уже. Еще много дел осталось после Саратова — устав, счета, штаты и т. д.

В общем, время провожу хорошо. В особенности, когда был Багаев. Ходили каждый день на Тверской бульвар в "Аквариум" (сад-кафе), была несколько раз в театре. Видели спектакль "Мистерия-Буфф" Маяковского — напоминает обедню. Постановка новая, очень тщательная, отдельные места ничего себе, но в общем мне не понравилось. Были в Художественном театре на концерте Римского-Корсакова. Участвовали артисты Большого театра, все было новое, их выходы соединялись с мимикой' и игрой, сидели все вместе, а один пел. Очень понравилось. С Саратовом не сравнить. Когда вспомню Самарского, Сухадельского — одно недоразумение. Ездила несколько раз на автомобиле, вспоминала заграницу. Как видите, устроилась хорошо. Бывает моментами очень грустно. Так грустно, что не знаешь, на что пойти. Ужасно, что нет никого близкого здесь. Лёля мне всеми силами старается заменить Вас, и это ей удается. Такое состояние было сегодня, и, когда я с ней переговорила, мне стало лучше. Сейчас уже часов 12 вечера. Письмо у меня выходит вроде дневника. Приготовили много вкусных вещей, тети еще нет, должны были за нами заехать в оперу, но, вероятно, из-за дождя не заехали. Я не очень жалею, потому что великолепно провела время дома. Устроилась в квартире хорошо. Дивный вид с балконов на всю Москву, чисто, светло, уютно…

Крепко всех целую. Рита.

Однако в августе 1921 года с организацией Неофилологического института все рухнуло. Руководители НФИ были переведены на более ответственные должности. Профессор И.И.Гливенко стал начальником Главнауки Наркомпроса РСФСР, где было сосредоточено руководство всеми научными

учреждениями России. А Екатерина Яковлевна отправилась в служебную командировку в Германию во главе комиссии по закупке книг для просветительских учреждений РСФСР, оттуда она переехала в Париж во главе такой же закупочной комиссии и на родину уже не вернулась. Преемников в тот момент не оказалось. Институт остался без руководства. Преподаватели тоже поспешно разбежались. Вскоре, уже в сентябре, кончились ассигнования, и Неофилологический институт стал тихо умирать. Я хлопотала об его сохранении, но из этого ничего не вышло. Таким образом, Неофилологический институт просуществовал всего лишь с февраля по август 1921 года. Работая в 1980-х годах в Центральном архиве РСФСР с архивом ВГБИЛ, я наткнулась и на архив НФИ. Там был учебный план института, докладные записки по его организации, бесконечные сметы, мелкая переписка. Но было много и интересных дореволюционных материалов по обучению иностранным языкам. Конечно, жалко, что такое нужное, полезное, интересное начинание советской культуры медленно умерло, чему я оказалась невольной свидетельницей.

Продолжая жить в квартире НФИ, я очутилась у разбитого корыта, оставшись единственным "наследником" института, вернее, владелицей шкафа с сотней книг, гербовой печатью и архивом несостоявшегося учреждения. Осталось также неотремонтированное помещение без отопления, почти без света, без лифта, без мебели.

Что делать? Положение мое было сложным. О возвращении в Саратов не могло быть и речи, что сказали бы мамины приятельницы, которые ни за что не хотели меня отпускать и говорили: "Это сумасшествие! Девчонка! Одна! Без никого! Едет в Москву!" Как после всех этих разговоров взять и вернуться назад? И куда? У меня в Саратове уже все было закончено. Ехать назад я не могла.

А какие в Москве возможности? Идти работать на фабрику? Меня туда не возьмут: я из интеллигентной семьи. В то время об этом даже думать нельзя было. Идти куда-нибудь просто работать? Но куда? С другой стороны, у меня в Денежном переулке было жилье, что давало возможность устроить свою жизнь. Но главное, я была увлечена идеей о необходимости знания иностранных языков и в новое время. Люди, знающие иностранные языки, нужны всегда и везде. Поэтому важно сохранить библиотеку Неофилологического института. Тем более что на Новинском бульваре, в особняке князей Гагариных, в Государственном книжном фонде собралось огромное количество иностранных книг, конфискованных во дворцах и поместьях, в

домах буржуазии и интеллигенции. Только бери! Я говорила: "Почему аристократия могла читать книги на иностранных языках, а советские люди что, не могут?" Возможно, эту уверенность мне давало мое происхождение. Я выросла в семье, где говорили на нескольких иностранных языках, и преподавание иностранных языков было основным семейным делом. У меня существовал идеал человека, обязательно говорящего на иностранных языках. И я верила в то, что в советское время такое культурное начинание должно быть поддержано.

Еще летом 1921 года Наркомпрос утвердил положение об опытно-показательной библиотеке при Неофилологическом институте. Мне казалось, что это дает мне законное право просить и даже требовать сохранить библиотеку как самостоятельное учреждение. Я ходила в Наркомпрос и доказывала, что Библиотеку надо сохранить, убеждала: "Ведь есть помещение, есть книги и есть руки. Давайте продолжим работу библиотеки". Мне отвечали: "Девочка, ты пойми, что у нас сейчас голодное, холодное время. Люди не знают русской грамоты, а ты с иностранными книгами пристаешь!" Мне объясняли, что если учреждение ликвидировано, то часть его сохраниться не может. Наконец я не выдержала. На столе стоял массивный чернильный прибор, я подошла, вынула из витиеватой подставки чернильницу и, держа ее в руках, продемонстрировала, что и "часть может существовать без целого". Это был "последний довод", мне он казался убедительным, а начальникам — нет. Но я была убеждена в своей правоте и продолжала настаивать, что "часть" может стать "целым". Я ежедневно, как на работу, ходила в Наркомпрос и упорно доказывала необходимость сохранить Библиотеку, утвердить ее как самостоятельное учреждение, оставив на госбюджете. Я убеждала всех, что библиотека иностранной литературы нужна советским читателям, даже тем, кто еще не знает иностранных языков, так как она поможет в их изучении и этим самым принесет пользу государству. Но большинство работников Наркомпроса твердили только: "Нет! Нет! И нет!"

Наконец, после двухмесячных хождений в Наркомпрос, я попала к заведующему отделом педагогического обучения Главпрофобра, члену его коллегии профессору Николаю Ивановичу Челянову. Он меня внимательно выслушал, как-то сразу все понял и, ни слова не говоря, вынул из ящика письменного стола список учреждений Главпрофобра и вписал в него только одну строчку: "Неофилологическая библиотека" и в скобках: "опытно-показательная". Эта строчка явилась воплощением идеи создания библиотеки, которая взяла бы на себя функции не только работы с читателем, но и обучения

иностранным языкам. Не помня себя от радости и благодарности, я была готова броситься Челянову на шею, но его суровый вид и официальная обстановка не позволили мне это сделать. Таким образом, в октябре 1921 года была основана Неофилологическая библиотека как самостоятельное учреждение в системе Наркомпроса РСФСР. Ее штат составили пять человек, включая заведующую и уборщицу, которые остались от НФИ. Ассигнования до конца 1921 года были открыты лишь на зарплату, а на приобретение книг, хозяйственные дела и, главное, на ремонт помещения деньги выделены не были.

Сразу же началась активная работа по сбору книг и подбору сотрудников. У истоков работы была умная и прогрессивная Софья Петровна Александрова — старая политкаторжанка. Очень мне в первые годы помогала приехавшая из Саратова Валентина Афанасьевна Зверева, преподавательница французского языка. К сожалению, в 1924 году нам пришлось расстаться. Несколько позже пришли на работу преподаватели иностранных языков Галина Семеновна Орловская и Анна Константиновна Хованская. Уборщица, она же курьер, Александра Кирилловна Фомина осталась от Неофилологического института. Мы с нею были дружны, она многие годы проработала в Библиотеке.

Это был очень тяжелый период. Приближалась зима, а помещение так и не было отремонтировано: окна без стекол, пол без паркета, на стенах висела отодранная обивка. Об этом писал К.И.Чуковский: "Была каморка, холодная, промозглая, темная, вся заваленная книжною рухлядью. Книги промерзли насквозь. Стерегла это добро исхудавшая, иззябшая девочка, с распухшими от холода пальцами". Да, так это и было, хотя Корней Иванович, один из первых наших читателей и друзей Библиотеки, несколько сгустил краски.

К счастью, к этому времени у Библиотеки появились первые друзья, энтузиасты, которые хотели помочь, видя, что я одна билась как рыба об лед. Среди первых помощников были преподаватели иностранных языков, мечтавшие о возрождении Неофилологического института. Но были и те, кто считал меня просто фантазеркой. Помог, например, директор Книжной палаты, известный историк книги и библиофил Ф.И.Щелкунов, — сжалившись надо мной, он дал большие стекла для окон. Помню, с какой радостью, как несметное богатство, и с каким трудом носила я тяжелые стекла со Страстной площади в Денежный переулок. Ноябрь, снег, а я иду с этими стеклами пешком, потому что на трамвае надо было ехать с пересадками и очень трудно было войти и выйти. Потом надо было их поднять на пятый этаж, а лифт не работал. А тут новая беда — нет алмаза, чтобы

подогнать стекла в рамы, нет постного масла, чтобы сделать замазку. Так я ходила три-четыре раза. Мне был тогда 21 год, и сейчас мне трудно представить, как я могла такую тяжесть носить. Хотя нет! И сейчас бы понесла, если бы нужно было.

В квартире было очень холодно, отопление не работало. На Смоленском рынке выменяла на мамину подушку чугунную круглую печку-буржуйку. Сосед с четвертого этажа помог ее установить в огромном двусветном зале. И вот из трубы печурки, выходящей прямо в окно, течет черная жидкость, дымом наполняется вся комната, но тепла нет. И с печкой замерзали, да и топливо было трудно достать: отопить такой большой двусветный зал нашей печуркой было невозможно. От холода болели руки, мерзли пальцы. Но мы сидели вокруг печки и заполняли карточки на принесенные книги. Изо дня в день становилось все холоднее, голоднее, но обещания мною даны: "Обойдемся без снабжения, все сделаем сами", — жаловаться некому.

Но главные трудности начались, когда мы стали получать книги. Нам приходилось самим переносить их в Библиотеку на руках из Центрального книжного фонда Наркомпроса РСФСР, который находился в знаменитом своей архитектурой доме князя Гагарина на Новинском бульваре, 36 (дом разрушен во время бомбардировок Москвы в начале Отечественной войны). Центральный книжный фонд, куда свозились без разбора книги из национализированных имений аристократии, из домов буржуазии и интеллигенции, был совершенно самостоятельным учреждением и не зависел от Книжной палаты. Тысячи книг были свалены в залах с огромными, очень красивыми печами. Из этого моря книг надо было отобрать нужные для Неофилологической библиотеки. Условия того времени позволяли забирать книги бесплатно. Иностранными книгами интересовались, по сути дела, только мы, другие библиотеки разбирали русские книги. Конечно, вести тщательный отбор книг у нас не было ни сил, ни времени. Работали не покладая рук — нас было два-три сотрудника и несколько энтузиастов — будущих читателей, которые помогали нам отбирать книги и носили их на своих плечах через весь город к нам на пятый этаж.

Новая беда. Всюду мы находили бесконечное количество классиков мировой литературы, книги по истории и философии, о путешествиях, публицистику, научно-популярные и др. Но совершенно не было учебников и учебных пособий по иностранным языкам, не было книг по языкознанию, по методике преподавания иностранных языков.

А как же могла быть открыта Библиотека, которая, как я

доказывала, должна была помочь изучать иностранные языки тем, кто их не знает, и преподавать их? А ведь именно такой читатель должен был прийти в Библиотеку в первую очередь! И здесь помогли книги моей мамы. После ее смерти осталась хорошо подобранная библиотека по лингвистике и методике преподавания иностранных языков, которая хранилась в Саратове. Наркомпрос срочно командировал меня в Саратов, и, получив там контейнер, я перевезла эту коллекцию в Москву. Она стала первоосновой будущего уникального фонда по языкознанию и методике преподавания иностранных языков. Таким образом Библиотека сразу пополнилась специальной литературой для преподавателей иностранных языков.

Вместе с книгами мне удалось перевезти в Москву из Саратова и некоторые мамины громоздкие вещи: пианино, на котором с детства играла мама, старинный дубовый буфет, огромный шкаф из орехового дерева, который я уже в 1960-х годах передала в Библиотеку под хранение раритетов, но который бесследно исчез из Библиотеки после моего ухода на пенсию.

К декабрю 1921 года Библиотека уже насчитывала около двух тысяч книг. А начиналось все с мандельштамовского стенного книжного шкафа. Затем появился ореховый шкаф с саратовскими книгами, и в конце концов — новые книжные полки.

Несмотря на тяжелые времена и почти невыносимые условия, работали радостно, жили с перспективой скорого открытия Библиотеки. И вдруг в один из последних декабрьских дней 1921 года неожиданно в Библиотеку нагрянули инспекторы Наркомпроса для ревизии. На пятом этаже двери библиотеки были настежь распахнуты на общую лестницу, так как дым от топившейся "буржуйки" наполнял всю квартиру. В двусветном зале никого не было: сотрудники уже разошлись по домам, а я, заведующая, жившая там же в мансарде, спасалась от дыма, где могла. Инспекторы, обойдя полное дыма помещение, не найдя ни одного человека, увидя такую "беспризорность" Библиотеки, на следующий день подготовили приказ за подписью начальника отдела педагогического образования Главпрофобра Наркомпроса: "Неофилологическую библиотеку как самостоятельную закрыть и передать книжный фонд и оборудование II МГУ, недавно открытому". Решение было принято быстро и категорично, надежды на его отмену было мало. Я спорила, уговаривала. Но Главпрофобр стоял на своем.

Во II МГУ Библиотеку хотели определить на отделение иностранных языков, которым руководил известный лингвист профессор Клавдия Александровна Ганшина. Я, конечно, пошла к ней. Она помнила мою маму, ценила ее как талантливого

методиста, знала, что мама умерла. При встрече, узнав, что я дочь Э.Я.Рудомино, Ганшина заинтересовалась и моей работой. Я все рассказала про Библиотеку и про себя. Надо сказать, что она была сурова, поначалу держалась весьма строго. Но по мере моего рассказа задумалась, стоит ли разрушать Неофилологическую библиотеку ради неизвестно каких книг, к тому же помещение полуразрушенное, да и мало кто станет ходить из МГУ в Денежный переулок. Единственное, что могло ее заинтересовать, — это мамины книги, но их всего один шкаф. Таким образом, фактически вопрос стоял только об одной тысяче книг. Я объяснила, что эту тысячу книг можно заменить такой же тысячей книг из Центрального книжного фонда. В результате нашего разговора руководство II МГУ отказалось от нашего книжного фонда и от нас, о чем сообщило в Наркомпрос.

Я всегда отстаивала самостоятельность Библиотеки. Не знаю, откуда у меня уже тогда была такая убежденность в том, что если Библиотека будет самостоятельной, то она будет развиваться, а если будет при "ком-то", то ничего толкового не выйдет. Это убеждение я сохранила на всю жизнь. И это, безусловно, красной нитью проходило через все развитие Библиотеки. Библиотека иностранной литературы росла именно как самостоятельная организация, подобно многим созданным в те годы институтам, музеям, театрам. Но нам все время приходилось отстаивать свою самостоятельность. Кому-то нужен был наш штат, чтобы увеличить свой штатный лимит, кому-то наши книги, кому-то помещение. Нас все время хотели к кому-нибудь присоединить: то к II МГУ, то к Библиотеке им. Ленина, то к ИФЛИ. Поскольку я настойчиво боролась, надеясь, веря в то, что это дело государственное и нужное людям, все получалось. А если бы я рассчитывала на другие организации, ничего бы не вышло. В этом я уверена.

В тот раз в декабре 1921 года Библиотеку мы отстояли. Можно было радоваться, что все остается по-старому и мы вновь, не покладая рук, будем готовить Библиотеку к открытию. Но не тут-то было.

В конце 1921 года была утверждена новая смета учебных учреждений Главпрофобра на 1922 год. Но наша Библиотека в списке не числилась! Наступило очень тревожное время. Однако здесь на выручку пришла Главнаука Наркомпроса. Заведующим Главнаукой в тот год был И.И.Гливенко, один из бывших руководителей Неофилологического института. Он прекрасно понимал будущее значение Библиотеки.

Кроме того, библиотечный отдел Главнауки, в ведении которого были научные библиотеки страны, был тесно связан с

нашей библиотекой в течение всего времени ее организации и всемерно оказывал помощь молодому и перспективному учреждению. В результате общими усилиями в список научных учреждений РСФСР уже с января 1922 года была включена и Неофилологическая библиотека. Таким образом, Библиотека вновь вернулась в лоно госбюджетных учреждений Наркомпроса РСФСР.

Летом 1921 года я поступила в Московский государственный университет на факультет общественных наук на отделение языка и литературы. Осенью начались занятия. Много хлопот приносила мне двоюродная сестра Лёля, оставшаяся после отъезда в Германию Екатерины Яковлевны на моем попечении. Она училась в Балетной школе Большого театра. Характер у нее был несносный, она капризничала и досаждала мне, чем могла. Меня, старшую сестру, совсем не слушалась. Мне пришлось взять курс преподавания английского языка в Высшей военной школе маскировки в Кунцеве, что давало и мне, и Лёле, как дочери бывшей заведующей кафедрой английского языка этой школы, право на паек, который мы получали в Коминтерне в гостинице "Люкс" на Тверской (в настоящее время гостиница "Центральная"), К счастью, весной я смогла отправить Лёлю к матери в Берлин. Камень свалился с души.

Зима и начало весны 1922 года прошли в подготовке к открытию Библиотеки. Наконец в апреле Неофилологическая библиотека была открыта для читателей — читальный зал и абонемент выдачи иностранных книг на дом. Уже в скором времени в Библиотеке появились первые читатели. На здании в Денежном переулке появилась вывеска с днями и часами работы читального зала, абонемента и консультантов.

К сожалению, в наш читальный зал пройти было довольно трудно — пятый этаж, лифт не работает, только пешком, а большинство читателей — люди пожилого возраста, учащихся и студентов было мало. Но читатели все равно шли. В апреле 1922 года абонементом ежедневно пользовалось до 35 человек, а читальным залом — 20–25. Систематический каталог состоял из следующих разделов: 1. Философия; 2. Литература; 3. История и география; 4. Мемуары и биографии; 5. Учебный отдел; 6. Детская литература. Библиотека частично была на хозрасчете, и, в соответствии с предписанием Главнауки, с читателей взималась плата в размере 2 млн. рублей за каждую выданную книгу. За просрочку возврата книги взимался штраф в размере 100 тыс. рублей за каждый лишний день. Залог за выдаваемые книги не брался. Журналы и газеты на дом не выдавались. Библиотека сдавала в аренду часть помещения, получаемые средства шли на

ремонт и заработную плату сотрудников.

Как будто все пошло на лад. Мы старались быстро, в меру своих сил, откликаться на те конкретные задачи, которые выдвигала жизнь, но так просто работать нам, конечно, не давали. Вспоминаю, как в 1923 году поступила на нас жалоба, что Библиотека, мол, обслуживает французскими и немецкими романами "московских салопниц" и "нафталинных барынь". Руководящие работники Главнауки только посмеялись, сказав: "Пусть лучше эти "салопницы" читают французские романы, чем перемывают косточки советской власти на коммунальных кухнях…"

Одновременно с комиссиями, которые приходили, чтобы "закрыть, прикрыть, присоединить", были комиссии, которые помогли Библиотеке. Так, в апреле 1923 года пришла для проверки работы Библиотеки комиссия Московского комитета рабоче-крестьянской инспекции (МК РКИ). В то время МК РКИ была "грозой" московских учреждений, ничего хорошего от нее не ждали. Но нам эта комиссия добавила несколько штатных единиц. Это было небывалое событие. Когда я пришла в библиотечный отдел Главнауки и сказала, что у нас теперь по штату должно быть 13 единиц вместо 5, мне просто не поверили, но вскоре пришел официальный документ, подтверждающий новое штатное расписание.

Тогда, в первые годы советской эпохи, новая власть поддерживала людей, стремившихся принести пользу государству, вне зависимости от их партийности. Позже появились партийцы, которые считали, что Библиотека, распространяющая иностранную литературу, вредна и, во всяком случае, во главе такой Библиотеки не может стоять беспартийная, пусть она и создала ее. Руководитель советского учреждения не мог не быть членом партии. Но до 1932 года о моем вступлении в ВКП(б) не могло быть и речи. А с 1932 по 1938 год прием в ряды партии был вообще приостановлен. В 1938 году я стала кандидатом в партию, а в 1939 году членом ВКП(б).

В июле-августе 1922 года я провела свой первый отпуск у родственников на Украине: в Киеве у тети Ольги Яковлевны Москаленко, в Одессе у дяди Якова Яковлевича Кноте. Видела и Сережу Королева, он стал уже юношей. Снова встретилась с Василием Николаевичем и влюбилась. Вернувшись в Москву, жила мыслями о Василии Николаевиче и ожиданием от него писем. Увы, очень редких!

К сожалению, не сохранились мои письма к Василию Николаевичу того времени. Но сохранились некоторые его письма ко мне.

Вот отрывок из его письма, посланного сразу после моего отъезда в Москву:

Киев, 13.IX.1922 г.

Прошло уже несколько дней, как Вы уехали, но мыслями я по-прежнему с Вами. Думать о Вас, вспоминать день за днем все наши встречи — это большая отрада. Три недели трепетной радости, тысячи новых переживаний, целый рой новых мыслей, мечтаний, надежд — надежд на что-то новое, хорошее, мечтаний о счастье, о светлом счастье…

Разве можно забыть это, разве можно об этом не думать?!

Но три недели промчались, как три дня, а счастья нет. Оно было близко. Я его почти осязал. Но мое хождение вокруг да около него, а взять его, схватить, привлечь к себе не отважились. И такое возможное, такое большое, оно невольно разменялось <…>

Целую. Ваш В.

Но до счастья еще было далеко. В разлуке со мной Василий Николаевич начинал сомневаться в своем чувстве, сказывалась разница в возрасте и его природная деликатность. Моя пылкость настораживала и пугала его. Я же страдала и мучилась оттого, что не могу быть рядом с любимым человеком, не могу доказать ему, что мы должны быть вместе.

В Библиотеке продолжалась борьба за существование. Работы было много. Искали новые фонды и новые методы работы. Поставили две основные задачи: необходимо было создать фонд актуальной и наиболее ценной литературы на иностранных языках и сплотить вокруг Библиотеки постоянное ядро читателей.

Для пополнения книжных фондов изыскивались все возможности приобретения иностранной литературы, как имеющейся в стране, так и выходящей за рубежом. В Москве тогда было много революционеров-реэмигрантов. Они знали иностранные языки и были очень заинтересованы в современных иностранных газетах и журналах, особенно коммунистических. Их получали только в Коминтерне, для некоминтерновского читателя они были недоступны. В библиотеках их не было. Помогло мое знакомство с Кларой Цеткин, одной из руководителей Коминтерна. Я поехала к ней, рассказала о Библиотеке, о том, как нашим читателям нужна текущая зарубежная периодика, намеренно подчеркнула, что библиотека находится рядом с общежитием Коминтерна, что и коминтерновским работникам тоже нужны иностранные газеты и журналы, и попросила помочь. Зная, что Клара Цеткин лично получает зарубежную прессу, я спросила, не могла бы она передавать нашей Библиотеке прочитанную ею периодику. Она с радостью согласилась. "Приходите ко мне в комнату, девочка, не

стесняйтесь, если буду спать или дремать, — сказала Клара Цеткин, — берите газеты и журналы, но только с левой стороны кресла, те, что уже прочитаны; с правой же стороны пока не трогайте — эти газеты мною не просмотрены, журналы не прочитаны, а в них вся моя жизнь. Значит, если я сплю, отдыхаю, вы можете войти потихонечку и забрать все с левой стороны". Я была очень рада, так как нас обвиняли в том, что в библиотеке есть только старые романы и обслуживаем мы старых московских салопниц.

Иногда я заходила просто навестить ее, тем более что она жила рядом с Библиотекой в Штатном переулке (район Остоженки). Вспоминаю старинный особняк, завешенная толстыми портьерами большая, полутемная, пахнувшая лекарствами комната, вольтеровское кресло в глубине и дремлющая в нем, укутанная пледом Клара Цеткин. Были видны ее морщинистые, но очень приятные руки… Мне она казалась глубокой старухой, а ей, вероятно, было лишь за 60. Она просыпалась, я садилась на скамеечку около нее, и она рассказывала что-нибудь интересное из своей революционной жизни. Приходил ее сын Максим. Он очень уважал мать, вокруг которой был тогда ореол значимости. Она очень любила сына, но была настоящей революционеркой, и, конечно, на первом месте у нее всегда была общественная и партийная работа. Максима я встретила в 1958 году в Карловых Варах. Он был очень болен. Мы вспоминали дом в Штатном переулке, Библиотеку, и как Максим приносил нам газеты, журналы и разные брошюры, так нужные нам тогда. Думали, как могла бы сложиться его жизнь, если бы он остался в Советском Союзе. Недавно я узнала, что он умер.

Я приходила к Кларе Цеткин почти ежедневно, как на работу, и тихо, чтобы не разбудить тогда уже больную Клару, брала стопку газет и журналов, лежавших на полу с левой стороны кресла. Так же тихо уносила их в Библиотеку.

Благодаря зарубежной прессе, поступавшей к нам таким образом довольно оперативно, Библиотека стала в то время одним из немногих в Москве доступных центров информации, где можно было получить сведения о современной жизни Запада. Сразу расширился круг читателей. Читать текущую прессу на иностранных языках можно было только коммунистическую, так как другой прессы не было, из газет это были в основном немецкая "Rote Fahne", французская "L'Humanite", итальянская "Unita". Спрос на них был огромный. Я рассказала об этом Кларе Цеткин, она договорилась с кем-то из коллег-коминтерновцев, и нам стали давать еще один экземпляр этих газет.

Библиотека продолжала увеличивать свои фонды.

Современную иностранную литературу, в основном беллетристику на немецком, французском и даже английском языках, мы стали получать из Берлина от нашей книжной закупочной комиссии в Германии.

Библиотека добивалась передачи ей иностранных книг, лежавших без движения в других фондах. Так, осенью 1922 года мы выяснили, что в библиотеке им. Островского, помещающейся по соседству и находящейся в ведении Хамовнического райисполкома, уже в течение 2,5 лет в подвале в неразобранном виде лежат книги на французском, немецком и английском языках. Администрация библиотеки только приступила к их разборке и каталогизации. Библиотека им. Островского обслуживала главным образом рабочую массу района и не нуждалась в такой литературе. Наши просьбы увенчались успехом, и Библиотека получила около 12 тысяч томов иностранной литературы.

Деятельность Библиотеки получила поддержку московской интеллигенции и учащейся молодежи. Хочу привести ниже письмо группы профессоров, преподавателей и студентов МГУ и других московских вузов в Главнауку Наркомпроса о выделении Библиотеке иностранной валюты на закупки периодики за границей.

> "В течение нескольких лет Россия была почти совершенно лишена сношений с Западной Европой. Что делалось на Западе, как он жил и мыслил, оставалось неизвестным, так как только в исключительных случаях было возможно регулярное получение газет и журналов и, следовательно, наибольшая часть населения Москвы — столицы государства — лишена была возможности следить, хотя бы с некоторым опозданием, за общественной и научной жизнью Запада.
>
> С конца 1921 года Неофилологической библиотеке с невероятными трудностями удалось завязать отношения с иностранными фирмами и установить получение газет и журналов, а с 1922 года это дело настолько было урегулировано, что французские и немецкие газеты стали получаться Библиотекой на 5-й-6-й день, английские — несколько позже. В этом отношении Неофилологическая библиотека является единственной в Москве. Даже Публичная Румянцевская библиотека не имеет регулярного поступления иностранной периодической печати. Без преувеличения можно сказать, что, благодаря Неофилологической библиотеке,

значительная часть московской профессуры имеет возможность жить и мыслить вместе с представителями заграничного ученого мира, так как выбор иностранных газет и журналов носит строго академический характер. Лишить Неофилологическую библиотеку дальнейшего получения такой литературы — значит поставить русского интеллигентного читателя в условия 1918 и 1919 годов.

На основании вышеизложенного мы, нижеподписавшиеся постоянные читатели Неофилологической библиотеки, просим Вашей поддержки в деле получения этой библиотекой периодической иностранной литературы, так как сама библиотека в настоящее время вряд ли может оплачивать расходы по выписке газет и журналов".

Под этим письмом стояли подписи профессоров МГУ А.Бачинского, В.К.Дмоховского, А.Соколова и других (всего свыше 40 подписей).

В июне 1922 года при Библиотеке было организовано Бюро по выписке иностранной литературы из-за границы, в начале 1920-х годов мы оказались монополистами в этой области. За валюту мы выписывали на принципах хозрасчета новую литературу не только для себя, но и для научных учреждений и творческой интеллигенции. Мы брали комиссионные, которые отчислялись за границей в месте покупки книг. На эти комиссионные мы выписывали новую литературу.

Новая иностранная литература привлекла к нам переводчиков: И.А.Кашкина, М.Л.Лозинского, П.Г.Антокольского, В.Ф.Кельина, М.А.Зенкевича. Б.А.Грифцов говорил, что всех современных французских писателей он открыл через нашу Библиотеку. Первый переводчик Дж. Конрада Е.Л.Ланн признавался, что познакомился с творчеством этого писателя благодаря нашей Библиотеке.

Выписывать книги из-за границы через наше Бюро пришла целая группа математиков из Москвы, Воронежа, Курска. Первыми были М.А.Лаврентьев, Н.Н.Лузин, Л.А.Тумаркин, женщина-математик Н.К.Барсс. В дальнейшем академик М.А.Лаврентьев, будучи вице-президентом АН СССР и председателем Сибирского отделения АН СССР, всегда помогал Библиотеке.

Выписывали иностранную литературу и известные архитекторы: А.В.Щусев, И.В.Жолтовский, братья Веснины. С.Е.Чернышов, с которым как-то в 1960-х годах я встретилась в

доме отдыха "Суханово", сказал мне: "Неофилологическая библиотека просто приоткрыла мне мир". Появились и медики — психиатр П.Б.Ганнушкин, гематолог И.Хорошко. Большую сложность составила выписка книг по искусству. Они были очень дорогими. Но все-таки мы их выписывали. Первым их читателем всегда был историк искусства В.Н.Лазарев, наш постоянный посетитель.

Вот что вспоминал о том времени старейший сотрудник Библиотеки, известный искусствовед Николай Иванович Пожарский (опубликовано в газете "Говорит ВГБИЛ" в мае 1957 года):

> "Я помню нашу Библиотеку почти что с самого первого дня ее "рождения". Она родилась в золотую пору расцвета советской литературы, театра и искусства. Я был в то время заведующим библиотекой Академии художественных наук, находившейся на ул. Кропоткина по соседству с Неофилологической библиотекой. Многие из числа членов Академии (П.Н.Сакулин, живший в том же доме, где помещалась Неофилологическая библиотека, М.Н.Розанов, М Д.Эйхенгольц и др.) знали уже об этой Библиотеке и посоветовали мне установить с ней дружескую связь. Отчетливо помню свой первый "визит" в эту Библиотеку и первое впечатление от этого визита, как от встречи с чем-то очень молодым, жизнерадостным и уверенным в себе. В Библиотеке все тогда было светло, начиная с золотых волос и светлого платья Маргариты Ивановны, почти еще девочки, и ее немногочисленных тогда помощниц, таких же юных и жизнерадостных, таких непохожих на библиотекарш в моем представлении. Но, несмотря на всю свою необычность, это были замечательные библиотекари. Они, может быть, не знали тогда в совершенстве всех правил каталогизации, но ясно представляли цели и задачи новой Библиотеки, отчетливо отделяя все главное от второстепенного. Помню, меня поразило тогда, что этот немногочисленный штат, работавший с очень немногочисленным книжным фондом, главное свое внимание отдавал комплектованию Библиотеки: самих книг еще не было, но были проспекты, каталоги, библиографические журналы, причем это не лежало мертвым грузом, а подвергалось тщательному изучению и проработке. Количеству дезидерат могла бы позавидовать любая большая библиотека, причем

большая часть этих дезидерат не оставалась только пожеланиями, а осуществлялась на деле, благодаря энергии руководства Библиотеки, сумевшего убедить проф. И.И.Гливенко, стоявшего тогда во главе Комиссии по иностранному комплектованию, в необходимости выписки этих книг. Эта забота о продуманном комплектовании занимала Библиотеку и позднее.

Библиотеке — с первых же шагов ее деятельности — конечно, очень помогало то, что наряду с ее энтузиастами-сотрудниками, влюбленными в свою Библиотеку, ей приходил на помощь многочисленный и совершенно бескорыстный "штат" ее верных друзей, не менее энтузиастичных. Достаточно вспомнить имена акад. М.Н.Розанова, профессоров М.М.Морозова, Б.А.Грифцова, М.Д.Эйхенгольца, И.И.Анисимова, И.А.Кашкина, В.Ф.Кельина, В.С.Узина и многих, многих других.

С каждым годом Библиотека росла и крепла. Она нашла свое место среди других крупных библиотек. Проверка временем доказала правоту тех идей, которыми была полна Библиотека в пору ее рождения, и теперь уже никто не сомневается в необходимости наличия специальной библиотеки иностранной литературы".

Наш старый читатель Яков Львович Раппопорт, автор известной книги "Дело врачей", так описывает меня и мою деятельность в середине двадцатых годов:

"Попробую нарисовать портрет Маргариты Ивановны в те годы. Мне она казалась девушкой выше среднего роста, стройной, с мягкими, изредка порывистыми движениями. Лицо несколько скуластое, с выразительными мягкими чертами. Ее нельзя было назвать ни красивой, ни даже хорошенькой в банальном определении девичьего лица. Покоряли ее глаза — умные, внимательные, серьезные, часто освещающие лицо веселым взглядом. В сочетании с неизменной приветливостью (высшее качество женщины) общий облик Маргариты Ивановны всегда оставлял чарующее впечатление и память о ней.

В контакте с Маргаритой Ивановной быстро раскрылось погружение ее не в традиционную область науки, а в другую, сопряженную с ней, область колоссальной важности — библиотечное дело. Миру

известна ее роль пионера в организации Библиотеки иностранной литературы в нашей стране. Я был свидетелем этого дела в его самом зачаточном состоянии, свидетелем того энтузиазма, который овладел Маргаритой Ивановной. Это нельзя назвать банальным словом "организация": это было подлинное высокое творчество. Подлинными творческими достижениями был каждый новый библиотечный шкаф, каждая новая пачка иностранной литературы и т. д. Преклоняться надо перед самым замыслом этого дела, верой в его важность у молодой девушки. Каюсь, я в ту пору не полностью понимал весь масштаб его. Меня более убеждал и заряжал энтузиазм Маргариты Ивановны, ее убежденность, которая заразила многих и сыграла немалую роль в достижениях Маргариты Ивановны.

На заре основания Библиотеки иностранной литературы она размещалась в нескольких комнатах в Денежном переулке, и Маргарита Ивановна с гордостью создателя приглашала меня посетить ее. Гордясь этим достижением, Маргарита Ивановна, несомненно, видела перспективу или мечтала о ней. Поразительно, если перенестись в обстановку 1920-х годов, в возраст не мечтателя, а активного борца! <".>*.

В первые же годы после открытия Библиотеки к нам стали обращаться и крупные государственные и партийные руководители — А.В.Луначарский, Г.В.Чичерин и др.

Замужество

В личной жизни 1923 и 1924 годы были для меня судьбоносными. Новый 1923 год я встретила в шумной компании у себя в Денежном переулке. Но я была грустна: Василий Николаевич не захотел приехать на Рождество в Москву. Тогда я решила сама поехать в Киев. Купила железнодорожный билет, но в последний момент продала его и осталась дома. Посчитала, что раз он не хочет, то и я навязываться не стану. В апреле 1923 года я на несколько дней все же ездила в Киев выяснять отношения с Василием Николаевичем. Моя любовь к нему крепла, он же уверял, что недостаточно меня любит, чтобы объединить наши жизни. Когда мы видимся — он мой. Стоит уехать — молчание. Это доказывали и редкие письма ко мне.

Киев, 13.V.23 г.

Передо мною Ваши письма, а во мне горькое сознание того, что я не могу ответить Вам так, чтобы сделать Вас счастливой.

Ритуся миленькая! Если бы ты знала, как мне это тяжело. Ведь я понимаю, что ответить на твои письма так, как только могу я ответить, это равносильно, как если бы по рукам, ласково тянущимся обхватить вокруг шеи, грубо ударить кулаком или что-нибудь подобное.

Но что я могу сделать? Риточка, миленькая! Ну что я могу написать?! Вы думаете, что я кого-то другого люблю. Нет, я никого другого не люблю, но не люблю и Вас. Нет, нет, нет — не так. Не то что не люблю, но я не люблю так, чтобы мог сказать — я люблю тебя — сказать, влагая в эти слова всю силу значения их и всю глубину чувства. И вот этот диссонанс в наших отношениях и причиняет мне страдания, и чем теплее, чем ближе твои письма, тем тягостнее у меня на душе. Тягостно от того, что закралось в наши отношения с моей стороны. Когда ты возле меня, ты завладеваешь моими чувствами и отчасти мыслями <… >.

Думайте обо мне плохо: я заслужил худшего, я это сознаю и не знаю, как исправить. Но для меня одно ясно…

Нам нельзя сейчас встретиться, нельзя. Я понимаю, как тяжело будет тебе получить это письмо, и страшусь и страдаю за тебя. Если можешь понять и простить, напиши. Но только не требуй невозможного.

В.

P.S. Ведь Вы всегда говорили, что сильны.

P.P.S. Целую твои ручки и ладошки. В.

Летний отпуск 1923 года проводила в Киеве у тети Ольги Яковлевны. Отношения с Василием Николаевичем налаживались. Мы много бывали вместе, гуляли по красивым улицам Киева, утопающим в зелени каштанов, по чудесным паркам, раскинувшимся ‘на высоком берегу Днепра, и очень осторожно и неуверенно строили планы на будущее. Это время я всегда вспоминала, и вот через 27 лет в 1950 году в письме к Василию Николаевичу в Москву из Киева, где я была в командировке, я писала:

Киев, 2 апреля 1950 года.

Толек[8]*, мой любимый. Переживала и переживаю сегодня нашу молодость, любовь… Когда поднималась по лестнице на 2-й этаж на Некрасовской, 3 — сердце дрожало и билось, а ноги стали ватными. Такое же чувство было и 27 лет тому назад… Что же это? Только воспоминание? Нет, больше, верно оно и сейчас. А когда я была на Владимирской горке, то ясно казалось, что ты где-то рядом и сейчас мы поедем от Днепра в лес. И Днепр напомнил*

мне Канев, только Днепр не такой широкий. И в сад заходили, где мешала "черточка". Это уже не пустырь, а разбит сквер, где дети играют и старые не прочь на солнышке погреться. А в Киево-Печерской Лавре вспоминала, как когда-то над Днепром сидела я одна и плакала из-за обиды на тебя и думала, что не лучше ли в Днепр броситься. А когда вечером ты пришел на Костельную к тете Оле, где я жила, то и не знал омоем отсутствии. Но скоро тогда наступило примирение, и мы не вспоминали об этом. Ты помнишь? А когда я спускалась с Костельной, то площадь сейчас стала такой большой из-за разрушений на Крещатике, что я не смогла узнать того места, где ты извозчика на Львовскую "торговал".

И целый день чувство то старое — какое-то волнение, томление, и так хотелось тебя за руку держать и близко с тобой под руку идти, что ни о чем другом и думать не хотелось. <…>

Целую Рита.

Мой отпуск подходил к концу, когда оказалось, что Василий Николаевич должен был по делам службы поехать в Канев и Ржищев — поселки на Днепре, недалеко от Киева. Я, как личность самостоятельная, изъявила желание поехать вместе с ним, но тетя Ольга Яковлевна, человек старого воспитания, категорически воспротивилась этому. Только после долгих уговоров она согласилась на мою поездку при условии, что мы возьмем с собой Сережу Королева. Сережа в то лето гостил у бабушки в Киеве. За последние 5 лет, в течение которых я его не видела, он стал крепким и рослым подростком. Ему было семнадцать лет, и он был занятным юношей, главное — не стандартным. С первого же дня моего приезда в Киев он поразил меня любознательностью и бойкостью. А я его заинтересовала тогда как москвичка первых лет советской власти. Для него, проведшего революцию и гражданскую войну в Одессе, где он учился в школе, мои рассказы были новы, и он не отходил от меня, расспрашивая обо всем и обо всех, и у нас сразу установился контакт, которого не было тогда в 1916 году на Днепре в Плютах. Хотя я, по правде говоря, будучи занята Василием Николаевичем, на Сережу обращала мало внимания. Итак, мы поехали втроем. Драматический случай во время той поездки сильно врезался в память, и хотя прошло более полусотни лет, я помню его в малейших подробностях.

Было это в Каневе на Днепре, где похоронен Тарас Шевченко. В то время могила его еще не имела современного памятника, но и тогда на горе над Днепром, где был предан земле прах поэта, высился огромный и по-своему величавый деревянный крест. По вечерам, когда Василий Николаевич освобождался от работы, мы

втроем брали с берега какую-нибудь свободную рыбачью лодку и переезжали на другой берег Днепра, где проводили чудесные вечера. В тот вечер на берегу оказалась лишь одна старая лодка, возможно безнадзорная, и, как всегда, Сережа за веслами, я за рулем, поплыли на противоположный берег. Вечер был замечательный — тепло, тихо, красиво. Спокойно и хорошо на душе. Покупались, полежали на песке и отправились обратно. Днепр широкий, стемнело, полная тишина, ни одной лодки на реке. Слегка уставшие, счастливые и довольные всем на свете, мы молча тихо плыли. И вдруг заметили, что на дне лодки появилась вода, все больше и больше. Василий Николаевич пересел за руль, а я стала вычерпывать воду какой-то ржавой посудиной, валявшейся на корме. Но вода, несмотря на мои усилия, все прибывала и прибывала. Вначале мы смеялись, пугали друг друга тем, что тонем, я кричала со смехом: "Дяденька, дяденька, помогите!" Но с каждой минутой вода в лодке прибывала. Мы сняли обувь, немного приутихли. Не знаю, кто первый осознал грозившую опасность, но стало ясно, что дело может кончиться худо. Я хотя и выросла на Волге и умела плавать, но долго не могла держаться на воде. А Василий Николаевич вырос на нежинском "болоте" (так называли речку Остер в Нежине) и плавать не умел совсем. И тут бразды правления взял Сережа. Первым делом он крикнул: "Без паники!" Потом, быстро сориентировавшись в обстановке, громко и властно скомандовал: "Слушаться меня. Все будет в порядке… Дядю Василия я беру на себя и благополучно доставлю его на берег при условии — не хватать меня за шею, руки и ноги. Вам, Маргарита, даю возможность, когда очень устанете, слегка держаться моей руки. Во всяком случае, поплывем рядом, и я Вам тоже помогу добраться до берега. Самое главное — спокойствие, без моего сигнала ничего не делать, сейчас продолжайте вычерпывать воду, а ты, Василий, веди лодку прямо через середину реки к берегу". Так мы плыли дальше с замиранием сердца и ждали сигнала Сережи, когда надо бросаться в воду. Я безнадежно продолжала кричать, но уже всерьез, во все горло: "Дяденька, дяденька, спасите!" И вдруг, как по волшебству, "дяденька" появился из-за поворота — бакенщик, зажигающий огни на реке. Он быстро подплыл к нам на лодке. Мы также быстро перебрались к нему и, едва отплыли на пять-шесть метров от нашей лодки, увидели, как она ушла в воду, образовав воронку.

Смотреть было страшно, а думать тем более… Вот так спас нас от катастрофы Сережа своим спокойствием и решимостью. Его быстрая реакция, способность владеть собой в минуту опасности, смелость и организованность помогли нам совладать

со страхом и удержали от рискованных в таком отчаянном положении поступков. Этот драматический случай на Днепре еще больше сблизил нас троих, особенно Василия Николаевича и меня.

Августовская поездка в Киев решила нашу с Василием Николаевичем судьбу. Договорились соединиться: Василий Николаевич должен был приехать в Москву, предположительно 7 ноября. Но затем отложил переезд до нового Рождества, затем до старого. Писал мне письма.

Киев. 10.X.1923 г.

Да, да, да! Я твой. Но что же ты, миленькая, молчишь? Сегодня 10-е, и я его не забыл, а от тебя давно уже нет ни слова.

Родненькая моя дитя! Что с тобой? Почему ты ничего не пишешь? Каждый день, приходя домой, застаю одно: на письменном столе ничего нет. Может быть, ты уже и забыла меня? А я тебя помню. Ни на одну минуту не забываю. Когда я бываю в отъездах, тогда я тихо думаю о тебе и заглядываю в будущее. Потому что тогда я бываю совершенно один, настолько один, как если бы жил не между себе подобными. Но когда я здесь, тогда меня бурно тянет к тебе: меня окружают мне подобные, но далекие чужие, и я чувствую, что только ты можешь дать мне ласку и тепло. <…>

Хочу, чтобы ты была здорова.

Сейчас уже не езжу. Начались серьезные занятия, много работы. Спешу закончить, чтобы сегодня отправить.

Будь здорова! Твой В.

Я не выдержала разлуки и в декабре 1923 года взяла отпуск на неделю, дала телеграмму Василию Николаевичу и поехала сама в Киев. Он встретил меня на вокзале и отвез в гостиницу "Palace Hotel" на Крещатике (б. Фундуклеевской). Но 31 декабря я переехала на Некрасовскую, где Василий Николаевич жил с матерью Марией Матвеевной и двумя нянями из их нежинского дома. Всем было сказано, что я приехала прямо с вокзала. Новый год мы встречали все вместе в семье Москаленко.

1924 год стал одним из самых замечательных в моей жизни. На первый день Рождества по старому стилю я привезла Василия Николаевича из Киева в Москву. 16 января 1924 года мы расписались в отделении милиции в Гагаринском переулке и взяли двойные фамилии: я — Рудомино-Москаленко, а Василий Николаевич — Москаленко-Рудомино. Иначе нельзя было — фамилии должны были быть у супругов одинаковыми. У меня получилось двойное родство с семьей Москаленко: моя тетя Ольга Яковлевна была замужем за Юрием Николаевичем Москаленко, а я вышла замуж за его младшего брата Василия Николаевича, который был на 10 лет старше меня и с которым мы

в 1979 году отпраздновали алмазную свадьбу — 55 лет совместной жизни. Вся моя жизнь с 14-летнего возраста тесно была связана со всей семьей Москаленко — Королевых — Баланиных.

Вечером 16 января мы отпраздновали наше бракосочетание у нас на мансарде в Денежном переулке. Собрались друзья — Костя Радвилович, Юра Высоцкий, Катя Дютель, Мара Зеликина-Сапгир. Был уже нэп, и наша уборщица Александра Кирилловна постаралась нас вкусно угостить. Потом были первые счастливые дни с Василием Николаевичем.

А в конце января, на следующий день после похорон Ленина, совершенно неожиданно к нам в Библиотеку пришел нарком просвещения А.В.Луначарский со свитой, которую возглавлял управляющий делами Наркомпроса Ю.Н.Ган. Луначарский, входя, не поздоровался, уходя, не попрощался со мной. Он осмотрел помещение Библиотеки на 5-м этаже и в мансарде, оно ему понравилось, и он сказал Гану: "Хорошо. Я беру". Повернулся и пошел из квартиры. Свита за ним. Когда я услышала слова: "Я беру", то поняла, что нас будут выселять. У меня, конечно, страшно забилось сердце, я безумно испугалась. На следующий день все выяснилось. Помещение Библиотеки должно быть срочно освобождено под квартиру наркома Луначарского. Тогда говорили, что у него квартира в Кремле, где живет его жена, старая большевичка А.А.Малиновская, а он с актрисой Н.Розенель и ее матерью живет в коммунальной квартире, переделанной из помещения банка Гука на Мясницкой улице, дом 17.

Через 2 дня меня вызвал в Наркомпрос заведующий Главнаукой Ф.Н.Петров (он заменил на этом посту И.И.Гливенко) и сказал: "Милая моя! Должен вам сказать неприятную вещь. Библиотеке надо освободить помещение в Денежном переулке. Ничего не сделаешь. Мы вам поможем, передадим две комнаты в помещении ГАХН[9]". И мне был вручен приказ о нашем переезде.

ГАХН была рядом с нами, на углу Пречистенки и Левшинского переулка в старинном особняке знаменитой Поливановской гимназии. Я осмотрела выделяемое помещение. Это были две маленькие комнатки. Переезд в них был равносилен закрытию Библиотеки. Там даже негде было сложить книги, которые стояли на стеллажах в Денежном переулке. Я получила письменное распоряжение о том, что 12 февраля Библиотека должна освободить помещение в Денежном переулке и что в этот день для перевозки книг прибудут телеги. Но я решила в этот день закрыть Библиотеку, а сама пойти в Наркомпрос, показать, что я на работе. Пришла в Наркомпрос, меня спрашивают: "А как же книги?" Я ответила, что не могу их перевезти, так как это

равносильно закрытию Библиотеки. Мне говорят: "Ну вы же должны понять. Это распоряжение начальства. Мы ничего сделать не можем". Я иду к Ф.Н.Петрову. Он на меня сразу набросился: "Ну как же так можно делать? Как же можно?" Я твержу, что такое переселение является закрытием Библиотеки. Вдруг из секретариата донесся невероятный крик и стук. Я первая бросилась туда и увидела человека, который бился в припадке. Я до того испугалась, что бросилась обратно в кабинет Федора Николаевича, встала за его стул и говорю: "Там происходит что-то ужасное". Я никогда не видела эпилептических припадков. Федор Николаевич был врачом, моментально вышел в секретариат, быстро сделал что надо, поставил больного на ноги, вызвал кого-то. Вернулся в кабинет, увидел меня дрожащую и говорит: "Ну как же так. Вы не дрожали от того, что не выполнили приказ. Вы же совершили преступление. Ведь вам в письменной форме было сказано, а вы приехали сюда и задрожали от того, что увидели эпилептика. Вы представляете себе, что там лошади простаивают. Ведь лошадей-то нет. Когда мы еще сможем дать вам лошадей. И вы понимаете, что я не могу оставить безнаказанным такой поступок". Я уже не помню, плакала я или нет, но он меня утешил, и я сказала: "Ну хорошо, давайте перевезем книги, что делать, ничего не поделаешь, нужно перевезти". Через неделю Библиотека переехала в помещение ГАХН. Книги сложили штабелями в двух комнатах, и с разрешения Ф.Н.Петрова мы их не распаковывали, так как некуда было бы поставить. Завалили обе комнаты почти до потолка. Стеллажи пришлось бросить в Денежном переулке. Я получила выговор за неподчинение приказу. И все повисло как-то в нерешенных вопросах.

В конце февраля и марте было затишье. Идти к А.В.Луначарскому с просьбой о новом помещении было бесполезно. Да я его и боялась. Библиотека для читателей была закрыта. Официально это выглядело так: "Учитывая неудобства читателей, вынужденных подниматься на 5-й этаж большого дома (лифт бездействует) и некоторые другие соображения, Главнаука постановила перевести Неофилологическую библиотеку из занимаемого ею помещения на углу Денежного и Глазовского переулков в помещении ГАХН, где для нее выделены две комнаты". Конечно, выселение Библиотеки вызвало резкое недовольство наших читателей и в первую очередь известных творческих деятелей, для которых мы выписывали литературу за границей. Кто-то из знаменитых архитекторов поговорил об этом в ЦК партии с директором Большого театра, членом ЦК ВКП(б) Еленой Константиновной Малиновской. Вопрос дошел до ЦК партии. Очевидно, следствием этого явилась задержка в

переселении. Мы продолжали сидеть в Денежном переулке, а книги находились в ГАХН. Я жила в мансарде.

Наконец в начале апреля я получила решение Наркомпроса о том, что Библиотеке предоставляется помещение в здании Исторического музея на Красной площади. Нам выделили "царские комнаты", т. е. три комнаты, специально построенные и оборудованные для Александра III во время строительства Императорского Исторического музея: кабинет, приемная и спальня. Эта квартира, а теперь наше помещение, имела свой вход со стороны Забелинского проезда, напротив Никольских ворот Кремля. Кабинет и приемная были отделаны дубом, в них вели огромные дубовые двери, потолок тоже дубовый, резной, очень красивый. Располагался в этом помещении Музей-Институт Классического Востока (МИКВ), который был создан в 1918 году, но к тому времени все еще находился в стадии организации, хотя насчитывал уже свыше 4000 предметов. К сожалению, вся эта перестановка окончилась закрытием Наркомпросом этого перспективного культурного учреждения. Коллекции МИКВ пополнили фонды Музея изящных искусств, в дальнейшем Музея изобразительных искусств им. А.С.Пушкина. А я к тому же нажила себе врага в лице одного из организаторов Музея-Института, в будущем известного востоковеда профессора Всеволода Игоревича Авдиева, а в то время такого же молодого энтузиаста, как и я. К сожалению, это обстоятельство негативно сказалось на наших отношениях. Они восстановились лишь в 1951 году.

А было это так. Как-то летом 1951 года я стояла у окна на втором этаже своей дачи в Барвихе. Недалеко от дачи проходила дорога, по ней шли какие-то люди. Вдруг слышу: "Маргарита Ивановна!" Спускаюсь к дороге и узнаю Всеволода Игоревича, который, оказывается, с семьей снимает в Барвихе дачу. Мы не общались с 1924 года. Говорят, что "от ненависти до любви один шаг". Так и у нас получилось. После этой встречи мы дружили семьями еще более тридцати лет. Всеволод Игоревич вспоминал то время и, смеясь, всегда говорил: "А я вам, Маргарита Ивановна, благодарен — закрытие Музея-Института Классического Востока заставило меня пойти совершенно по другому пути в работе. Может быть, я никогда не начал бы так усердно заниматься наукой и не стал бы тем специалистом по Древнему Востоку, какой я есть, если бы сохранился этот музей".

Не могу здесь же не передать рассказ Всеволода Игоревича, как он стал лауреатом Сталинской премии по истории. Он рассказывал: "Как-то в 1951 году, где-то уже около 1 часа ночи, раздался телефонный звонок. Звонит председатель комитета по

Сталинским премиям академик Д.В.Скобельцын и просит срочно передать ему мой учебник "История Древнего Востока". Я, конечно, готов был передать его, но не понимал, в чем дело. Через пятнадцать минут уже прибыл фельдъегерь и забрал учебник. А на следующий день я уже стал лауреатом Сталинской премии I степени с самой большой денежной суммой, которая не была предусмотрена в разделе "История". В чем же дело? Оказывается, в тот вечер Сталин читал мой учебник, в котором, очевидно, в делах описываемых мною древневосточных деспотов нашел что-то полезное для себя. Ему понравилась книга, и он позвонил Д.В.Скобельцину и распорядился, вне времени присуждения премий, дать мне самую большую премию, что моментально и было сделано. А за этим пошло переиздание моего учебника, меня переселили через год из коммуналки в высотный дом на Котельнической набережной". И кончил рассказ словами: "Вот так, Маргарита Ивановна, с вашей легкой руки я стал знаменитостью".

В начале апреля 1924 года А.В.Луначарский с Н.Розенель переехали в Денежный переулок. Я тогда еще жила на мансарде. Они переехали совершенно неожиданно утром и предложили мне в тот же день перебраться в освобождаемую ими квартиру на Мясницкой улице, 17. Я набралась храбрости и зашла в бывший мой кабинет, где находились А.В.Луначарский с Н.Розенель. Они сидели за письменным столом, на котором стояла большая плетеная корзинка со свежей клубникой. Из-за разрухи я уже несколько лет не видела клубники. А тут целая корзинка, да еще в апреле месяце! Я тогда была уже в положении, на третьем месяце беременности, и, конечно, я жадно посмотрела на клубнику. Но меня встретили недоброжелательные взгляды, сесть мне не предложили. Мотивируя своим плохим самочувствием, я попросила Анатолия Васильевича отложить мой переезд на следующий день. Он разрешил. Но его решение разозлило Розенель, она начала кричать на него и на меня, схватила корзинку с клубникой и бросила ее в стену, где в дверях стояла я. Я выскочила из кабинета и расплакалась.

Когда мы переехали в коммуналку на Мясницкую, 17, то соседи только и рассказывали о скандалах Луначарского и Розенель. Мы на своем опыте убедились, что, очевидно, бросать посуду в стены было излюбленным ее занятием. Сколько мы ни ремонтировали гостиную в квартире на Мясницкой, никак не могли ликвидировать жирное пятно на стене. Клеили новые обои, а оно опять появлялось. Мы не могли понять, в чем дело. И тогда соседи нам рассказали, что в одной из ссор Розенель бросила в стену тарелку с котлетами. С тех пор это пятно не пропадает, хотя

они его сами заклеивали обоями, но вывести не смогли и повесили на это место картину. Так же поступили и мы.

Так окончилась "эпопея" с выселением Неофилологической библиотеки и меня с Денежного переулка. Безусловно, переехав в Исторический музей, Библиотека только выиграла. Я знаю, что А.В.Луначарский за наше выселение получил выговор по линии ЦК ВКП(б). Саму квартиру, включая и мансарду, быстро отремонтировали, лифт и отопление восстановили. Получая мебель для Библиотеки на складе реквизированной государством мебели в особняке фон Мекк на Новой Басманной, я часто встречала Розенель, которая выбирала там мебель для своей квартиры. В настоящее время в бывшем библиотечном помещении в Денежном переулке находится мемориальный музей-квартира А.В.Луначарского.

Василий Николаевич уехал в Киев в последних числах января. Это было связано с тем, что он не мог в середине учебного года бросить работу в бывшей Александровской гимназии в Киеве и другой школе, где он преподавал по совместительству. Он мне часто писал нежные и заботливые письма.

Киев. 2.II.24 г.

Рита, милая, родная, дорогая, жена моя славная!

А вот ты мне и не пишешь! Я слово сдержал, и хотя и немного, но все же написал тебе в среду, а ты мне после не написала. А я беспокоюсь и очень хочу знать, как ты себя чувствуешь после понедельника. Здорова ли, какое настроение, что думаешь? Мыслями с тобой, с тобой душою, с тобой чувствами.

Я уже тебе писал, что доехал прекрасно. Дома меня встретили с выполнением всех традиций. Бабушка уже не спала, хотя я и приехал на рассвете, и встречала меня с хлебом и солью и образом. Всеми предполагалось, что и ты приедешь. Бабушка, конечно, немного поплакала, что не пришлось ей благословить раньше. Анюта восемь раз поцеловала в щеку и поздравила с "законным браком". Варя целый день рассматривала меня и, в конце концов, решила, что я совсем не изменился. Вечером была вся Костельная и Некрасовская. Маруси, оказывается, еще нет. Это она только собирается приехать. Пили за твое, а также и мое здоровье. Своему слову был верен и не только дома, но и даже на службе кольцо не снимал. На другой день в школу тоже надел. Правда, сейчас не выдержал характера и надеваю только иногда.

Ритуся, миленькая! Сегодня уже неделя, как я от тебя уехал. Я уже успел соскучиться по тебе, часто-часто думаю о тебе, а ты мне все не пишешь. Каждый день я глазами ищу, придя домой, на письменном столе письмо и каждый день ничего там так и не

нахожу. Может быть, на тебя напали бандиты, когда ты возвращалась с вокзала, может быть, ты заболела? Видишь, Риток, какие мне мысли приходят. А может быть, ты была в том Наркомпросе, который взорвался и сгорел (правда, он сгорел в Харькове, но ведь и я христианин, а чуть не погиб в синагоге, когда она горела).

Нет, Риточик, без шуток, немедленно напиши, как ты поживаешь, что было в понедельник. Ты молчишь, и мне кажется, что ты думаешь, что к этому вопросу отношусь с холодностью и безразличием мудрого человека. Совсем, конечно, нет. Мысль о том, что с тобой, мысль о понедельнике приводит и интересует меня не только как меня, не только как мужчину, но и как твоего мужа. Думаю о тебе с лаской и любовью и чувствую, что твою печаль способен перенести, как свою, твою боль почувствовать, как свою. Итак, будь здорова.

До свидания. Твой В.

Для переезда с Денежного переулка на Мясницкую Василий Николаевич на несколько дней приезжал из Киева и помог перевезти вещи. Мы были счастливы свиданием, но он был вынужден опять уехать. У меня осталась жить его няня Анна Ивановна. В начале мая, на Пасху, я поехала в Киев. Пробыла несколько дней и вернулась в Москву. Из Киева Василий Николаевич продолжал писать мне хорошие письма. Я была так занята Библиотекой, что писала ему редко.

Киев, 9 мая Ритося миленькая, родная жена!

Уехала ты, и опять жизнь потекла по старому холостяцкому руслу… Но есть одно новое в этой жизни — это постоянная мысль о тебе. А это не та мысль — работа воображения, которая приводила в трепет год тому назад, а та, которая перешла в привычку и во время работы и во время отдыха переноситься к тебе, примерять то, что вокруг меня и во мне, к тебе. Наша близость в последнюю нашу встречу до того увеличилась, приняв постоянную и прочную форму, что я чувствую, как влечение мое к тебе сделалось более требовательным и активным. Но это чувство требует для себя питания, поэтому с каждым днем для меня все яснее и яснее, как нужны для нас встречи. Отклонение от этого пути вызывает во мне борьбу, и поэтому сейчас хочу одного, чтобы с тобой опять увидеться, и мысль о том, что летом мы опять будем вместе, мне особенно мила. Первая половина твоего письма о счастье личной жизни доставила мне огромное удовольствие. Читая, я чувствовал тебя такой близкой, такой родной. Видишь, ты готова даже переехать сюда. Нет, Ритося, голубые мои глазки! Я не буду тянуть, чтобы только перетянуть. Будет так, как будет лучше…

Желаю тебе благополучно и спокойно разрешить квартирный вопрос. Посылаю тебе свою личную книжку с документом об откомандировании. Не знаю, удастся ли что-либо сделать. Если удастся, то немедленно вышлю.

Посылаю тебе то, чего ты хотела. Знаю, что тебе трудно угодить, но могу с уверенностью сказать, что лучшего в Киеве нет и что если я тебе не передаю головных шпилек, то только потому, что в Киеве ни одной роговой шпильки не найдешь. Впрочем, еще остался необследованным Подол. А как ты себя чувствуешь? Как поживает Де-де? Очень шалит, или ведет себя как воспитанная паинька? Крепко целую тебя!.. Славная моя!

Твой В.

Лето — июль 1924 года — я провела в Киеве и жила у Василия Николаевича. Там я впервые встретила Любовь Рыжкову, первую его любовь. Она с матерью была в гостях у Марии Матвеевны. Я чувствовала себя победительницей и восприняла ее без чувства ревности.

10 августа 1924 года Василий Николаевич приехал из Киева в Москву и уже навсегда. Пришел с вокзала на Мясницкую на рассвете. Я его ожидала у открытого окна. Чувство любви и счастья преобладало над всем. В августе же мы ездили на 10 дней в Петроград. Это были наши "медовые десять дней".

В начале революции я, как и все, стала было критически относиться к старому. Но "нового" я тоже толком не знала и не разделяла и, уж конечно, благодаря пуританскому воспитанию была против совершенно недопустимых идей, вроде "Долой стыд", когда ходили по улицам чуть ли не голыми. Но что-то новое мне хотелось принять. И вот в 1918–1919 годах мне попалась книга А.М.Коллонтай "Мораль и рабочий класс". Я ее прочла, многого не поняла. Но поняла, что брак это что-то нужное и честное, что он должен. заключаться по любви, по обоюдному согласию. В моей семье как раз было все не так: мои родители плохо жили друг с другом. Мама не любила папу. Они были совсем разными людьми. Мама — рафинированная интеллигентка, папа — чиновник. А у родителей подруг я видела ложные браки — внешне казалось, что все хорошо, а на стороне — любовники или любовницы и ужасное недружелюбие супругов. Одним словом, все это вместе взятое заставляло меня думать о том, как я буду строить свою собственную жизнь. И вот здесь появилась новая мораль Коллонтай — жить в браке на свободных началах. Но вместе с тем быть верными супругами. Это самое главное. Но в чем свобода? Церковного брака, по Коллонтай, не нужно. Это понятно. Жить надо в отдельных квартирах, чуть ли не в разных городах. Любить друг друга и приезжать друг к другу… Это было

понять труднее. Коллонтай проповедовала однолюбие, но свободное, — жить отдельно, но быть верными супругами, а детей отдавать в детские сады или совместно воспитывать, не иметь общих денег, одной кухни, что, по Коллонтай, портит жизнь. Мне казалось в то время, что она умный человек, и я много думала о ее идеях. Коллонтай, безусловно, определяла мое сознание в 1918–1919 годах. Но к моменту моего замужества это увлечение уже было позади.

И вот в середине 1930-х годов Александра Михайловна как-то зашла в Библиотеку. Я восторженно ее встретила. Она очень удивилась такому радушию. Я рассказала ей, что в юности была увлечена ее идеями. Александра Михайловна меня и спрашивает: "Ну и что, вы по моему совету действовали?" Я опустила глаза и сказала: "Нет". И рассказала, что мы с мужем действительно первые несколько месяцев нашей супружеской жизни жили в разных городах — я в Москве, он — в Киеве, но я только и думала о том, чтобы он поскорее приехал ко мне. И все равно где жить: в подвале, на чердаке, где угодно, но только быть вместе. На это она сказала: "Ну вот, видите, значит, я не сыграла в вашей жизни никакой роли…" Я помню, она была очень хорошо одета: строгий черный костюм с черной же бабочкой, такого немного мужского типа. Она была еще интересна в свои 60 лет. После этого мы встречались несколько раз, но вскоре она уехала послом в Швецию.

В августе 1924 года переехала к нам в Москву и Анна Ивановна. Она прожила у нас более 20 лет до своей кончины в 1946 году. В семье Москаленко она провела всю свою трудовую жизнь, начавшуюся в пятнадцатилетием возрасте. Она была для нас как родная. Вырастила наших детей — сына Адриана и дочь Марианну.

28 сентября в 2 часа дня в родильном доме на Девичьем поле в клинике профессора М.С.Малиновского родился Адриан, Ринуська, Рина[10]. По-моему, это было воскресенье, так как моя сотрудница Елена Емельяновна Киричинская называла Рину "Sonntags Kind" ("Воскресное дитя"). Имя Адриан дали по моему предложению (ожидали девочку, и для нее имя давал Василий Николаевич — Марианна). В родильном доме я занималась римской историей: готовилась к сдаче экзамена в МГУ, и имя римского императора Адриана попадалось очень часто, понравилось оно и Василию Николаевичу. Запросили бабушку в Киеве, она согласилась — в святцах это имя значилось, даже известна была икона святых мучеников Адриана и Натальи. Молока у меня было достаточно, мальчик не плакал и был доволен, днем приносили его кормить ко мне в Библиотеку в

Исторический музей, ночью не кормила. Василий Николаевич и Анна Ивановна были в него влюблены и надышаться на него не могли. Я впервые почувствовала, что такое семья, и была счастлива. Огорчало отсутствие денег. Мои сбережения все ушли на ремонт квартиры и одежду для ребенка. Сбережения Василия Николаевича — золотые монеты, привезенные в мешочке в Москву, таяли на глазах. Мы меняли их в Госбанке, при этом по очень низкому курсу, и тратили на питание. Анна Ивановна первый год не знала, что такое экономия, и сбережения быстро ушли, и материально жить стало трудно.

На всю жизнь у меня остался страх от происшествия, случившегося в поездке в Латвию летом 1925 года. Я с девятимесячным Адрианом собралась на отдых на Рижское взморье. Визы прислала Эльза Мюндель — двоюродная сестра моей мамы, жившая в Риге. Я предполагала поехать с Анной Ивановной, но тетя не прислала для нее визы, и мне пришлось ехать одной с крошечным сыном. (Василий Николаевич в это время был в командировке в Воронеже.) Я навестила всех родственников и заскучала: мне было очень одиноко на взморье, хотелось домой. На обратном пути на границе в Себеже я была в таможне с вещами, а Адриана отдала на перроне на руки соседу по вагону, но его тоже потребовали в таможню, и он не нашел ничего лучшего, как оставить мальчика стоять у одной из скамеек Когда я увидела своего, еще грудного, сына, одиноко стоявшего на совершенно пустом перроне, то подумала, что умру от страха. Все обошлось, но урок мне был на всю жизнь.

Осенью 1925 года в Москву из Одессы переехала и Мария Николаевна, мать Сережи Королева, сестра Василия Николаевича. Ее муж Григорий Михайлович Баланин был переведен на работу в Московский институт инженеров железнодорожного транспорта. Через год и Сережа Королев перевелся на учебу из Киевского политехнического института в Московское высшее техническое училище и жил у родителей. К этому времени Юрий Николаевич и тетя Ольга Яковлевна с дочкой Светланой жили в Москве. Таким образом почти вся семья Москаленко, за исключением бабушки и младшей сестры Анны Николаевны, оставшихся в Киеве, съехалась в Москву. Жили, хотя раздельно, но дружно, часто гостили друг у друга, были в курсе дел и событий жизни каждого и чем могли помогали друг другу.

Сережа Королев быстро повзрослел, мало-помалу разница в годах между нами исчезла, и мы с ним подружились. Приходя в гости к Баланиным, мы зачастую заставали в комнате Сережи, служившей первое время и столовой семьи, молодых людей, которые увлеченно что-то чертили на досках на большом

обеденном столе, обсуждали, спорили, не обращая на нас внимания. Мария Николаевна просила Сережу освободить стол: "Еще минуточку, еще минуточку", — в свою очередь просил Сережа мать, но эта "минуточка" продолжалась слишком долго, и Мария Николаевна, потеряв терпение, накрывала в другой комнате маленький раскладной стол. Среди товарищей Сережи того времени хорошо помню Юру Победоносцева и Петю Флерова, которых встречала много раз и потом.

Помню, Сережа всегда был чем-то занят, всегда спешил куда-то. Честно говоря, я тогда не очень даже верила в его "занятость" и часто считала, что это просто отговорка молодого человека, торопившегося на свидание или в компанию своих товарищей. Сейчас я вижу, как сильно ошибалась, недооценивала и его самого, и его работу того времени. Но так всегда было, есть и будет: когда рядом с тобой живет одаренный, талантливый и, может быть, гениальный человек, то не сразу разглядишь — большое видится на расстоянии. Тогда, в конце 1920-х годов, Сережа только заканчивал институт, особенно ничем не выделялся, был сравнительно скромен и в наших глазах еще ничем себя не проявил. А уверения Сережи в исключительной важности его работы не принимались всерьез. В семье, во всяком случае, многие из нас, молодых, тоже считали свою работу исключительной, в том числе и я. Возможно, именно на этой почве мы с Сережей нашли общие интересы и сблизились. Сережа часто жаловался мне, что его работу мало кто знает и понимает, мало кто поддерживает и ценит, многие не верят в ее будущее, в ее успех. Зачастую, говорил он, приходится пробивать каменную стену лбом и не всегда удается добиться положительного результата. Его увлеченность, его преданность своим идеям, постоянная борьба за претворение их в жизнь мне были близки. Я тоже считала свою работу по созданию Библиотеки иностранной литературы и пропаганде иностранных языков важной, была беспредельно предана ей, и мне тоже приходилось бороться, упорно доказывать необходимость существования такой библиотеки для развития культуры нашей страны. Словом, у нас всегда находились интересные темы для беседы, и это еще больше укрепляло нашу дружбу. В дальнейшем я поняла, чего добивается Сережа, поверила в него и в серьезность его работы.

По его рассказам я знала, что еще школьником в Одессе он мечтал строить планеры. Об его участии в осенних полетах в Коктебеле на планерных состязаниях знала вся семья. Случилось, что во время одной из его поездок в Коктебель был сильный ураган, который угрожал целости аппаратов. Однако находчивость Сергея и быстрота действий в переброске аппаратов

в близлежащий овраг спасли планеры от гибели.

Помнится и другой случай. При испытании новой машины Сергея, кажется СК-4, летчик Кошиц потерпел аварию. К счастью, летчик отделался лишь ушибами. Этот случай вызвал большое беспокойство в семье. Все увидели, как опасна работа Сергея и его товарищей. От самого Сережи трудно было добиться подробностей. О значении и результатах этих полетов мы узнали из специальных журналов по авиации. В одной из статей давалась положительная характеристика планеров Королева. Там же мы прочитали о том, как пилот Василий Степанченок сделал первые "мёртвые" петли на планере Сергея. Сам Сергей именно в эти дни тяжело заболел брюшным тифом и лежал в госпитале в Феодосии. Помню волнения в семье, когда Мария Николаевна привезла в Москву больного Сережу с осложнением после тифа — воспалением среднего уха. Помню, как мужественно он вел себя во время трепанации черепа и как, возвратившись из московской больницы, уже дома, с перевязанной головой, окруженный чертежными досками, яростно работал.

ГБИЛ, Красная площадь, 2

Обосновавшись в самом центре Москвы, в здании Исторического музея на Красной площади, Библиотека стала привлекать все больше научных работников, учащихся, литературоведов, переводчиков, а также старой московской интеллигенции, составлявшей в ту пору высокий процент постоянных читателей. Но главное — переезд в центр Москвы привлек нового читателя, особенно жаждущую знаний молодежь, привел к значительному росту посещаемости Библиотеки.

Хотя помещение Библиотеки в здании Исторического музея не соответствовало требованиям, предъявляемым к публичным библиотекам, я была счастлива. Расширение деятельности Библиотеки ограничивалось малой площадью "царских комнат" Исторического музея. Музей был тоже недоволен тем, что мы занимали интересные и богатые апартаменты Александра III. В декабре 1925 года нам передали помещение бывшей квартиры заместителя директора Исторического музея профессора МГУ Юрия Владимировича Сергиевского — брата знаменитого языковеда, тоже профессора МГУ Максима Владимировича Сергиевского. Он переехал в квартиру на Покровском бульваре, а его пятикомнатную квартиру, с отдельным выходом в Воскресенский проезд к воротам Бориса Годунова и часовне Иверской Божией Матери, передали Библиотеке. Задняя дверь квартиры соединялась с помещением Исторического музея.

Квартира была обыкновенной, без роскошных стен, потолков и дверей, но с хорошим расположением комнат и в два раза больше по площади "царских комнат". Так что мы смогли там организовать и читальный зал, и отдел выдачи книг на дом, и выделить комнаты, где занимались иностранными языками и где проходили консультации (так называемые учебные кабинеты). Выкроили место и для справочно-библиографического отдела. Хорошо расположился уже большой каталог и Бюро по выписке книг из-за границы, которого вскоре мы, увы, лишились.

Библиотека практически занялась вопросом создания своего читателя, для чего надо было сначала обучить его иностранным языкам. В "Положении о Неофилологической библиотеке" 1921 года среди основных пунктов центральное место отводилось задаче "дать изучающим иностранные языки возможность вести под опытным руководством библиотекарей-языковедов серьезные и систематические занятия языком и литературой от начальной стадии до научного исследования".

Таким образом, с первых дней одной из профилирующих задач Библиотеки становится практическое обучение иностранным языкам.

Именно тогда, в Историческом музее, Библиотека становится пионером общественного движения "Иностранные языки — в массы". В Библиотеке расширилась консультационная база, открылся консультационный зал, где известные московские языковеды (Б.А.Грифцов, И.А.Кашкин, Р.К.Розенберг, С.С.Игнатов) проводили коллективные и индивидуальные консультации по семи иностранным языкам. Читателям, самостоятельно работавшим над переводами, помогали разобраться в особенностях языка и грамматики, объясняли трудные места, оказывали помощь в подборе необходимого материала и учебных пособий. Библиотека превратилась в научно-вспомогательный центр, обеспечивавший научные учреждения АН СССР, университеты, редакции газет и журналов, наркоматы, театры, музеи.

В мае 1924 года решением Главнауки Наркомпроса Неофилологическая библиотека была переименована в Государственную библиотеку иностранной литературы (ГБИЛ). В этом огромная заслуга начальника Главнауки Наркомпроса в 1923–1927 годах Ф.Н.Петрова, в ведении которого находились все научные учреждения страны. Это был, конечно, выдающийся человек. В годы его деятельности Наркомпрос не только не мешал становлению и развитию Библиотеки, но и помогал нам. Федор Николаевич предложил сделать Библиотеку более универсальной, чтобы ее фонды охватывали все области человеческих знаний,

кроме техники, сельского хозяйства и военного дела. Но я все-таки не пошла на это и сохранила филологический профиль, аргументируя тем, что основной целью Библиотеки является изучение культур зарубежных государств и иностранных языков. Однако его идея воплотилась в жизнь в 1948 году, когда Библиотека стала почти универсальной, включив в свой книжный фонд книги по естественным наукам. Но это уже было другое время.

Новые читатели

В конце 1925 года, учитывая необходимость подготовки квалифицированных специалистов, возникла идея создания своеобразной школы для стремящихся овладеть иностранными языками. В рамках читального зала уже нельзя было охватить всех желающих учиться. Поэтому в конце 1925 года Библиотека приступила к организации специальных групп (кружков) по изучению немецкого, французского и английского языков. Эти группы явились прообразом будущих курсов иностранных языков, которые в дальнейшем переросли в Высшие курсы иностранных языков (ВКИЯ) при Библиотеке и в свою очередь, в начале 1930-х годов, были преобразованы в Московский институт новых языков — первый институт иностранных языков в стране.

В начале 1926 года по предложению руководства Главнауки Библиотеке было поручено создать, наряду с группами (кружками) по изучению иностранных языков для читателей, группы для сотрудников учреждений Главнауки — научно-исследовательских институтов, крупных музеев и библиотек, научных обществ и т. п. На их обучение Главнаука выделила деньги из своего фонда. В связи с этим осенью 1926 года Библиотека объединила свои группы иностранных языков и организовала согласно своему новому Уставу Курсы иностранных языков. Первоначально количество учащихся на библиотечных Курсах составило около тысячи человек: с одной стороны, это были сотрудники из учреждений Главнауки, с другой — читатели. Кроме того, по распоряжению Наркомпроса на эти Курсы была возложена языковая подготовка аспирантов. Быстрый рост числа учащихся выявил нехватку преподавателей. Естественно, возникла необходимость в создании учебного заведения, которое могло бы обеспечить подготовку высококвалифицированных специалистов в этой области. Я проявила инициативу и обратилась в Наркомпрос с предложением организовать при Библиотеке Высшие курсы иностранных языков (ВКИЯ). В октябре 1926 года ВКИЯ были

созданы. Перед ними были поставлены следующие задачи: во-первых, подготовка переводчиков научной и художественной литературы; во-вторых, усовершенствование знаний преподавателей иностранных языков и квалифицированных работников тех учреждений страны, где требуются глубокие и методические знания иностранных языков; в-третьих, содействие распространению иностранных языков среди трудящихся. Продолжительность обучения была рассчитана на 3 года, поскольку на ВКИЯ чаще всего принимались лица с высшим образованием, свободно понимающие лекции, читаемые на иностранных языках и активно участвующие в семинарских занятиях. Занятия проводились по следующим дисциплинам: 1. Интерпретация текстов (грамматика, лексикология, стилистика и композиция); 2. Фонетика; 3. Современный язык; 4. История изучаемого иностранного языка. Специальные лекции и семинары отводились литературно-художественному и политико-экономическому переводам. Слушатели изучали также общественно-политические дисциплины, историю литературы, географию соответствующей страны.

Выпускники ВКИЯ могли работать референтами-корреспондентами государственных учреждений страны, литературными переводчиками издательств, устными переводчиками, работниками печати, преподавателями иностранных языков.

Курсы быстро росли. Количество желающих заниматься превышало все имеющиеся возможности. Чтобы удовлетворить всех желающих, потребовалось бы несколько ВКИЯ. Библиотека искала новые формы организации подобных курсов. Настоятельная необходимость в создании аналогичных учебных заведений ощущалась во всей стране. К поиску новых форм организации обучения иностранным языкам подталкивало и то, что ВКИЯ не имели официального статуса высшего учебного заведения, не имели прав вуза. Это значительно тормозило развитие Курсов. В связи с этим возник вопрос об их реорганизации в Государственный институт иностранных языков с правами высшего учебного заведения и передачи их из ведения ГБИЛ Главнауки в ведение Главпрофобра Наркомпроса, где в те годы были сосредоточены все учебные заведения. 16 июля 1929 года ГБИЛ и ВКИЯ по своей инициативе передали докладную записку в Наркомпрос о преобразовании ВКИЯ в Институт иностранных языков.

"ГЛАВНАУКА Высшие курсы иностранных языков
Государственной Библиотеки иностранной литературы

Москва, Красная пл. 2 Исх № 2042 16.VIII.1929 г.

В Наркомпрос РСФСР Высшие курсы иностранных языков, прилагая при сем докладную записку о реорганизации ВКИЯ в Гос. институт иностранных языков, просят Наркомпрос об утверждении означенного проекта и

о выдаче дотации согласно прилагаемой смете.

Зав. Курсами /М.Рудомино/

Секретарь /А.Эльснер/

Докладная записка о преобразовании ВКИЯ в Государственный институт иностранных языков

1. Причины, побудившие возбудить вопрос о преобразовании ВКИЯ в специальный ВУЗ.

В течение последних трех лет Наркомпрос в целом и Главпрофобр в частности усиленно занимались вопросом урегулирования преподавания иностранных языков в учебных заведениях и вопросами распространения знаний иностранных языков в широких кругах рабочей и крестьянской молодежи. В настоящее время языки преподаются в учебных заведениях всех типов; предпринято много шагов для распространения иностранных языков среди масс. Но для того, чтобы эта работа проходила методически правильно и была обеспечена достаточными кадрами работников, Наркомпрос еще сравнительно мало сделал. Имеются Западное отделение Педфака II МГУ и Ленинградского университета, готовящие преподавателей

I и II ступеней по иностранным языкам, имеется ряд курсов иностранных языков, дающих более или менее полное знание иностранных языков, но нет такого учреждения, которое соответствовало бы требованиям, выдвигаемым современностью, а именно: готовило бы кадры лекторов для техникумов, рабфаков, ВУЗов, руководителей по преподаванию языков в массах и вообще лиц, всесторонне знакомых с иностранными языками, обладающих выдержанной идеологической установкой и одновременно углубленной методической и лингвистической подготовкой.

2. Что сделано ВКИЯ.

Вышеуказанным требованиям наиболее удовлетворяла до сих пор постановка преподавания иностранных языков на ВКИЯ при Государственной библиотеке иностранной литературы, целевая установка которых частично вела к удовлетворению указанных

требований. Высшие курсы иностранных языков существуют лишь 3 года, и все время они не переставали расширяться и увеличивать свой удельный вес. В настоящее время на Курсах состоит 1300 слушателей. ВКИЯ являются учебным заведением, в котором ведется регулярная методическая работа по преподаванию иностранных языков в ВУЗах и на специальных курсах, равно как и работа по вопросам о внешкольном преподавании и преподавании языков в массах, а также по вопросам теории научного и литературного перевода <…>.

На основании вышеизложенного ВКИЯ возбуждают вопрос о переформировании их в Государственный институт иностранных языков, чтобы иметь возможность углубить свою программу и повысить квалификацию окончивших учебное заведение.

3. Структура и целевая установка.

В настоящее время структура ВКИЯ следующая: функциональный подготовительный курс и три основных, причем на подготовительный курс поступают главным образом лица, работающие на элементарных курсах иностранных языков ВКИЯ и имеющие общее образование в размере 9-летки или специального учебного заведения. Элементарные курсы являются в то же время подсобным учреждением для практической работы слушателей ВКИЯ. Параллельно им имеются группы для аспирантов научно-исследовательских институтов и учреждений Главнауки и Главпрофобра Наркомпроса РСФСР.

Предлагаемая структура Государственного института иностранных языков

1. Основной курс — четырехгодичный.

Два факультета — педагогический и переводческий. На каждом из них по три секции: английская, немецкая и французская.

Факультет педагогический готовит специалистов в области педагогической:

а) преподавателей-массовиков для фабрик, заводов, учреждений и других;

б) преподавателей-лекторов для рабфаков, техникумов и других учебных заведений со взрослыми.

Факультет переводческий готовит специалистов по иностранным языкам в области переводческой:

а) референтов-переводчиков для государственных

учреждений РСФСР;

б) литературных переводчиков для издательств;

в) работников прессы для общественных учреждений и печати и толмачей.

Оба факультета ставят своей задачей распространение знаний языков среди широких масс.

Для поступления на II курс института необходимо иметь образование в размере 9-летки или специального учебного заведения со знанием иностранного языка не ниже программы ГУСа.

2. Подготовительный курс — двухгодичный — дает возможность малоподготовленным рабочим и крестьянам получить систематическую подготовку по иностранному языку для поступающих в Институт".

Главнаука и Главпрофобр Наркомпроса поддержали предложение ГБИЛ и ВКИЯ, и в сентябре 1929 года Коллегия Наркомпроса решила "считать необходимым реорганизовать Высшие курсы иностранных языков в Неофилологический институт, передав его из ведения Главнауки в ведение Главпрофобра".

Однако 10 июня 1930 года в постановлении Совнаркома РСФСР в списке "Вновь организуемые педагогические ВУЗы Наркомпроса" в пункте 33 значился "Институт новых языков в Москве", а его структура была утверждена в соответствии с нашими предложениями.

После создания Московского института новых языков (в дальнейшем — иностранных языков) в августе-сентябре 1930 года Наркомпрос передал Институту Курсы иностранных языков, находившиеся при II МГУ, Курсы иностранных языков им. Г.В.Чичерина, существовавшие при НКИД СССР, и ряд других курсов. Занятия в Московском институте новых языков начались с октября 1930 года. Н.К.Крупская, в то время заместитель наркома просвещения, в своей статье "Книга и читатель" в сборнике "Москва" в 1935 году писала: "…так от маленьких кружков и групп по изучению иностранных языков, организованных Библиотекой иностранной литературы, в 1926 году Библиотека перешла к организации Высших курсов иностранных языков, превратившихся в 1930 году в самостоятельный ВУЗ".

Таков сложный и долгий путь первого высшего учебного заведения иностранных языков в СССР, в дальнейшем Московского государственного педагогического института иностранных языков им. Мориса Тореза, который готовит переводчиков и преподавателей иностранных языков и в котором

учатся свыше 5 тысяч студентов.

В апреле 1926 года я выступала на 3-й Конференции директоров учреждений Главнауки Наркомпроса в Ленинграде. Впервые почувствовала себя "своей" среди библиотекарей научных библиотек.

В 1926 году я окончила отделение литературы и языка факультета общественных наук МГУ. На III курсе писала курсовую работу на тему "Формальный метод в литературе в России". Дипломная работа была посвящена деятельности Б.Шоу: "Бернард Шоу как социалист". Со мной отделение литературы и языка окончили такие в будущем крупные литературоведы и языковеды, как И.И.Анисимов, А.И.Смирницкий,

Н.С.Чемоданов, с которыми я и в дальнейшем поддерживала дружеские отношения. В 1928–1929 годах я училась на Курсах усовершенствования библиотечного дела на факультете академических библиотек при МГУ. В 1927 году стала членом секции научных работников Наркомпроса.

В те годы в моей большой семье, т. е. в семье братьев и сестры Москаленко, произошло радостное событие, повлиявшее на всю нашу дальнейшую жизнь, — мы все вместе построили дачу. Брат моего мужа Юрий Николаевич летом 1926 года снимал дачу в деревне Барвиха Звенигородского уезда по Усовской ветке Белорусско-Балтийской железной дороги. Мы приезжали к нему и были очарованы красотой этого места. Сосновый бор на высоком крутом берегу Москвы-реки при впадении в нее речки Самынки. Пересеченная местность с глубокими оврагами, древними курганами, замоскворецкие дали с заливными лугами, видом на дворец Юсуповых в Архангельском и на церковь в имении великого князя Сергея Александровича в Ильинском. В центре Барвихи — Покровская церковь и монастырские постройки Зачатьевского монастыря, а вокруг глухие, но чистые леса.

Юрий Николаевич был знаком с главным бухгалтером Народного комиссариата Рабоче-Крестьянской инспекции (НК РКИ) С.В.Котовым и услышал от него, что НК РКИ ищет место в Подмосковье для организации там дачно-строительного кооператива. Он тут же предложил полюбившуюся Барвиху. Всесильный НК РКИ быстро получил под ДСК "Новь" сосновый бор между деревней Барвиха и железнодорожной станцией Раздоры.

В мае 1927 года семья Москаленко сняла помещение в бывшей Барвихинской церковно-приходской школе и начала строить дом на опушке густого соснового бора на высоком месте над деревней Барвиха, в 250-ти метрах от высокого берега Москвы-реки. В семье разгорелся спор — как строить дачу: получить каждому по участку и строить свой отдельный типовой

фанерный дом или взять общий участок и построить один рубленый добротный дом, чтобы можно было жить и в холодное время года. В конце концов, решили жить все вместе. Григорий Михайлович, муж Марии Николаевны, привез из Архангельской области сруб с прирубом. К осени строительство было почти закончено. В конце августа на открытой большой веранде состоялось новоселье. Собралась вся семья. Приехали библиотечные, в том числе и Борис Александрович Грифцов. Галина Семеновна Орловская, заведующая французским отделением в Библиотеке, по пути заблудилась и, когда наконец нашла дачу, села на землю перед ней и расплакалась. Приехала и Мария Матвеевна Москаленко с няней Варварой Ивановной. Многие годы мы жили в этом доме дружно и счастливо. Расселились только после войны.

Весной 1927 года всех нас потряс случай на Москве-реке. Вот как о нем вспоминал Василий Николаевич:

"Случилось это в воскресенье в начале июня. День был солнечный, но холодноватый. Вся семья была в сборе. Приехали гости, и все мы отправились на Москва-реку, полюбоваться красивыми видами. В то время Рублевской плотины еще не было, и река была неширокой, неглубокой, в отдельных местах вброд переходили на другой берег. На нашей стороне реки был широкий песчаный пляж. Спустились на берег и ахнули: Москва-река была неузнаваема — вышла из берегов, затопила почти весь пляж и противоположный низкий берег. Сильное течение стремительно несло грязную мутную воду, ветки, щепки и даже бревна. На берегу было много людей. Никто не купался. Лодки лежали на берегу, многие были перевернуты вверх дном еще с зимы. Вокруг играла детвора. Мы стали строить предположения о причинах таких перемен на реке. Очевидно, грязную воду несло откуда-то издалека, с верховьев и притоков. Вдруг сквозь говор окружающих, детский гомон и шум воды до нас донеслись крики с середины реки. В несущейся с мусором и щепками воде мы заметили голову человека, то появлявшуюся над водой, то опять исчезавшую. Все заволновались: "Человек тонет!" Мария Николаевна крикнула: "Сережа, ты плаваешь!". Сергей мгновенно одним броском очутился около ближайшей лодки, одновременно Юрий Николаевич и я оттеснили игравших детей и спустили лодку на воду. Мария Николаевна в первую минуту, очевидно, еще не понявшая всей драматичности момента, успела лишь крикнуть: "Сережа, новые часы!" Но Сережа уже на ходу сбрасывал с себя ботинки, а мы с братом Юрием прыгнули в лодку и погребли на середину реки. Сергей бросился в воду. Мы остались ждать на веслах. Наконец Сережа вынырнул, но один, и снова

исчез под водой. Лодку тем временем сносило куда-то в сторону. Новая попытка, опять всплыл, кричит: "Ничего не вижу!". И снова ныряет. Лодку уже давно отнесло от того места, где в последний раз видели тонувшего. Вероятно, и его сильным течением уносило далеко вниз. На берегу все вскочили, метались, кричали, давали какие-то советы. Жена (т. е. — я, М.Р.) схватила детей — Светлану и Адриана — и увела наверх, к деревне, чтобы избавить их от страшной картины. Сережа нырял снова и снова — безрезультатно. Потом уже спасатели, объявившиеся с большим опозданием, объясняли нам, что при таком быстром течении спасти утопающего было почти невозможно, а смельчак Сережа мог погибнуть и лодка могла бы опрокинуться, а ведь гребцы — мой брат и я — плавать не умели. Но в тот момент мы думали только о том, как спасти человека. Когда вечером собрались на даче за столом с керосиновой лампой, только и было разговоров, что о происшедшей трагедии. Все гордились Сережей, его юношеским благородством, его способностью принимать мгновенные решения, его мужеством".

Между тем библиотечная жизнь продолжалась. Одновременно с подготовкой квалифицированных кадров преподавателей и переводчиков через ВКИЯ, Библиотека в этот период вела большую работу по обслуживанию массового читателя. Мы старались привлечь нового читателя — рабочих и инженерно-технический состав предприятий. Интересным почином явился "выход" Библиотеки за стены читальных залов и непосредственное обслуживание заводов и фабрик. Библиотека обратилась в ВЦСПС и ЦК профсоюзов металлистов с просьбой сообщить, на каких предприятиях особенно требуется знание иностранных языков. Мы выясняли также, на каких предприятиях есть рабочие, знакомые с иностранными языками, и рабочие-иностранцы. Наладив контакт с культкомиссиями завкомов, ГБИЛ в 1928 году предложила 39-ти предприятиям Москвы организовать у них передвижные библиотеки иностранной литературы. С 1929 года такие передвижки были созданы на АМО, АУКС, "Спартаке", СИМП, Шарикоподшипнике, Электрозаводе и других предприятиях Москвы. Причем книги систематически менялись, на передвижки посылались рекомендательные стенды "Что читать", поддерживалась связь между научными сотрудниками ГБИЛ и заводскими библиотечными работниками.

Летом 1929 года ГБИЛ организовала первый филиал в Центральном парке культуры и отдыха в Москве, где, помимо выдачи посетителям парка литературы, Библиотека занималась популяризацией иностранных языков. Проводили прослушивание

записей на граммофонных пластинках. Читателям предлагались образцы художественной литературы, наговоренные лучшими иностранными дикторами и артистами. Контингент читателей филиала был разнообразен, но главным образом его посещали рабочие соседних с парком предприятий.

Значительному расширению деятельности Библиотеки послужило решение ЦК ВКП(б) 1928 года о необходимости овладения партактивом иностранными языками. Были организованы передвижные библиотеки с учебными пособиями для работы в учреждениях, а в читальном зале были отведены особые часы для консультаций партактива МК ВКП(б) по вопросам изучения иностранных языков.

К этому времени Библиотека хорошо себя зарекомендовала в обучении иностранным языкам через кружки, ВКИЯ, филиалы на предприятиях и т. п. Тысячи людей овладели иностранными языками с помощью ГБИЛ. Перестали требовать закрыть Библиотеку, соединить и т. п. Вопрос о существовании Библиотеки был снят. Какое-то время мы могли жить спокойно. Нам даже стали выделять больше иностранной валюты на закупку книг и периодики. Мы начали выпускать газету "Литература зарубежных стран", расширили выставочную и лекционную работу.

В начале октября 1928 года нашу семью постигло большое горе. Скоропостижно скончалась любимая всеми семилетняя дочка Юрия Николаевича и Ольги Яковлевны, Светлана. Смерть была мгновенной и настигла ее во время прогулки с воспитательницей, матерью пианиста Льва Оборина, рядом с их домом в Большом Ивановском переулке на Солянке. Оказалось, у нее было редкое заболевание вилочковой железы, в то время мало изученное. Родители девочки были совершенно убиты. До нового, 1929 года они жили у нас на Мясницкой.

Командировка в Париж и Берлин

С конца октября и по конец декабря 1928 года я находилась в двухмесячной научной командировке Наркомпроса во Франции (Париж) и в Германии (Берлин). Вернулась перед самым новым, 1929 годом.

Я знакомилась с библиотечным и издательским делом этих стран и методикой преподавания иностранных языков, а также выясняла возможности получения и выписки иностранной литературы и закупала некоторое библиотечное оборудование. В Париже и Берлине посетила все основные библиотеки и несколько крупных издательств, в том числе "Hachette",

беседовала с их руководителями. Но я очень волновалась о судьбе Библиотеки, поскольку как раз в это время встал вопрос о немедленном переселении из Исторического музея в другое помещение. Я разрывалась между Парижем, Берлином и Москвой. Командировку прерывать было нецелесообразно, но и страх за Библиотеку одолевал меня все больше и больше. Напряженная работа и непрерывные волнения привели к тому, что я очень устала и в конце командировки заболела. Все это нашло отражение в моей переписке с "библиотечными", т. е. сотрудниками ГБИЛ, и Василием Николаевичем, который жил моими проблемами и всегда поддерживал меня советами.

Дорогая Маргарита Ивановна.

Как жаль, что не оказалось человека, который по-настоящему показал бы Вам Париж и дал Вам возможность хотя бы на две недели забыть о московских хлопотах. Но авось найдется такой человек для "противного" Берлина. Во всяком случае, не торопитесь сюда, чувствуйте себя как можно легче, а хватит сил, то и как можно легкомысленнее. Конечно, здесь возникают разные слухи то о Курсах, то о Библиотеке. Что в них правда? Как только будет что-нибудь серьезное, конечно, мы все вместе Вам напишем. А пока, как можно веселее!

Ваш Б. Грифцов. Библиотека. 9.XI.28

Дорогая Маргарита Ивановна,

Была вчера у Вас, и опять тот же тон письма: право, можно подумать, что Вы не в научной командировке для любимого дела, а в ссылке. Вот теперь поймете, что значит Heimweh и одиночество! Помните, как Вы удивлялись на меня, что так тосковала и все мне немило в Москве.

Все Ваши беспокойства пока без основания: и Курсы и Библиотека существуют и, по крайней мере, официально никто нам ничего неприятного не делает. Сегодня провели Заседание Комитета по выписке журналов, был из чужих Ник. Иван. <Пожарский>. Он так нам помог и пополнил наши заявки, что я не знаю, как его благодарить. В понед. 12/XI назначено заседание по разгрузке. Нам предоставляют Никитский Монастырь, т. е. храм и две смежные церковки. Площадь 120 саж., чудный двор, т. е. не будет этого ужасного шума. Вот и все, что я Вам могу нового сообщить. Целую и жду письма.

Е.Киричинская[11]

15. XI,28 г. "10"

Милая Ритенька!

Я уже писал тебе в Париж, что комиссия по разгрузке Москвы вызывала представителей Б-ки и предложила помещение Никитского монастыря на ул. Герцена. Помещение большое, свыше

100 саж., но денег на ремонт и приспособление его комиссия отпускает только 4000. С таким заключением выступит комиссия перед Совнаркомом. Конечно, твое присутствие при разрешении подобных вопросов весьма желательно, хотя и без тебя делают все необходимые шаги. <…> По приезде тебе, вероятно, надо будет выступить в коллегии с докладам: что такое научная библиотека, есть ли данные для такого названия и пр. Ты и в этом направлении должна поработать, может быть, можно использовать опыт германских научных библиотек. <">

Ты хорошо сделала, что не засиживалась в Париже. Гораздо правильней использовать возможности познакомиться с делом в Германии. Энергично набросься на важнейшее, продумай план, чтобы охватить это важнейшее быстро. Веди дневник, но не надо подробный. Зачем тратить время на длинную фразу, если одно слово, одна цифра вызовут в твоей памяти ассоциацию и дадут необходимый материал для доклада.

Бор. Алекс. <Грифцов> писал тебе, советовал поехать куда-либо в санаторий недельки на две. Но я думаю, что лучше ты здесь по приезде поедешь в Узкое отдохнуть. Ведь твоя германская виза, кажется, кончается 10 декабря. Но мне думается, что если ты энергично сделаешь сейчас все необходимое, то это дает тебе возможность не связывать себя этим сроком. Таким образом, в случае если бы понадобится, например, в конце ноября или в первых числах декабря твое участие в разрешении срочных дел, ты могла бы выехать сюда. Но жалко было бы не закончить своей работы. Поэтому спокойно работай, а в случае надобности я тебя предупрежу за пару-три дня.

Вот как расписался, моя родная. Ну, будь здорова. Поздно, ложусь спать, завтра напишу. Мальчик здоров. Крепенько целую тебя.

Твои В. и Р.

19. XI.28 г. "12"

Дорогая моя девочка! Пишу тебе уже с уверенностью на Берлин, так как, конечно, ты уже приехала. Ты что-то засиделась в Париже. Мне хотелось дать тебе телеграмму с советом скорее поехать в Берлин, ведь ты же предполагала последнему больше уделить своего внимания. Но потом не решился это сделать. Во-первых, жалко было лишать тебя возможности хорошенько познакомиться с Парижем, во-вторых, решил, что, если ты задерживаешься в Париже, очевидно, это лучше — есть дела, есть смысл. Ты писала Ритенька, что в Берлине будешь или до 10-го или до Рождества. Конечно, от тебя зависит уложиться в тот или другой срок, при этом без ущерба для намеченной цели. Все зависит от хорошо продуманного плана. Если его иметь, то за две недели

можно сделать то, что можно сделать не спеша за месяц.

Весь этот разговор, Ритенька, я веду к тому, о чем я уже тебе писал в предыдущем письме. Ты должна быть готова к тому, что, если я тебе пришлю телеграмму, ты должна дня за два собраться к отъезду. Это может произойти в начале декабря. Дело в том, что, как мы уже тебе писали, Библиотеке предоставлены церкви Никитского монастыря. Собственно говоря, дан месячный срок на приспособление его к переезду. Но это совершенно невыполнимо в такой короткий срок. Вопрос, конечно, затянется, а следовательно, и присутствие твое необязательно. Другое дело, если почему-либо вопрос начнут форсировать. Тогда придется волей-неволей тебя вызывать. Пишу тебе, чтобы ты была в курсе дел, чтобы для тебя не был неожиданностью срочный вызов. Моя точка зрения такая: так как в Германию ездят не каждый год, то прерывать поездку, не закончить намеченного плана, мчаться сюда нет оснований, но готовой надо быть. Полагаю, что раньше 10-го декабря надобности не будет. Как видишь, сроку тебя малый, но ведь ты умеешь быстро организовать свою работу и свое изучение чего-либо путем также быстрого ознакомления. Вспомни наши совместные посещения музеев: сколько тебе надо бывает на осмотр и сколько мне. Но, Риток, среди своих дел не забудь того, о чем я писал тебе в прошлом письме (10-м) — завязать с теми издательствами, через которые можно будет усилить получение Библиотекой общественно-политической литературы. Надо значительно усилить эту сторону работы Библиотеки. Что ты должна или можешь в этом направлении сделать, все сделай. Елена Емельяновна со своей стороны заказы на периодику уже послала. В этом направлении надо много сделать. Это мнение не только мое, но и Елены Емельяновны и Романа Васильевича. Боюсь, что письмо мое ужасно сухое, но душа моя как раз полна самым теплым чувством к тебе. Всегда думаю о тебе, моя родная, и рад, что скоро увидимся с тобой. Уже готов по дням высчитывать, когда ты приедешь. А когда ты поедешь в Дрезден? Какой у тебя Берлинский адрес? Где остановишься?..

Жду твоих писем… Спокойной ночи, дорогая. Уже так поздно, что надо поскорее спать ложиться. Ринок здоров. Тебя, конечно, не забыл. Всегда говорит, что хочет, чтобы скорее вернулась мама. Милый, хороший мальчик.

<…> Люблю, скучаю и хочу поскорее увидеться. Будь здорова. Пиши. Помни, что письма идут не менее 5-ти дней.

Твои В. и Р.

28. XI.28. "15"

Милая Ритенька! Ну, где же ты сейчас? Ты совсем меня сбила с толку, и я не знаю, где ты и когда и куда едешь. <…>

Какие у тебя теперь планы? Письма наши, вероятно, совсем поставили тебя в тупик. Не знаешь, что и делать? Да? Бедненькая! Мне ужасно досадно, что своими письмами мы лишили, вероятно, тебя покоя, столько необходимого при пребывании в чужой стране, да еще и в одиночестве. Но, родная, я считаю, что тебя необходимо держать в курсе дел. <…> Устав Библиотеки еще не рассматривался. Деньги на ремонт твоего помещения и на переезд еще не отпущены и т. д. Все это идет своим чередом, но, конечно, все это разрешалось бы лучше, если бы ты была здесь. <…> Твое веское слово, твое освещение вопроса, это не то, что может дать, например, Елена Емельяновна. Конечно, очень ценно будет в твоем докладе сообщение, что Библиотеку знают в Париже, что к ней относятся со вниманием. Выясни этот вопрос и в Берлине. Конечно, используй свое пребывание получше, чтобы взять от поездки tахitит, но долго не засиживайся. Виделась ли ты с Мартелем[12]*? Вероятно, он тебя не застанет! Хорошо было бы, чтобы он или кто-либо другой написал что-либо о своих московских впечатлениях.*

Итак, никаких тревог в тебя вселять пока не собираюсь, но думаю, что действительно не стоит тебе особенно пересиживать. Сделай главное, да и обратно. Пиши, когда приедешь.

У нас все по-старому. Здоровы. Риночек здоров, весел. Все расспрашивает: "А как делается стекло? А как делается железо?" и т. д.

Целую тебя. Очень соскучился.

Хотим поскорее увидеть тебя. Твои В. и Р.

Р. S. Была ли у Лёли? Как здоровье?

Твой В.

В свою очередь я старалась держать коллег и близких в курсе моих дел.

Париж, 2-го дек. 28 г.

Милые мои библиотечные, давно Вам не писала и ничего от Вас не имею. Как видите, застряла в Париже из-за тысячи дел. Связалась с Pathe, с граммофоном, специальной мембраной, "Photoscopie" и др., добилась разрешения Торгпредства. Америк, библиотека в Париже делает нам подарок — 500 английских книг последних изданий и т. д. и т. п. В общем, по-моему, я так работала в 1922 г. Помните, Галина Семеновна

(Орловская. — МР.) и Елена Емельяновна (Киричинская. — МР.), как мы книги таскали? Устала, нанервничалась безумно. Об обратной поездке думаю как о ка-ком-то счастье. И с ужасом думаю о Берлине, что там придется это все повторить. Не думаю больше 2-х недель пробыть, плохо со здоровьем, плохо с деньгами.

А что у Вас слышно? Беспокоюсь я здорово о Библиотеке и о

Курсах. Уехала в самый разгар и месяц не имею никаких новостей. Не балуете Вы меня вестями! Буду думать, что все благополучно.

Париж более или менее знаю. Успела посмотреть, для моего "свободного" времени, много. Но я так устаю, что не в состоянии осматривать город и его изучать. Одно время у меня настроение поднялось, а сейчас, наверное, под тяжестью работы опять падает. Но надо сказать, что французы, вопреки всяким ожиданиям, принимали меня чудно. Хотела бы, чтобы так было и в Берлине. К шуму, блеску, освещению, магазинам я так привыкла, что не замечаю. Наверное, в Москве это будет заметней. Представьте себе, я постриглась, но не изменилась. Как это ни странно, но стрижку (как бы своего изменения) я не замечаю.

Привет всем, всем, всем. Пишите, а то приеду, плохо будет!

Ваша М/Рудомино.

Берлин, 11. XII.28 г.

Милые мои библиотечные, только теперь узнала о Ваших невзгодах, вернее, наших. Приехав в Берлин, получила сразу 21 письмо. Потребовался весь вечер на прочтение. Вы мне недоговариваете что-то. Судя по Мартелю, я представила себе худшее. Милые мои, ведь это восемь лет идет, только в разных степенях. Нельзя так близко это к сердцу принимать. Я считаю, что если нам удалось раньше выкручиваться, то теперь, когда все на рельсах и все не в будущем, а в настоящем, доказать не так трудно будет. Только доказывать надо и бороться. Это главное. И об этом я с ужасом думаю, т. к. устала невероятно. Я столько работала в Париже, что меня уже не хватает. Надо сделать перерыв. Я не свалилась, но сваливаюсь. Ослабла настолько, что боюсь одна переходить улицу. Возможно, что это временно. Вчера я весь день пролежала и сегодня сделала глупость, побежала, а вечером предстоит ужин в Malin-Verlag. Отказаться поздно.

Приехать рассчитываю к 20-му, но если надо раньше, телеграфируйте. Я думаю, что у нас так быстро дела не решаются! И я не опоздаю. Хотя Вам виднее — не думайте долго и телеграфируйте.

Советовать что-либо боюсь, пожалуй, лучше выжидать и продолжать текущую работу. На монастырь, конечно, соглашайтесь. По-моему, это очень хорошо. Вот что с Центральным библиотечным коллектором — не знаю, если можно, освобождено, переезжайте. Делайте так, как будто ничего не было.

Поеду к Hiersemann'у на днях. Переведены ли предметы "золотого фонда" в Париж? Я-таки заказала пишущую машинку, граммофон, Photoscopie и др., получив от Торгпредства разрешение.

Духом не падайте, ничего страшного не случилось. Неужели не

привыкли! Привет всем, всем, всем.

Ваша М. Рудомино.

P.S. Расписку посылаю Баграту Сергеевичу[13].

Василий Николаевич писал из Москвы в Берлин:

Москва, 16.XII. 28 г.

Моя миленькая! Что же это ты вздумала болеть? Это очень с твоей стороны нехорошо, и я очень беспокоюсь. Как себя чувствуешь сейчас? Лучше? Когда собираешься домой? Здесь положение вполне благополучное. Разговаривал с Павлом Захаровичем, Баграт<ом> Сергеевичем, оба говорят, что до праздников приезд твой не нужен. Но после праздников все ждут тебя с нетерпением. Но, кажется, больше всех ждет Елена Емельяновна. Она только и поддерживает себя мыслью, что ты приедешь в середине этой недели. Так что мы уже решили ее и не огорчать и говорили ей, что ты будешь числа 20-го декабря. Итак, жду тебя между 22-ми 27-м декабря. <…> Да, тяжелая прошла осень — скучная, серая, одинокая, без улыбки, без ласки… Жду твоего приезда, как чего-то светлого, что украсит жизнь, сделает ее человеческой, даст ей интерес, кроме одной работы.

Риночка здоров, хотя немного простудился и кашляет. Но без температуры. Решил его дня на два задержать дома.

Сегодня мой, в некотором роде, юбилей — пишу тебе 20-е письмо. За всю жизнь, вероятно, не написал столько писем, как за эти 2 месяца. Два месяца!.. Подумать только, уже два месяца мы с тобой не виделись!.

Но это уже тебе последнее письмо, потому что ты его можешь получить, только если останешься в Берлине до 20-го декабря.

Москаленки уже переехали к себе. Кланяйся Евгению Петровичу.

Риночка сидит рядом и просит написать, чтобы ты привезла паровоз.

Целую крепенько.

Твои В. и Р.

Со многими интересными людьми свела меня судьба во время этой командировки. Одновременно со мной в Париже была литературовед Валентина Дынник, брат которой историк Михаил Александрович Дынник знал моего мужа еще в дореволюционное время в Киеве, и мы дружили семьями. В Париже мы с Валентиной вошли в круг знакомых И.Эренбурга и его жены Любови Михайловны. В этом кругу был и

В.Маяковский, который как раз в это время жил в Париже. Надо сказать, что я критически относилась к тем встречам в Париже. Они проходили почти ежевечерне в так называемых

ресторанах, а на самом деле в типичных забегаловках на Монпарнасе. Помню три главных: "Дом", "Селект", "Ротонда". Обычно вечер начинали в одном из них, а затем переходили в другие. Компания, в которую нас ввел И.Эренбург, состояла в основном из художников. Все они были какие-то странные. Никакого особого разговора не велось. И я, когда приехала обратно в Москву, говорила: "Ну откуда же берет все сведения для своих работ Эренбург, когда он встречается с одними и теми же людьми, говорит об одном и том же: кто-то купил новую шляпу, как она красива или как он своей Ани покрасил щеки лиловым, а потом красным и т. д." Ресторанчики, в которых мы бывали, тогда были полупустые, двухэтажные. Кажется, "Ротонда" была одноэтажной и выглядела побогаче.

Вначале мы сидели на первом этаже, потом переходили на второй, где было теплее. Стоял декабрь. Всегда моросило, шел дождь, было сыро и холодно.

Я не мерзла, но остальные были одеты хуже, если не сказать очень плохо. Ресторанчик "Селект" был самым маленьким. В 1960-е годы, когда я снова попала в Париж, то пошла на Монпарнас, чтобы найти эти ресторанчики. Нашла "Ротонду". Теперь это фешенебельный, богатый ресторан. Какого-то из них, по-моему "Дома", напротив уже не было, а "Селект" существовал. Расположены они были недалеко от вокзала "Монпарнас". Сейчас там выстроен небоскреб, которым возмущен весь Париж.

Как-то днем мы с Валентиной Дынник зашли к Эренбургам. У них была малюсенькая двухэтажная квартирка. Они только вставали, потому что вели ночной образ жизни. На втором этаже, по-моему, находилась студия, на первом они спали. Они тут же сказали: "Идемте". И мы пошли в "Ротонду", "Дом" или "Селект", я уже не помню. Там был Маяковский. Он играл на бильярде в большой комнате внизу. Мы познакомились. Он говорит: "А, очень хорошо! Это мои соотечественники. Ничего, деньги у них есть…" Хотя у нас их не было. Потом продолжал: "Я выигрываю, и вы мне ставите на запонки". Мы посмеялись, но меня это покоробило. Когда Маяковский выиграл, мне пришлось дать ему несколько франков на эти самые запонки. Он и второй раз поставил, сказав: "Ну как, теперь давайте все ставьте мне" на что-то там другое. И снова выиграл. Мы смеялись вместе с В.Дынник, но я запротестовала и сказала: "Нет уж, хватит…" После этого мы немного поговорили… Помню, мне кто-то рассказал, что существует Таня[14]. Она дочь эмигранта. Маяковский очень увлечен ею и все сделает, чтобы увезти ее в Советский Союз. И якобы Таня уже дала свое согласие. Я Таню видела один раз — высокая, интересная, очень интеллигентного вида, с

аристократическим лицом. Помню, что она была хорошо одета. А так как в то время я на это обращала внимание, то мне она очень понравилась. И когда я приехала обратно в Москву, то интересовалась, чем же кончилось это увлечение. И кончилось оно, кажется, неудачно для них. Но я плохо знаю жизнь Маяковского. Была потрясена его самоубийством.

А первый раз Маяковского я увидела еще в 1921 году, когда приезжала из Саратова в Москву. Я чувствовала себя тогда очень одинокой. Мои знакомые были значительно старше меня и мало интересовались тем, чем интересовалась я. Но, несмотря на это, я не могла по своей молодости не включиться в молодежную моду того времени. Вокруг Политехнического музея тогда кипели невероятные страсти, все бегали туда на вечера, попасть на которые было чрезвычайно трудно. Помню, однажды в конце 1921 года я попала на выступление В.Маяковского. Из этого его выступления я на девять десятых ничего не поняла, тем более что я вообще была очень далека от поэзии и, особенно, современной. В юности у меня не было времени для увлечения поэзией. Мои саратовские друзья были захвачены стихами. Тогда в Саратов приезжали К.Бальмонт и И.Северянин, а также А.Вертинский. Бальмонт даже был увлечен одной из моих подружек. Многие мои подружки просто жили поэзией. Я же была от этого далека. Поэтому не удивительно, что я и Маяковского совсем не поняла. Я только помню, как в самом конце вечера кричала аудитория. В.Маяковский вновь вышел на сцену, руки, как говорят, в брюки, и, прищурив глаза, гаркнул: "Эй вы, сволочи! Не понимаете настоящего, не понимаете того, что нужно…" Вот это я запомнила. И мне стало страшно. "Сволочи" — это слово для меня, девушки из интеллигентной семьи, считалось совершенно невозможным. Я не понимала, как такое можно произнести! С эстрады! Это же скандал! Но аудитория восприняла все это как должное… Я была потрясена.

После встречи с В.Маяковским в Париже я его больше не видела, на его выступления не ходила, а с И.Эренбургом была тесно связана до самой его смерти. Тогда, в 1928 году, перед моим отъездом в Москву Илья Григорьевич очень просил меня, чтобы я пошла в МИД и ускорила его приезд в Москву. Это был не первый их приезд в Москву, но на этот раз у него были какие-то проблемы.

Илья Григорьевич постоянно выступал в Библиотеке. Будучи президентом общества "СССР — Франция", привозил к нам известных французов. Практически все лекции Л.Арагона, которые он прочитал у нас в Библиотеке, прошли под председательством И.Эренбурга. По сути дела, мы с Ильей

Григорьевичем даже дружили, но это все очень относительно, потому что Эренбург всегда был поглощен только своей трубкой и самим собой, Библиотекой интересовался только как местом, где он выступал и где находил хорошую аудиторию.

Слушатели его любили и хорошо воспринимали, даже когда он бывал не в духе. Эренбург никогда не скрывал своего раздражения, мог во время заседания или вечера резко что-то сказать выступавшему или даже председателю. Я помню, как Эренбург на одном из вечеров злился на докладчика, у которого был насморк и тот не мог достаточно хорошо выступать.

Илья Эренбург был, безусловно, исключительно эрудированным человеком, интересно говорил, очень много знал. У меня впечатление, что французскую литературу, французское искусство, всю французскую культуру, включая и старую, вряд ли кто еще у нас знал так, как он. Прозу И.Эренбурга я читала по мере ее публикации тогда еще, в 1920-х годах, но как к романисту отношусь к нему скептически, зато считаю его очень хорошим публицистом. Особенно он проявил себя публицистическими статьями во время войны. Когда я была в Германии в 1945–1946 годах, немцы мне говорили, что они знали И.Эренбурга по тем листовкам, которые мы тогда засылали в Германию и которые составлял Эренбург. Мне было очень его жалко, когда он как-то отошел или, точнее, его "отошли" от президентства в обществе "СССР — Франция". Его не сняли, а создали Президентский совет, т. е. целую группу президентов одного общества. Конечно, Илья Григорьевич переживал, хотя делал вид, что ничего не происходит. А вообще у меня с Эренбургом много связано воспоминаний и хороших, и плохих. Характер у него был сложный и очень тяжелый. Не представляю, как Любовь Михайловна могла с ним жизнь прожить. Но она, по-моему, очень к нему была привязана и любила его. И он, вероятно, тоже. Мне кажется, что несмотря на широкий круг знакомых он был одиноким человеком.

С Любовью Михайловной у нас продолжалось общение и после смерти Эренбурга. Она ненадолго пережила мужа. Для меня смерть ее была неожиданностью. Я бывала у них и дома и на даче. Но почти всегда по служебным делам.

В 1928 году в Париже в компании Эренбургов бывали Луи Арагон и Эльза Триоле. Не помню, чтобы мы с Валентиной Дынник видели их в одном из посещаемых Эренбургами ресторанов, но помню, как мы зашли как-то к Эльзе Триоле домой в маленький пансион, где она снимала комнату. В то время я плохо ее знала как писателя, прочла только одну ее книгу "Земляничка". Меня заинтересовало то, что она такая

просоветская, но вместе с тем почему-то живет в Париже. Меня поразила ее комната, уж очень маленькая, вероятно, 6–7 кв. метров. В ней была высокая белая кровать, покрытая белым пикейным одеялом, с высокими подушками, и одно кресло. Нам даже негде было сесть, так что я сидела на кровати, рискуя помять белоснежное одеяло. Эльза сразу начала рассказывать о том, что познакомилась с молодым французским писателем Луи Арагоном, а потом предложила: "Давайте мы увидимся и все зайдем в ресторан". Мы действительно стали встречаться в одном из ресторанчиков. Л.Арагон был интересный мужчина, доброжелательно к нам настроенный. Тогда мне было 28 лет, я была скромной, боялась на себя обратить внимание. Но когда через год-два Л.Арагон с Эльзой Триоле приехали в Москву, они, по их словам, первым делом пришли ко мне в Библиотеку. С тех пор у меня с Арагоном установился на многие года контакт, а вот с Эльзой Триоле — нет. Она мне с самого начала не понравилась как женщина — хищница какая-то, такая маленькая… Я удивлялась, как Арагон мог увлечься такой женщиной. Но он всю свою жизнь был ей предан. Последние предвоенные годы я мало с ней встречалась. Она тоже не была расположена ко мне. Я предпочитала, чтобы Арагон приходил к нам в Библиотеку один. Он пользовался огромной популярностью среди наших читателей. Говорил он очень ясно, внятно, интересно. Выступал обычно в Библиотеке в Столешниковом переулке, некоторые вечера мы организовывали рядом с Библиотекой в ВТО на улице Горького, но там было хуже. К сожалению, после войны, когда Библиотека переехала на улицу Разина, Л.Арагон к нам редко заходил.

В отчете о работе ГБИЛ за 1928 год отмечается систематический, хотя сравнительно медленный рост Библиотеки. На 1 октября 1928 года книжный фонд Библиотеки составлял 40 ООО томов на французском, немецком, английском, итальянском, испанском, португальском, шведском, польском языках, число новых поступлений за год — более 5000 томов. Общее число абонентов — 20 тыс. человек, количество посещений — более 28 тыс.; за год было выдано на дом 45.5 тыс. томов. При читальном зале имелось справочное отделение — энциклопедии, словари, справочники — около 200. В читальный зал, рассчитанный на 25–30 человек, было записано 3 тыс. человек, в 1928 году число посещений составило около 15 тысяч. Было выдано 12,5 тыс. книг, около 8 тыс. журналов, 12.5 тыс. газет (не считая текущих). Пользование читальным залом было бесплатным. Среди читателей Библиотеки было: профессоров и преподавателей — 772, учащихся — 1612, литераторов, журналистов, научных работников — 795, других лиц

умственного труда — 750, служащих — 716, прочих — 322. По возрастному признаку: читателей до 25 лет — 1865, старше — 3147. Библиотека располагала каталогами: алфавитным, системным, персональным, а также предметным по литературе и искусству и картотекой новинок художественной литературы. За год было выписано 18,1 тыс. карточек. Библиотека выпускала газету "Литературная жизнь Запада" по 16–20 страниц машинописного текста в каждом номере. При подготовке материалов для газеты пользовались 60-ю журналами.

Логично встал вопрос о переводчиках, которые как-то совершенно естественно сгруппировались в стенах Библиотеки, по сути дела, с первых лет ее существования. Никакой организации ни в Москве, ни в стране, ни в Библиотеке они не имели. Поэтому в соответствии с Уставом Библиотеки при ней в марте 1929 года было создано Бюро переводчиков. К осени Положение о Бюро переводчиков, а также список Экспертно-редакционной коллегии были утверждены Главнаукой. Коллегию возглавили известные переводчики Б.А.Грифцов и И.А.Кашкин, а ее членами стали: С.А.Лопашов, Е.С.Левин, Д.И.Макрояни, И.И.Чангулли, В.Ф.Кельин, С.С.Игнатов, Б.И.Ярхо, С.И.Арсеньев, А.К.Дживелегов, Д.С.Усов, Эльгиссер. В 1929 году Бюро переводчиков выпустило 5 номеров "Бюллетеня иностранной литературы", составило литературную хронику по западноевропейским странам и США для журнала "Печать и революция", делало переводы для Совнаркома и для других государственных учреждений. Бюро подготовило ряд переводов из иностранных журналов для Главискусства и Радио-центра, направляло переводчиков на различные торжества и встречи с участием иностранцев. Был подготовлен план антологии иностранных писателей, и Бюро обратилось в издательство "Земля и фабрика" (ЗИФ) с предложением о ее издании. Впоследствии на базе Бюро переводчиков ГБИЛ было образовано Объединение художественного перевода Союза советских писателей.

Столешников пер., 2

Главным для меня в 1929 году стал поиск в Москве нового помещения для Библиотеки. Число посетителей росло, увеличивались книжный и журнальный фонды, расширялись другие виды деятельности. В начале 1929 года нам было выделено небольшое помещение в здании Политехнического музея. Туда мы перевели Отдел выдачи книг на дом (абонемент). Перевезли семь тысяч книг. Но облегчения это нам не принесло. Небольшое помещение в Историческом музее сковывало наше развитие.

Это делало совершенно неотложным переезд Библиотеки в более просторное помещение. Тем более что и Исторический музей стремился от нас избавиться и вернуть занятое нами помещение. Кроме этого, и Моссовет хотел нас как можно быстрее переселить. В это время обсуждался проект расширения прохода из Охотного ряда на Красную площадь за счет сноса ворот Бориса Годунова (XIII в.) и Иверской часовни, в непосредственной близости к которым располагалась ГБИЛ. Однако против такого проекта выступали московские архитекторы, которые предлагали расширить проход на Красную площадь не за счет сноса исторических памятников, а путем проделывания выемки в здании Исторического музея у ворот Бориса Годунова, как раз там, где находилось помещение Библиотеки. Хотя этот проект в дальнейшем отпал, в тот момент Моссовет в экстренном порядке стал нам предлагать помещения в бывших церквах в центре Москвы.

Весной нам предложили помещения бывшего Никитского монастыря на Большой Никитской улице, 27, напротив здания Зоологического музея МГУ — собор и две церкви с чудесным садом. Однако эти помещения были в конце концов переданы МГУ, а нам предложили церковь Космы и Дамиана в Столешниковом переулке. Мы согласились, но оказалось, что она ранее была передана Ассоциации художников революционной России (АХРР). Моссовет предложил еще помещения целого ряда уже закрытых церквей: Николы "Красный звон" в Юшковом переулке на Ильинке, Антипия на Волхонке, Николая Явленного на Арбате, святых Бориса и Глеба на Арбатской площади. Однако все помещения в этих церквах были слишком тесными, и мы отказались. Кроме церквей Моссовет нам ничего не предлагал.

Как раз в это время вышло постановление Моссовета о немедленном нашем выселении в связи с реконструкцией Воскресенского проезда. Мы решили отстаивать устраивавшую

нас и по площади, и по месту расположения церковь Космы и Дамиана в Столешниковом переулке, дом 2.

В то время начальником Главнауки был старый большевик Михаил Николаевич Лядов, с которым считались в Моссовете. Я уговорила его поехать со мной в Моссовет. Там нас принял один из заместителей председателя (не помню фамилию), который сочувственно отнесся к нашей беде. Но помещений, кроме уже нам предлагавшихся, не было. Тогда я поставила вопрос о передаче нам здания церкви Космы и Дамиана в Столешниковом переулке. Он тут же ответил: "Ну подождите, мы же передали ее АХРРу". Посмотрели, когда передали АХРРу. Оказывается, еще в апреле 1929 года, и АХРР с тех пор (а был уже июль) только вывез все иконы и церковную утварь, разрушил алтарь и приделы, а больше ничего не сделал. Ремонта даже и не начинали. Я со свойственным молодости легкомыслием говорю: "Так давайте мы ее и займем!" Но это не подействовало — было постановление, которое надо было выполнять. Тогда я говорю: "Ну а что если мы туда возьмем и въедем!" Он посмотрел на меня, вероятно, подумал, что за строптивая девушка, и ничего не ответил, но я поняла, что он не против, раз это единственный способ нас переселить. Я тут же потянула Лядова на выход. Когда мы вышли из кабинета, я ему сказала: "Михаил Николаевич, давайте поедем в церковь Космы и Дамиана". Он очень хорошо ко мне относился и согласился. В машине я говорю: "А что если я въеду в церковь?" Он отвечает: "Ну, что вы!.. А ключи у вас есть?" Я говорю: "Нет, конечно". "Ну, — говорит Михаил Николаевич, — я ничего не знаю!.." И я решила действовать.

Приехала в Библиотеку, это была уже вторая половина дня, и говорю: "Давайте немедленно переедем!" У меня была еще одна такая же отчаянная сотрудница, Лидия Никифоровна Кобяшева, она говорит: "Да… Но как же мы туда переедем?" Хотя это недалеко, но ведь нужны лошади…" Кто-то из сотрудников сообразил, что в Охотном ряду, где еще торговали мясом и рыбой, наверняка есть телеги. Мы с Лидией Никифоровной помчались в Охотный ряд, быстро нашли три подводы, подъехали к Историческому музею через ворота Бориса Годунова и спешно нагрузили их книгами. Решили пока взять только дубликаты и разное старье. Грузили в мешки, которые были на телегах. Вышло, кажется, мешков пятнадцать, а может быть, и больше. Нагрузили три полные телеги и поехали через Охотный ряд по Тверской улице прямо в Столешников переулок. Замка на двери церкви не оказалось, только печать. Мы постояли над этой печатью в растерянности, но я быстро спохватилась и ее сорвала. Решила: пусть будет что будет! Наш прошлый самовольный

переезд с Денежного переулка стоил мне многих неприятностей, но потом выговор с меня сняли.

Я подумала: "Я же не дачу себе строю, а делаю государственное дело".

Уже поздно вечером мы закончили разгрузку книг, рассчитались за подводы. Деньги взяли от платного абонемента. Я ломала голову, как их проведу: в смете такие расходы не предусмотрены, но все обошлось. Я была мелкая сошка, никто не захотел со мной связываться. Но как закрыть дверь? Замка у нас, конечно, не было. Решили остаться на ночь в церкви. Я попросила одну из сотрудниц, совсем молоденькую девушку, сходить ко мне домой и предупредить мужа, что я останусь здесь ночевать. Лидия Никифоровна жила рядом, сбегала домой, предупредила, что останется на ночь в церкви, и даже принесла булку с чем-то вкусным; мы поужинали, не подозревая, что грозит нам ночью. А ночь была ужасной! Во-первых, оказалось, что в помещении церкви совсем нет света. Но главное — крысы! Их мы, конечно, испугались, особенно я. Лидия Никифоровна была моложе меня, и мне стыдно вспоминать, что я не побоялась снять печать, а крыс испугалась. Слава Богу, зверюги занялись мешками. Мы решили ими пожертвовать, только бы они нас не тронули. Эту ночь мы почти не спали. Наутро решили пойти домой по очереди. Я пошла первой, открыла дверь и остолбенела: на крыльце у входа в церковь множество женщин! Очевидно, уже разнесся слух, что церковь заняли. Меня обступили, не давали проходу. Я старалась объяснить, что занятие библиотекой помещения церкви Космы и Дамиана — это лучший выход: в церкви будет находиться культурное учреждение и это может спасти ее от сноса. Так и вышло. Если бы Библиотека не заняла помещение церкви Космы и Дамиана, ее, скорее всего, снесли бы. Ведь все церкви, которые нам предлагали в центре Москвы, были позже снесены. На их месте были разбиты безликие палисадники или построены уродливые здания вроде трансформаторной подстанции Метрополитена на месте церквей Никитского монастыря.

Так мы заняли под ГБИЛ помещение церкви Космы и Дамиана в Столешниковом переулке. АХРР не протестовала, я ни разу с ними не объяснялась по этому поводу. В конце августа М.Н.Лядов вызвал меня к себе и вручил Постановление Президиума Моссовета от 21 августа 1929 года, в котором говорилось: "…Ввиду неиспользования АХРР в течение шести месяцев помещения церкви за отсутствием средств и принимая во внимание срочность выселения ГБИЛ из Исторического музея в связи с ремонтными работами Моссовета — передать церковь Космы и Дамиана в Столешниковом пер. ГБИЛ Главнауки".

Когда Михаил Николаевич вручал мне Постановление вместе с ордером, он усмехнулся и сказал: "Ну… молодец!" — чему я была очень рада. Я всегда вспоминаю этот эпизод, когда рассказываю о становлении Библиотеки: если бы все пошло по закону, то, возможно, и не было бы ГБИЛ. Именно помещение Библиотеки в церкви Космы и Дамиана сыграло огромную роль в ее развитии. За предвоенное десятилетие объем ее работы увеличился в 2–3 раза, а может быть, и больше, а главное, новое помещение подняло авторитет и значимость Библиотеки среди научных, учебных и культурных учреждений Москвы. Я, безусловно, благодарна Главнауке, ее начальникам профессору И.И.Гливенко, Ф.Н.Петрову, М.Н.Лядову и сотрудникам Главнауки, которые всегда нам помогали. Это были умные люди, с которыми можно было всегда найти общий язык. Их помощь в нашем переезде из Исторического музея в церковь Космы и Дамиана огромна. Главнаука выделила нам средства и хорошую строительную организацию, которая добросовестно и быстро провела ремонт, притом так качественно, что Библиотеку начали показывать на выставках как образец возможности переделки помещения церкви под культурное учреждение. А я кроме всего была спокойна, что церковь Космы и Дамиана теперь не снесут.

В центре здания мы сделали двухъярусное книгохранилище, по бокам были открыты читальный и консультационный залы. Были выделены помещения под каталог, под вспомогательные и административные отделы. Над книгохранилищем был сделан полуэтаж, где разместился отдел обработки. В общем, помещение церкви Космы и Дамиана нам прекрасно послужило.

30 марта 1930 года состоялось торжественное заседание, посвященное открытию Библиотеки в новом помещении.

Пришло много читателей и приглашенных, что наглядно подтверждало огромный интерес московской интеллигенции к нашей Библиотеке, а для меня — "к моей Библиотеке". Все радовались, поздравляли меня. Пришло и начальство — новый заведующий Главнаукой И.К.Луппол, с которым мы с Василием Николаевичем вместе отдыхали в Гаспре и Узком и были в дружеских отношениях. Это был очень интересный человек, любивший, как и я, Париж и много интересного рассказывавший об этом городе. Ждали А.В.Луначарского, но он в последний момент прислал записку, что прийти не сможет:

> "30. III.1930
>
> Дорогие товарищи, на сегодня внезапно оказалась назначенной очень важная государственная комиссия. Я думал, что заседание кончится довольно скоро. Но это не

так. Вот почему я, к сожалению, не могу быть на В. Торжестве.

Желаю искренне процветания Библиотеки. Непременно посещу ее на днях и подробно с ней ознакомлюсь.

Член президиума ЦИК Академик Луначарский".

Пришла и большая группа издательских работников во главе с директором Госиздата А.В.Халатовым. Торжественное заседание открыл И.К.Луппол. Я сделала доклад о деятельности Библиотеки и перспективах ее развития. Было много выступавших. В целом Торжественное заседание явилось важным шагом к дальнейшему нашему развитию.

В архиве ГБИЛ хранится интересная зарисовка первых шагов деятельности Библиотеки в церкви Космы и Дамиана. Она не подписана и не указано ее назначение. Названа она "Церковь-Библиотека".

"…На церкви нет креста. На колокольне отсутствует колокол. Церковь пустовала… До тех пор, пока на широких дверях, защищенных металлической решеткой, не появилась невиданная табличка — "ГОСУДАРСТВЕННАЯ БИБЛИОТЕКА ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ". Вы входите в Храм. Пройдя просторную прихожую, Вы попадаете в большой полукруглый зал, густо, в несколько этажей заставленный шкафами. Разные галерейки составляют новую надстройку. По галерейкам среди полок движутся фигуры. Здесь святое святых Храма — книгохранилище. На полках в образцовом порядке, подчиненном каталогизации по усовершенствованной системе Кеттера, расположены книги — свыше 50 тыс. названий. Это сегодня. А еще несколько лет тому назад Библиотека едва ли насчитывала 10 тыс. томов.

Справа от главного зала — читальный зал. Над кипами газет и журналов, над индикатором, характеризующим их направление и дающим оглавление отдельных номеров, насмешливо улыбается гипсовый Вольтер. В читальном зале все приспособлено для широкого обслуживания массового читателя. Ежедневно вывешивается перечень полученных газет с указанием заглавий передовиц и наиболее интересных статей. Издается информационный бюллетень с аннотациями и сведениями о всех интересных книгах, выходящих в Европе и Америке. Бюллетень рассылается всем заинтересованным издательствам. Кроме того, в читальном зале устраиваются книжные выставки, откликающиеся на все значительные события литературной и общественной жизни. Останавливают на себе внимание деревянные бюсты Бальзака, Гёте, Рабле, Сервантеса, Данте, Спинозы, исполненные

молодым скульптором Колонтаевым.

Библиотека периодически устраивает силами приезжающих в СССР иностранных ученых и советских научных работников доклады и историко-литературные лекции. Производится чтение новинок западной и американской литературы. Читаются циклы лекций по литературе отдельных стран. Ставятся даже проблемы изучения зарубежного читателя (например лекция "Американский читатель"). Одновременно со специфическими библиотечными функциями ГБИЛ ведет широкую работу по методике изучения иностранных языков. Диапазон этой работы очень велик — от начального года обучения до научных филологических исследований.

Большой зал слева от книгохранилища занят под выставку всех имеющихся в СССР пособий для изучающих иностранные языки. Здесь несколько раз в неделю производится демонстрация лингафонных пластинок на английском, немецком и французском языках, помогающая изучающим языки правильно усвоить произношение. Наконец, здесь имеется справочно-библиографическое бюро, дающее справки, связанные с изучением языков, а также Бюро переводов, берущее на себя переводы со всех языков на русский и наоборот и консультирующее по всем вопросам переводческого дела. Этот зал пользуется огромной популярностью среди педагогов, научных работников, учащихся и квалифицированных рабочих, занимающихся изучением иностранных языков. Однако Библиотека не ограничивает свою деятельность стенами бывшей церкви. Огромная тяга к изучению иностранных языков, охватившая широкие слои трудящихся, принуждает вынести работу Библиотеки далеко за пределы Храма".

В те годы ценным начинанием Библиотеки явилась организация разнообразного цикла лекций по различным вопросам языкознания и методике преподавания иностранных языков. Здесь и обзорная лекция профессора М.В.Сергиевского "О новейших грамматических течениях на Западе" (1934), и лекция известного английского методиста Пальмера "О методике преподавания иностранных языков" (1931), и сообщения по отдельным вопросам преподавания иностранных языков (например, лекция доцента В.Кунина "Об английских идиомах и путях их изучения (1934). О широте направления работы лектория Библиотеки при учебном зале могут свидетельствовать такие лекции, как "Преподавание иностранных языков в США", "Отчет о Конгрессе по иностранным языкам в Париже", "О грамматической терминологии" и т. д.

1930-е годы характеризуются напряженной работой по

распространению иностранных языков под лозунгом "Иностранные языки — в массы". Можно без преувеличения сказать, что Библиотека явилась важным звеном в сети тех учреждений, школ и институтов, которые в это время занимались обучением иностранным языкам. Огромный размах изучения иностранных языков в ГБИЛ лишний раз показал, что знание иностранных языков стало буквально практической необходимостью и культурной потребностью советских людей. У нас в библиотеке появилась интеллигенция новой формации, т. е. та интеллигенция, которая заимствовала у своих дореволюционных предшественников хотя бы знания иностранных языков. Множество специалистов Наркоминдела, Наркомвнешторга, ВОКСа и других наркоматов, ведомств, научно-исследовательских и учебных институтов заговорили на иностранных языках у нас в Библиотеке. Многие наши учащиеся стали в дальнейшем известными языковедами, авторами учебников по иностранным языкам.

Важно отметить, что 1930-е годы в ГБИЛ начал зарождаться новый тип библиотеки и библиотекарей. Он не был заранее предугадан. Его рождала сама жизнь. Основная деятельность старого типа библиотеки и библиотекаря заключалась в том, чтобы приобрести книги, записать их в инвентарь, от руки заполнить карточку в каталоге, поставить книги на полки, а дальше выдать их читателю, предварительно стерев пыль. Вот и все. Творческий подход здесь относился только к приобретению книги, а дальше уже шла чисто техническая работа. Зато библиотекарь должен был обладать спокойным характером, приятной внешностью, чтобы читатель не отвернулся от него. Библиотекарь должен был иметь хороший почерк и некоторый круг знаний. Вот такие требования были к библиотекарю тогда, когда я вошла в библиотечный мир.

Конечно, были уникальные библиотекари-энциклопедисты, такие как, например, В.В.Стасов, служивший в Публичной библиотеке в Петербурге и дававший консультации, особенно художникам и музыкантам. Сейчас таких энциклопедистов не осталось. Такими были Е.И.Шамурин, А.И.Калишевский, Н.П.Киселев, мой учитель библиотечному делу в Саратове Е.Н.Добржинский. Это была плеяда прекрасных, настоящих библиотекарей, но таких библиотекарей были единицы.

В нашей Библиотеке тоже был такой специалист — Николай Иванович Пожарский (1889–1959). Он окончил МГУ и еще до революции был оставлен при Университете. Но затем перешел на библиотекарскую работу: заведовал библиотекой Государственной академии художественных наук (ГАХН), откуда в

конце 1920-х годов перешел к нам. Старый московский интеллигент, он обладал редкой эрудицией, знал несколько языков. Он знал всё! Энтузиаст книжного дела, он был одним из организаторов книжного фонда и библиографического отдела Библиотеки. О нем у нас шутливо говорили: "Если Николая Ивановича разбудить ночью и спросить, кто автор какого-либо, даже малоизвестного произведения зарубежной литературы, он не только назовет автора, но и даст характеристику книги и подскажет, где, на какой полке ее найти". Он чуть ли не называл нужные страницы. Но, увы, все его знания умерли вместе с ним.

Чем же отличалась наша Библиотека и наши библиотекари от стандарта? Во-первых, с самого начала в Уставе ГБИЛ было записано, что Библиотека одновременно проводит консультационную и педагогическую деятельность, что библиотекари одновременно являются консультантами и преподавателями иностранных языков. Раньше такого в библиотеках не бывало. Во-вторых, Библиотека вышла за пределы своих стен, открыв филиалы на заводах, в различных учреждениях, в парках, в вузах, в научно-исследовательских институтах в Москве и в других городах страны. В-третьих, раскрытие содержания источника информации раньше ограничивалось записью в каталожной карточке, а мы стали раскрывать содержание книг: сначала через аннотации, а затем занялись и рефератами. По сей день ВГБИЛ издает реферативный бюллетень "Современная художественная литература за рубежом", который имеет большой тираж и в системе "Союзпечати" пользуется значительным спросом. Издание было прекращено в 1997 году из-за отсутствия государственного финансирования. Еще в Денежном переулке по моей инициативе мы сделали большой индикатор: приделали к стене фанерные коробочки, на которых написали названия журналов и аннотации к ним, а внутрь вкладывали карточки с содержанием отдельных номеров. Это упрощало читателям поиск и экономило их время. Читатель брал карточку, просматривал аннотацию на каждую статью и после этого мог запросить сам журнал. Это было начало.

После войны ГБИЛ стала печатать до одной тысячи листов в год различных реферативных изданий — это и сводные каталоги, и библиографические и систематические указатели, аннотированные карточки на каждую новую книгу, на каждую новую статью в журнале.

Однажды в начале пятидесятых годов у меня в кабинете Библиотеки открывается дверь и входит большой, солидный человек, кланяется в пояс и говорит: "Большое вам русское спасибо". В первый момент я ничего не поняла, а он продолжал:

"Я академик Андронов из Горького. Мне 60 лет, и я уже 40 лет занимаюсь научной работой. Из этих сорока лет по крайней мере 20 лет я разыскиваю литературу, т. е. занимаюсь библиографической работой — подсобной работой к моей непосредственной деятельности. А вот сейчас, благодаря вашим библиографическим указателям и аннотированным карточкам, я сэкономил буквально 90 % своего рабочего времени и могу его потратить уже на мою непосредственную научно-исследовательскую работу. Я в свое время был в Томске, ездил в Иркутск и в Новосибирск, Казань и Саратов, был в Прибалтике. Искал журналы по своей специальности — физике. Находил и не находил… У вас открылось новое… Вы дали сразу всё! И мне не нужно уже сейчас не только никуда ехать, но я уже ретроспективно знаю, где, что и как сегодня выходит. И на моем столе лежит то наиболее интересное, что мне нужно в моей работе".

В-четвертых, в Библиотеке был широко развит лекторий — тоже новое в библиотечной деятельности. Сколько интересного он дал москвичам! Я вспоминаю наших лекторов. Например, помню шекспировский цикл лекций М.М.Морозова — того Мики Морозова, которого пятилетним нарисовал Валентин Серов. На лекции Михаила Михайловича стояли очереди. У нас шутили: очереди в Москве только на Тверской к Филиппову за свежими булочками и на Морозова в Библиотеке иностранной литературы. Представитель старой русской интеллигенции, Михаил Михайлович очень много хорошего дал новой советской интеллигенции. Кстати, его первая жена, Н.Г.Рогаль-Левицкая, работала у нас консультантом по английскому языку и тоже пользовалась популярностью. На ее доклады и особенно семинарские занятия попасть было непросто.

Вот это и есть новый тип библиотеки! Создавалась не просто библиотека, а "библиотечный комбинат", осуществляющий не только библиотечную деятельность, но и консультационную, учебную, методическую, научно-исследовательскую работу по всей стране. Это то, что сейчас очень интересует весь мир. И уже новые библиотеки, особенно в развивающихся странах, берут с нас пример. А мы начинали в 1922 году! Вот что писал мне по этому поводу президент Государственной академии художественных наук (ГАХН) П.С.Коган:

> "Глубокоуважаемая Маргарита Ивановна, я вынужден уехать и лишен возможности выразить Вам привет и чувство глубокого уважения по поводу начала новой эры в истории созданного Вами учреждения.

Есть библиотеки — книгохранилища. Есть библиотеки — советники и друзья. Ваша Библиотека принадлежит к последней из этих двух категорий. Все мы — Ваши должники. У Вас находятся не только книги. Здесь целый университет, своего рода Академия. Отсюда уносишь не только книги, но и руководящие указания.

Это — библиотека наших дней, библиотека-просветитель, библиотека-учитель.

Самый горячий привет Вам и всем строителям замечательного дела. Искренние пожелания дальнейшего роста и преуспевания этому славному институту.

Президент ГАХН П.С.Коган".

К сожалению, рождение нового типа библиотеки не всегда проходит гладко. Например, была у нас Фундаментальная библиотека общественных наук (ФБОН), во главе которой стоял чудеснейший человек — Виктор Иванович Шунков. После войны был организован Всесоюзный институт научно-технической информации (ВИНИТИ) по естественным наукам и технике. Тогда В.И.Шунков задумал организовать подобного типа институт и по общественным наукам на базе ФБОН. Библиотека должна была стать основой Института, там должна была бы сосредоточиться вся информация. Шунков начал это дело, но, к сожалению, не успел его завершить — умер. А после его смерти его идею исковеркали. В новом здании оказалась не ФБОН, а ИНИБОН — Институт научной информации и Библиотека общественных наук, а на сегодняшний день Библиотека вообще выброшена из названия и остался ИНИОН — Институт научной информации общественных наук, а библиотека при нем. Мне кажется, Виктор Иванович перевернулся бы в могиле, если бы узнал, как исказили его идею. Рано или поздно придет время, когда поймут, что именно библиотека является центром информации. Нельзя же информировать без книг, журналов и других источников информации, хранящихся в библиотеках.

Меня часто спрашивают: "Скажите, а вам не было бы проще сделаться каким-либо институтом? Вы же такое большое дело делаете! Одна ваша издательская деятельность чего стоит!" Я всегда отвечала: "Нет, не стоит. Только для того, чтобы получить немножко больше денег? Это сегодня, а завтра еще неизвестно, может быть, и библиотекари будут получать большую зарплату. Библиотеки — это вечно. До нашей эры уже были библиотеки. А институты — это детище XIX и XX веков, и еще неизвестно, что с ними будет в XXI веке. Может быть, институты заменят еще чем-

то новым. Но библиотеки останутся. Им замены нет. Я уверена, что библиотеки должны сохраниться, так как книгу не заменят никакие микрофильмы, никакие микрокниги. Разве можно лечь спать без книги? Разве можно посидеть или прилечь без книги? Как же можно жить без книги? Как можно не подержать в руках интересную, нужную для работы книгу? Это невозможно".

После общего ознакомления с деятельностью ГБИЛ в 1930-х годах в новом помещении в Столешниковом пер., хочу продолжить перечень событий в хронологическом порядке.

В январе 1930 года мной и вновь назначенной директором Московского института новых языков (МИНЯ) О.Г.Аникст был подписан Акт о передаче Высших курсов иностранных языков (ВКИЯ) Главпрофобру Наркомпроса. Таким образом, ВКИЯ при ГБИЛ стали МИНЯ. Казалось бы, МИНЯ должен был быть доволен и благодарен ГБИЛ. Но не тут то было! Уже в ноябре 1930 года МИНЯ поставил вопрос о передаче ГБИЛ Институту. В письме директора Института О.Г. Аникст к замнаркома Наркомпроса Курцу говорилось: "Вся масса учащихся МИНЯ (около 1 тыс. студентов) находится в чрезвычайно тяжелых условиях, благодаря отсутствию литературы и учебных пособий. Создание специальной библиотеки при Институте потребовало бы огромных затрат валюты, что Институт считает нецелесообразным ввиду наличия в Москве Государственной библиотеки иностранной литературы, которая могла бы удовлетворить потребности Института. В связи с этим Институтом неоднократно ставился вопрос о передаче ему ГБИЛ, и по этому вопросу имеется принципиальное согласие по чистке аппарата Библиотеки. В настоящее время ГБИЛ обслуживает в массе довольно неопределенный контингент читателя, а учебным залом ее пользуются, главным образом, учащиеся Института и его учреждений. Учитывая эти обстоятельства, а также факт сосредоточения вокруг Института всей работы в области иностранных языков, Институт считает целесообразным передачу ему ГБИЛ как в целях обеспечения учащихся необходимыми учебными пособиями, так и для ведения плановой массовой работы по иностранным языкам".

В связи с этим ходатайством последовало письмо заведующего сектором науки Наркомпроса И.К.Луппола замнаркома Наркомпроса Курцу.

> "Наркомпрос в ответ на письмо ИНЯ от 7.XI.1930 г. решительно возражает против передачи Государственной библиотеки иностранной литературы МИНЯ, поскольку такое мероприятие неизбежно сузит роль Библиотеки,

которая в настоящее время имеет союзное значение.

1. Обучение трудящихся иностранным языкам не может идти только по линии вновь организованных и вновь организуемых ВУЗ'ов и техникумов. Значительную роль должны здесь сыграть внешкольные методы — самообразование, радио, лингафон и т. п. Здесь ГБИЛ имеет соответствующий опыт, широко развиваемый и за пределами Библиотеки. Конечно, если необходимо будет преимущественное право пользования залами Библиотеки предоставить студентам ИНЯ, то оно может быть осуществлено путем договоренности между ГБИЛ и ИНЯ.

2. ГБИЛ не только библиотека г. Москвы, но она связана в своей работе с периферией (Курск, Нижний Новгород, Архангельск, Воронеж, Киев и пр.). В настоящее время приняты меры к организации в республиканских и областных центрах постоянных филиалов и кабинетов иностранной литературы.

3. Сектор науки Наркомпроса вынужден также решительно возражать против указания "неопределенный контингент" посетителей Библиотеки. Статистические данные показывают на непрестанное увеличение процента читателей-рабо-чих. Так в 1928/29 г. — 134 рабочих, в 1929/30 г. — 837, а в связи с организацией филиалов на производстве число читателей-рабочих растет с каждым месяцем. Далее, учащиеся составляют 37 % общего количества читателей (из них читателей МИНЯ около одной трети). Преподаватели, научные работники, литераторы составляют 44 % и тд. и т. д.

4. Главнаука считала бы необходимым отметить в заключение, что по всем вопросам, которые могут, как и в данном случае, быть разрешенными путем обычной договоренности, следует не обращаться в секретном порядке в высшие инстанции, а согласовать вопрос непосредственно с заинтересованным сектором Наркомпроса.

Зав. сектором науки Наркомпроса И.Луппол
Секретарь Ю.Шерл".

На этом закончилась переписка и очередное покушение на нашу самостоятельность.

В мае 1930 года Библиотека совместно с ГИЗом начала издавать "Библиографический бюллетень иностранной

литературы" тиражом одна тысяча экземпляров. В редколлегию Бюллетеня вошли: И.К.Луппол, М.И.Рудомино, Беспалов, Бела Иллеш, Креш, С.А.Лопашов. В рабочей редакции были И.А.Кашкин, Б.А.Грифцов, Е.Л.Ланн, Б.И.Ярхо и др. Для Библиотеки подготовка такого Бюллетеня не была чем-то новым: еще в помещении Исторического музея Библиотека выпускала похожее издание "Литературная жизнь Запада", в котором давались обзоры новейших литературных произведений. В то время это был единственный в стране источник информации о современной литературе западных стран. В его подготовке участвовали такие крупные переводчики, как И.А.Кашкин, Б.А.Грифцов, Л.П.Гроссман. Эти умные и образованные переводчики современной художественной литературы впервые познакомили советских людей с произведениями Э.Хемингуэя, Р.Фроста, Р.Роллана, М.Пруста и др.

Несмотря на мою бурную библиотечную жизнь, мы с мужем придерживались взгляда, что ее надо обязательно один-два раза в год прерывать для отдыха, и уже с середины 1920-х годов четко следовали этому принципу. Тем более Главнаука, где я работала по совместительству и в систему которой входила Библиотека, имела свои прекрасные санатории в Крыму ("Гаспра") и под Москвой ("Узкое"), Начиная с 1926 года мы много лет отдыхали в этих санаториях.

Как-то я отдыхала зимой в Узком, а Василий Николаевич по выходным дням брал дома лыжи, садился на Мясницкой, где мы жили, в автобус (кажется, № 1) и доезжал до Калужской заставы (в настоящее время площадь Гагарина). Там становился на лыжи и через деревни, на месте которых теперь стоят многоэтажки, шел на Узкое. Мы любили отдыхать в среде научных работников — в основном интеллигентных, нестандартных людей.

В конце 1920-х-начале 1930-х годов в Узком выделялся своеобразностью и яркостью ученый, путешественник и государственный деятель Отто Юльевич Шмидт. Это был очень интересный человек. Как-то, еще задолго до челюскинской эпопеи, он отдыхал в Узком после путешествия на Памир, откуда привез очень забавную игру "манжонго". Играли пластинками из кости, типа пластинок игры "домино". Я не помню саму суть игры, но помню, что она была очень занятной и мы были ею увлечены. Когда кто-то проигрывал, Отто Юльевич говорил: "Ну хватит, довольно" — и проигравший был обязан сесть в центре комнаты и рассказать о своих путешествиях. Я знала Отто Юльевича еще по Госиздату, когда он им руководил и был членом коллегии Наркомпроса (1921–1924). О.Ю.Шмидт был одним из тех

доброжелателей Библиотеки, которые понимали значение ГБИЛ для развития культуры страны и стремились помочь ее становлению.

Наша дружба с Корнеем Ивановичем Чуковским началась уже в первые годы после рождения Библиотеки иностранной литературы. В 1920-х годах мы часто встречались в Узком. Я была еще совсем юной. Мы вели бесконечные беседы. Корней Иванович любил разные игры, особенно увлекался шарадами. Иногда в игре он срывал с окон большие портьеры, завертывался в них, как в тогу, и представлял кого-нибудь из окружающих в живых сценах. Обо мне он придумал такую шараду: первая часть слова — французский биолог, открывший антидифтерийную сыворотку — Эмиль Ру (1853–1933). Второй и третий слоги — музыкальные звуки — "до" и "ми", а в конце слова

— союз, показывающий отрицание: "но". С этой загадкой Корней Иванович выступал, как на уроке русского языка в школе. В конце он торжественно ставил на пьедестал меня, завернутую в занавес, и представлял — РУДОМИНО. Тогда, в 1920-х годах, Чуковский предрекал мне большое будущее. Мне это, конечно, очень льстило. Я смеялась, была очень горда.

Корней Иванович перенес свой пыл и на Библиотеку. Я помню, как в 1930-х годах в Библиотеке была дискуссия по проблемам перевода. В этой дискуссии Чуковский и переводчики вошли в такой азарт, что я боялась, что они разнесут Библиотеку. Мне пришлось вмешаться: "Знаете, Корней Иванович, я вас очень люблю и уважаю, но больше я не хочу, чтобы вы у нас…" После этого он поутих, и они вместе с С.Маршаком стали читать свои стихи. Они очень дружили, хотя и были соперниками в переводах. Но это были два таких больших человека, что и, расходясь во мнениях, относились друг к другу с большим уважением. Я всегда их вспоминаю как очень внутренне близких людей.

С Самуилом Яковлевичем Маршаком я познакомилась в 1931 году, когда была с мужем в Кисловодске в санатории "Работник просвещения". В то время Маршак отдыхал по соседству в санатории Дома ученых и часто заходил к нам. Часто, вместо того чтобы идти на какую-нибудь Красную горку, мы сидели в гамаках и болтали, спорили, выдумывали шарады. Маршак очень любил особые, умные игры, которые давали возможность испытать эрудицию участников, проверить их память. Мы с Самуилом Яковлевичем очень сдружились, я бывала у него на улице Чкалова, навещала его, когда он болел. Маршак очень часто устраивал в нашей Библиотеке вечера своих переводов. Прежде чем печатать переводы Бернса, Шелли, Байрона, Шекспира, он читал их у нас. Он пользовался всегда большой любовью и

популярностью у слушателей. Самуил Яковлевич был очень приятным, хорошим человеком. У меня осталась о нем самая добрая память. Я помню, уже после его смерти приходил ко мне его сын. Я передала ему копии писем, которые Маршак присылал мне лично.

О революционерке Вере Николаевне Фигнер я, конечно, знала еще из уроков истории в гимназии. И вот судьба свела нас в начале 1930-х годов в санатории "Узкое". Кто-то сказал мне, что в санаторий приедет Вера Фигнер, и я решила прочесть ее воспоминания. Шлиссельбуржцами я интересовалась, читала воспоминания народника Н.А.Морозова. В библиотеке санатория нашлись три тома воспоминаний Веры Фигнер, и я с большим интересом приступила к чтению. И вот как-то я зачиталась до полуночи: не могла оторваться от книги. Как раз читала о допросе юной девушки и восторгалась ее героизмом. Я представляла эту юную, хрупкую, худенькую девушку, с длинными косами, которая стоит перед жандармами и смело им отвечает, как вдруг открывается дверь и входит пожилая женщина, видит меня в кровати и говорит: "Ой, пожалуйста, извините, я ошиблась дверью. Моя комната, вероятно, справа или слева. Я только сегодня приехала и вы меня, пожалуйста, простите". Тут я все поняла и вскрикнула: "Так это же вы — Вера Фигнер?" Она говорит: "Да, я. А что?" Я отвечаю: "Я как раз вашу книгу читаю!" Она села ко мне на кровать, и мы с ней проговорили до четырех часов утра. В восемьдесят лет она была очень любознательна, и, главным образом, она меня расспрашивала. Я все же попросила: "Вера Николаевна, расскажите о себе". Она ответила: "Ну, в книге же все написано. Вы читаете ее". Она спрашивала обо мне, о моей семье, о моей работе, об окружающих меня людях. Я говорю: "Вера Николаевна, уже поздно, надо спать". А она отвечает: "Нет, нет, нет, я еще…" После этой ночи мы с Фигнер очень сдружились. В послеобеденный час нас клали на террасе в меховые теплые мешки на отдых. Мы ложились рядом и потихоньку, чтобы не будить соседей, разговаривали. Ее все интересовало. Конечно, женщина она была необыкновенная, очень интересная. К сожалению, мне скоро пришлось уехать, истек мой срок пребывания. Но в Москве наша дружба продолжилась, я бывала у нее дома. Помню, зашла к ней как-то вечером в новом платье. Вера Николаевна увидела и спросила, где я его получила. Я сказала, что мне его сшила портниха. "Как, — удивилась она, — в советское время разве есть портнихи? Разве разрешают частный труд?" Я говорю: "Ну как же, Вера Николаевна, безусловно, есть". Она очень удивилась. Как-то я сказала, что нам по утрам

молочница приносит домой молоко. "Как, — изумилась она, — молочница разносит молоко? Это же частная торговля. Разве можно?" И это все совершенно серьезно. Скорее всего, она была неправильно информирована. У нее была ка-кая-то подозрительная экономка, которая, возможно, давала ей такую информацию, и я ей невольно на многое открыла глаза. Но вскоре Вера Николаевна заболела. Наши встречи стали редкими. Потом началась война. В.Н.Фигнер умерла в 1942 году в 90-летнем возрасте.

Осенью 1931 года в санатории "Гаспра" я участвовала в шахматном турнире отдыхающих. Среди восьми участников я была единственной женщиной. Я, игравшая в шахматы, по сути дела, только с Василием Николаевичем, который играл слабее меня, завоевала четвертый приз среди мужчин, опытных мастеров. В связи с этим профессор Иван Никанорович Розанов написал забавное стихотворение.

Посвящается шахматистке Рудомино
14-15.X.1931 г.
Она в турнир вступила смело,
Одна из дам:
"Не женского ума то дело", —
Твердили нам.

"То не забава, а несносный
Труд даме"… Но
Была почти победоносной
Рудомино!

Рудомино не математик,
Но черт возьми,
Напрасно Гиндин делал матик:
"Пять из восьми!"
Таких успехов достигают
Годами… Но
Обычно с мужем лишь играет
Рудомино!

Непобедим был и упорен
Лишь Марков[15] наш.
С его отцом[16] играл Чигорин[17]:
Наследный стаж!
Уменье важно в каждом деле,
Кузьмину[18], оно
Не помогло: не одолели

Рудомино!
Пусть говорят (коль зависть гложет):
"Судьбы каприз!"
Почетней первого быть может
Четвертый приз.
Судьбою женщин — Капабланок
Нам не дано!
Сильней своих и иностранок
Рудомино!

Запомнилось мне, что однажды в санатории в Гаспре был небольшой самодеятельный концерт. Я исполняла Пятнадцатую сонату Бетховена, а кто-то из отдыхающих стал играть фортепианные пьесы Сергея Рахманинова. И вдруг часть слушателей встала и ушла из зала в знак протеста против исполнения произведений белого эмигранта.

Мы очень любили дачу в Барвихе и все свободное время проводили там. Весною и летом на работу и с работы ездили поездом — 40 минут до Москвы. А уже с середины 1930-х годов у меня, как у директора Библиотеки, появилась персональная машина ("Эмка"), Тогда же мне на даче поставили телефон.

На даче много гуляли. Излюбленные места — Монастырский лес и высокий берег Москвы-реки. Мы переходили вброд Москву-реку и через Лохин остров и старицу Москвы-реки доходили до Архангельского (3 км) или по берегу Москвы-реки до Ильинского (3 км). Несколько раз всей семьей ездили из Барвихи на тарантасе в Архангельское. Москву-реку переезжали на пароме. Совершали мы и дальние прогулки на Николину Гору (17 км), иногда с ночевкой у знакомых (Яницких, Гальпериных, О.Ю.Шмидта, Колодных), живших там в дачном поселке работников науки и искусства (РАНИС), который создавался Наркомпросом в конце 1920-х годов. Если бы не жили уже в Барвихе, то наверняка поселились бы на Николиной Горе. Там имели дачи мои наркомпросовские сослуживцы. В длительных прогулках с Василием Николаевичем и Адрианом, а иногда и с его сверстниками, я обычно пересказывала что-то только что прочитанное. Помню, как пересказывала только что переведенный на русский язык роман Дж. Голсуорси "Сага о Форсайтах". Рассказа хватило на всю прогулку до Николиной горы и обратно. Ходили мы навещать знакомых в санаторий "Барвиха". В основном это было мое начальство по Наркомпросу, в большинстве своем репрессированное во второй половине 1930-х годов.

В 1934 году у меня была интересная встреча с датской писательницей Карин Микаэлис (1872–1950), которая приезжала

к нам по приглашению Союза советских писателей. Мне тогда пришлось ее сопровождать в Горький. Туда поездом, а обратно в Москву пароходом. Мы быстро сдружились. Карин Микаэлис была очень интересным человеком, в то время писателем с мировым именем, хорошо относилась к Советскому Союзу. Помню, перед самым ее отъездом я спросила, что на нее произвело самое большое впечатление. Я запомнила ее ответ: "Вы… люди. У вас личное и общественное есть одно. Вы не говорите просто: "библиотека", "школа"… Вы говорите: "моя библиотека", "моя школа", "мой завод". И я чувствую, что это не просто слова. Вы даже своих сил больше отдаете работе, чем своему дому И это меня поразило". Вот так…

Микаэлис была у меня в гостях на даче в Барвихе. Но, к сожалению, ее приезд начался с неприятности. У нас была на даче огромная немецкая овчарка. Притом очень добрая и домашняя. Я не знаю, почему так случилось, но не успела еще Микаэлис войти в калитку, как собака схватила ее за руку. Испугались все ужасно. Но Микаэлис держалась мужественно и сказала: "Только не бейте собаку, не ругайте ее. Собака не виновата. Надо сказать, что собаки меня не любят". И тут же рассказала эпизод из своего детства, как она науськивала какую-то собаку, чтобы та облаяла ее тетку. Собака и набросилась на тетку… Были неприятности. Собаку, конечно, после этого избили. "Я чувствовала свою вину, — рассказывала Микаэлис, — гладила и успокаивала собаку, но она после этого перестала меня любить. Этот эпизод был мною описан в моей автобиографической повести "Девочка с разноцветными стеклышками"". В общем, все обошлось благополучно. В начале мировой войны Карин Микаэлис уехала из Дании в США. После войны вернулась в Данию, где в 1950 году умерла. Я в 1956 году была в Дании и навестила ее могилу на маленьком островке Фюн в Оденсе. Очень было грустно увидеть, что все могилы были убраны цветами и только на могиле Микаэлис их не было. Я сказала об этом одному датскому писателю. Он мне ответил: "Да, к сожалению, у нас она забыта. Это удел крупных писателей. Они у себя на родине забываются быстрее, чем за границей".

23 октября 1936 года у нас родилась дочь Марианна. Мы были счастливы.

В 1938 году провели капитальное утепление дачного дома, сделали черный пол, поставили зимние двойные рамы, переконопатили сруб, утеплили потолок. Вызывали плотников с Украины. Мы давно хотели большую часть года жить на даче. Но непосредственным толчком к перестройке дома явились частые бронхиты Марианны: ее лечащий врач, любимая в семье Нина

Ивановна Знаменская, вырастившая также дочку Сергея Королева — Наташу и детей многих наших знакомых, посоветовала Марианне жить как можно больше на свежем загородном воздухе. После утепления дачи последние годы перед войной Анна Ивановна с Марианной почти круглый год жили на даче.

Немного о Сереже Королеве. Вспоминаю начало 1930-х годов. Когда бы мы ни приходили навестить Баланиных, по-прежнему всегда заставали Сережу с товарищами в его комнате — работающими, обычно очень громко спорящими. Теперь эта комната была в его полном распоряжении, и только буфет в левом углу напоминал нам прежнюю столовую. В комнате ничего не видно было от табачного дыма и ничего не слышно от неимоверного гула. Кроме близких Сереже Юры Победоносцева и Пети Флерова, приходило много людей, мало мне знакомых.

Наступило время, когда комната Сережи на Александровской улице (позже Октябрьской) не могла уже вместить всех, работавших вместе с ним. Сереже пришлось искать помещение для тогда им организованного и уже оформленного ГИРДа[19]. Имея опыт поиска помещений в Москве для ГБИЛ, я всячески советовала Сергею избрать тот же путь. Помню, что он со своими товарищами обошел — по моему списку — много зданий бывших церквей, но остановился на подвале дома на Садово-Спасской улице. Сейчас на стене этого дома висит большая мемориальная доска, где сказано, что здесь находился ГИРД во главе с С.П.Королевым.

В 1931 году я впервые увидела будущую жену Сергея — Ксению Максимилиановну Винцентини, Лялю, как ее все называли и называют до сих пор. Уже несколько лет до этого я слышала о ней много хорошего. И вот в один прекрасный день неожиданно в доме Марии Николаевны появилась чудесная девушка — красивая, обаятельная, простая, серьезная, самостоятельная. Она была одноклассницей Сергея по одесской школе, он несколько лет терпеливо и настойчиво ожидал ее и наконец дождался. В августе 1931 года Ляля приехала на два дня в командировку в Москву, и на второй день молодые пошли в ЗАГС и зарегистрировались.

Мария Николаевна приготовила скромный свадебный обед. На обеде присутствовали, кроме Сережи с Лялей, Мария Николаевна и Григорий Михайлович, Юрий Николаевич с Ольгой Яковлевной и мы с Василием Николаевичем. Ляля была в простом синем платье. Помню, пили шампанское за новобрачных, но пообедали впопыхах, так как Ляля тут же уезжала в Донбасс, где она после окончания медицинского института работала

заместителем инспектора здравоохранения района и начальником санитарной станции. На обратном пути домой часть дороги мы с Василием Николаевичем ехали вместе с Лялей и Сережей на трамвае, стоя на задней площадке. О многом хотелось поговорить, но мало было времени. Где-то мы сошли, а молодые поехали одни на Курский вокзал. Ляля уехала с тем, чтобы вернуться в ближайшие дни в Москву к молодому мужу. Однако переехать окончательно она смогла лишь через несколько месяцев: ее долго не отпускали с работы. Сереже пришлось поехать к ней в Донбасс, и только после долгих споров и настояний Лялю наконец отпустили. Ляля была прекрасным человеком, чудесным врачом, она 34 года проработала в Боткинской больнице травматологом, и до сих пор больные вспоминают ее с благодарностью. Вообще о Ляле можно очень много рассказывать. Мы с ней в дальнейшей жизни много времени провели вместе, особенно во время войны, когда жили в моей квартире. И сейчас мы с ней часто встречаемся зимой, а летом живем вместе на даче и очень дружны.

Теперь, приходя в гости к Баланиным, мы редко встречали Сережу — все вечера он был занят в ГИРДе. Впрочем, он часто сам забегал к нам домой. Мы жили недалеко от Садово-Спасской — на Мясницкой улице, напротив Главпочтамта. Заходил он обыкновенно по вечерам, чтобы перекусить на скорую руку. Наша Анна Ивановна нянчила его еще маленьким в Нежине, любила его и всегда с удовольствием кормила. Но он всегда торопился, жевал на ходу, и поговорить по душам времени не было.

Иногда он жаловался на свои трудности. Его тяготило то, что немногие верили в успех его дела, слишком много было неудач. ГИРД находился в ведении общественной организации — Осоавиахима. Обычно средств у общественных организаций почти не было. Во всяком случае, по словам Сергея, ГИРД не мог похвалиться ни своим оборудованием, ни финансовым или правовым положением. Отсюда — организационные трудности: отсутствие необходимых материалов и средств, зарплата сотрудников чисто символическая — все это отражалось на развитии ГИРДа. Сколько усилий, трудностей, волнений и нервов приходилось ему тратить, чтобы вернуть доверие к своему делу, чтобы обратить в союзников тех, от кого зависело "быть или не быть"! Сколько веры в правоту своих идей должно было быть у него, чтобы доказать государственное значение идей, за которые он боролся. Глубокая убежденность Королева, его активность и настойчивость сумели в конце концов убедить нужных людей, ранее сомневавшихся в нем и его коллективе. Долгий и трудный путь прошел Сергей, особенно в 1930-х годах. Но тем не менее его

инициатива, энергия, его широкий ум и кругозор, его знания и талант победили.

В конце 1933 года был организован государственный Реактивный научно-исследовательский институт (РНИИ), где Сергей занимался своими любимыми и нужными для государства проблемами ракетной техники. В это время мы опять стали чаще встречаться, не только на даче, но и у Баланиных в Москве. После переезда семьи Сергея в новую квартиру на Конюшковской улице — у них дома. Встречались также в семье Юрия Николаевича и у нас. Все было по-старому, мало что изменилось, разве что характер Сергея. Мы часто видели его взволнованным, раздраженным и даже злым. Он рассказывал, что ему приходится вести в Институте борьбу за новые планы, убеждать, доказывать, горячиться — иначе он не может. Помню его в хорошем настроении, когда он радостно, с гордостью говорил о том, что его работа движется успешно. Внешне Сергей в эти годы преобразился — красивый, молодой, задорный, подтянутый, одетый в военную форму с ромбами в петлицах. Иногда казалось даже, что Сергей наконец удовлетворен и своей деятельностью, и жизнью в целом. В апреле 1935 года у него родилась дочь Наташа. Есть фотография, сделанная Василием Николаевичем, где Сережа на крыльце нашей дачи в Барвихе держит на коленях свою полугодовалую дочь и весь лучится радостью и спокойствием. Наблюдая Сережу в те годы, я до сих пор поражаюсь, с какой искренней радостью он участвовал в забавах маленькой дочери. Он любил и нашу Марианну, которая была на год младше Наташи, называл ее Малявочкой, это ласковое имя сохранилось до последних встреч.

Но хороший период длился недолго. Во второй половине 1930-х годов для Сережи наступили тяжелые времена. Злоба и зависть к таким творческим личностям, как Королев, со стороны серых, бесталанных, но амбициозных, рвущихся к власти и почестям карьеристов, вроде конструктора РНИИ А.Г.Костикова, желание выдать чужие достижения за свои привели к аресту Сергея. Он и его товарищ по работе, конструктор ракетных двигателей В.П.Глушко, были арестованы и осуждены на 10 лет заключения каждый, два руководителя РНИИ И.Г.Клейменов и Г.Э.Лангемак были расстреляны, а Костиков присвоил себе их достижения и стал "основным конструктором" реактивной артиллерийской системы "Катюша".

Так был вырван из большой, исключительно важной для страны деятельности С.П.Королев. Освобожден он был лишь в 1944 году. До лета 1945 года работал в Казани. Мы встретились только в октябре 1945 года в поверженном Берлине, где я

работала по книжной линии, а Сергей неожиданно приехал по ракетным делам.

Трудные годы репрессий не обошли стороной и Библиотеку. В мае 1930 года, как и в других советских учреждениях, в ГБИЛ проходила чистка состава сотрудников. В связи с этим местком обратился к сотрудникам Библиотеки с обращением. Оно интересно как документ того времени.

> "Товарищи сотрудники, товарищи читатели Библиотеки! В ближайшие дни начинается чистка аппарата нашей Библиотеки. Предстоящая чистка нашей Библиотеки прежде всего — массовый смотр нашей работы. Как ни малы размеры нашего учреждения, как ни мал наш рабочий коллектив, все же его работа является звеном огромной стальной цепи, поднимающей нашу страну к высотам социализма <…>.
>
> Только быстрой, четкой, правильной работой, выполненной с ясным сознанием ответственности за нее перед трудящимися массами, мы дадим честный ответ партии и соввласти, призвавших нас к великой социалистической стройке. Основная цель чистки — улучшить работу нашего учреждения, выявить и помочь устранить недостатки ее. Кто же обязан помочь Комиссии по чистке выявить все эти недостатки? Прежде всего сотрудники Библиотеки. Под смелый огонь самокритики всю нашу работу! Только этим огнем могут быть расплавлены оболочки и вскрыта истинная природа сознательных врагов рабочего класса, носителей бюрократизма, лжеспециалистов и пр. <".> Замалчивать, замазывать, покрывать — значит вредить социалистической стройке.
>
> Товарищи! Смело и открыто выступайте на собраниях! Смело сообщайте в Комиссию по чистке обо всех известных вам недостатках работы Библиотеки и библиотечных работников".

Комиссию по чистке возглавлял председатель комиссии по обследованию и чистке подведомственных Наркомпросу учреждений Сальня, а подкомиссию, работавшую в Библиотеке, — заведующая сектором библиотек Наркомпроса Г.К.Дерман. Она подвергла резкой критике ряд сторон деятельности Библиотеки: книжные фонды в значительной части засорены не относящимися к специальности антихудожественными и антиреволюционными книгами; комплектование книжного фонда невыдержанно и

расплывчато: выписываются легковесные по содержанию книги политико-публицистического характера, необычайно пестрым является список периодических изданий, часть из которых — литература легкого чтения. Г.К.Дерман указала на то, что отсутствие специализации и плановости при выписке иностранной литературы приводит к неоправданной трате валюты, а также отметила, что в своем комплектовании Библиотека стремится удовлетворить вкусы своих читателей, тогда как читательский состав Библиотеки представляет собой картину чрезвычайной пестроты… Были выявлены и недостатки кадровой политики. Комиссия указала, что искусственно, несоответственно действительным потребностям формируются штаты научных работников. В штате Библиотеки только один член ВКП(б). Большинство сотрудников имеют филологическую и литературную подготовку, но не отличаются высокой библиотечной квалификацией, и из всего штата только один сотрудник имеет специальное библиотечное образование; ненормальным является то положение, что при 20 штатных сотрудниках имеются еще 10 сверхштатных работников. Имеются престарелые сотрудники, приносящие мало пользы, работающие половину рабочего дня. Слишком широко сотрудники пользуются 2-месячными или полуторамесячными летними отпусками; работа недостаточно увязывается с реальными возможностями и задачами Библиотеки, например, организация Бюро переводчиков научной и художественной литературы… В итоге Комиссия предложила Библиотеку ликвидировать. В решении Комиссии записано:

> "1. Вследствие расширения задач и обязанностей Всесоюзной публичной библиотеки им. Ленина и отсутствия необходимости существования государственной отдельной библиотеки иностранной литературы для научно-исследовательской работы, а также в целях усиления марксистского руководства, изживания параллелизма в работе библиотеки и экономии средств влить иностранную библиотеку в библиотеку имени Ленина со всем книжным инвентарем (порядком, примененном при передаче военной библиотеки). Литературу, не могущую быть использованной б-кой им. Ленина, передать в Государственную Академию художественных наук (ГАХН).
>
> 2. Произвести чистку книжных фондов б-ки и в дальнейшем комплектование вести в строго плановом

порядке.

3. Создать постоянную библиотечную комиссию из представителей научно-исследовательских и учебных литературоведческих и языковедческих учреждений. Выписку иностранной литературы и значительные книжные приобретения в пределах СССР производить исключительно с санкции Библиотечной комиссии…"

Подкомиссия по чистке ГБИЛ 30 июня 1930 года постановила:

"Руководителям учреждения т.т. М.И.Рудомино и С.А.Лопашову[20] указать на недостаточно четкое ограничение ими задач Библиотеки, недостаточное планирование работы, несоблюдение Устава Библиотеки в части специализации работы Библиотеки в области комплектования и справочно-библиографической деятельности. Тов. С.А.Лопашову поставить на вид недостаточное идеологическое руководство б-кой".

Однако Главнаука была категорически против передачи ГБИЛ в Библиотеку им. Ленина. В решении по этому вопросу коллегии Главнауки (в то время сектора науки Наркомпроса) говорится: "Сектор науки НКП совместно с ГБИЛ передачу ГБИЛ в б-ку им. Ленина считает недопустимой…" Далее приводятся аргументы в защиту ГБИЛ и перечисляются принятые меры, а в частности сообщается об упразднении Бюро переводчиков ГБИЛ. Таким образом очередная атака на ГБИЛ была отражена. Даже Бюро переводчиков нам все же удалось сохранить.

В мае 1932 года статус Библиотеки повысился. СНК РСФСР утвердил список сети научно-исследовательских учреждений РСФСР республиканского значения, в котором наша Библиотека числилась как Государственная центральная библиотека иностранной литературы (ГЦБИЛ).

1932 год был для Библиотеки юбилейным. Заседание, посвященное десятилетнему юбилею ГЦБИЛ, состоялось 23 декабря 1923 года в здании Библиотеки в Столешниковом переулке.

Председательствовал член коллегии Наркомпроса И.И.Агол. Во вступительном слове он назвал Библиотеку плотью от плоти родившей ее социалистической формации. Затем, сделав пространный экскурс в историю библиотечного дела вообще и в России в частности, он сказал:

"Трудно было говорить в начале революции о

превращении наших библиотек в массовые, потому что в начале революции у нас не было массового грамотного читателя. Тем более нам приходится отметить пример небольшой группы энтузиастов во главе с директором Библиотеки тов. Рудомино, которая в период страшной разрухи, в период гражданской войны попыталась организовать библиотеку иностранной литературы. Надо было обладать огромной верой в силу рабочего класса, в его созидательную мощь, чтобы кинуться в такое плавание в такой момент.

И у этих товарищей, очевидно, носилась эта вера и они прямо на пустом месте начали строить Библиотеку. И вот перед нами огромнейший культурный очаг, который тысячами нитей и нервов соединен с культурными учреждениями, заводами, новостройками и т. д. В самом начале строительства этой Библиотеки встал вопрос о читателе. И понятно — у нас не было русского читателя, потому что страна была неграмотная, и тем более не было читателя литературы на иностранных языках. И Библиотека стала организовывать группы для обучения рабочих иностранным языкам. Эти группы разрослись в курсы, а затем в самостоятельный большой университет иностранных языков. Вторая трудная задача состояла в том, чтобы сколотить коллектив более мощный, потому что потребность стала гораздо большей, чем вначале. И эта группа товарищей своим энтузиазмом заразила других, создала большой коллектив сотрудников, превратив ГБИЛ не только в рассадник культуры, но и в школу библиотечного дела. И вот, открывая сегодняшнее собрание, от имени Коллегии Наркомпроса, от имени Сектора науки (бывшей Главнауки), позвольте мне приветствовать этот коллектив сотрудников и пожелать им дальнейшего развития и успехов на этом трудном тяжелом пути…"

Я сделала доклад о десятилетнем пути развития Библиотеки. За мной выступали сотрудники Библиотеки, а потом настал черед приветствий наших гостей.

Директор Библиотеки им. В.И.Ленина В.И.Невский сказал:

"…Празднуя 10-летний юбилей, я должен подчеркнуть тот энтузиазм, с которым только вы и смогли распространить так широко иностранную книгу. А это и есть тот момент, который соединяет нас с

трудящимися всего мира. Только тогда, когда мы здесь, в нашей стране, сумеем сделать иностранных рабочих, приезжающих к нам, такими же большевиками или, по крайней мере, такими же советскими гражданами, как мы, только тогда мы сумеем передать основы нашего учения, когда каждый иностранец зажжется желанием отправиться в свою страну с тем, чтобы понести туда свет нашего коммунизма в трудящиеся массы Запада, только тогда скорее и быстрее подойдет всемирная коммунистическая революция. Вот почему, товарищи, то дело, которое делаете вы, есть великое дело. Вот почему я выражаю твердую уверенность, что коллектив Библиотеки, начиная от руководителя и кончая самым последним вашим работником, будет зародышем такого развития нашего дела, когда она станет совсем ненужной, потому что в каждой библиотеке будет иностранный отдел, куда сможет придти иностранный рабочий и там зажечься нашим коммунизмом. Когда в каждой нашей библиотеке будут, товарищи, библиотекари говорить на всех иностранных языках или подавляющем большинстве культурных языков мира, когда Библиотека иностранной литературы послужит тем началом, откуда всякая наша библиотека превратится в библиотеку не только русской, украинской, тюркской, но и всякой иностранной книги… Вот, товарищи, то большое дело, которое начали вы. Вот почему, товарищи, не только те из вас, которые официально носят имя ударника — есть ударники: вы все одушевлены энтузиазмом нести просвещение в широкие трудящиеся массы, вы все делаете великое дело, несмотря на огромные трудности, на огромные препятствия, которые стоят перед работниками Библиотеки. Позвольте поблагодарить, товарищи, весь коллектив и вас, Маргарита Ивановна, за вашу работу и пожелать вам всяческих и всяческих успехов. Да здравствует солидарность рабочих всех стран, трудящихся всех стран, над которой именно вы особенно много потрудились, товарищи".

С приветственным словом выступил рабочий Московского электрозавода Тырлин:

"…Товарищи, мне недостает слов, чтобы выразить сжигающее меня желание высказать мою благодарность тому инициатору, у которого впервые возникла мысль о

необходимости организации консультаций при больших предприятиях, и вместе с тем, выразить также благодарность тем работникам, которые потрудились и которые трудятся до настоящего времени над осуществлением этой гениальной мысли, над претворением этой мысли в могучее орудие воспитания наших социалистических строителей. Товарищи, я бывший батрак, мечтавший только о крохотном кусочке культуры, света в виде элементарной русской грамотности. Сегодня я, несмотря на всю усталость, на весь прошлый кошмар, впитываю в себя в пределах возможного все то научное, все то культурное, что в изобилии дает мне моя по плоти, моя по кости советская власть, советское правительство <…>".

От Московского государственного института новых языков выступила директор Н.Э.Мамуна. Она рассказала о создании ВКИЯ, из которых в короткое время выросло "могучее и большое учреждение — МИНЯ".

Приветствовал Библиотеку и старейший ее консультант, заведующий кафедрой перевода МИНЯ проф. Б.А.Грифцов:

"Переводческое отделение Московского института новых языков шлет горячий привет и сердечную благодарность Государственной центральной библиотеке иностранной литературы в день ее 10-летия. Существует много библиотек с большим количеством книг, но где еще задачи, строго академические, так сочетались бы с широкой пропагандой иностранных языков и иностранной книги в массах? С первых же месяцев своего существования ГЦБИЛ не ограничивалась задачами узкобиблиотечными, не являлась только собирателем и хранителем книг. Она создавала неутомимо новые ячейки, превращавшиеся порой в мощные самостоятельные институты. <…> С благодарностью ощущая себя детищем ГЦБИЛ, Московский институт новых языков высказывает уверенность, что и в последующие годы ГЦБИЛ будет сочетать принципы широты с принципами глубины, что массовая работа Библиотеки будет развиваться столь же энергично, как и работа академическая".

В приветствии академика М.Н.Розанова говорилось:

"Мысль об основании библиотеки иностранной

литературы зародилась, могу сказать, на моих глазах, и я считаю себя счастливым, что на первых шагах осуществления этой мысли мне пришлось принять близкое участие в деле в качестве консультанта. С неослабевающим интересом я следил за постепенным развитием Библиотеки, начиная с ее скромного помещения в Денежном переулке и кончая ее теперешним состоянием, когда она разрослась в обширное и высокополезное учреждение, благодаря выдающейся энергии М.И.Рудомино. Превосходно удовлетворяя насущные требования, предъявляемые к Библиотеке по иностранным языкам и литературе, Библиотека вместе с тем является у нас одним из центров по изучению новых языков и широкому распространению их знания. Нельзя не пожелать ГЦБИЛ дальнейшего расширения и плодотворной деятельности на благо международного сближения на пользу массового читателя".

С десятилетнего юбилея ГЦБИЛ началась эпопея строительства нового здания Библиотеки. В приказе наркома просвещения к десятилетию ГЦБИЛ было записано: "Включить ГЦБИЛ в титульный список капитального строительства на 1933 год". Могу твердо сказать, что с этого времени на протяжении 30 лет (кроме военных) не было не то что года, но месяца и даже дня, когда бы в той или иной инстанции я ни поднимала вопрос о строительстве специального здания для Библиотеки. При этом казалось, что нужно добиться всего лишь "одной строчки" — включения ее в титульный список капитального строительства. Но этого было недостаточно, потому что и Наркомпрос, и Госплан, и Совнарком РСФСР неоднократно включали Библиотеку в планы строительства, а затем исключали. Первое постановление Совнаркома было принято вскоре после десятилетнего юбилея Библиотеки в самом конце 1932 года. В 1934 году были утверждены архитектурный проект и смета строительства нового здания на участке 5/9 по Малой Дмитровке и Настасьинскому переулку (напротив Театра им. Ленинского комсомола). В 1937 году даже были выделены деньги на начало строительства. В постановлении Совнаркома РСФСР от 26 апреля 1937 года говорилось:

"СНК ПОСТАНОВЛЯЕТ:

1. Включить в титульный список капитального строительства научных учреждений Наркомпроса РСФСР на 1937 год:

а) Строительство здания ГЦБИЛ в г. Москве, объемом в 32 тыс. кв. м со сроком окончания строительства в 1939 г. и капиталовложениями на 1937 г. в сумме 150 тыс. руб. (на проектирование и подготовительные работы) <.">.

2. Обязать Наркомпрос РСФСР представить в СНК РСФСР утвержденные проект и сметы по строительству ГЦБИЛ к 1 июля 1937 года".

Началась подготовка участка, но помешала сначала финская война, а потом — 1941 год…

В связи с перестройкой структуры и деятельности Главнауки была ликвидирована должность главного специалиста по научным библиотекам, которую я по совместительству занимала с 1930 года, и мне пришлось уйти из Наркомпроса. Я не жалела, но мне было обидно. За почти четыре года работы в Главнауке я, конечно, значительно выросла в профессиональном отношении, так как постоянно общалась со множеством библиотечных работников со всей страны и хорошо знала проблемы научных библиотек

Реорганизация Главнауки вызывала у меня огромное беспокойство: я боялась за дальнейшую судьбу научных библиотек вообще и ГЦБИЛ в частности. Как раз в разгар чистки и реорганизации Наркомпроса я находилась два месяца на лечении в санатории "Гаспра" в Крыму. Я очень волновалась за происходившее в Москве, но врачи не разрешали прервать лечение. По письмам мужа я представляла, что делается в Москве. Он писал 2 октября 1933 года:

… Я здоров. Целые вечера напролет сижу на чистке[21]*. Каждый день до 9-10 вечера. И то не досиживаю до конца. Удираю раньше. Поэтому вечеров, собственно, совсем нет… Говорят, скоро окончится — сразу свободнее станет. Относительно Наркомпроса трудно написать что-нибудь членораздельное: неразбериха, самодурство, захватничество. Можно действительно радоваться, что ты не варишься в этой каше. Не думаю, чтобы кто-нибудь мог тебя обвинить, что тебя в этой каше нет. Очевидно, с Наркомпросом надо развязаться совершенно, а из-за этого нет надобности приезжать. Поэтому я вполне одобряю твое решение остаться еще на две недели. Относительно положения Библиотеки говорили с Невским о том, что тебя сейчас нет в Москве и чтобы он взял ГЦБИЛ под свое покровительство. Знаю со слов Невского, что он имел беседу с Крупской, из которой он сделал вывод, что Крупской и самой еще не ясно, какое место в реорганизации займут научные библиотеки. Во всяком случае еще уйдет много времени на*

утряску, согласование и все прочее.

В другом письме (от 11 октября 1933 года) Василий Николаевич продолжал:

…сегодня послал тебе телеграмму, из которой ты узнала о Наркомпросе[22]*. Я надеюсь, что ты отнеслась к этой новости хладнокровно: не стоит перед свиньями бисер метать. Я тебе уже писал, что у власти теперь какой-то Чаплин (секретарь коллегии), именующийся заместителем несуществующего пока начальника управления, и Рабинович. Они-то все дела и вершат. Еще до официального отчисления тебя Макаров говорил в Главнауке, что Чаплин боится взять сотрудницу, которая будет умнее его. Ну, а Рабинович, очевидно, и подавно. Вот и результат. А в каше той, которая там сейчас происходит, в бедламе, конечно, что угодно можно провести. Думаю, что и ты спокойно к этому отнесешься. Воскресенский как-то говорил Невскому, что в Наркомпросе предстоят вот такие перемены, на что Невский сказал: "Пускай хоть черта назначают — придумаем что-нибудь>. Итак, отнесись ко всему этому спокойно… Я всем говорю, что ты вернешься 20-го, ну опоздаешь на несколько дней. Но если ты приедешь до праздников, все же сможешь оказать влияние и принять участие в решении вопроса, где быть дальше Библиотеке… В так называемом Библиотечном управлении полнейший бедлам. Ты отчислена приказом в момент реорганизации вместе с другими. Сотрудника еще никакого нет. Все вершит Рабинович и ничего, конечно, не понимает, путает, и, по словам библиотечных, делает глупости. Начальника нет еще, а заместитель Чаплин ни черта, даже по словам Рабиновича, не понимает. В общем, тем что ты отсутствуешь, ты спасла намного свои нервы…*

В письме от 18 октября 1933 года Василий Николаевич писал мне о библиотечных делах:

<…> Из библиотечных новостей: Витолина[23] *уже чистилась — конечно мелко, одно самобахвальство, присвоение себе того, около чего она даже и не сидела и т. д. <…> Лопашов — чистится завтра. Думаю, что скукситься, бедный <"> В Библиотеке положение дел прежнее. О реорганизации вопрос не стоит. Там все дело в том, что нет головы, нет разумного руководства, а отсюда и все последствия: разброд, междуцарствие, междувластие. Это, конечно, создает обстановку для всевозможных случайностей. Тебе надо окрепнуть, поправиться, и тогда ехать сюда. <…> А приедешь здоровой, то в два счета все перевернешь на свой лад и все опять в твоих умелых и, безусловно, мудрых руках завертится как надо.*

В квартире нашей на Мясницкой тоже что-то вроде чистки началось — хотели нас уплотнить. Василий Николаевич в том же

письме добавлял:

<".> Сегодня, между прочим, был в суде в качестве ответчика по иску к нам некоего Бурмистрова (квартира в нашем доме) об изъятии у нас жилплощади. Он заявил, что мы якобы в жилплощади "купаемся".

Об этом же времени я писала в Саратов в конце ноября 1933 года Мусе Минкевич:

<…> В Наркомпросе не работаю. Реорганизация привела моих противников, которые и сели сейчас к рулю. Что же касается меня, то мы, кажется, к обоюдному желанию мирно расстались. Во время моего отпуска они меня автоматически отчислили, по приезде вежливо пригласили работать, но я так же вежливо отказалась, сославшись на свою болезнь. Уходу из Наркомпроса я очень рада, но маленькое чувство обиды, недооценки осталось. Мои дорогие приятели из Главнауки уверяют меня, что я все равно буду работать. Но новые хозяева (бесконечные женщины-массовички) рьяно меня не уговаривают. Конечно, ни при каких обстоятельствах возвращаться я не буду, но жалко себя, этих 3-х лет нечеловеческой работы. Конечно, я выросла на этой работе, но рост не был пропорционален вложенным силам и энергии. Занимаюсь своей Библиотекой, которая, кстати сказать, за время моего отсутствия оказалась в тяжелом положении. Но я чувствую, что я ее переросла, и с ужасом боюсь убедиться, что мне будет скучно и тесно. Но это в будущем. Не успела приехать, как все последние вечера сижу на чистке и раздумываю о своей не совсем правильно сложившейся жизни, не знаю, удастся ли мне исправить путь, вступив в партию, или это уже поздно <…>.

С прекращением моей работы в Главнауке прекратилась и постоянная суета, к которой я успела привыкнуть, бесконечные посетители, телефонные звонки библиотекарей с просьбами о помощи, мне оставалось только тосковать по прежней кипучей деятельности и ждать перемен. Одна Библиотека и домашний спокойный уклад меня не удовлетворяли. Помню, как я шла домой после работы только в своей Библиотеке, шла неохотно по нашему двору на Мясницкой и думала, что никогда не вернется больше бурная деятельность и интересная жизнь. Я ошиблась, вернее, недооценила себя, вскоре я вновь оказалась востребованной, но уже на другой работе.

Середина и вторая половина 1930-х годов были тяжелыми. Чистки и аресты захватили все учреждения. Порой становилось жутко. Одна комиссия за другой. Почему, например, эта книга выдается? Вы протаскиваете буржуазные идеи? А другая комиссия, глядя на эту же книгу через месяц в закрытом фонде, обвиняла в том, что мы лишаем народ хорошей, нужной книги…

И так постоянно. Весы отношения к Библиотеке колебались все время. Причем это шло от самых высоких инстанций. Вот это было уже опасно.

Помню, как однажды рассматривалось дело Библиотеки. Нас тогда обвиняли в насаждении вредной буржуазной культуры. Жуткая была проверка. Чуть ли не полы вскрывали. Я даже сказала, выйдя из себя: "Вы что, оружие что ли ищете? Так здесь только книги". А затем на заседании комиссии меня обвинили во всех смертных грехах. И вдруг за меня заступилась председательница этой комиссии, жаль, но я забыла ее фамилию. Она вдруг сказала совершенно правильные, нормальные слова, что Библиотека нужна, она несет народу культуру, воспитывает новую интеллигенцию. И меня отпустили с миром домой. Помню, Василий Николаевич полночи стоял на улице и ждал меня. Вообще вокруг Библиотеки было много друзей и многие нам помогали. Спасибо им.

С особой признательностью хочу вспомнить Якова Ивановича Менцендорфа (1898–1965), чей профессионализм, честность и преданность делу не раз спасали в те страшные годы и меня, и Библиотеку. Яков Иванович работал у нас с 1935 года, поступил к нам в справочно-библиографический отдел, возглавлял отдел комплектования, а в 1940 году стал заместителем директора по научной работе.

Это был уникальный человек: полиглот, эрудит, прекрасно разбиравшийся в общественно-политической литературе Западной Европы и США. По собственному почину он следил за "идеологической чистотой" Библиотеки, особенно наших книжных фондов, внимательно изучал все наши выставки, чтобы ни одна опальная фамилия не просочилась. После его проверки ни один цензор не мог к нам придраться. Искренность и честность Якова Ивановича снискали ему уважение коллег и читателей.

Давний читатель и друг Библиотеки Лев Копелев вспоминал:

> "В те годы Библиотека иностранной литературы оставалась едва ли не единственным в Москве учреждением, в котором не обнаружили "вражеского гнезда", никого не разоблачили. Разумеется, время от времени и в библиотеке созывались собрания, читались доклады о "коварных методах вражеских разведок", принимались резолюции с требованиями "беспощадно карать". Однако в 1938–1939 гг., когда я уже был постоянным читателем, завсегдатаем библиотечных будней и праздников, не помню, чтобы кто-нибудь из сотрудников "исчезал" или кого-то "прорабатывали". Но

именно в это время заместителем Маргариты Ивановны стал Яков Иванович Менцендорф. Он был необычайным человеком, и его назначение по тем временам было необычайным. Бывший латышский стрелок, участник Гражданской войны, потом сотрудник Коминтерна, он в 30-е гг. считался "дипломатом", занимал какую-то должность в посольстве СССР в Лондоне, но работал "по линии Коминтерна".

Он был образованный историк, филолог, владел несколькими иностранными языками, отличался чрезвычайной добросовестностью, кропотливой точностью и аккуратностью. В 1937 г., когда шло повальное "разоблачение двурушников", Яков Иванович прислал из Лондона письмо в ЦК партии, в котором признавался, что в 20-е гг. некоторое время сочувствовал оппозиции, сомневался в "генеральной линии", что это воспоминание мучило его и он должен и может быть только предельно откровенен с партией… Его немедленно отозвали из посольства; некоторое время он оставался безработным. Маргарита Ивановна не побоялась назначить его сотрудником справочно-библиографического отдела. Вскоре он стал главным цензором Библиотеки. Некоторые сотрудники говорили: "Наша Маргарита хитрая — взяла себе такого помощника, и сама уже о бдительности не беспокоится. У Якова Ивановича комар носа не подточит. Он раньше любого главлита знает, какую книжку перевести в спецхран, какие фамилии вычеркнуть из каталогов". (Когда в 1956 г. я после реабилитации пришел в библиотеку, Яков Иванович дружелюбно и с неподдельной радостью встретил меня: "Ох, сколько я туши потратил, вычеркивая вашу фамилию и на карточках и в каталогах… Но все хорошо помню, теперь восстановим…")".

1 декабря 1934 года был убит Киров. Хорошо помню, как везли гроб с его телом по Мясницкой улице, где мы жили, с Ленинградского вокзала в Колонный зал. В тот день нам не разрешили выходить из квартир. Двор, подворотня, улицы — все было пусто, ворота закрыты, только "люди в штатском" и солдаты. В доме, выходившем фасадом на Мясницкую, в квартирах с окнами на улицу дежурили сотрудники "органов". Было зловеще тихо и страшно. Закрадывались плохие предчувствия.

Аресты 1937–1938 годов меня лично обошли. Мне кажется,

что меня спасло то, что я и мой муж не были в дружбе, как говорят, "домами" с известными людьми того времени, хотя мои возможности здесь были огромны. Многих я знала по работе, со многими арестованными в те годы мы с мужем отдыхали на курортах. Но "домами" никогда не дружили. Жили мы довольно замкнуто. Общались вне работы только в кругу нашей большой семьи и с друзьями, в основном дореволюционными, саратовскими.

Большие неприятности грозили мне весной 1938 года. Целый год я ходила, как тогда говорили, "под прокурором". Еще в июле 1937 года поступило в Библиотеку заявление заведующей отделом выдачи книг Е.Д.Айзнер о том, что "директор ГЦБИЛ т. Рудомино нарушила революционную законность, уволив меня с 28 мая с. г. с работы, зная, что я еще 26 мая с. г. не вышла на работу по болезни, имея с указанного числа больничный лист". Далее в заявлении Айзнер сообщала, что "заболела еще раньше в результате организованной директором травли" — реакции на ее критические выступления. Даже перечислялись "преступления", совершенные в Библиотеке, и выражалось требование о восстановлении на работе. В связи с "делом Айзнер" дирекция Библиотеки направила в парторганизацию письмо, которое показывает ту обстановку, в которой проводились чистки и аресты, выдержки из которого привожу ниже:

> "…Айзнер в своем заявлении писала, что в Библиотеке читатели арестовываются пачками. Однако подсчитано, что при взыскании от читателей Библиотеки задержанных книг, на 10 ООО читателей было обнаружено 26 арестованных читателей по отделу выдачи и 18 арестованных читателей по основному книгохранению. Далее Айзнер пишет о задвижении классиков марксизма-ленинизма за счет выдвижения литературы врагов народа (Радек, Каменев). Это не так. Согласно указаниям Комиссии Совнарконтроля, Библиотекой были установлены еще в конце 1935 года категории для художественной литературы: первая категория — рекомендуемая литературы; вторая категория — оставляемая в книжном фонде; третья категория — для индивидуального пользования и четвертая категория — для передачи в другие библиотеки для обмена, макулатура и пр. В начале 1936 года бывшим заместителем директора Ондрачеком эти категории механически были перенесены на социально-экономическую литературу. Этот механический подход в

конце 1936 года был осужден, и был организован вторичный пересмотр социально-экономического фонда. Во время этого пересмотра в тысячной массе социально-экономической литературы были обнаружены единичные экземпляры старых изданий классиков марксизма-ленинизма, помеченные второй категорией. В связи с этим вся работа предыдущего консультанта Петермейера была вновь проверена, и итоги были тотчас же сообщены в партийную организацию. Обнаруженные экземпляры никакого ущерба читателю не причинили, так как 99 % книг находились в первой категории. Что касается книжки врага народа Радека о т. Сталине, то отнесение ее к первой категории было проведено в то время, когда эта статья была напечатана в центральном органе, газете "Правда". Книга была изъята по появлении в печати сведений о вредительской деятельности Радека. Что касается Каменева, то, вероятно, речь идет о предисловии к отдельным книгам марксизма-ленинизма. В свое время Главлитом было дано указание не изымать подобные предисловия из произведений классиков марксизма-ленинизма.

Далее Айзнер заявляет, что Библиотекой замаринованы "Капитал" Маркса и "Основы ленинизма" Сталина. Это не так. В основных фондах Библиотеки, как в центре, так и в филиалах, эти сочинения имеются в десятках экземпляров, всемерно продвигаемых нами в политико-просветительной работе с читателями. Что касается упомянутых Айзнер книг, то они относятся к остаткам передвижного фонда, который приобретен Библиотекой на средства ВЦСПС в 1933–1935 годах для снабжения иностранных рабочих, работающих на предприятиях Советского Союза. За эти годы Библиотекой в порядке передвижных библиотек было разослано более 500 тысяч экземпляров литературы, в основном, социально-экономической, издававшейся у нас Издательством иностранных рабочих. Заявление Айзнер о том, что Библиотека якобы выписывает фашистскую литературу за счет антифашистской, является злостной клеветой. Такого случая не было, и в своем заявлении Айзнер не имеет ни одного факта для доказательства. Выписка книг из-за границы производится специалистами в области западной литературы и языка. Полученные книги проверяются Главлитом и Политконтролем самой Библиотеки для распределения

по фондам, после чего передаются для работы читателям. Заявление Айзнер о том, что Библиотеке не следует выписывать из-за границы переводы советских писателей, обнаруживает ее полное непонимание необходимости собирать в Советском Союзе переводы советских писателей на иностранных языках. В отношении библиотечных кадров Айзнер заявляет, что значительная часть сотрудников Библиотеки была арестована, другие — неблагонадежны, штат засорен и т. п. По этому поводу разъясняю:

а) За 1936–1938 годы в Библиотеке было арестовано 3 человека:

Ондрачек — работал в Библиотеке с конца октября 1935 года по февраль 1937 года, бывший член ВКП(б). Направлен был в Библиотеку Библиотечным управлением Наркомпроса;

Винклер — работал в Библиотеке с января 1937 года по январь 1938 года, бывший член Коммунистической партии Германии (КПГ). Был направлен в Библиотеку Коминтерном и Главполитом Наркомпроса;

Темкина — работала в Библиотеке с марта 1937 года по март 1938 года. Зачислена была в штат Библиотеки в порядке предложения труда.

б) Что касается указанных в заявлении Айзнер Петермейера и Штукке, якобы сотрудников ГЦБИЛ, разъясняю:

Петермейер работал в ГЦБИЛ сдельно, по договору, с октября 1935 года по февраль 1936 года, т. е. 3–4 месяца. В штате Библиотеки не состоял, будучи в то же время в штате Института философии заведующим кафедрой, профессором. Бывший член ВКП(б). Арестован в 1937 году, более чем через год после окончания работы в Библиотеке.

Штукке — был в штате Библиотеки с октября 1935 года по июнь 1936 года. При том в январе 1936 года был снят с заведования сектором как не справившийся и временно оставлен в Библиотеке по требованию отдела иностранных кадров ЦК ВКП(б), Коминтерна и Наркомпроса. Арестован также через год после увольнения из Библиотеки.

в) Что касается всех остальных упоминаемых в заявлении сотрудников, то: Курелла А.И. — член Союза советских писателей, работает в настоящее время в журнале "Интернациональная литература". Ушел из

ГЦБИЛ по взаимной договоренности;

Пожарский Н.И. — главный библиотекарь в ГЦБИЛ и по совместительству и. о. директора Театральной библиотеки Комитета по делам искусств. Крупный специалист в области библиографии западного литературоведения. Печатает статьи в энциклопедиях, журналах и т. п.;

Гросс В.А. — выдвинута 8 марта 1938 года заведующим сектором филиалов при заводах. В настоящее время председатель месткома ГЦБИЛ.

д) По вопросу о так называемой "маленькой комнате". Айзнер заявляет, что дирекция "запрятала 50 ООО книг" и для того, чтобы "скрыть преступление", вывезла их потом в течение нескольких дней неизвестно куда. Заявляю, что в этой комнате хранился обменный фонд и книги мало пригодные Библиотеке, всего около 25 ООО книг, которые согласно плану I квартала 1937 года были разобраны, часть передана в другие библиотеки, часть введена в фонды ГЦБИЛ, часть оставлена в обменном фонде <…>

е) В заявлении Айзнер говорится, что в течение шести месяцев ни парторганизацией, ни дирекцией, ни общественностью не обсуждался вопрос о враге народа Ондрачеке. Неверно: сейчас же после ареста Ондрачека т. Никифорова совместно с месткомом созвала профоргов и актив Библиотеки на совещание, где обсуждался специально вопрос об Ондрачеке. Кроме того, на 3–4 общих собраниях неоднократно ставился и обсуждался этот вопрос при докладе директора о плане 1937 года, а также на активе, при выборах нового месткома и т. п.

ж) На указание Айзнер о травле беспартийных сотрудников Савич и Ройзман со стороны парт-секретаря и директора сообщаю, что Айзнер по приходе к руководству отдела выдачи книг поставила перед дирекцией и парторганизацией вопрос о немедленном снятии с работы Савич и Ройзман как "саботажников и вредителей, мешающих ей наладить дело". К сожалению, дирекция и парторганизация доверились Айзнер и отпустили этих сотрудников, но вскоре, разобравшись в деле по существу, убедились, что это явная клевета. Эта клевета явилась результатом критики на производственных совещаниях работы Айзнер со стороны этих работников. Признав открыто свою

ошибку, мы вернули т.т. Савич и Ройзман на работу в Библиотеку.

з) Айзнер указывает, что снятие ее с работы заведующей отделом выдачи книг вызвано критикой ею руководства Библиотеки. Я заявляю, что ни на одном общем собрании, ни на одном совещании, ни во время переговоров с директором, Айзнер нигде и никогда не критиковала руководство.

Ненормальные отношения между Айзнер и коллективом сотрудников отдела выдачи книг вынудили меня ускорить снятие с заведования отделом Айзнер, как не справившуюся с работой и дискредитирующую производство недопустимым отношением к сотрудникам в советском учреждении.

Директор ГЦБИЛ /Рудомино/

Аналогичное письмо было направлено за подписью парторга ГЦБИЛ Никифоровой в Партколлегию ЦК ВКП(б).

Всего того, что было написано Айзнер, было вполне достаточно для обвинения меня во вредительстве и для ареста. Но что-то отвело от меня эту опасность, очевидно, я не была в списках на арест, никто из арестованных не дал на меня показаний и никто конкретно не претендовал на мое место директора ГЦБИЛ. А может быть, просто повезло. Я сняла с работы Айзнер, а прокурор прекратил дело.

Однако все это для меня даром не прошло. Я перенесла грипп на ногах, некогда было слечь, в результате получила осложнение — воспаление тройничного нерва и потерю обоняния. Почти месяц не работала. Но в октябре все же провела курсы-конференцию в ГЦБИЛ для периферийных библиотекарей по работе с иностранной книгой. Конечно, сильно напряглась и с 20 октября опять свалилась. Попала в больницу с головокружением, потерей работоспособности. Не могла долго читать, громко говорить, волноваться. Все это вызывало головокружения. Были минуты отчаяния.

После арестов в Библиотеке и в Коминтерне у нас оказался на руках трехлетний немецкий мальчик Андрюша Оппенгеймер — сын арестованных немецких коммунистов, в то время коминтерновских работников. Мы с Василием Николаевичем взяли его к себе. Мальчик быстро привязался к нашей семье. Он говорил по-русски и мало кому в голову приходило, что он иностранец. Мы с Василием Николаевичем решили его усыновить. Но этому совершенно категорически воспротивилась Анна Ивановна. Мы прекрасно понимали, что вся тяжесть заботы

о новом маленьком члене семьи ляжет на нее. Ее слово было решающим, и мы ничего не смогли сделать. Пришлось отдать мальчика в детский сад Наркомпроса, с которым в августе 1941 года он и моя дочка Марианна с Анной Ивановной были эвакуированы сначала в Саратов, а потом в город Оса Пермской области. В октябре 1943 года они вернулись в Москву, и Андрюша жил у нас несколько месяцев.

В конце 1943 года я нашла бездетную семью, очень хороших, добрых, обеспеченных русских людей, которые взяли его у нас и усыновили, дали новое имя и свою фамилию. Новые родители полностью порвали связь с знавшими мальчика людьми, и он, очевидно, вырос, даже не подозревая о своем немецком происхождении.

Плодотворным оказалось сотрудничество с такими организациями, как ВОКС, Международная организация помощи революционерам (МОПР), Союз советских писателей. На интернациональных вечерах неоднократно выступали Анри Барбюс, Мартин Ан-дерсен-Нексе, Поль Вайян-Кутюрье, Луи Арагон, Эрих Вайнерт, Эми Сяо, Вилли Бредель, Иоганесс Бехер, Жан Ришар Блок и другие писатели и общественные деятели зарубежных стран. Пели в Библиотеке Поль Робсон и Эрнст Буш. В ГЦБИЛ образовался, по сути дела, интернациональный клуб писателей и деятелей культуры зарубежных стран. Библиотека получила от своих зарубежных друзей — А.Барбюса, Ж.Р.Блока, Зденека Неедлы и других — ряд интересных книжных коллекций. Среди них выделяется тысячетомная коллекция испанской классической литературы — Дар испанского народа (ДИН), собранная в Мадриде правительственной комиссией республиканской Испании и присланная в Москву в мае 1938 года. Эта коллекция стоит в одном из читальных залов Библиотеки в старинных шкафах красного дерева.

Мысль о создании собрания испанских книг для нашей страны возникла на Втором Международном конгрессе писателей-антифашистов (июль 1937). Заботу о сохранении культурного наследия Испании проявляли как представители старшего поколения, например, знаменитый испанский поэт Антонио Мачадо, так и творческая молодежь. На Конгрессе эта мысль прозвучала в проникновенном и ярком выступлении испанского писателя Хосе Бергамина и была поддержана членами советской делегации — Михаилом Кольцовым и Ильей Эренбургом.

Мысль о создании коллекции испанских книг в дар Советскому Союзу была реализована почти сразу после Конгресса. В августе 1937 года в Валенсии, в то время столице

республиканской Испании, при активном содействии Ассоциации культурных связей с СССР, была создана специальная правительственная комиссия для сбора "Библиотеки испанских книг", как ее называли в то время в Испании. В состав комиссии вошли крупнейшие ученые и писатели, представители общественности. Комиссия работала в чрезвычайно тяжелой обстановке — в перерывах между бомбардировками. Однако в короткие сроки была собрана ценнейшая коллекция испанских книг, которая дала возможность советским людям подробно узнать об Испании, о ее культуре, ее прошлом и настоящем.

В коллекцию вошли книги, вышедшие в крупнейших издательствах Мадрида и Барселоны во второй половине XIX и первой четверти XX века. Книги и другие печатные издания подбирались так, чтобы можно было проследить развитие испанской культуры и науки, начиная с периода раннего средневековья до времени создания коллекции, по наиболее значительным произведениям испанских писателей, философов, ученых, вошедшим в золотой фонд мировой культуры и науки и прославившим творческий гений испанского народа.

В праздничной обстановке 15 апреля 1938 года в Библиотеке состоялось открытие выставки испанских книг. С большим вниманием была выслушана речь М.Кольцова, только что прилетевшего в Москву из мужественно боровшейся с франкистами республиканской Испании. Он сказал: "Война уничтожает культурные ценности, но на этот раз это революционная война, война народная, она пробудила колоссальную жажду народа к знаниям, пробудила интерес к литературе. <…> Мы видели, как в осажденном Мадриде в нетопленых холодных библиотеках под покровительством военных частей ученые и литераторы продолжают свою работу. Огромная тяга к культуре, которая проснулась у испанского народа, — быть может, то, что больше всего поражает в этой войне, и для всех, кто готов осмыслить эту жизнь, эти события, борьба испанского народа есть борьба за культуру, за знание, за те книги, которые присланы сюда…" Взволнованно выступил на собрании семидесятилетний писатель, один из основателей Компартии Испании Исидоро Асеведо (1867–1952). Он говорил о героизме своих соотечественников, о своем участии в борьбе с фашизмом. В моей памяти И.Асеведо, который с 1937 года постоянно жил в Москве, навсегда останется близким другом Библиотеки иностранной литературы, неустанным помощником в деле пропаганды испанской книги. Он часто выступал в стенах Библиотеки, читал произведения писателей Испании и свои рассказы. Выставку посетили Н.К.Крупская и И.Эренбург.

Крупская порадовала нас словами, что Коллекция попала в хорошие руки и что она надеется, что Коллекция останется у нас навсегда.

Большую работу провели сотрудники Библиотеки иностранной литературы, чтобы познакомить широкие круги советских читателей с этим бесценным даром. Через две недели после торжественного открытия вся выставка была перевезена в филиал Библиотеки на Московском автозаводе. 28 апреля 1938 года здесь, во Дворце культуры, состоялся большой вечер, на котором рабочие завода читали стихи на испанском языке.

В моем семейном альбоме сохранилась фотография сотрудников Библиотеки, снятых в день открытия выставки (наверху на стене висит плакат "Дар Испанской Республики Советскому Союзу"). Многих из них уже нет в живых, многие на пенсии. Они посвятили свою жизнь Библиотеке и, без сомнения, вошли в ее историю. Они любили Библиотеку, библиотечное дело и отдавали им свои знания, душу и творческий труд. Я рада, что мне представилась возможность вспомнить и написать о них. К сожалению, не все, о ком хотелось бы напомнить, запечатлены на этом снимке. Остановлюсь на тех, кто поступил к нам в 1920-1930-е годы, а также на тех, кто, хоть и не изображены на этой фотографии, живут в моей памяти.

Крайний слева, в первом ряду — Николай Иванович Пожарский (1889–1959) — ученый, библиотекарь и библиограф, работавший в Библиотеке, по сути дела, с самого начала ее существования. Одновременно Николай Иванович работал в Государственной театральной библиотеке, где до сих пор висит его портрет. Приятно знать, что он не забыт там, так же как и у нас. Николай Иванович внес значительный вклад в создание фундаментального труда ВГБИЛ "Основные произведения зарубежной художественной литературы", который выдержал уже четыре издания.

Следующей сижу я, а рядом со мной в центре — Софья Владимировна Голубятко, член коммунистической партии с 1902 года, участница II Съезда РСДРП, бессменный секретарь партийной организации ВГБИЛ на протяжении почти 25 лет. Мы уважали, любили ее. Честный человек, высокого общественного долга, она любила людей, часто наивно верила им, воспитывала в них верность родине, честное отношение к труду, товариществу. Как-то я пожаловалась ей, что мой заместитель по хозяйственной части пьет, она мне заметила: "Не может быть, Маргарита Ивановна, он же коммунист". В жизни Библиотеки Софья Владимировна принимала горячее участие. В 1953 году она, коммунист с пятидесятилетним стажем, одной из первых была

награждена орденом Ленина.

Далее сидят профессор Виктор Федорович Кельин, наш консультант по испанской литературе, и Деляра Гиреевна Жантиева, библиограф, литературовед, специалист по английской литературе. Крайний справа — заместитель директора Иосиф Степанович Жилко. В 1930-е годы он во многом облегчил нелегкую жизнь Библиотеки в Столешниковом переулке, добившись увеличения полезной площади в здании церкви. Огромную работу он провел по организации выставки "Дар испанского народа".

Скромной, но очень нужной была деятельность Татьяны Александровны Ершовой (третья слева во втором ряду) — нашей машинистки, проработавшей у нас более 35-ти лет. Татьяна Александровна была родом из царской семьи, дочерью генерала и внучкой великого князя Константина Николаевича (1827–1892), сына императора Николая I. Конечно, об этом никто, кроме меня, не знал. Даже наши всевидящие и всеслышащие органы не догадывались о ее происхождении и допускали Татьяну Александровну как переводчицу французского языка на партийные съезды. Она переводила даже генеральному секретарю французской компартии Морису Торезу. Татьяна Александровна прекрасно знала несколько иностранных языков, обладала высокой профессиональной квалификацией, сверх своей работы выполняла библиографическую редактуру рукописей Библиотеки для печати. Когда Татьяна Александровна работала на международных конференциях, в Библиотеке особенно остро ощущалась ее незаменимость. Безотказная, высокоработоспособная, доброжелательная — такой мы помним Татьяну Александровну.

Не могу не вспомнить Ольгу Николаевну Окулову (вторая справа после Татьяны Александровны). Вероятно, и сейчас старые читатели вспоминают ее внимательность, тактичность, скромность и неизменное желание помочь. В начале 1930-х годов она первой из сотрудников Библиотеки стала выезжать в наши филиалы в парках культуры и отдыха с граммофоном и пластинками, активно помогая читателям, особенно рабочим и ИТР, изучать самостоятельно иностранные языки.

Одним из первых организаторов дифференцированного обслуживания читателей была Ирина Адамовна Данилевская (вторая справа во втором ряду), многие годы заведовавшая читальными залами Библиотеки. Ее отличала большая творческая инициатива. Строгая, но справедливая, Ирина Адамовна пользовалась большим уважением и читателей, и сотрудников Библиотеки.

Некоторых сотрудников тех лет нет на фотографии, но они оставили большой след в истории Библиотеки. Надежда Зиновьевна Фридман — организатор и создатель нашего каталога. Скольких сотрудников обучила она новым правилам каталогизации книг на иностранных языках! Многие ее ученики и по сей день работают в Библиотеке. Надежда Зиновьевна одной из первых советских библиотековедов без отрыва от работы защитила диссертацию по каталогизации. Пришла она в Библиотеку в начале 1930-х годов. Поначалу я отнеслась к ней с большой опаской: ее муж в то время находился в заключении по политической статье. Но я поняла, что она будет ценным работником, рискнула и не пожалела. В своих воспоминаниях муж Надежды Зиновьевны писал:

> "В период моего пребывания в заключении моя жена, как и все жены арестованных в то страшное время, находилась в полной изоляции. От нее отвернулись все подруги. Друзья всячески избегали ее, боялись встречаться с ней, говорить по телефону. Она, как писала Анна Ахматова в "Реквиеме", "была от всех уже отделена". Положение осложнялось тем, что она была выселена из нашей квартиры и не имела средств к существованию, так как до этого нигде не работала: изучала классическую и современную западную литературу.
>
> В это страшное время, когда малейшая связь с семьями репрессированных жестоко каралась, Надежду Зиновьевну зачислили в штат Библиотеки, проявив исключительное мужество и великодушие".

Вспоминаю совсем молоденькую Верочку Веретенникову. Она пришла к нам в 1931 году 16-летней девушкой и выросла в самостоятельного руководящего работника, много лет заведовала отделом выдачи книг на дом, который находился неподалеку от Библиотеки, в помещении бывших книжных издательств на Петровских линиях. А Верочка Веретенникова вышла у нас в Библиотеке замуж за нашего же хозяйственника Гершмана, образовав таким образом одну из первых библиотечных семей, и проработала у нас всю свою трудовую жизнь.

Нельзя не вспомнить известного немецкого писателя Альфреда Ивановича Куреллу, заведовавшего в те годы научно-библиографическим отделом. Он внес большой вклад в разработку новых форм библиографии иностранной литературы. До конца жизни Альфред Иванович не забывал Библиотеку.

Несколько лет, с 1934 года, в Библиотеке работал известный

венгерский писатель Бела Иллеш. До сих пор встречаю Адольфа Карловича Эдера. Бывший шуцбундовец, он быстро овладел русским языком, женился на дочери крупного дореволюционного московского фабриканта, завел двух дочерей и полностью обрусел. В 1935 году Адольф Карлович организовал филиал ГЦБИЛ в Институте философии, литературы и истории (ИФЛИ). Во время войны Эдер руководил антифашистской школой на Северо-Западном фронте, а после ее окончания более 20 лет работал директором иновещания Всесоюзного радио.

В те же годы с большой отдачей работали у нас выпускники МГУ и других институтов, которые в дальнейшем стали известными советскими учеными. Среди них: Анна Аркадьевна Елистратова — литературовед, специалист по англо-американской литературе, член-корреспондент АН СССР; Марина Сергеевна Гурычева — видный лингвист, доктор филологических наук. Это она разработала "Типовой каталог по языкознанию", которым поныне пользуются читатели. Игорь Владимирович Рахманов — член-корреспондент Академии педагогических наук — в начале 1930-х годов руководил учебным залом для читателей, самостоятельно изучающих иностранные языки; Михаил Васильевич Урнов, доктор филологических наук, литературовед, в 1930-х годах работал библиографом по английской литературе.

Как же вообще складывался коллектив Библиотеки в довоенное время? В 1920-е годы он состоял, в основном, из преподавателей иностранных языков — энтузиастов, которые приняли на себя всю тяжесть и невзгоды нашей холодной и голодной жизни того времени. Это были Елена Емельяновна Киричинская, Галина Сергеевна Орловская, Анна Константиновна Хованская, Л.Н.Максимова. С начала 1930-х годов к нам стали приходить работники гуманитарных профессий, главным образом литературоведы, лингвисты, историки, знавшие по нескольку иностранных языков. Это были люди большой культуры, настоящие интеллигенты, желавшие отдать свои знания молодежи. Многие из них полюбили библиотечное дело и стали профессиональными библиотекарями и библиографами. Именно они составили творческое ядро коллектива. Когда в начале 1950-х годов в Библиотеку пришло новое поколение сотрудников, только что окончивших вузы, им было у кого пройти школу, перенять опыт. В то же время к работе привлекались консультанты-языковеды и специалисты по отдельным дисциплинам. Это обеспечивало высокий уровень всей работы. Многие сотрудники впоследствии стали крупными учеными.

Без нашего коллектива, притом квалифицированного,

дружного, без замечательных наших сотрудников просто не было бы ВГБИЛ! В этом и заключается секрет нашей живучести. Всегда вспоминаю слова нашего друга С.Я.Маршака: "На моих глазах родилась и росла эта замечательная Библиотека, собравшая не только великое множество ценных книг на разных языках мира, но и чудесных людей, сотрудников, глубоко преданных своему делу. Честь и слава!" А в письме ко мне он добавляет: "Ваши сотрудники — не служащие, а деятели культуры в истинном и большом значении этого слова…"

Многие известные деятели культуры работали в штате Библиотеки в качестве консультантов. Так, профессор Борис Александрович Грифцов положил начало созданию уникального фонда нашей Библиотеки — классической и современной французской художественой литературы и критических материалов о ней. Молодой переводчик Иван Александрович Кашкин был незаменим при отборе современной английской и американской литературы для выписки из-за границы. Консультантами также были Михаил Леонидович Лозинский, профессора Алексей Карпович Дживелегов, Виктор Федорович Кельин, профессор Дмитрий Евгеньевич Михалчи и др. Особо надо вспомнить внештатного нашего сотрудника Михаила Михайловича Морозова — одного из основателей советского шекспироведения. Сколько споров вызывали выступления К.Чуковского и С.Маршака о методах художественного перевода!

Друзьями Библиотеки были Клара Цеткин, много сделавшая для пополнения ее книжных фондов, Вера Фигнер, Н.К.Крупская, Т.Л.Щепкина-Куперник.

С Надеждой Константиновной Крупской я работала в Наркомпросе РСФСР в 1920-1930-х годах. Она не была моим непосредственным начальником. Крупская руководила Главполитпросветом Наркомпроса, в ее ведении находились массовые библиотеки, а Библиотека иностранной литературы входила в Главнауку. Это были две конкурирующие организации — в Главполитпросвет входили все массовые библиотеки, в Главнауку — все научные. Крупская полностью опиралась на работников массовых библиотек и скептически относилась к работникам научных, считала, что научные библиотеки не сразу повернулись к народу, что они обслуживают только избранную часть читателей — научных работников, что они как были закрытыми библиотеками до революции, такими и остались. Положительно воспринимала Крупская только Ленинскую библиотеку, которой руководил старый большевик В.И.Невский. Библиотека иностранной литературы, которую она очень мало знала, была от нее далека, а я с Надеждой Константиновной в

1920-х годах имела незначительные контакты.

Но ее отношение стало меняться в начале 1930-х годов, когда наша Библиотека организовала филиалы на многих заводах. В частности, был организован большой филиал Библиотеки на Первом ГПЗ (завод "Шарикоподшипник"), Однажды Крупская была на этом заводе для знакомства с работой массовой библиотеки и вдруг случайно попала в наш филиал, который ее заинтересовал. На следующий день она позвонила мне и попросила зайти. Надежда Константиновна даже как бы извинилась передо мною: "…А я, деточка, думала, что ваша библиотека академическая, как все такие библиотеки, куда ходит только избранная публика, знающая иностранные языки. А это особая публика, от нас очень далекая… А вы-то, оказывается, большую работу делаете! Вы же, оказывается, наш народ учите иностранным языкам! Вы даете коммунистическую иностранную прессу тем, кому в первую очередь это необходимо, тем, кто приехал к нам из-за границы! Ну и молодец же вы!" И она меня расцеловала. Помню, я была тогда "на седьмом небе" от счастья и считала, что неправильно относилась к Крупской и что теперь с ее стороны отношение будет лучше. К нам в Библиотеку тогда она не зашла, но, когда бывала на заводах, сейчас же спрашивала: "…А есть ли у вас на заводе филиал Библиотеки иностранной литературы?" Обычно на крупных заводах такие филиалы были. Помню, однажды, после посещения завода "Серп и молот", Надежда Константиновна мне сказала: "..Деточка, что же это такое? До сих пор на заводе нет вашего филиала". Мы тут же его организовали.

Четвертой известной женщиной — нашим другом была Татьяна Львовна Щепкина-Куперник[24]. Она была нашей любимой читательницей и отвечала взаимной любовью к нам. Привожу несколько ее писем.

> Москва, 15 февраля 1942 г. Милая Маргарита Ивановна, от всей души благодарю в Вашем лице ГЦБИЛ, которая является огромным фактором в моей жизни — дает мне помощь в работе и духовную пищу для часов досуга.
>
> Надеюсь еще иметь возможность до последних своих дней пользоваться этим! Передайте мой привет всем сотрудникам, а Вас позвольте поцеловать! Преданная Вам Щепкина-Куперник.
>
> 22 июля 1942 г.
>
> Дорогая Маргарита Ивановна, я за последнее время так неважно себя чувствую (сердце), что врачи

категорически запретили мне как-либо волноваться и настаивают, чтобы я куда-нибудь хоть на время уехала на воздух. Удастся ли мне это сделать — не знаю, но спешу Вам написать, чтобы не подвести! В Вашем вечере мне, как ни жаль, участвовать лично не придется. Если Вам понадобится — то дам Вам любые свои переводы, пусть кто-нибудь из товарищей за меня прочтет. Простите невольный мой отказ — Вы знаете, что я хотела бы служить нашей милой Библиотеке и Вам.

Преданная искренно Т.Щепкина-К.

P. S. Милая Маргарита Ивановна. К моему официальному заявлению прибавлю несколько неофициальных слов. Очень была огорчена узнать о Вашем нездоровье и сочувствую Вам, тем более что сама все время хвораю, но мне уж пора — а Вам не следует. Пожалуйста, поправляйтесь и работайте бодро и радостно, как всегда!. Искренно преданная Вам Ваша Т.Щепкина-К.

Кончились 1930-е годы. Сложные были годы. Но я с нежностью вспоминаю наше помещение в церкви Космы и Дамиана в Столешниковом переулке. Об итогах нашей деятельности за 1930-е годы журналистка В.Антохина писала в "Учительской газете" 15 июня 1941 года, за неделю до начала войны:

"…Постепенно Библиотека превратилась в научно-вспомогательный центр, обслуживающий такие учреждения, как Академия наук, научно-исследовательские институты, университеты, редакции журналов и газет, наркоматы, музеи, театры. Крепнет ее связь с Институтом мировой литературы, с Иностранной комиссией Союза советских писателей, с Всесоюзным обществом культурных связей с заграницей. Она становится пионером общественного движения под лозунгом "Иностранные языки — в массы" и на протяжении всей 20-летней деятельности оказывает большую помощь тысячам советских людей в изучении иностранных языков. Для читателей, работающих самостоятельно над текстом, открыт консультационный зал, где даются коллективные и индивидуальные консультации на 7 языках. Здесь разъясняются трудности перевода, особенности языка и грамматики, оказывается помощь в подборе необходимого материала. "Говорящие" учебники — лингафонные пластинки (на 6 языках)

служат прекрасным дополнением к основной работе над книгой. Библиотека оказывает большую помощь педагогам высшей и средней школы в повышении их квалификации, а молодым педагогам, еще не вполне владеющим иностранным языком, — в укреплении знаний. При Библиотеке в настоящее время регулярно занимаются 43 группы, в том числе 2 — из школьников. По желанию изучающих иностранный язык раз в месяц проводятся контрольные занятия, вечера показа достижений.

В лектории Библиотеки проводятся доклады на иностранных языках о произведениях классиков марксизма-ленинизма, а также по вопросам текущей политики. Организуются беседы на литературные темы и выставки, посвященные творчеству Шекспира, Сервантеса и других великих европейских писателей. Библиотеку посещали и посещают крупнейшие иностранные писатели и ученые. Один из ближайших ее друзей — Анри Барбюс — во время второго приезда в СССР передал Библиотеке более 400 томов от имени своих собратьев по перу, которым он рассказал о своих впечатлениях от Библиотеки. В ее залах выступали Мартин Андерсен-Нексе, Вайян-Кутюрье, Майкл Голд, Луи Арагон, Эрвин Киш, профессор Оскар Вайцель, ученый Мон Николь и многие другие.

На крупнейших заводах столицы, при институте истории, философии и литературы и в парках культуры и отдыха работают филиалы Библиотеки. Спрос на иностранную литературу растет, количество читателей увеличивается. Межбиблиотечным абонементом обслуживается 320 библиотек, из которых 150 находятся в наиболее крупных городах и районных центрах Союза. И там количество читателей иностранной литературы увеличивается с каждым годом. Например, в Калуге в прошлом году их было 162, а теперь уже 285. О Москве и говорить нечего. В центральном фонде Библиотеки — 260 тысяч книг на 27 языках. Однако она не может удовлетворить запросы читателей. В прошлом году Библиотекой и ее филиалами обслужены 32 тысячи читателей, проведено 106 докладов и лекций на иностранных языках, дано около 8 тысяч наличных справок и около 50 тысяч консультаций. В среднем выдается по 1700 книг в день.

В настоящее время подготавливаются к печати

указатели первоисточников по изучению истории партии на французском, немецком и английском языках, серия библиографических указателей иностранных писателей (Золя, Гофман, Шекспир, Сервантес и др.), типовой каталог памятников мировой литературы для массовых библиотек, указатель основной литературы по западному языкознанию для педагогов иностранных языков.

Библиотека иностранной литературы дала знание языков тысячам советских людей. Расширяя кругозор читателя и повышая его культурный и технический уровень, она выполняет большую политическую задачу. Коллективу работников Библиотеки во главе с организатором, бессменным руководителем Маргаритой Ивановной Рудомино удалось добиться за 20 лет огромных успехов.

Работа Государственной центральной библиотеки иностранной литературы является ярким примером того, что в нашей стране библиотечное дело приобрело гигантский размах и большое государственное значение".

Зимой 1940–1941 годов уже началась подготовка к двадцатилетию Библиотеки. ГЦБИЛ считалась большим культурным достижением советской власти, и намечалось широко отметить этот юбилей. Снова заговорили о новом здании. Обсуждалась возможность награждения Библиотеки. И вдруг началась война.

Военные годы

Объявление о войне застало меня в Барвихе. Мне позвонил Василий Николаевич, который вместе с Адрианом был в городе, т. к. сын сдавал экзамены за 10-й класс, и сказал, что началась война. Буквально через час-два мне позвонили из ЦК партии, чтобы я немедленно приехала. Но выехать в Москву было трудно. По нашей Усовской железнодорожной ветке поезда сразу были отменены. Моя персональная легковая машина была тотчас мобилизована, и я не знала, как добраться до Москвы. Помог работник ЦК партии В.А.Федосеев, который отдыхал в барвихинском санатории и захватил меня на своей машине в город, прямо в ЦК партии, где я тут же попала к заведующему отделом агитации и пропаганды Поликарпову. Он знал меня еще по Наркомпросу, и я довольно часто бывала у него по библиотечным делам. Поликарпов сразу же мне предложил работу на радио, но я категорически отказалась, сумев доказать, что мне нецелесообразно бросать Библиотеку. Тогда он дал задание Библиотеке стать антифашистским центром контрпропаганды. Главная задача — сбор материалов для контрпропаганды для воинских частей и Политического управления (ПУРа) Красной Армии. В помощь Библиотеке была дана довольно большая группа студентов старших курсов Института иностранных языков. К тому времени у нас уже была составлена библиография "Антифашистские писатели". Буквально со следующего дня началась активная работа по обеспечению ПУРа материалами контрпропаганды, которые бригаде сотрудников Библиотеки и студентов Института иностранных языков удавалось найти (например, мы нашли высказывание Геббельса "Пушки вместо масла"),

С первых же дней войны Библиотека превратилась в своеобразный штаб пропаганды антифашистской литературы, отвечая на бесконечное количество запросов со всех сторон. Когда фронт приблизился к Москве, в Библиотеку стали поступать для перевода документы, захваченные в боях. Мы их быстро переводили. Особенно много приходило материалов, написанных готическим шрифтом. Как известно, до войны в наших школах готический шрифт не изучался: немецкий язык преподавался только с латинским шрифтом. Столкнувшись с готическим шрифтом, наши офицеры не могли прочесть текст. Библиотека старалась помочь военным овладеть немецким языком скоростным методом. Для этого была составлена брошюра "Грамматический минимум. Немецкий язык. ГЦБИЛ, 1941 г." Этот

краткий, необходимый для военного времени учебник был размножен на ротаторе и разослан во многие воинские части.

За все годы Отечественной войны Библиотека ни на один день не закрывала своих дверей. Все было подчинено помощи фронту. Помогали Генштабу и Главному политуправлению Красной Армии, подбирали материалы для Совинформбюро, переводили немецкие документы и листовки, доставленные с фронтов, обучали командиров читать тексты, написанные готическим шрифтом, и делали многое другое, что было нужно.

Библиотека готовилась к бомбардировкам Москвы. Мы ведь находились в центре города, рядом со зданием Моссовета, и понимали всю опасность нашего положения. У меня сохранилось Распоряжение по ГЦБИЛ от 8 июля 1941 года об организации пожарной команды и ее обязанностях.

В августе 1941 года сотрудниками Библиотеки был потушен пожар, возникший от попадания зажигательной бомбы во время одного из налетов. Спасла Библиотеку от пожара 70-летняя заведующая хранением Ю.А.Александрова, сбросив с церковного купола зажигательную бомбу. В июле 1941 года лучшая часть нашего книжного фонда (редкие книги, коллекция "ДИН", другие ценные коллекции) была эвакуирована вместе с ценностями из музеев Москвы в город Хвалынск Саратовской области. Книги сопровождали три наши сотрудницы. Позже, в связи с приближением фронта к Сталинграду, книги и музейные ценности были перевезены за Урал.

В июне 1941 года приехал в Москву Жан Ришар Блок. Я познакомилась с ним в начале 1930-х годов, когда он приезжал на Первый съезд Союза советских писателей. Это был чудесный человек, исключительно милый, приятный, умный собеседник, доброжелательный, умеющий слушать и говорить, отзывчивый. Мы вели много интересных разговоров о литературе, о жизни. Мы с ним подружились с первой встречи, поэтому сразу по приезде он зашел ко мне в Библиотеку. Блок рассказал, как последним поездом, уже под чужой фамилией, проехал всю фашистскую Германию, рассказывал об ужасах оккупации во Франции. Тогда же он рассказывал, что Ромен Роллан, хотя и живет в Везлее и не арестован, но напротив его дома расположились гестаповцы, которые следят за каждым его шагом, что Ролланы не пользуются абсолютно никакой немецкой помощью, хотя те всячески стараются их ублажать. Бедный Роллан ужасно мерз и старыми газетами топил камин для того, чтобы как-то согреться. Мария Павловна ездила в Париж за продуктами. По рассказам Ж.Р.Блока мы впервые узнали, что такое война. А вскоре грянула и у нас война. Блок скоро уехал, но в 1942 году вернулся обратно в

Москву, работал на радио для Франции. Он ночами выступал по подпольному радио для французского движения Сопротивления, поднимал дух французов. Его голос был известен во Франции. В те годы он часто выступал в Библиотеке, всегда соединяя читаемую тему с сегодняшним днем. Много материалов присылали ему подпольщики Франции. Как-то он зачитал письмо одного бойца Сопротивления, написанное перед казнью, — зал был потрясен. Затем это письмо было опубликовано в одном из наших журналов.

Как только Париж был освобожден, Жан Ришар Блок одним из первых вернулся во Францию. Перед отъездом он передал нашей Библиотеке много материалов того времени. Я была на его проводах в гостинице "Националь". Вечер был и радостный, и грустный. Блок, с одной стороны, радовался, что ему можно вернуться в свободную Францию, но ему было очень жаль покидать Москву.

Вскоре по возвращении Жан Ришар Блок умер, по-моему, в 1947 году. Я с ним переписывалась до конца его дней. Письма его, а их было много, сохранились. Должны быть в архиве Библиотеки. В 1944 году перед отъездом во Францию он написал: "Когда я расскажу во Франции, что я видел в Советском Союзе, поверят ли мне? Да, отныне поверят, ибо был Сталинград, были несравненные подвиги Советской Армии. Ну, а чтобы ограничиться Библиотекой иностранной литературы, где я пишу эти строки, скажу, что я не знаю ничего равного ей во всем мире. Маргарита Ивановна сумела превратить ее в не имеющую себе равных — в культурный центр…"

Вдова Ж.Р.Блока, Маргарита, прислала в Москву его посмертную маску. Маска эта и сейчас хранится в Библиотеке. Я поддерживаю дружбу с семьей Блок и по сей день. Недавно в Советском Союзе были его сын Мишель и дочь Клод. Я осталась и до сих пор в дружеских отношениях с Маргаритой Блок. К сожалению, она очень стара, вероятно, уже не так долго ей осталось жить. Когда я бываю в Париже, я обязательно к ней захожу, чему она всегда рада. А живет она в Париже как раз напротив Национальной библиотеки. Мне удалось на радио найти несколько магнитофонных записей Блока военных лет и записей вечеров его памяти в Библиотеке и выслать ей в Париж.

16 октября 1941 года я вместе с мужем была вынуждена уехать из Москвы. С 1939 года я была членом партии и, конечно, представляла, что со мной будет, если немцы возьмут Москву. К этому времени большинство сотрудников Библиотеки были эвакуированы. Мы выехали в Саратов, куда ранее были вывезены наши дети и Анна Ивановна. Пятилетняя Марианна находилась

под Саратовом в эвакуированном туда из Москвы детском саду Наркомпроса. Анна Ивановна там же работала, а Адриан жил у моей подруги Муси Минкевич. Когда мы с мужем приехали в Саратов, нам дали маленькую квартиру в общежитии Саратовского государственного университета, и мы опять оказались все вместе. Огромную поддержку и помощь мне оказали мои саратовские друзья — Муся Минкевич и директор Научной библиотеки Университета Вера Александровна Артисевич[25], с которой я познакомилась в конце 1930-х годов на одном из библиотечных совещаний в Москве. Наша дружба особенно окрепла в Саратове во время войны и продолжается по сей день.

Нашу большую семью война разбросала по всей стране. Мы были в Саратове. В Москве остался брат Василия Николаевича — Юрий Николаевич, с новой семьей. Они переехали к нам, так как их квартира была на Ивановской горке недалеко от зданий ЦК ВКП(б), они боялись немецких бомбардировок и перебрались к нам на Мясницкую, 17, не догадываясь, что рядом, в доме 37, находился бункер Сталина — Ставка Верховного Главнокомандующего и Генеральный штаб. И попали из огня да в полымя. Мария Николаевна и Григорий Михайлович вместе с няней Варварой Ивановной тоже остались в Москве, у себя на Октябрьской улице. Арестованный Сергей Королев вместе с тюремным конструкторским бюро, позднее названным "Туполевская шарашка", был эвакуирован в Омск. Ляля с Боткинской больницей эвакуировалась в Казань, где работала в военном госпитале врачом-травматологом. Ее родители вместе с маленькой Наташей Королевой оказались в Йошкар-Оле. О положении нашей большой семьи видно из одного из писем к нам в Саратов матери С.Королева Марии Николаевны.

11.1.1942

Все родные и дорогие наши!

Пользуемся случаем отправить Вам письмо с полдороги, все же скорее дойдет. А случай этот — Лёля[26]*уезжает в Ташкент, где уже работает ее Московский автодорожный институт. Отец ее, Володя, вернулся, вернее, пробрался из окружения из-под Брянска. Счастливец. Правда вид был неважный, но теперь дома и освобожден вчистую. Лёля едет оканчивать свой ВТУЗ. Вот и пользуемся случаем отправить это письмо. Не обижайтесь за малочисленность наших писем. Да Вы, пожалуй, не все получили. Как и мы, я думаю, от Вас. В ту ночь, когда написала открытку, я дежурила и легла спать в 430 утра — всю ночь писала всем. Иначе нет возможности. Я работаю секретарем, у меня же и карточки. С 16 октября — это сплошной калейдоскоп людей, рабочих — кто-то*

бежал, вернулся, уехал в деревню за семьей, возвращается на свое восстанавливающееся производство: многие заводы открыли свои филиалы или отдельные цеха и собирают старую рабочую силу, а секретарю все работа, и я, выходя из дома в темноте, в 730 утра, возвращаюсь домой в кромешной тьме в 7–8 ч. вечера. К тому же нет ничего более мучительного и дергающего нервы, чем работа с продкарточками.

Паек наш почти тот же — экономия на масле и сахаре, а хлеб по-старому. Но, как Вам известно, живя на месте, все как-то можно извернуться — то картофеля коллективом раздобыли, и Юрию дала, то муку тоже раздобыли. Но запасы уходят, и к весне будет похуже, конечно. А впрочем, что досадовать! Мы сегодня с Ивановной[27] *как раз радовались, что мы живые — значит, наша жизнь кому-то нужна еще или, вернее, мы принадлежим к числу счастливцев. Так вот, возвращаясь часов в 7–8, поев, я собирала последние силенки, чтобы как-либо с помощью Ивановны из кусочков меха старого от кожанки Сергея и всякого утиля соорудить теплый жилет для Юрия, который в это время работал грузчиком на хлебозаводе, а морозы стояли лютые. С декабря у меня вечера освободились — окончен жилет, но конец года, и зачастую либо я прихожу домой к 10 ч, либо беру работу на дам и просиживаю до 3–4 ч. утра. Такие эксперименты становятся, однако, все больше и больше не под силу — несомненно, и годы сказываются и питание. Жиров-то приходится 30 г в день на всех троих. Дорогих магазинов еще нет, и масла не купишь, мясо есть на рынке, но нет возможности платить по 130 рублей за кило, а лук — тридцать рублей и картофель — пятьдесят. Мясо доходит до ста пятидесяти, а молоко — до тридцати иногда. У Юрия есть кое-какие запасы с лета еще, у нас тоже от Ляли, и мы не бываем голодными, но хлеб свой съедаем с усердием. Зато мы тоже можем блеснуть изяществом своих фигур, ставших легкими и гибкими, как в 20 лет. Ночи научились спать спокойно, ибо постепенно выработали в себе презрение к смерти и решили, что смелого бомба боится, смелого смерть не берет. Проклятый немец бомбит, а мы сидим с Ивановной и шьем, а Григорий Михайлович читает нам газету, да изредка выглядываем под штору — какой путь намечают по небу трассирующие пули. Когда уже струны нервов очень натягиваются — спускаемся на нижнюю площадку, выйдем наружу, понаблюдаем, да и не ждем "дядю отбоя", как говорят ребята, а ложимся спать, ибо иначе не будет сил на завтра для работы.*

Правда, случалось спать и не раздеваясь, и даже в валенках. С половины декабря мы живем несравненно спокойнее, но это еще не значит, что враг не пытается доказать время от времени, что он

еще существует и доказательства его довольно вещественны, но и мы, и Юрий в числе счастливцев. Юрий перестал тоже выводить детей вниз, а загородил окно в комнате у Риты, и там сидят дети. Юрий звал под Новый год прийти, вместе посидеть, но мы не смогли. Вечер были одни, вспоминали всех родных и близких и одно пожелание — всем собраться. Рине послала телеграмму с оплаченным ответом. Думаю, что он ее получил.

Мы тоже чуть было не уехали в Тобольск, хотя этого и не очень желали, но студенты уехали и мы должны были ехать с ними. По счастию, фортуна повернулась, и теперь никаких выездов больше нет, а вопрос идет о том, чтобы вернуть студентов и заниматься. Пока же Григорий Михайлович без работы и без оплаты, перешел на иждивенческую карточку на этот месяц. Мне обещают прибавку, так как я веду карточки, а пока я вчера получила 200 рублей огулом за карточки за все время. Как видите, мы не унываем. Вчера получила письмо Риты, телеграмму Васи и письмо Анны Ивановны. Теперь, конечно, приходится очень и очень жалеть, что Вы оба уехали, но тогда и даже три недели назад казалось все иначе. Несомненно только, что Ваше присутствие должно способствовать выздоровлению Рины. Бедный малыш! А не воспаление легких ли у него? Вы нам пишите чаще, хотя бы открытки, пока он поправится. Интересы наши сосредоточены сейчас вокруг всех близких, растерявшихся по нашей необъятной Родине. Собравшись к обеду, слушаем чтение Григорием Михайловичем газеты. Потом начинаются неизменно предположения. Кто, как и где живет. Ни из Киева, ни из Глухова, конечно, никаких вестей, и назойливо гвоздит мысль, что там не выживут, что там мучаются, что в Киеве, несомненно, голодают, ибо Нютина[28] *работа в таких условиях никому не нужна и, конечно, прекратилась, а Миша*[29] *вряд ли дома и вряд ли уцелел. О мужчинах в Глухове*[30]*' ничего не знаем. О Вас скудные вести, и ясно нам заранее, что Вам круто приходится. Тревожимся о Ляле и о ее отце, который ехал мучительно и больше двух недель. Сережа все там же. Нет, вероятно, плохого, в котором не было бы доли хорошего. Работает Сергей много и пишет, вернее, телеграфирует, что устроен хорошо, просит не беспокоиться о нем. Раза два в месяц шлет телеграммы нам, и мы отвечаем. По счастию, на свете живут не одни только Костики*[31]*. А есть и маленькие, незаметные, сердечные, вернее, человечные люди. Ляля уехала. Вы знаете ту тяжелую ночь. Уехала только утром, потерялась с отцом, много пережила. Но через 8-10 дней пути была уже с Наташей в Йошкар-Оле. Сейчас работает в Казани (ее адрес: Казань, Подлужная, 2, кв.12). Марианна с Мими*[32] *могут послать Наташе письмо, адрес: Йошкар-Ола, Марийская АССР,*

Стройуправление 16, п/я 18, К.М.Винцентини, для Наташи. Максимилиан Николаевич работает в этом Стройуправлении по переводу из Москвы. Конечно, скучают, но война есть война, и пусть будет счастлив, что не спал в валенках эти месяцы. У них там же при работе комнаты, все они вместе. Лялька близко от них в Казани. Оля уехала. Это жаль, так как сейчас наступил военный перелом, но она поступила правильно, не стоило ждать новых звонков и вызовов, еще поехала бы в гораздо худших условиях[33]*. Выехала она вечером, и Юрий на другой день, придя к нам, сказал: "Ушла в ночь, и, быть может, навсегда". Возможно, что этот Гордиев узел разрубится, не знаю, к лучшему, или нет. Новая семья ему чужая и далекая, одна радость — девочка. Живут они у Вас, броню сдали, Юрий Николаевич наполовину живет у себя с Лисей* [34].

Тепло, но временами бывает и холодно. Временами не дают тока. Вера уже месяц работает в какой-то библиотеке, а Юрий сейчас, как будто, заведует Московским Домом учителя. Он тоже стал стройный мужчина. Телефон Ваш сняли чуть ли не на второй день, ибо, как правило, их снимали у всех уехавших. Немного посуды Вашей у Оли на буфете, что-то еще из посуды и вещей у нас — Ивановна и Григорий Михайлович перенесли. Вообще мы целый месяц изображали рикш. Надо сознаться, что это было не так-то просто и не так-то легко — всех и всего было жаль. Какие острые моменты были пережиты — не рассказать. Вы ведь по газетам, несомненно, следили. Присутствие т. Сталина в Москве, его речь в ноябрьские праздники были первыми проблесками света и надежды. Проклятые немцы сделали в этот вечер жуткий налет, но ни один не прорвался в Москву, только небо сверкало кругом звездочками и сполохами. Добрый месяц потам мы еще тренировались в презрении к смерти, наконец радио принесло вслед за шуршанием слухов радостные вести с фронта, а ведь канонада была слышна, враг стягивал кольцо вокруг Москвы. Ивановна по возрасту не была послана на трудовой фронт, домашние хозяйки наши ходили в Останкино, на Пресню и прочее, а наши работницы немало труда положили в Кунцево, Крылатском. Город ощетинился надолбами, земляными валами, бойницами — и город оживает, наполняется, хотя и очень осторожно, с отбором, всех выехавших не пускают, нужно разрешение коменданта города на въезд. Вот почему и жаль, что Василий переменил свою работу, с московской работой он, наверное, довольно скоро вернулся бы в Москву. Думаю, Вы, Рита, скорее найдете пути, жаль было бы работу, которой отдано столько сил и лет. Идея создания филиала Библиотеки в Саратове целесообразна и своевременна, думаю, и полезна для Ваших хлопот. О возвращении Наркомпроса пока не слыхала, но многие другие

Наркоматы уже здесь, правда, не в полном составе, а частично. Институты стараются стянуть своих студентов и организуют занятия, заводы собирают своих кадровых рабочих и открывают цеха. Приехавших самотекам не прописывают или во всяком случае это очень трудно улаживается. Броня — это юридическое право, а фактически, правда временно, у нас на лестнице уже нет свободных квартир. Экономия топлива заставила уплотнить нас жильцами других корпусов, а в иных местах теми, у кого не оказалось крыши над головой. Многое, конечно, зависит и от соседей, и от самого домкома. У Ляли вся лестница уплотнена, кроме нее. Ее нет, и я сама беру жировки, плачу, заколачиваю окна в кухне, закрываю форточки, если им вздумается открыться, слежу, чтобы не замерзло отопление, т. е. делаю все вместо Ляли. Мне это нелегко, так как вырываться со службы чрезвычайно трудно. Но дети должны иметь кров над головой, хотя бы это мне стоило много сил.

Ну хватит, друзья. Вам и читать надоест, тем более, что писать я стала ужасно. Почерк испортился, как и у Юрия. Право, должно быть, у нас с братом нервы примерно в одном состоянии. Он часто бывает у нас.

Вы, несомненно, свободнее и спокойнее живете, и мы требуем от Вас не ждать от нас, пока придут письма, а почаще нам писать. Пишите о здоровье ребят. Так мучительны тревоги обо всех. Пусть новый год принесет конец всем бедам и победу, удачу нашей Армии, нашей стране.

Всем Вам от всех нас привет. Марианну целую — она еще помнит Мусю или никто ей не напоминает? Анне Ивановне привет.

Муся.

Моя активная деятельность продолжалась и в эвакуации. В январе 1942 года я послала из Саратова в Совет Народных Комиссаров РСФСР докладную записку и проект Постановления СНК РСФСР о массовом распространении иностранных языков среди трудящихся Республики в военное время:.

"В СОВЕТ НАРОДНЫХ КОМИССАРОВ РСФСР
ДОКЛАДНАЯ ЗАПИСКА

по вопросу распространения иностранных языков среди трудящихся масс Республики в военное время.

Изучение иностранных языков имеет у нас в Союзе государственное значение. "Язык есть важнейшее средство в человеческом общении", говорил Ленин.

Особенную политическую актуализацию приобрело знание иностранных языков в военное время. Чтобы лучше распознать врага — надо знать его язык.

Опыт показал, что действовать через переводчика, особенно в условиях войны — недостаточно, необходимо знать иностранный язык хотя бы настолько, чтобы понять чужую речь и самому с небольшим запасом слов, но самостоятельно, высказать свою мысль.

Каждому гражданину Советского Союза надо знать хотя бы один иностранный язык, ибо "язык

— орудие развития и борьбы" (Сталин).

Партия и правительство Советского Союза всегда придавали большое значение обучению иностранным языкам широких масс трудящихся.

За последние годы организованы специальные высшие учебные заведения по иностранным языкам; иностранный язык введен как обязательный предмет в школах, техникумах, вузах; лозунг "Иностранные языки — в массы" сделался широко популярным в нашей стране, и сотни тысяч граждан, сочетая со своей работой, изучали иностранные языки в кружках, школах взрослых, заочно и путем самообразования. Советской властью организована в Москве Государственная Центральная Библиотека Иностранной Литературы, подобной которой по своим задачам нет ни в одной капиталистической стране. При ряде республиканских, областных (краевых) библиотек имеются отделения иностранных книг и т. п. и т. п.

<">

Для устранения причин, мешающих делу обучения иностранным языкам, столь важному в военное время, считала бы целесообразным выдвинуть следующие предложения:

1. Поручить Наркомпросу РСФСР широко развить массовую работу по распространению иностранных языков среди взрослого гражданского населения. Для организации этого дела в Наркомпросе должен быть создан отдел по иностранным языкам при Управлении Политпросветработы. В функции отдела должна входить организация очного, заочного и самостоятельного образования по иностранным языкам среди взрослого населения, как в центре, так и на местах; помощь местам в организации краткосрочных курсов иностранных языков за счет ассигнований местного бюджета; подбор и направление педкадров по иностранным языкам; составление программ ускоренного типа и руководящих методических материалов; составление издательских

планов и утверждение учебников и учебных пособий по иноязыкам; широкая пропаганда изучения иностранных языков и т. д. и т. п.

2. Обязать "издательство на иностранных языках" издать массовыми тиражами учебники английского и немецкого языков ускоренного типа, разговорники (по типу выпущенного Соцэкгизом), словари, а также серию учебных пособий со словарем для чтения. Желательно было бы одновременно издать серию граммофонных пластинок (лингафон) для улучшения произношения лиц, самостоятельно изучающих иностранные языки.

3- Предложить Радиокомитету ввести в передачу регулярное преподавание иностранных языков по радио, при этом желательно время от времени проводить литературно-художественные передачи на иностранных языках для знающих (художественное чтение, небольшие пьесы, скетчи, пение и друг.). Необходимо обязать Радиокомитет ввести эти передачи по основным станциям и по тем крупным республиканским, областным (краевым) радиоцентрам, где для этого имеются соответствующие кадры и возможности.

4. Предложить Наркомпросу РСФСР организовать в ряде крупных городов Республики специальные библиотеки иностранных книг или организовать филиалы Государственной Центральной Библиотеки Иностранной Литературы (например, в Саратове, о чем мною была подана в Совнарком РСФСР отдельная докладная записка). Одновременно Наркомпрос РСФСР должен обязать Отделы Народного Образования на местах выделить дополнительные ассигнования на покупку иностранных книг, в первую очередь издаваемых в СССР. Для помощи читателям, изучающим иностранные языки в порядке самообразования, крупные республиканские, областные (краевые) библиотеки должны создать у себя соответствующие условия

— индивидуальные и коллективные консультации, выставки, уголки "Как самостоятельно изучать иностранные языки" и т. п.

Считая, что дело изучения иностранных языков чрезвычайно важно, политически актуально, особенно в военное время, прошу Совет Народных Комиссаров РСФСР рассмотреть мои предложения и в случае принципиального согласия вынести свое постановление.

Саратов, 2 января 1942 г.

М.Рудомино Директор Гос. Центральной Библиотеки Иностранной Литературы в Москве.

Домашний адрес: г. Саратов, Цыганская, 144, кв. 91. Служебный адрес: Научная Библиотека СГУ, Университетская, 42".

В феврале 1942 года я вернулась в Москву и приступила к работе в Библиотеке, которая продолжала оставаться центром помощи военным в расшифровке немецких военных материалов, особенно написанных готическим шрифтом, и в обучении наших военных готическому шрифту.

Об этом времени я писала Вере Александровне Артисевич в Саратов, с которой дружила с середины 1930-х годов.

Москва, 15. VI. 42.

Милая Вера Александровна, на днях узнала, что ты вновь в Библиотеке. Это хорошо и плохо. Хорошо для Библиотеки, пожалуй, для тебя, плохо для университета.

Мы готовим выставки, вечера, издания, обзоры, посвященные англо-американской литературе. В июле созываем сессию Ученого совета Библиотеки по вопросам развития культурных связей СССР, Англии и США. Готовим к печати несколько работ. Работа Библиотеки опять ширится, становится актуальной и полностью захватывает. Высылаю тебе статьи об этом. Вновь хлопочем о новом помещении. В Наркомпросе тоже оживление — координация библиографической работы через Ленинскую библиотеку. Больше всего жалко, что нет печатного органа — поделиться всем библиотекам есть чем. Пиши мне, что тебя интересует. Отвечу с удовольствием.

М.Рудомино.

Вернувшись в Москву, я жила у Марии Николаевны, так как в нашей квартире на Мясницкой, 17, еще жил Юрий Николаевич с семьей. У Марии Николаевны жила и Ляля[35], и мы с ней очень подружились, и, после того как из нашей квартиры Юрий Николаевич выехал к себе, Ляля перебралась ко мне на Мясницкую. Жить у себя в Конюшковском переулке она не хотела — слишком сильно та квартира была связана с арестом Сергея. В июне в Москву вернулся и Адриан, и мы зажили все втроем у нас дружной семьею.

Было очень голодно. Ляля от Боткинской больницы получила участок под картошку на поле Московского ипподрома. Общими усилиями вскопали его и посадили картофель, но урожай был мизерный. Все время хотелось есть. Помню, как однажды летом 1942 года заведующая кремлевской библиотекой добыла мне из кремлевского буфета бутерброд с красной икрой, я была

потрясена, отнесла его домой. На всю жизнь запомнила, как мы — Ляля, Адриан и я — разглядывали его, словно чудо. Каждый отказывался в пользу другого, наконец разделили на три части и вмиг проглотили.

Адриан сразу по приезде в Москву поступил на учебу в Московский авиационный институт (МАИ). Одновременно работал в мастерских МАИ. Занимался разборкой сбитых самолетов. Получил рабочую продовольственную карточку. Но в августе 1942 года весь I курс МАИ был призван в Армию и направлен в Военное училище химической защиты Красной Армии. После его окончания осенью 1943 года, в звании лейтенанта, Адриан был направлен на 1-й Белорусский фронт в 65-ю армию генерала Батова. По дороге на фронт он в октябре проезжал через Москву и останавливался дома на 2 дня. Возмужалый, самостоятельный. Адриан освобождал Минск и Варшаву, участвовал в Берлинской операции. Был награжден орденами и медалями. Из Армии демобилизовался только в начале 1947 года.

Марианна с Анной Ивановной с детским садом Наркомпроса осенью 1942 года были переведены в город Оса Пермской области. С ними вместе был и Андрюша Оппенгеймер. Василий Николаевич остался в Саратове один. В квартире, где мы жили, его, конечно, тут же уплотнили. Жизнь его была тяжелой. Саратовское начальство Издательства Госплана, в котором он работал, не отпускало его в Москву. Он вернулся только весной 1943 года и стал работать на прежнем месте. В октябре вернулись из эвакуации Марианна с Анной Ивановной.

Итак, наша семья, только без Адриана, собралась в Москве. Жить стало сразу радостнее и светлее. И время пошло быстрее. Вообще, военные годы были очень долгими.

Но у меня и Василия Николаевича начались очень тяжелые и длительные командировки по городам страны. В апреле 1943 года я была командирована в город Энгельс (бывш. Покровск) — столицу ликвидированной в 1941 году Автономной республики немцев Поволжья. Я должна была решить судьбу оставшейся от Республики немцев Поволжья Городской библиотеки. Было решено передать ее фонды в городские библиотеки целого ряда провинциальных городов.

А весною 1944 года ездила в командировку в Ленинград в Публичную библиотеку имени М.Е.Салтыкова-Щедрина. Город был еще затемнен, сильно разрушен. Везде чувствовались последствия голода. Руководители Библиотеки рассказали мне, что в блокадное время шла подготовка к взрыву основных промышленных предприятий и объектов культуры Ленинграда,

чтобы они не достались немцам. Это относилось и к Салтыковке. Я была потрясена.

"Лопухинка"

В 1943 году я почувствовала, что надо предпринимать шаги к дальнейшему развитию Библиотеки и в первую очередь восстановить помещение в Столешниковом переулке, требовавшее срочного ремонта после попадания нескольких зажигательных бомб и пожара 1941 года. В куполе церкви зияла дыра, пробитая бомбой. Часть книгохранилища пришлось перенести в один из читальных залов. Читателям негде стало заниматься. Все понимали, что надо что-то предпринимать.

Мне с помощью 1 — го секретаря Фрунзенского райкома ВКП(б) Е.А.Фурцевой удалось получить прекрасный особняк в Лопухинском переулке, 5, где находился филиал Музея Революции — "Каторга и ссылка" и военное учреждение. Этот особняк находился в тихом пречистенском переулке, напротив музея Л.Н.Толстого неподалеку от Дома ученых. Само помещение нас очень устраивало.

Не могу не сказать, что отношение Фурцевой лично ко мне с тех пор было всегда крайне негативным, а ведь мне пришлось два десятилетия иметь с ней дело, особенно по строительству нового здания ВГБИЛ, когда, правда, она отстояла уже готовое здание от захвата его Комитетом по науке СМ СССР. Но она же грубо выпроводила меня на пенсию, освободив мое место для дочери председателя СМ СССР А.Н.Косыгина. Я никогда не была для нее и ее окружения "своей" и всегда чувствовала с ее стороны напряженное недоброжелательство. А причина всему — чисто бабья. Как-то во время войны я пришла к ней на прием, она тогда еще была первым секретарем Фрунзенского райкома партии. Не могу забыть, как она была удивлена и раздосадована, увидев на мне такое же платье, как и на ней. Оказалось, что мы одевались у одной портнихи — знаменитой тогда Александры Сергеевны Ляминой, с которой меня связывала многолетняя дружба. Я улыбнулась, а она разозлилась. И с тех пор всегда относилась ко мне настороженно, почти враждебно.

Итак, мы получили прекрасное помещение в Лопухинском переулке. Однако военное учреждение не собиралось из него выезжать. Тогда мне удалось попасть к заместителю председателя СНК СССР Р.С.Землячке, которая ведала культурой, и убедить ее в необходимости передачи всего здания Библиотеке, но военные с первого этажа выехали только перед самым окончанием войны. А на втором этаже уже в октябре 1943 года были открыты читальные залы. Книгохранилище же полностью осталось в Столешниковом переулке. В середине 1940-х годов оно

разрослось почти вдвое за счет трофейных фондов, книжного "Дара американского народа" и книг, которые мы сумели получить в других библиотеках.

Несмотря на условия военного времени, Библиотека имела возможность получать новую языковедческую и методическую литературу и сумела приобрести все наиболее ценное из книг и периодики в этой области, особенно книги по военной тематике и лексике. Систематически выделялись библиотечки, составленные из учебников, словарей и книг серии "Круг чтения" для отдельных частей Красной Армии. В 1942 году мы выпустили библиографический указатель переводов и критической литературы на русском языке "Лучшие произведения английской и американской литратуры", который затем переродился в толстый литературно-библиографический справочник "Основные произведения иностранной художественной литературы", выдержавший уже 5 изданий.

К концу войны в Москве вновь начали функционировать различные курсы иностранных языков. После почти трехлетнего перерыва Библиотекой были организованы в расширенном объеме индивидуальные и групповые консультации. Это дало возможность Библиотеке привлекать к занятиям только читателей, уже знающих иностранные языки в объеме средней школы. От кружков массового охвата Библиотека переходит к кружкам и семинарам повышенного типа, оставляя первоначальное обучение языку средней школе и многочисленным курсам. Основное внимание теперь уделяется читателю, достаточно знающему основы языка и стремящемуся повысить свою языковую квалификацию.

Книги войны

Еще в начале весны 1945 года встал вопрос о возмещении потерь советских библиотек во время войны. Я писала об этом в Главное политическое управление Красной Армии и руководству Комитета по культурно-просветительным учреждениям при СНК РСФСР (будущее министерство культуры). 4 мая 1945 года вышел приказ по Комитету о командировании меня в Германию для вывоза книг в счет компенсации за потери советских библиотек во время войны. Уже 6 мая в звании подполковника я прибыла в Берлин, где пробыла почти до конца 1946 года. Сохранились служебные материалы и мои письма к Василию Николаевичу, лучше всего рассказывающие об этом периоде моей жизни и работы.

"16 марта 1945 года

ЗАМЕСТИТЕЛЮ НАЧАЛЬНИКА ГЛАВПУРККА Генерал-лейтенанту ШИКИНУ

Государственная Центральная Библиотека Иностранной литературы обращается к Вам с просьбой помочь библиотеке в получении немецкой и др. литературы из Германии.

По имеющимся сведениям в городах, господских дворах и т. д. в Германии оставлены книги на немецком и др. иностранных языках, которые недостаточно охраняются и зачастую используются далеко не по назначению. Среди этих книг много учебной, технической, научно-популярной и др. литературы, а также произведения классиков и современная литература. Книги эти до сих пор не учтены и, как нам кажется, трофейные комиссии мало интересуются ими и уделяют их учету, охране и организованному вывозу недостаточное внимание.

В то же время наша библиотека, единственная библиотека иностранной литературы в СССР, имеющая своей задачей широкую популяризацию произведений лучших представителей мировой литературы на языках подлинника среди советских читателей, испытывает острую нужду в этой литературе. Спрос на иностранную книгу растет с каждым днем, и библиотека не в состоянии его удовлетворить. Сильно страдает молодежь, изучающая иностранные языки и не имеющая возможности получить в нашей библиотеке необходимые

ей книги.

Наша библиотека, как центральная библиотека, обязана снабжать книгами институты иностранных языков, пр. высшие учебные заведения и научно-исследовательские институты, а также преподавателей иностранных языков как в Москве, так и на периферии. Однако, ввиду крайне незначительного количества экземпляров, библиотека вынуждена в большинстве случаев отказывать в этом. Для удовлетворения спроса читателей Библиотеки Иностранной литературы и ее филиалов при заводах как в Москве, так и на периферии, необходимо было бы пополнить книжные фонды библиотеки на 700–800 тыс. книжных единиц.

Просим Вас, в случае Вашего принципиального согласия, дать распоряжение о передаче библиотеке трофейной литературы по тематике библиотеки (литературоведение, языкознание, художественная литература, научно-популярная литература, искусство и культура, справочные издания, энциклопедии и словари на иностранных языках) и переслать по возможности в Москву, по адресу библиотеки — Столешников пер., 2.

В случае затруднений в пересылке, просьба включить в Ваши бригады, командируемые в Германию, несколько квалифицированных библиотечных работников нашей библиотеки для отбора необходимых нам книг на месте.

Директор Гос. Центр. Библиотеки Иностранной литературы М.Рудомино.

P.S. Не считаете ли Вы своевременным и необходимым издание категорического приказа по Красной Армии, аналогичного приказу товарища Ленина в 1918 г. в отношении книг бывш. помещичьих библиотек, запрещающего уничтожать книги, использовать литературу не по назначению, а также предусматривающего ряд мер по охране книжных фондов на территории Германии до их разбора".

"ПРИКАЗ

по Комитету по делам культурно-просветительных учреждений при СНК РСФСР № 125 от 5 мая 1945 года

1. Командировать в распоряжение Начальника тыла Красной Армии для выполнения спецзадания с 6-го мая 1945 г. МАНЕВСКОГО Алексея Дмитриевича, директора Научно-исследовательского института музейной и краеведческой работы.

<…>

4. Командировать в распоряжение Начальника тыла Красной Армии для выполнения спецзадания с 6-го мая 1945 года директора Государственной библиотеки иностранной литературы РУДОМИНО Маргариту Ивановну.

Заместитель Председателя Комитета Чекина".

В первые дни пребывания в Берлине с 6 мая я вела дневник, однако уже 12-го, из-за насыщенной событиями жизни, дневник был заброшен.

6 мая 1945 г. 6 ч. утра — аэродром.

9 ч. утра — вылет из Москвы.

12 ч, — Минск. Тошнота. Туман.

6 ч. вечера — аэродром в Берлине. Гостиница аэродрома. Разрушения. Трупы в комнатах, трупы в канаве.

9 ч. вечера — 3 ч. утра — в кабине грузовика, разрушенные городки. Клостерхоф. Комендатура. Клуб с джазом. Первые немцы. Немец со свечкой у калитки. Размещение по квартирам. Сбор постелей в погребе. Собака Пипо. Разрушения в квартире жокея. Ночь в комнате наверху.

7мая. Поиски новой квартиры. Военная комендатура. Переезд. Столовая. Штаб. Тачки с подушками по улицам — возвращение немцев в квартиры.

11 ч. вечера — конец войны (англ. радио).

8 мая. 10 ч. утра — Берлин — город руин и мертвецов. Пожары. Караваны переселенцев-иностранцев. Немцы возвращаются в Берлин. Велосипедисты. Тачки с вещами и людьми. Очереди с ведрами за водой. Корпорации книгопродавцов. Руины на Potsdamer str. — три библиотеки не существуют. Загородное управление связи. Брошенные квартиры СС. Поездка на открытых машинах обратно.

Поздно вечером, по дороге к дому узнали из фронтового радио о капитуляции Германии. Радость. Целовались со своими в машине. Регулировщицы смеялись, отдавали честь, бойцы аплодировали, танцевали. Рупор огромной мощности на грузовике объявлял приказ Жукова по частям 1 — го Белорусского фронта.

9 мая. Лень отдыха. Машину в Берлине не получили. Санитарный день — еда, сон, прогулки по местности.

Вечером — штаб, сообщения о конце войны; один час — салюты: зенитки, трассирующие пули, фейерверк, залпы из орудий, ружейные и револьверные выстрелы.

10мая. Берлин на своей грузовой. Обзор города из кабины машины. Те же камни, камни, пыль, разрушения, пожары — догорал Рейхстаг, Сельскохозяйственный музей разбомблен, остатки залов, подвалы. Библиотека изучения Восточной Европы. Разбитый Музей транспорта и строительства. Рыжая немка со стеклами — жена профессора-этимолога. Советская девушка, потерявшая мужа. Завтрак под сиренью. Выставка в железнодорожном депо — полное разрушение. Склады с охраной. Стрельба. Очки на полу. Возвращение — путаница на Frankfurter Айее. Трофейная машина из Музея; в кузове грузовика.

Поздно вечерам — подробные сообщения Одинцова о Москве, об окончании войны, Дне победы, ликование. Печаль, что этот день не в Москве. Беспокойство о сыне[36].

11 мая. Машины нет. Перенесли на карту свои объекты[37]. Раздражение беспомощностью. Ухудшение питания — 2 раза в день. Письма домой. Выселение хозяев из квартала. Чтение московских газет.

12 мая. Опять на грузовой. Высшая техническая школа на Шарлоттенбург-шоссе. Яма в саду, в результате мины, — книги в ней из библиотеки Высшей технической школы. Подвал в мастерских. Разбитое помещение училища. Геологический музей на N этаже. Комендант Шарлоттенбурга обещал дать немцев для выкопки книг после разминирования. Прусская школа изобразительного искусства. Библиотека — дублеты, остальные книги вывезены в Тюрингию.

Вот как я описывала свои впечатления в письмах семье.

Берлин, 10 мая 1945 г.

Родные мои — не могла узнать свою полевую почту, поэтому и не писала. Получили ли мое письмо от 6 мая с аэродрома? С Ринушкой не удается связаться, надеюсь на будущее.

Берлина нет, и поэтому сложно работать. Поверить трудно, что видим своими глазами. На машине едем по часу — и всего несколько целых домов. Если бы не жители, которые все же имеются на улицах, то город — мертвый, город руин. Что хотели, то и получили. Немцы — подобострастны, и все в один голос, что они ненавидели Гитлера. А когда их спрашиваешь, где же они были

12 лет, — каждый говорит, что народ был под гипнозом, но всегда желал его гибели. Трудно сейчас разобраться в них, но не веришь им.

В работе пока ничего утешительного. Много вывезено, много спрятано, много под руинами. Устаем зверски. Живем в дачной местности[38]*. Вечерами отдыхаем. Питаемся хорошо. Как твоя поездка, Толек*[39]*? Пишешь ли ты регулярно Адриану? Если уедешь — поручи Марусе* [40]*это сделать.*

Крепко, крепко Вас целую.

Как Марианка?

Так она и не видала свою мать в военном.

М.

Берлин, 14 мая 1945 г.

Милые мои!

Как вы живете? Уехал ли ты, Толик, или занимаешься огородами? Как девочка, Анна Ивановна? А самое главное, как Ринок? До сих пор не удалось с ним связаться, хотя надежды не теряю и думаю все же к нему попасть. До сих пору нас нет своей ППС [41]*, и поэтому не могу написать ему своего адреса. Я написала ему, что я у Сабурова*[42]*, но боюсь, что он не рискнет с таким неточным адресом отпрашиваться сюда. У меня план попозже достать машину и поехать самой к Рокоссовскому, а там узнать, где он, и разыскать его. Вчера так взгрустнулось, что был момент сожаления о моей поездке сюда.*

Теперь о нас. Живем мы под Берлином в чудной дачной местности, почти не тронутой войной. Живем в отдельной даче (конечно, такую бы мне больше хотелось бы иметь, чем у нас) с малюсеньким садиком. Сирени повсюду масса, главным образом персидской; уже распустились ландыши, тюльпаны и масса декоративных кустарников. Очень хотелось бы, чтобы ты, мой дорогой, посмотрел и так же спланировал наш сад. У нас здесь в садике — вишни, яблони и груши в цвету, смородина уже крупная и много крыжовника. Хозяева мы здесь и мечтаем о хорошем урожае, хотя яблок, надеюсь, не дождемся. У меня отдельная комната на втором этаже с окном в сад, у моих коллег две комнаты тут же. Внизу — пустые комнаты, думаем их занять, а то еще кого-либо поселят. Внизу — столовая и гостиная, с пианино, но пока там не бываем — дружбы у нас никакой. Кстати, это очень мешает работе. Столовая общая почти рядом с нашим домом. Кормят последние дни уже по-московски — значительно хуже и только 2 раза в день —9 ч. завтрак и 7 ч. вечера обед. Но это мало заметно, т. к. целый день мы в городе, и там иногда удается пообедать. Стояла такая жара (до 30), что и есть не хотелось. Устаем сильно. Неполадки с машиной. У нас через день легковая, а в

остальные дни получаем грузовую. Это прямо ад — грязные приезжаем, по центру не пускают, приходится добираться часами. Сегодня стало немного свежее, и дышать уже можно. Работа пока не спорится, ноя думаю, что это в первое время.

О Берлине я уже писала — его нет, есть только на окраинах. Но сейчас это такая приевшаяся картина, что обращаешь внимание, лишь когда удивляются новички. Немцы по-прежнему подобострастничают и наперебой пытаются разъяснить дорогу. Всё они спрятали под землей, приходится самим разыскивать. На днях начнут торговать, опишу тогда. Побывавшие в Варшаве говорят, что здесь еще хуже, но чтобы поверить — надо самому видеть. Каждый раз, когда это видишь, чувствуешь удовлетворение и правильность. Надо полностью вытравить нацистский дух. Конечно, сейчас они все против старого, но не верим.

Крепко, крепко Вас целую, мои дорогие. Очень хочу скорее о Вас узнать, но придется подождать получения моего адреса.

М.

Письма к Василию Николаевичу Москаленко из Берлина.

Берлин, 22 мая 1945 г.

Дорогой Толик!

Возможно, это письмо уйдет с оказией, поэтому хочу написать подробнее.

Первое. Вера Георгиевна Чуваева, которая передаст это письмо, тоже из библиотечной группы, только из другой Комиссии. Но пока мы работаем совместно. Передайте с ней мне письма (она будет, вероятно, только 1–2 дня) и сообщите об Адриане. Это больше всего меня тревожит. И работа шла бы по-другому, если бы я была спокойна. Тревожусь и о вас всех — о девочке, Анне Ивановне и о тебе. Сплю плохо. К Адриану не удается поехать, слишком занята, не могу даже заикнуться об этом. Ему я часто пишу и думаю, что он должен откликнуться или приехать. В каждом высоком юноше в пилотке я вижу его. Хочу себя успокоить, но не всегда это удается.

Второе — работа. Недовольна ею ужасно. Надо делать пока горит, а потом будет поздно. Так и у нас. В первые дни еще можно было что-то сделать, а сейчас уже поздно. Все становится на свои места. Тем более что из-под рук вырывают те, которые имеют больше возможностей. Моя беда в том, что я одна и мне трудно без людей все делать самой. Вера Георгиевна расскажет характер работы, и тогда видно будет тебе, что здесь делается. Кроме того, очень большие неполадки с машиной. Нам даже легковая через день с музеями, а другой день выклянчиваем, что стоит много нервов. Конечно, не успеваем, а сейчас уже 10 машин грузовых в нашем распоряжении для вывоза, а книг нет. Конечно, я

беспомощна, хочу вызывать сотрудников, а здесь неполадки с нашими из Комитета. Я уже писала, что Маневский возомнил себя начальником, подчинил меня, скандалить не могу, жаловаться тоже, и получается ерунда. Это отзывается и на общих взаимоотношениях. Живем недружно, иногда даже враждебно. Хочу как-то уладить — не выходит, уж очень мы все разные. <… >

Письмо вышло уж очень пессимистичное и безнадежное. Но второе я думаю изменится, рассчитываю на свою удачу, а первое действительно отражает настроение. Одиночество заедает, а ты знаешь, что это самое ужасное в моей жизни.

Но ничего, уверена, что скоро напишу лучше. Ничего не пишу о немцах, Берлине. Кое-что писала уже в письмах, а лучше всего до приезда. Кстати, о приезде и не мечтаю, думаю на месяц-полтора здесь остаемся.

Целую Вас всех очень крепко, мои дорогие. Напишите об Адриане, и тогда будет все хорошо. ППС 71650/ Я, мне. Теперь обещают посылать почту самолетами. М.

Берлин, 5 июня 1945 г.

Милый Толик!

Наконец-то свалилась тяжесть с плеч — получила от тебя, Толек, и от девочки Ваши милые письма с сообщением об Адриане. Этот день был у меня праздником. Хотела тотчас же ехать в Росток, но благоразумие взяло верх, и жду письма. Если же не получу до 8-го — то поеду. Благоразумие в том, что:1) не знаю точного адреса; 2) расстояние туда 300 км и дорога неизвестна; 3) машина требует с собой много бензина, а его нет; 4) сейчас у меня срочное дело, которое бросить нельзя. Как видишь, поездка слишком рискованная. А главное, боюсь с ним разъехаться, если он вообще еще там. Конечно, ужасно обидно, что Адриан может опять уехать далеко, но вместе с тем я так счастлива, что он благополучен, что остальное уже неважно. Здесь я насмотрелась многого и вижу, какая опасность была для всех наших людей при взятии больших городов.

О себе. Настроение сильно улучшилось, но все же временами если духом и не падаю, то неприятностей много. Уже много сделали, и все же можно было бы больше, если бы все знать заранее, и дни так быстро бы не летели, когда становится уже поздно. Опять остановка с легковыми машинами — все дела из-за этого затормозились. Приехали Чаушанский[43] из Ленинской и одна сотрудница из Исторической библиотеки[44] — подмога большая, и мне стало легче.

Этот "маленький"[45] немного напоминает Боярскую[46], и поэтому страшновато. Отсюда бывает неестественность,

беспокойство и неуверенность, не говоря уже о связанности. Но все же лучше, чем раньше. Ты был прав, были моменты, когда почти падала духом. Но ведь об этом знаешь только ты, а на вид я всегда бодра и уверена в себе.

Здесь жизнь меняется с каждым днем. Немцы вышли из своих убежищ, освоились с положением, счастливы, что война окончилась, и некоторые из них, если им верить, конечно, благодарны Красной Армии за то, что она освободила их от бомбежек и Гитлера. Расслоение у них большое, но все они не считают себя виновниками войны. Основные улицы очищены от камня, много зелени, и иногда не замечаешь, что по обеим сторонам улиц развалины. По воскресеньям немцы одеваются по-праздничному и выходят гулять всей семьей по улицам разрушенного города.

Как-нибудь еще подробнее опишу их.

Крепко целую всех Вас. М.

Берлин, 18 июня 1945 г.

Милый, родной Талик!

С 13-го у меня Адриан. Много можно говорить о нем, но писать трудно. Замечательный внешне — рослый, красивый, прекрасно одет, загорелый, здоровый юноша. Внутренне — безусловно хороший, но налета ненужного очень много. Конечно, трудно ему будет первое время дома, да и нам не легче. Фронтовая жизнь сильно отложила отпечаток. Пьет по-фронтовому в меру. Не курит. Широта российская — напоминает Ивана Михайловича[47]*. Плевательское отношение ко всему. Жестокость сильная. От нас отвык. Первые дни был чужой и для меня как-то чужд был, сейчас обошлось. Время, конечно, сотрет, но надо подготовиться к тому, что все это время жили мы разными жизнями и понять друг друга будет трудно первое время. Боюсь, что тебе будет еще труднее. Придется чем-то своим внутренним тоже пожертвовать.*

Работать стало лучше, но все же удовлетворения мало. Нет того, чего хотелось бы, главным образам для своей библиотеки, а главное, сильный беспорядок и нет сил все это улучшить.

Адриан уезжает 21-го. Последние дни он мне помогает, а в первые дни я его возила по городу и показывала все достопримечательности[48]*. Открылся здесь ресторан "Москва", и мы его посетили, оставив большую толику денег, — угощал Адриан. Цены наших ресторанов. И такой же гастроном открыт. Ну да это все при встрече. Были у нас принципиальные разногласия с сыном и сейчас остались, немного углы только сгладились. Да, фронтовая жизнь совсем другое, чем мы предполагали, — каждую минуту смерть или новая жизнь. Понять можно, только*

наслушавшись всех описаний.

Крепко тебя и Вас всех целуем. Пусть девочка чаще мне пишет, а то каждый день без писем тяжело. Много, много есть чего рассказать.

М.

Письмо сотрудникам Государственной центральной библиотеки иностранной литературы.

Берлин, 24 июня 1945 г. 10 ч. утра

Милые друзья! Сегодня и вчера сразу получила от Вас письма — Зоя Лазаревна, Зинаида Федоровна, Деляра Гиреевна, Надежда Зиновьевна[49]*. Привет Вам и всем, кто уже написал и еще пишет. Поздравляю Вас всех с Днем Победы. Сейчас по радио передают парад с Красной площади, и так ясно представляю себе Москву, украшенные площади и улицы и ликующий народ. И Вы среди него. Мне очень обидно, что в эти мирные исторические дни я так далеко от своих. Хотелось бы бросить все и быть в родной Москве. Ведь такие дни на всю жизнь глубоко врежутся в память. Будущее воскресенье мы тоже ждем парада, но не знаю, удастся ли нам, приезжим, там быть. Ну да разве можно сравнить этот день у Вас с днем здесь! Лирику в сторону…*

<">

Пришла ли первая партия книг? Не пропустите первоочередность. Книги эти не те, о которых мы мечтали. Но не отказывайтесь и от них. Кстати, Зоя Лазаревна, возобновите дружбу с Карагановым[50] *— они смогут нам помочь в получении книг других государств. Сейчас у них возможности есть. В этом Вам сможет помочь Чекина*[51]*. Только проявляйте инициативу и настойчивость.*

Конечно, самое главное — помещение. А может быть, стоит перед Прониным[52] *совместно с Комитетом*[53] *поднять вопрос о новом помещении в центре и в 5000 кв. м? Оборудовать его будет легче через трофейные управления. Наряду с этим — выселение УВЭР. Чтобы все это сделать — надо соответствующее постановление Совнаркома Союза. Комитет через Пронина это сделать сможет.*

Нет слов, как я жалею, что не в Москве сейчас. Именно сейчас, как никогда, можно добиться для нашей библиотеки многого. Но я верю в Вас, иначе не может быть, иначе мы не работали бы вместе. И Вы все соединенными силами — добейтесь. Держите меня в курсе Ваших хлопот. Может быть, я отсюда смогу помочь. Чекиной я пишу сегодня же.

Теперь о нас. Не могу быть многословной. Работы по-прежнему много, но сейчас уже второе воскресенье отдыхаем — приходим к заключению, что без отдыха и работоспособность падает. Сделали

очень много, и все же результат нас не удовлетворяет. Для нас до сих пор ничего интересного. Разрешила вопрос с размножением материалов — Зинаида Федоровна может радоваться и знать, что библиотечная сеть[54] *будет обеспечена своевременной отправкой наших материалов. То же и с размножением карточек. Достала специальное оборудование, думаю, что и нам будет, если будет надобность. Так что, Надежда Зиновьевна, исполнилось твое желание. Теперь занимаюсь стальными полками для нас — пока как будто удается. Если все будет в порядке, то в Столешниковом в обоих залах будут установлены 3-ярусные стальные стеллажи и в первую очередь проблема хранения у нас будет разрешена. Библиотечных карточек и микрофильмов пока не нашла, но ищу. Так что с оборудованием неплохо, а вот главного нет — книг по филологии, исторической литературы, Tauchnitz edition и т. д. Напишите о Николае Ивановиче.*

О себе. Приезжал Адриан — и радовал, и печалил, уж очень много наносного от фронтовой жизни, нам непонятного, в себя впитал. Сейчас забота — продолжить его учение. Рослый, крепкий, красивый, элегантный — мне даже неловко было за свой вид. Приезжал с ординарцем, на лошадях — и мой, и не мой. Уехал вчера, и грустно стало, когда-то возобновится вновь мирная жизнь для фронтовиков! Его приезд был неожиданным, но в этом увидела его энергию и силу жизненную — для них это очень трудно. Но по нему вижу, как сложно будет нашим фронтовикам переключаться на мирную жизнь. И нам тоже будет трудно наладить с ними совместную жизнь. Единственно на что я надеюсь, что, возможно, с них слетит это наносное, как и нашло… Удивлялась своим переживаниям; верней, переутомление нервной системы за все эти годы отравило острые чувства радости, и свидание с сыном в Берлине прошло обычно. Думаю, что такого случая здесь не встретишь — мать встретилась с сыном-фронтовиком. Зато на него произвело сильное впечатление мое звание подполковника. Снимались, если выйдет хорошо — пришлю Вам.

Живем по-прежнему на даче, я целый день в городе. Здесь же Чаушанский и Дорогутина из Исторической библиотеки, но они живут отдельно. У нас небольшой дом, у меня отдельная комната. Обслуживает нас девушка Оля из Украины, у нас же живет. Адриан жил эти дни тоже с нами. В саду у нас масса ягод — поспела смородина, поспевают вишни. Но все очень кислое, и некогда собирать. Масса цветов. В первые дни — сирень, потом пионы, маки, жасмин, а сейчас розы. Я в своей жизни столько не имела роз, сколько сейчас у нас в комнатах. Теперь у нас своя машина, но одной не хватает, и все зависим друг от друга. Город

преобразился — улицы очищены от камня, а разрушения как-то не замечаем. Много зелени, которая закрывает убожество когда-то блестящего города. Немцы иногда показывают свои коготки, но в общем по-прежнему подхалимничают. Острота ощущения первых дней уже прошла, и не обращаешь внимания на то, что еще недавно поражало. Но наши девушки — бойцы-регулировщицы — по-прежнему поражают своей организованностью и смелостью. Достопримечательности как будто все видела, второй раз уже с Адрианом — разрушенный Рейхстаг, разрушенные комнаты в канцелярии Гитлера — его кабинет, комнаты приема, ожидания, залы и др., дачи крупнейших СС — жаль, что они сами не полюбовались на свои "творения". Но восстановление идет быстрым ходом, хотя город вряд ли восстановим.

Кланяйтесь всем, всем, всем. Крепко, крепко всех целую, кого можно.

Ваша М.Рудомино. Привет Марусе. Тане и Арише[55].

Письмо семье.

Берлин, 28 июня 1945 г.

Милые мои родные! Толек, вчера вечером получила твое письмо. Хотя о Вас и не беспокоилась, но все же с 1 июня никаких новостей не имела. Мне хочется узнать поподробнее о Вашей жизни. О Ляле, Сереже, Марусе, о здоровье (подробнее) Анны Ивановны, об огороде, даче, соседях, работе, снабжении, ценах и т. д.

*Что же о себе? Адриан уехал в эту субботу, т. е. 23 утром. Уехал опять на своих 3-х лошадях, в бричке, с ординарцем Васькой. Снимались фотоаппаратом, который он уже привез, но карточки еще не готовы — при шлю, если выйдут. Когда он был у меня эти 9 дней, то мне хотелось, чтобы он скорее уехал, так как это здорово мешало нашей работе, тем более, что это было в последние дни переброс*ок[56]. *Но, когда он уехал, стало очень тоскливо и пусто. Конечно, втихомолку всплакнула, жалею, что многого не досказала, не расспросила. По существу, он тот же хороший мальчик, но наносного фронтового в нем много — грубость, жестокость, отношение к жизни, выпивке и т. д. Он поехал догонять своих, которые, вероятно, в Познани. Предполагает, что их армия останется наводить порядок в Польше. Это малоприятно… Но он вынес столько опасности и близкой гибели, что мне кажется, что теперь он гарантирован. Хотя все же страшновато за него. Моментами по характеру он напоминал Сергея, то чего я всегда так боялась и не хотела. Но может быть, это и не так Только не смотри по моим письмам — разочарование. Это не так. Я очень рада, что его видела, и люблю его еще больше. Надо его вырвать для учебы, и из него получится крепкий и дельный*

человек

Сама я стала лучше, так как нет все же такого напряжения. Спешка кончилась в первой стадии. На днях еду в Дрезден и Хемниц, там обнаружена миллионная библиотека. А в общем до сих пор от работы удовлетворения нет. Не те книги, не те. Зато хорошее оборудование. Ну да посмотрим. До 1 августа наверняка, а там будет видно.

Крепко, крепко целую.

Письмо к Василию Николаевичу Москаленко.

Берлин, 2 июля 1945 г.

Милый Толинька. Твое теплое письмо от 19 июня по почте получила и была очень рада. Оно сильно согрело. Последние дни настроение очень поганое. Взаимоотношения обострились вновь и отражаются на всем укладе жизни и на работе. <">

По плану нашей работы: окончить обследование нашей стороны[57] *— примерно 20–30 библиотек, объездить маленькие города вокруг Берлина, поехать в Дрезден, Хемниц, Лейпциг и, может, быть, в Штеттин, Франкфурт*[58] *и др. После этого привести все фонды и материалы в порядок, добиться эшелона и отправиться домой. Это самое трудное, так как вывоз рассчитан на три года, и когда мы получим вагоны — неизвестно. По этим вопросам в группе разногласия. Ну да шут с ними! Завтра, 3 июля, собираются гости, вино и консервы есть. Думаем сварить варенье. Жаль, что пирога не будет. Но давай договоримся. Когда приеду, Анна Ивановна нас угостит именинным пирогом и справим тогда уже все вместе — и Победу, и 3 июля, и все остальное. Хорошо? <">*

Крепко, крепко всех Вас целую. Пишите чаще.

М.

Письмо семье.

Берлин, 4 августа 1945 г.

Милые мои!

<…>Встала пораньше и пишу Вам <…> Теперь о возвращении. Дел еще очень много, до сих пор не ездила в Тюрингию, а там для нас есть интересное. По Берлину тоже не окончено, многое не упаковано, не свезено на базу. Августовский план вошел в общий план Комиссии[59]*.И здесь, вдруг, совершенно неожиданно — письмо из Комитета за подписью нового зама Комитета Морозова об откомандировании всех нас в Москву, уполномоченным на базе остается Поздняков, а Маневский, которого до сих пор нет, должен передать базу (?) и потому вернуться и остаться здесь до 20 августа. Надо сказать, что я ничего не понимаю, но думаю, что это и есть <результаты*[60] *деятельности М<а-невского>. Теперь во мне два чувства борются*

— домой хочется ужасно, как никогда, но бросить все — все 3 месяца работы с опасностями для жизни смахнуть — глупо, безответственно и негосударственно. Своим работникам до сих пор не сказала. Ждала Коваля[60]*, который только прилетел. Вот такие дела — теперь ты в курсе дела.*

Ждут с машиной ехать в Берлин и письмо до одиннадцати утра надо передать. Крепко, крепко всех целую.

М.Рудомино

Письмо к Василию Николаевичу Москаленко.

Берлин, 22 августа 1945 г.

Милый Толек — неожиданно вчера приехал Адриан. У него направление в Ин<ститут> ин<остранных> яз<ыков>[61]*, куда он должен прибыть к 1 сентября. Но он решил попутешествовать по Европе и приехать в Москву в сентябре. Сейчас он у меня, и сегодня на три дня едем в Польшу по моим делам. На будущей неделе, возможно, осуществим поездку в Тюрингию тоже по моим делам. Дел еще очень много, но ехать в Москву, видно, надо. Хотя я считаю, что это неправильно и здесь надо было бы остаться надолго — но себя в жертву приносить не стоит. Люди не видят, а история тоже не заметит. Одним словом, во второй половине сентября жди нас. Домой очень хочется. Очень довольна, что Адриан попадет домой.*

Я уже писала, что ты можешь телеграфировать мне: Берлин-Орех-Комиссия Сабурова-мне.

На днях переезжаем в Потсдам, но работать по-прежнему будем там же. Далеко не знаю, хорошо ли получится. Как девочка, Анна Ивановна? Пиши мне по почте на ту же ППС.А что с Библиотекой? Беспокоит меня отчаяние и портит здесь жизнь.

Целую крепко. М.

После долгого перерыва, связанного с тюремным заключением Сергея, я встретилась с ним осенью 1945 года в поверженном Берлине. Оба мы были там в командировках — я по книжной линии, Сергей — по ракетным делам. Встреча была неожиданной и радостной. Внешне Сережа изменился мало: немного похудевший, меньше блеска в глазах, но такой же нетерпеливый, настойчивый и быстрый. В августе 1945 года Василий Николаевич писал мне в Берлин о возвращении Сережи из Казани, где он работал после освобождения: "Сейчас в Москве Сережа. Прилетел со своим самолетом. Возможно, будет участвовать в параде. Настойчивость все же победила". Я же в свою очередь описывала мужу встречу с Сережей в Берлине, рассказывала, как водила его к известному берлинскому портному Шторху шить ему костюм и какой он стал интересный в штатской одежде. Примерно в это самое время ко мне приехал в

Берлин и Адриан. Мы встретились все втроем и в один из его приездов ко мне в Потсдам сфотографировались. Сережа говорил, что прежде у него были только любительские фотографии, а это — первая настоящая после большого перерыва, да еще в Германии.

Письма к Василию Николаевичу Москаленко:

Берлин, 25 сентября 1945 г.

Милый Толик.

Как видишь, выехать с Адрианом не удалось, и не знаю, что будет дальше. Мы примерно в том же состоянии, что и два месяца назад. Тогда поставили себе срок 1 октября. Теперь он подошел, и новая неожиданная перспектива открылась и бросать ее — преступление. В связи с земельной реформой[62] *— наплыв книг в имениях. Своими силами поднять — немыслимо. Уехать — значит закончить работу здесь, т. е. вряд ли из Москвы выберемся. Требуем новых людей — специалистов. Если это выйдет, то работа не приостановится, и каждый из нас поедет домой: или в командировку, или совсем. Все мои работники измучили меня своими планами, тоской и желанием уехать. Я в том числе. Уехать можно быстро, бросив все. А приехать обратно трудно — не вырвешься из московского водоворота, психика изменится, когда на весах будет библиотека и Берлин. Мы собрали много — ознакомься с материалами, которые я передаю через Адриана, и дальнейшие возможности большие. Сегодня иду на прием к генералу за помощью — добавить людей. Здесь сейчас группа бибработников — 8 чел. Из Библиотеки Академии Наук, здесь Симановский*[63]*, из УССР — приехали все только сейчас, а нам уезжать все же непростительно будет. Буду просить генерала*[64] *в октябре меня отпустить в командировку или, если будет замена, — то совсем. Вот такова ситуация.*

А вообще живу исключительно нервами. Обстановка и сейчас тревожная — и дела, и взаимоотношения с соседями, и Адриан, и вообще всё — слишком много для одной. Близких здесь как-то нет. Подружилась было с Арбузовым[65]*, но он очень скоро уехал, многие старые мои из Нейхагена — тоже уехали, и как-то оказалась одна. Есть несколько людей — но как-то с ними не выходит. Еще плохо то, что опять без машины. Исключительно в зависимости от других. Рассказывать будет много о чем. Адриан — умный парень и дельный. Он мне устроил сейчас с одной библиотекой замечательную вещь, привезя ее на наш склад*[66]*. Ездили 2 недели по Германии, были в 10 городах. Поездка удачная. Много повидали и много сделали. Об этом расскажет подробно Адриан. (Хотя он немногословен, разве если выпьет.)*

Видела на днях Сережу. Все тот же. Корейшу[67] *тоже раз*

видела, живем в разных местах и встречаться трудно. Пишется сегодня плохо. Кончаю.

27. IX. Сегодня уезжает Адриан. Немного беспокойна, что едем не вместе. Вчера была на приеме у генерала, и он мне предложил поехать на несколько дней в Москву для выяснения принципиальных вопросов о дальнейшей нашей работе. Самолет на будущей неделе. До этого мне надо съездить в Магдебург и отправить грузовую машину в Лейпциг. Думаю, что в 5–7 дней все сделаю и прилечу, а там решим. Командировка у меня до 1 января, отсюда отпустят на 7–8 дней, но что Москва скажет — неизвестно. Но при всех случаях вывезти, что отобрали, необходимо. Так что для эшелона мне придется вернуться при всех условиях, а о дальнейшей работе скажет Москва.

Хотя Адриан и скуп на слова и будет этим тебя сердить, но он расскажет о нашей жизни. Самое ужасное — спешка, при этом ежеминутная, начинаю думать, что это свойство моего характера, что осложняет мою жизнь, но зато дает результаты. Даже письма толкового написать не могу, т. к. тороплюсь. Мне даже не верится, что через неделю буду у вас. Боюсь только, что психика изменится, и я не буду настаивать на отъезде обратно, что будет преступно.

Крепко, крепко целую. Очень люблю и очень соскучилась. Привет Анне Ивановне и всем.

М.

Берлин, 14 октября 1945 г.

Милый, родной мой друг! Хотела быть эти дни дома, а опять задержка. Обещают дать самолет 20-го, и вместе с книгами прилечу и я. Очень хочу быть 23-го с дочкой моей новорожденной. Если бы ты знал, до чего я истосковалась по тебе и по всем Вам, моим близким. <…>

На днях была на приеме у высшего начальства. Решили организовать бригаду специалистов (6-10) и начать вновь более организованный отбор. Возможностей масса, но людей нет. Фактически, мы втроем ("книжники") всю работу проделали. Специально для этого еду в Москву и там же решу, буду ли я продолжать работу или ситуация с моей библиотекой такова, что я должна буду остаться. Для себя решила — прекратить терзания здесь и решить все в Москве. <".>

Как хочется скорее быть вместе. Это, кажется, впервые за 22 года мы расстаемся совершенно на полгода. Все остальные разлуки были рядом, и переписка была интенсивнее. Что значит жизнь!

Крепко Вас всех целую и хочу, хочу, хочу, хочу, хочу, хочу, хочу домой.

М.

Из берлинской записной книжки. Вопросы для телефонных разговоров с Москвой, ноябрь 1945 года.

I. Добиться новых работников в Берлин:

1. Для обследования имений.

2. Для покупки книг в разных городах Германии.

3. Для выявления книжных коллекций для репарационных целей.

4. Для сопровождения эшелона.

5 Для вывоза книг из шахт.

6. Для обследования бесхозного книжного имущества, согласно приказу Жукова от 30.X.1945 г.

II. Получение денег на покупку книг в Германии[68].

<_>

3) Издание в Лейпциге матрицы работ ГЦБИЛ.

4) Крытые вагоны для эшелона.

5) Вопросы, связанные с пересылкой книг в Москву — передача, хранение, распределение по библиотекам.

6) Аванс на содержание аппарата в Германии.

7) Шахты[69] — постановление ЦК.

8) Заказ для ГЦБИЛ — мебель.

9) Выяснить вопрос с "Deutsche Bűcherei".

Изъятие:

1. Всей литературы, издававшейся фашистским правительством на территории временно оккупированных областей СССР;

2. Всей эмигрантской литературы, издававшейся на русском языке в Германии, начиная с 1917 года.

3. "Советики" — книг о СССР, изданных в Германии с 1933 г.

10) Выяснить вопрос о Прусской библиотеке — какие части брать из эвакуированных по репарации или изъять.

11) Об издании книг на русском языке в Германии для СОВВГ [70] (матрицы). Присылка книг через ОГИЗ — для СОВВГ — Телегин, Шикотенко (Юдин)[71].

12) Фирма Mannesmann — Наркомат местной промышленности (зам. наркома Непомнящий). Организовать выпуск библиотечной продукции в Куйбышеве (?).

13) Заказ обзоров немецким специалистам (библиотековедение, библиография, книговедение, изучение иностранных языков, современная литературы и др.).

14) Издание 2–3 библиографических указателей по раскрытию содержания книжных фондов ГЦБИЛ — получить разрешение ЦК (отдел печати) и привести рукописи.

15) Заказ Комитета культуры на имя ген. — лейт. Бокова (члена Военного совета СВА в Германии) на периодические

издания Германии на 1946 г. для крупнейших библиотек СССР.

16) Получить разрешение СНК на приобретение машин для Комитета.

17) Разрешить вывоз отобранной литературы из Кенигсберга.

18) Получить издательский экземпляр из издательства "Шпрингер" для библиотек Комитета — Скородумов, Иваненко, Фигуровский[72].

19) Документ, оформляющий ввоз в СССР, — постановление — ЦК — Пронин, Александров, Косыгин, Горкин[73].

Письмо к Василию Николаевичу Москаленко.

Берлин, 8 ноября 1945 г. 6 ч.в.

Любимый мой! Целыми днями с тобой мысленно и осязательно. А сегодня как никогда чувствую тебя около себя. Чувствую твои плечи, обнимаю тебя, и так близко ты духовно, сердце разрывается от близости к тебе. Второй день праздника. Сегодня как-то лучше, днем занималась, приводила свои дела в порядок. Быть одной в такие дни очень тяжело. И кругом такие же одинокие. Ничего праздничного не было, никакого банкета, никакого коллективного обеда, ужина, каждый сам по себе. Четвертого мы уехали в командировку. (Елена Сергеевна[74], Чаушанский и я). Была очень интересная поездка. Впервые были в маленьких деревушках, ездили по проселочным дорогам, кушали чудесные яблоки и торопились к 6 ноября обратно. Нашли наши книги из Софийского Собора Новгорода, заезжали в Лейпциг, где надо было остаться, но вовремя б-го приехали домой. А оказывается вся спешка зря. Ничего и никто. Так что ужинала в своей генеральской столовой совершенно одна. Обидно было до слез. Вчера трапезничала компанией, но все думали о своих, о Москве, и всем хотелось одного — плакать. Многие и поплакали, сильно напившись, ну а мы предавались в одиночку воспоминаниям о своих. За эти дни лишний раз убедилась, как ты вошел в плоть и кровь (я, кажется, когда-то это писала уже тебе) и как без тебя пуста вся жизнь. <".> Сплю я плохо, очень рано просыпаюсь и больше не могу заснуть. Так было и на этот раз. Проснулась, точно меня кто-то толкнул, и мысль была одна — почему мне не поехать 10–12 с самолетом, на котором Елена Сергеевна везет наш второй груз. Еле дождалась утра, чтобы сообщить Елене Сергеевне. Вчера и сегодня приводила все в порядок, что взять, что оставить. Все дело в М<аневском>, чтобы не возражал. Они оба[75] в Берлине и на праздники сюда не приезжали. Завтра утром буду говорить. Если все же будет протестовать, то Елена Сергеевна едет на днях и добьется от Зуевой письменного вызова на имя генерала Зернова[76], и в середине ноября буду при всех обстоятельствах в Москве. Мне как-то совестно перед Адрианом, что я так уверила его, что буду в

октябре в Москве. Но обстоятельства были выше меня. Кто думал о Комиссии[77]*? И кто мог знать, что М<анев-ский> начнет агрессию? Как он мне испортил здесь и жизнь, и помешал работе. <…>*

*Целый день слушаю песни из Москвы — и так близки они нам, и так хочется своего, русского. Хотя мы мало общаемся с населением и далеки, но все же надоело все немецкое, все не наше, непривычное. По радио ловим только наши передачи. Даже кино предпочитаем наше. Недавно смотрела "Без вины виноватые" с участием артистов МХАТ. Смотрела с интересом, но без особого восторга. <."> *

Целую крепко. Твоя М.

В конце декабря 1945 года я летала в Москву с отчетами и встречала с семьей Новый, 1946 год. Возвратившись в середине января 1946 года в Берлин, я позвонила Сергею, и он тотчас же приехал ко мне. Несмотря на свою невероятную занятость, он бросил все и всех, горя нетерпением узнать о своих и получить от них письма. Почти целый день мы были вместе.

Опять он был таким же энергичным, радостно поглощенным своей работой, целеустремленным и с ярким блеском черных глаз — таким я помнила его в молодые годы.

Письмо семье.

Берлин, 19 января 1946 г.

Милые мои! Уже почти неделю здесь, и некогда было даже подумать, так сразу окунулась в работу. Здесь как-то спокойно. Комната моя в полном порядке, все на месте. Погода стоит чудесная — масса солнца, хотя я его мало вижу, т. к. целыми днями в Берлине. Машину мне дали в полное мое распоряжение. Это много значит, и я могу не быть связанной с музейщиками. Они себе тоже достали машину с немцем шофером, так что все в порядке. Единственно, что угнетает — отсутствие людей. За это время выявилась масса возможностей и книг в десять раз больше, чем мы собрали за семь месяцев. У генералов я еще не была, т. к. недостаточно ориентирована и не знаю ответа Москвы о людях. Жду с нетерпением Стефанович[78]*, она тоже поможет сильно.*

Сегодня еду в Дрезден и в Тюрингию дней на 6–7. После приезда буду звонить в Москву Кузавкову, или Александрову[79] *— надо что-либо решать. Если люди будут — работа пойдет по одному, если не будут — по-другому. С эшелонами как будто все в порядке, обещают в начале февраля отправить.*

В квартире у нас очень тепло, опять ванна, горячая вода, мечтала бы иметь у нас то же самое. Все время думаю, как хорошо смог бы ты, Толек, отдохнуть здесь и провести свой отпуск, да еще при такой погоде. Тихо, светло, тепло, уютно… А м.б., можно

было бы сделать?

Напомни Адриану, Гофлину[80] о дровах Хавкиной[81] — обязательно надо старухе завезти сейчас.

Жду обещанных писем девочки. <". > Пишите и не сердитесь.

Думаю о Вас. Крепко всех целую. М.

PS. Сережа на днях был у меня. Он по-прежнему.

Во время своего приезда в Москву в декабре 1945 — январе 1946 года я навестила пожилую и больную Любовь Борисовну Хавкину — нашего крупнейшего теоретика библиотечного дела. Мне было очень приятно ее увидеть, она знала мою деятельность по созданию Библиотеки с самого первого дня и всегда поддерживала меня в моих начинаниях. Уже в Берлине получила от нее письмо.

Дорогой друг Маргарита Ивановна.

Не могу найти достаточно слов, чтобы выразить ту радость, которую мне доставило Ваше посещение, родная моя. Я очень внимательно проштудировала Ваш доклад и отвечу на него лишь двумя от глубины души словами: "Горжусь Вами". Неизмеримо горжусь, моя библиотечная доченька. Хотелось бы мне присутствовать на Вашем юбилее, чтобы рассказать во всеуслышание в качестве свидетеля "рождения замечательного библиотекаря" из юной девушки и роста ее деятельности не по дням, а по часам на благо дорогой Родине и любимой специальности. Вряд ли, однако, я доживу до этого. Пусть тогда за меня Вам все расскажет мой последний большой научный труд — "Словарь терминов" — посвященный Вам, и пусть он всегда напоминает Вам о крепких узах двадцатипятилетней дружбы, соединявших нас и никогда не омраченных ни единым облачком, а также — о моей глубокой привязанности и благодарности Вам. Посылаю Вам копию отзыва о Словаре, которой я тогда сразу не нашла, хотя она была в той самой папке, где я ее искала, — настолько я ослабела.

В тот день, когда Вы были у меня, топилась печь, так как должен был к вечеру приехать мой консультант, который с 1954 года "выцарапывал" меня из всех трудных болезней. Теперь он работает в другой поликлинике, и я приглашаю его в порядке частного вшита. Он был поражен тем, что за десятидневный промежуток после его предыдущего посещения я еще больше похудела и ослабела, хотя по ходу болезни имеются улучшения. Он настаивает, чтобы сейчас на первый план поставить лечение от истощения сил и в частности внутривенные вливания глюкозы. До сих пор мы от этого воздерживались, п.ч. в моей поликлинике теперь вливания делает молоденькая медсестра, а не врач, и ей рискованно довериться. Причину моей замедленной поправки я сама

знаю, но врача не хочу в это посвящать: это недостаток тепла для моего организма, ослабленного возрастом, долголетней большой нагрузкой работы, отсутствием за годы войны отдыха на воздухе и перенесенными за этот период, как Вы знаете, неоднократными заболеваниями, сделавшими меня инвалидом…

Еще раз крепко обнимаю Вас. Горячо любящая Вас Л.Хавкина.

Письмо семье.

Берлин, 23 января 1946 г.

Милые мои! Случайно оказалось свободное время — машина ушла за горючим и, как полагается, пропала, в то время, когда каждая минута дорога… Поэтому могу Вам написать. Первое мое письмо Вы, наверно, уже получили с описанием первых дней в Берлине. Повторю кратко: долетели за 6 с лишним часов Москва — Берлин; конечно, тошнило и было бы очень плохо, если б не так быстро была посадка. Мучил еще и холод. Вообще замерзаю здесь, и главное ноги. Хожу в полуботинках, без галош, хотя и в шерстяных чулках. Приеду в Берлин — займусь сапогами, иначе пропадешь. Дома застала все в порядке — все на месте, чисто, тепло, уютно. Столовая та же и очень хорошая. Люди почти все новые, старых очень мало. Впечатление от дел — как будто и не уезжала — всё на том же месте. Ни один наряд не выполнен, ничего не привезено. За это время отдел народного образования активизировал работу, но боюсь, что для себя, а не для нас. Наши эшелоны должны быть в феврале. 19-1. выехали все трое — Чаушанский, Лазебный [82] *и я в Дрезден. И здесь очень много впечатлений. В Дрездене и его окрестностях впервые. Д<резден> разбит почти весь — полностью разрушен центр, так что не осталось ни одного дома, разрушен больше, чем Берлин.*

Рассказывают, что все разрушено было за два налета, в феврале 45 г. с 10 до 12 ч. ночи и тотчас после часового перерыва с 1 до 4 ч. утра. Видно, что город когда-то был красив и лучше Б<ерлина>. Ездили по отдельным городкам Саксонской Швейцарии, по Эльбе. Очень красиво. Узкая дорога по берегу Эльбы, и с обеих сторон горы с лесами. Попадаются живописные деревушки и дома. Много курортов. Сейчас зимой, конечно, менее красиво, но все же запоминается сильно. Доехали до самой границы с Чехословакией. Снега мало, но дети на лыжах. В чудесную погоду попали — синее небо и яркое солнце, но холодно и скользкая дорога. В результате попали в аварию, почти катастрофу, но отделались только испугом. При повороте машину отнесло так, что шофер, чтобы не перевернуться, поехал прямо в обрыв около реки, машина сбила железный шлагбаум, упала вниз на 2–2,5 метра, на счастье, сбоку сдержало дерево, машина не перевернулась, сбила забор и остановилась. Мы все считали, что конец, и вдруг все оказались

невредимыми и машина только поцарапалась и даже мотор не испортился. Какое-то чудо. Главное, впереди через пять метров мост высотой 5 метров и внизу бурная река. Вытаскивать машину было очень трудно, пришлось пятитонку использовать, которая на канатах с помощью 10 человек наших и немцев подняла машину на дорогу. Приехав в комендатуру, выпили за счастливый исход и начали свое летосчисление с воскресенья 20 января…

Осматривали интереснейшую крепость XIII века, которая была лагерем для французских военнопленных в последнюю войну и откуда бежал в 1942 году Жиро[83]. *Высота совершенно неприступных стен по прямой — 270 метров. Колодец вырыт в 1566 г. — глубиной 150 м. Стариннейшие проходы были проделаны ручным способом. Вид сверху' изумительный. Много исторических событий было там, колодец имеет свои легенды.*

Очень интересный замок, где Гитлер укрывал свои драгоценности, а также Дрезденскую галерею. Все было бы хорошо, если бы не так холодно. Главное — ногам.

Хотя все время на машине, но состояние замерзания даже в теплой кровати не проходит.

Сейчас еду в Берлин, где думаю застать Стефанович, и поеду дальше в Тюрингию. Возможностей много, но без людей толку мало.

Крепко, крепко Вас целую. М.

Письма к Василию Николаевичу Москаленко:

Берлин, 7 апреля 1946 г. 11 ч.у.

Милый Толик!

По серьезному, планы у меня таковы: в апреле отправить эшелон из Дрездена, в мае — из Берлина, потом поехать в Вену, Прагу, Будапешт и в июне домой. Хватит. И мне что-то стало противно. Все это хорошо, но только до поры до времени. Этот мой приезд гораздо спокойнее, т. к. нет моих двух "товарищей" — один уже в Москве. Это не случайно, что он не позвонил тебе, — ничего я плохого ему не сделала, но, вероятно, совесть у него есть. <…> Второй — живет в Б<ер-лине>, и мы мало с ним сталкиваемся. Он внешне очень переменился, но внутри, конечно, такой же. Но главное, я из-за него не нервничаю, потому что вижу его ничтожество.

Надо заканчивать. Сегодня воскресенье, и я все время думаю, что Вы делаете. Этот приезд я очень одинока, кругом почти никого нет, а то, что есть, — далеко. <…>

Только бы вывезти эшелоны поскорее. Боюсь неожиданностей, которые сейчас бывают… Настроение от работы разное — когда я сажусь в машину в 8 ч. утра и вылезаю совсем осовелой в 9 ч, — 10 ч. вечера — тогда большое удовлетворение, и хотя трудно и

тяжело, но знаешь, что сделано много. Если же я сижу из-за машины или кого-либо жду, или еще по какой причине в Берлине, как последнюю неделю — то кроме злости на себя и раздражения за потерянное время — ничего нет.

<…> Сегодня холоднее и пасмурнее, но сижу и пишу при открытом окне, масса цветов в комнате. Очень красивые ветви желтых цветов по типу вербы. И такие кусты во всех садах — как вишня в цвету. Очень красиво. Надела новое платье — тебе очень понравится. Делала его у первоклассной портнихи, оно по-настоящему красиво. Сама рада. Твой костюм я до сих пор не получила от Шторха[84].

Целую М.

Берлин, 1 мая 1946 г. 7 ч. в.

Толик, мой родной! Вот и первое мая, а мы еще не вместе. Грустно и тоскливо. Так хочется опять быть вместе, тихо и спокойно посидеть у меня на диване или погулять по шоссе в Барвихе. Теперь уже скоро. Даже если бы я захотела сама еще задержаться, то нельзя, все свертываемся и в мае уезжаем. Меня только задерживает вопрос о поездке в Вену и Прагу. С одной стороны, не время и трудно организационно, а с другой стороны, думаю, что вряд ли еще будет возможность посмотреть эти города. Пока еще не решила. Если и поедем, то это займет 10–15 дней, думаю, что при всех условиях дома буду в конце мая — начале июня.

Можешь порадоваться за меня — вчера закончила погрузку в Дрездене, и так как отправка будет числа 5-го мая, на майские дни решила приехать к себе и ночью приехала. Конечно, на вечер опоздала, но сегодня хоть у себя в комнате. Радио, письма и относительный уют. А то последние недели все время в чужих номерах, да еще не кормят, и бывали сутки, что только один хлеб был. Но это не так плохо. Я уже немного похудела, а то ни в один костюм не влезала и боялась, что ты такую разлюбишь. Ты ведь всегда предпочитал худых, а не толстых. Мне иногда кажется, что ты меня разлюбил, и так страшно становится за дальнейшую жизнь. Много, много думаю о тебе и всегда с тобой. Мне думается, что ты не веришь… Слишком мы с тобой крепко связаны за двадцатидвухлетнюю жизнь, чтобы за год могла связь ослабеть. Жалею, что не удалось мне тебя заполучить сюда, но я сама понимаю, что положение дома делает это невозможным. А помимо этого и трудно сделать. Сергею удалось, т. к. он остается. Когда Ляля[85] *собирается? Хотелось бы ее здесь повидать.*

Давно мне хочется тебе написать о весне на юге. Очень напоминает наш Кавказ. Присутствовала на всем периоде перехода зимы к весне и пробуждения природы. Сейчас уже весна в разгаре.

Распустились персиковые, вишневые, яблоневые и др. деревья. Все в цвету. Очень красивы декоративные кустарники — желтые, розовые и лиловые. Такие я только на фото видела — все ветви точно снегом запорошены, цветочки вроде маленьких розочек. Особенно поражает в разрушенном Дрездене. Едешь по улице среди развалин и вдруг видишь лиловое или розовое дерево. Как-то даже страшно становится. А сейчас полностью распустился лес — зеленый цвет всех тонов. Красивы магнолии, которых масса почти в каждом саду. Масса цветов на клумбах. Так захотелось домой, посадить у нас цветы. Осенью обязательно надо кустарником засадить сад — очень красиво и не так хлопот много. Ты просишь клубней тюльпанов, а их здесъ-то и нет, или очень мало, это скорее северный цветок. Красивы здесь азалии, но я не знаю, как их привезти, летом клубни перевозить нельзя, а семенами нам трудно вырастить. Придется лучше за счет наших ботанических садов. <…>

3 мая 1946 г. 7 ч. в.

Перечитала твое письмо и как-то не по себе стало. Описывая природу, не сказала главное — что она сама по себе, а я сама по себе. Все это время настолько некогда было, что не до красот. Вообще, Талик, боюсь и ехать — я стала как сумасшедшая, раздражаюсь из-за любого пустяка. Накидываюсь на людей, и главное — ужасное, гнетущее состояние.

<…> *Письмо кончаю, т. куже ждут. Поздно, а завтра в 5 ч. утра ехать в Дрезден.*

Крепко, крепко всех целую. М.

В мае 1946 года к Сергею в Германию приехали жена Ксения Максимилиановна с дочерью Наташей, уже одиннадцатилетней девочкой. Летом мы часто бывали друг у друга, ездили на экскурсии и совместно проводили воскресные дни. В фотоальбоме у нас много фотографий встреч того времени. Хотя Сергей большей частью был занят, но мы находили время для бесед, и что-то новое открылось мне в Сереже в эти месяцы нашего общения, и я по-настоящему почувствовала его незаурядность.

Служебный документ.

"АКТ

1 июля 1946 года мы, нижеподписавшиеся, начальник книжной базы СВА Германии на заводе АЦЕТА подполковник Гаврилов Т.К. и Уполномоченный Комитета Культуры при Совете Министров РСФСР в Германии подполковник Рудомино М.И. составили настоящий акт в том, что согласно приказу маршала

Соколовского, подполковник Гаврилов сдал, и подполковник Рудомино приняла книжные фонды на базе СВА в количестве 17 объектов общим числом около 970 000 книг, причем около 20 000 подлежат упаковке, а часть (около 20 тысяч) переупаковке. Библиотеки гр. Шенебург из Вальденбурга (ок 30 000 книг) и герц. Мекленбургского (из г. Шверин) — ок. 5 000 кн. подлежат предварительному просмотру представителей Отдела Народного Образования СВА для отбора литературы, предназначенной для библиотеки СВА в Германии.

Берлин. Подполковник Гаврилов
Подполковник Рудомино".

Письма к Василию Николаевичу Москаленко:

Берлин, 9 июля 1946 г. Талик, мой милый — не знаю, с чего и начать, так много разных событий. Давно хочу тебе написать подробнее о своей жизни и все как-то не выходит. Теперь, когда приехал Адриан[86]*, уже совсем времени не стало.*

На этот раз начну с себя. В апреле — начале мая я тебе писала, что стало страшно — это действительно так[87]*. Но после отъезда М<аневского>, здорово все изменилось. Перестала нервничать и внутренне для себя решила немного заняться собой, чтобы хоть мне быть дома здоровой и сильной. Удалось. Как-то получилось так, что работа стала не такой напряженной, я смогла к обеду возвращаться регулярно домой, и в результате здорово поправилась. Нагнала все свои потерянные кило и сейчас просто толстая стала. Настроение хорошее, бодрое. Нервы как будто в норме. Так что все твои пожелания в письме ко дню рождения выполняю. Осталось только — выполнить срок возвращения домой, а именно 16 июля — это трудно, но, м.б., и выполнимо. Я понимаю тебя, что ты потерял все доверие ко мне из-за бесконечных откладываний сроков. Все дело в том, что я по спискам прохожу персонально уполномоченной, и до тех пор, пока меня не сменят, я не могу уехать. Недавно послала Зуевой опять телеграмму о моем отзыве, но ответа до сих пор нет. Чтобы ты был по-настоящему в курсе дела, привожу текст — "…очень прошу для отправки эшелонов, а также замены меня — командировать работника. В связи длительным пребыванием здесь и необходимостью моего выезда в Москву по семейным обстоятельствам, прошу ускорить присылку уполномоченного…" На днях посылаю опять, хочу уже сейчас за подписью ген. Жукова*[88]*. Если бы ты смог приехать (я, конечно, понимаю, при каких обстоятельствах это могло бы быть), то я еще осталась*

бы, чтобы набраться сил. Или если бы возможно было бы куда-нибудь поехать на юг вместе с тобой (Гаспра, Сочи, Кисловодск), то было бы еще лучше. Но тебе виднее, а пока я эгоистично привожу себя в порядок.

А знаешь, страшно стало, когда пятый десяток кончается… Но я надеюсь, по крайней мере еще десяток лет также себя чувствовать, как сейчас, т. е. не стареть. <".>

Теперь о работе. Упаковку организовала, на прошлой неделе привезла из-под Дрездена 5000 пустых ящиков, и проблема упаковки сразу была разрешена. Упаковку и маркировку производят трофейные бригады, я занимаюсь лишь вагонами, да и то это делают другие. У меня много текущей работы — учет, отчетность, всякая писанина. Но работается, как я уже тебе писала, плохо, и дело не движется.

Очень, очень грустно за Анну Ивановну, но что же делать? Приехала ли Варя[89]? Как девочка? Только одно прошу тебя, Толек, пиши хоть открытки по почте, но пиши чаще.

Целую. М.

P.S. Сейчас из Москвы передают вальсы Шопена, а до этого ставила пластинки классической музыки — Лист, Бетховен — симфонии, Шуберт, Шуман — Карнавал — и так захотелось быть с тобой!

* * *

Берлин, 2 августа 1946 г. 12 ч.д.

Милый, милый мой родной Толинька! Только что получила телеграмму о бедной Анне Ивановне. Хороший мой, любимый мой, знаю, как тебе одному тяжело — возможно, сейчас хороните Анну Ивановну и все время ты один. Впервые за двадцать три года постигло нашу семью горе, и горе, которое отразится на благополучии всей нашей семьи. Больше всего мне жаль Марианку, никто и никогда не сможет ей заменить ее бабушку. Как рано ей было умирать! При ее энергии и жизнеспособности можно было еще лет 10–15 бодро прожить. И жаль, что именно сейчас, после войны, когда так близко улучшение материальной стороны нашей жизни, ее не будет. Когда я вспоминаю всю ее жизнь, отданную нашей семье, становится тяжело и стыдно, что при жизни не так ценили. Хотя ты знаешь мою благодарность ей всю жизнь. Но какой от этого толк, когда она достаточно этого не чувствовала. Я знала давно, что так будет, но когда это случилось, когда мне с телеграфа сообщили, что Вам маленькая телеграмма — было чрезвычайно неожиданно и тяжело.

3.VIII. 10 ч.в.

Вчера пришлось уехать в Берлин; летчики отлетают завтра, и поэтому пишу сейчас. Весь вчерашний день была с Вами, шаг за шагом следила за предполагаемым ходом событий. Страшно становится за будущее — неужели и другие, и мы в там числе, будем уходить один за другим. Такова жизнь. Но я все равно без тебя жить не буду.

Только что приехал Адриан из Тюрингии. Мне было очень больно ему сказать, но пришлось, т. к. летчики торопят, отправляются на рассвете и хотят спать. Он сильно переживает, и мне его жаль — первое настоящее горе в его жизни. Тебе буду звонить в среду-четверг. Последний эшелон отправляю в десятых числах. Опять задерживают пропуска на машины. В двадцатых числах думаем быть дома. Адриан поедет с машинами — или с эшелоном, или своим ходом. Жду твоего письма, мой родной и близкий дружок Не падай только духом. Крепко тебя и дочку обнимаю — помню.

Рита.

Служебные документы.

"ПРЕДСЕДАТЕЛЮ КОМИТЕТА КУЛЬПРОСВЕТУЧРЕЖДЕНИЙ ПРИ СОВЕТЕ МИНИСТРОВ РСФСР тов. ЗУЕВОЙ Т.М.

Рапорт

Сообщаю Вам, что 21 августа 1946 г. мною отправлен эшелон № 176/8036 в адрес: Москва, Белорусский вокзал, Комитету Культуры, Госфонду литературы.

Эшелон состоит из 44 вагонов, причем 8 вагонов (1055 ящ.) переданы нам в уже загруженном и закрытом виде Отделом Репараций СВА. Все вагоны опечатаны. Груз: 6711 ящиков (шесть тысяч семьсот одиннадцать), состоящий из 5206 ящиков базы на заводе "Ацета", 450 ящиков базы на Штеттинском вокзале и центральной базы в г. Потсдаме и 1055 ящ. от Отдела Репараций. Из общего количества ящиков — 48 ящиков с различным оборудованием и музейными ценностями. Остальное (6663 ящ.) — книги и архивные материалы. Кроме того, с эшелоном идет одна автомашина марки "Опель Р 4" и прицеп к ней.

До границы эшелон сопровождает охрана в составе 6 чел.

Настоящий экземпляр всех материалов (2-я копия) — на 100 листах.

УПОЛНОМОЧЕННЫЙ КОМИТЕТА КУЛЬПРОСВЕТУЧРЕЖДЕНИЙ ПРИ СОВЕТЕ МИНИСТРОВ РСФСР Подполковник РУДОМИНО Берлин, 1/IX-1946 г.".

"ЗАМ.УПОЛНОМОЧЕННОГО ОСОБОГО КОМИТЕТА

ПРИ СОВЕТЕ МИНИСТРОВ СССР по Германии ГЕНЕРАЛ-МАЙОРУ СКОРОДУМОВУ

Рапорт

Сообщаю, что работы по изъятию и вывозу книг в СССР Комитетом Культуры при Совете Министров РСФСР в Германии закончены. Последний эшелон отправлен в Москву 26 августа с/г.

Согласно распоряжению Комитета Культуры из Москвы, закупка книг прекращается, а руководство работой технических бюро № 1 и № 2 должно быть передано одному из работников СВА или Особого Комитета. Прошу Вашего распоряжения о передаче руководства Техническими бюро одному из работников Особого Комитета или одного из министерств по совместительству.

Одновременно прошу Вашего распоряжения об откомандировании меня в Москву по месту моей постоянной работы.

УПОЛНОМОЧЕННЫЙ КОМИТЕТА КУЛЬТУРЫ Подполковник РУДОМИНО Берлин, 1/IX-1946 г.

Резолюция: В связи с невозможностью выделения работника из Особого комитета и министерств предложить т. Рудомино самой закончить работы до 1 октября.

3/IX-46.

Генерал-майор СКОРОДУМОВ".

В ноябре 1946 года я вернулась в Москву и приступила к работе в ГЦБИЛ.

Пояснения А.В.Рудомино к письмам и документам 1945–1946 годов

Судьба перемещенных во время Второй мировой войны и в первые послевоенные годы российских и германских культурных ценностей, в том числе и книг, очень волновала маму и до сих пор продолжает волновать и россиян и немцев.

В 1945 году я, двадцатилетний лейтенант, окончил войну на севере Германии в Ростоке и в 1945–1946 годах, будучи в служебных командировках в Берлине, помогал Маргарите

Ивановне Рудомино в ее работе. Поэтому, как очевидец и непосредственный участник событий того времени, могу рассказать о вывозе книг из Германии и прокомментировать письма мамы к папе и другие материалы того времени. Не думаю, что моя сыновняя привязанность могла существенно повлиять на объективность изложения.

Вопрос о компенсации потерь Советского Союза в Великой Отечественной войне, в том числе и культурных ценностей, включая книги, был важнейшим в конце войны и в первые послевоенные годы. В годы войны на территории Советского Союза, оккупированной германскими войсками, погибли миллионы книг и тысячи библиотек (по некоторым оценкам — 180 млн. томов и 50 тысяч библиотек). Специальные нацистские команды вывезли в Германию из оккупированных районов Советского Союза 4,5 млн. томов (данные немецкой стороны), в том числе большое количество русских первопечатных книг и рукописей. Ценнейшие книжные раритеты были вывезены из Новгорода, Пскова, пригородных дворцов Ленинграда, не говоря уже о музейных ценностях. Поэтому совершенно естественным было требование: Германия должна возместить наши потери. Союзники поддерживали в этом вопросе Советский Союз. Уже в начале февраля 1945 года Крымская конференция глав правительств трех союзных держав во Второй мировой войне приняла решение о взыскании с Германии репараций.

В конце февраля 1945 года был создан Особый комитет по Германии при Государственном комитете обороны (ГКО), который возглавлял Сталин. Главной целью деятельности Особого комитета был вывоз по репарациям оборудования и материалов из оккупированных советскими войсками территорий Германии и ее союзников. Аппарат Уполномоченного Особого комитета по Германии состоял из представителей отдельных министерств и ведомств СССР и РСФСР, которые должны были заниматься репарационными поставками из Германии по профилю своих организаций. Несколько раньше, в феврале 1943 года, в Москве был создан Государственный фонд литературы (Гос-фонд литературы) с филиалом в Ленинграде. Работа Госфонда была направлена на возмещение потерь библиотек, пострадавших во время войны. С 1945 года Госфонд литературы занимался приемом книг, вывозимых из Германии.

В этих условиях совершенно естественным было решение Маргариты Ивановны Рудомино, как директора Государственной центральной библиотеки иностранной литературы, поставить перед Главным политическим управлением Рабоче-Крестьянской Красной Армии (ГлавПУРККА) и Комитетом по делам культурно-

просветительных учреждений при Совете народных комиссаров (СНК) РСФСР вопрос об охране книг в Германии от последствий военных действий и о передаче ГЦБИЛ трофейной литературы по ее тематике.

По счастливой случайности книжные фонды ГЦБИЛ не пострадали во время войны, но они не пополнялись иностранной литературой все военные годы, а в предвоенные годы поступление современной иностранной литературы, в том числе и немецкой, по идеологическим соображениям было незначительным. В других центральных, республиканских и областных библиотеках сложилась примерно та же ситуация с иностранной литературой, не говоря уже о книгах и библиотеках погибших во время войны. Все это подталкивало М.И.Рудомино к активным действиям, в интересах всех российских библиотек.

3 мая 1945 года, за неделю до окончания войны, Маргариту Ивановну вызвали в ЦК ВКП(б) и сказали, что она может считать себя мобилизованной и в звании под полковника должна выехать в Берлин. 5 мая по Комитету по делам культурно-просветительных учреждений при СНК РСФСР был издан приказ о командировании в Германию с 6 мая "для выполнения спецзадания" двух музейных работников и М.И.Рудомино. Получив в тот же день военную форму, мама на следующий день вылетела в Берлин. Летела она с большой группой таких же "штатских" или, как их называли, "профсоюзных" полковников и подполковников. В основном это были заместители наркомов и начальники главков промышленных наркоматов (в будущем министерств). На фронтовых офицеров они были совершенно не похожи. В них сразу можно было узнать штатских людей, одевших военную форму. В тот же день Маргарита Ивановна приступила к работе в аппарате Уполномоченного Особого комитета ГКО по Германии.

Несколько позже (с 20 мая 1945 года) к Маргарите Ивановне присоединились еще два библиотечных работника, и тем самым образовалась библиотечная группа: майор Дмитрий Николаевич Чаушанский, заведующий отделом комплектования Государственной библиотеки им. Ленина (ГБЛ), майор Елена Сергеевна Дорогутина, заведующая отделом книгохранения Государственной Исторической библиотеки и позднее Вера Николаевна Стефанович, сотрудник ГЦБИЛ. На короткое время приезжали и другие библиотечные работники. Кроме библиотечной группы вывозом книг из Германии занимались уполномоченные Академии наук СССР, комитетов по делам искусств и по делам высшей школы при СНК СССР, Наркомпроса РСФСР, Наркомата здравоохранения СССР, Наркомата обороны

СССР и разных отраслевых наркоматов и ведомств. Они вывезли из Германии в несколько раз больше книг, чем библиотечная группа М.И.Рудомино.

Направление Маргариты Ивановны в Германию для вывоза книг, безусловно, было не случайным. Помимо того, что к тому времени она уже 24 года руководила библиотекой, которая занималась иностранной литературой, к тому же в 1928 г., будучи в служебной командировке в Германии, в течение месяца изучала структуру и деятельность немецких библиотек. Впоследствии, в конце войны, мама и сотрудники ГЦБИЛ также провели большую работу по их изучению. Маргарита Ивановна свободно говорила по-немецки, даже с берлинским акцентом, чем всегда удивляла немцев, и хорошо знала немецкую культуру и литературу.

Вскоре стало ясно, что в связи с бомбардировками Берлина и других германских городов, основные библиотеки эвакуировали свои книжные фонды. Их разбросали по всей стране, и часть попала в Польшу. Эвакуированные книжные фонды оказались в сельской местности, в маленьких городах, в подвалах средневековых замков, в пещерах и шахтах, в подземных складах. Оставшиеся в Берлине частично сгорели или оказались погребенными под руинами библиотек, в затопленных подвалах и бункерах. Книги были бесхозными, они валялись везде, по ним ходили, их заливали дожди, они расхищались местным населением. Еще в 1944 году мама писала мне на фронт, чтобы я посмотрел, что делается с библиотеками в освобождаемых от немецких войск районах. В письме к маме от 11 сентября 1944 года с нашего плацдарма на реке Нарев под Варшавой я писал: "Дорогая мама. Ты просишь написать о том, встречаются ли здесь книги в разоренных библиотеках? Да, встречаются, но редко, только в городах и поместьях. На днях захватили большое поместье. В нем была замечательная библиотека сельскохозяйственных книг. Из-за красивых картинок славяне всю ее разорили. Книги собрать, вообще, можно, но особой ценности они не представляют…" В другом письме от 4 апреля 1945 года из только что освобожденного Данцига я сообщал: "… от Данцига осталось только его название.

О книгах, конечно, и речи не может быть. Библиотеки, если такие и были, сожжены. Жилые дома, где могли быть книги, сожжены. На окраинах Данцига, где город не так сожжен, в домах встречались книги, но все немецкие. В одном доме видел библиотеку русских классиков на немецком языке. Сохранившиеся библиотеки совсем не попадались…" В этих условиях первоочередной задачей Маргариты Ивановны было

спасти те книги и книжные коллекции, которые могли погибнуть, находясь в развалинах. Часть уцелевших книг была вывезена на трофейные склады военных комендатур.

Деятельность М.И.Рудомино и ее библиотечной группы в Германии была направлена, во-первых, на поиск и возвращение в Советский Союз книг, вывезенных из советских библиотек нацистскими специальными подразделениями. Большая часть этих книг, в основном из Белоруссии и Украины, находилась в Польше и американской оккупационной зоне Западной Германии. Летом 1945 года американцы передали советской стороне более тысячи ящиков с книгами, вывезенными нацистами из Советского Союза. Во-вторых, на выявление, изъятие и вывоз в Советский Союз нацистской литературы и книжных фондов библиотек, принадлежавших нацистским организациям и учреждениям, военному ведомству, а также книжных коллекций и собраний, находившихся в собственности нацистских и государственных руководителей, промышленников и финансистов, сотрудничавших с ними. Кроме того, должна была быть изъята научная литература, дававшая возможность Германии возродить свой военный научный потенциал. В-третьих, на обследование и подготовку к вывозу книжных фондов некоторых немецких библиотек. В дальнейшем основная работа мамы и библиотечной группы была направлена на выявление мест эвакуации книжных фондов. В-четвертых, на обследование книг, хранящихся на трофейных складах военных комендатур для отправки в Советский Союз. В-пятых, на обследование издательств, особенно, издающих книги на иностранных языках, их складов и магазинов. И в-шестых, на выявление и вывоз в СССР библиотечного оборудования и библиотечной техники.

Для проведения такой работы, в скором времени, была создана техническая база в Берлине и Дрездене — склады, команды (из немцев) для изготовления ящиков для книг, их упаковки, маркировки и подготовки эшелонов для перевозки в Советский Союз. В дальнейшем мама организовала подготовку крупными немецкими специалистами библиотечного дела научных работ по библиотековедению и библиографии для советских библиотек.

Непосредственные решения о вывозе книг до начала июня 1945 года принимало Военное командование советских оккупационных войск в Германии. С начала июня 1945 года, т. е. со времени образования Советской военной администрации в Германии (СВАГ), являвшейся в 1945–1946 годах верховным органом власти в Советской оккупационной зоне Германии, книги вывозились по ее приказам. Принципы получения репараций от

Германии были определены еще на Крымской конференции 1945 года. Согласно этим принципам Германия обязана была возместить ущерб, причиненный ею союзным странам, в натуре, а не в денежной форме. Соглашением предусматривалось, что репарационные поставки в Советский Союз должны состоять из конкретных видов имущества Восточной Германии, оккупированной советскими войсками.

Хотя конкретно книги и не указывались в ряду предметов репарационных поставок, но для западных союзников возмещение потерь советских библиотек было понятным. Тогда мир был потрясен человеческими жертвами, материальными и культурными потерями, понесенными Советским Союзом. Такова была реальная историческая обстановка в 1945–1946 годах в период вывоза книг из Германии в Советский Союз. Во всяком случае, так тогда ее понимали. Мама была мудрым человеком и понимала, конечно, что можно посмотреть на вывоз книг из Германии и с другой стороны — книги не могут быть трофеями, не могут быть предметом репараций. Но интересы страны, победившей в войне ценой невероятных потерь, были выше всего.

Основной принцип при отборе книг для вывоза в Советский Союз, как у Маргариты Ивановны, так и у высших военачальников в Восточной Германии, заключался в том, что вывозимые книги должны восполнить наши потери во время войны, но и культурное наследие немецкого народа должно быть сохранено. Маргарита Ивановна понимала, что книги будут нужны Германии для восстановление ее культуры, разрушенной фашистами. И когда московское руководство намеревалось вывезти крупнейшую библиотеку Германии — Немецкую библиотеку (Deutsche Bűcherei) в Лейпциге — она доказала нежелательность этого, объясняя свою позицию тем, что Немецкая библиотека в Лейпциге является национальным культурным достоянием, необходимым немцам для возрождения, и нуждается в незамедлительном восстановлении. По инициативе мамы два миллиона книг этой библиотеки, эвакуированные в сельскую местность в районе города Хемниц, в связи с англо-американскими бомбардировками, были собраны летом 1945 года. И уже в ноябре 1945 года Немецкая библиотека в Лейпциге была вновь открыта. Это была первая научная библиотека, вновь открывшаяся в Германии после войны. И немецкие библиотечные деятели понимали, что Маргарита Ивановна сохранила Deutsche Bűcherei для Германии и были благодарны ей. Мама говорила: "Почему немецкие библиотекари хорошо ко мне относятся? Да потому что я сохранила им Deutsche Bűcherei".

Но другое культурное достояние Германии и Лейпцига —

Немецкий музей книги и шрифта (Deutsches Buch-und Schriftmuseum), в котором находилась всемирно известная коллекция первопечатных книг, в том числе один из самых лучших экземпляров первой печатной книги — "42-строчная Библия" Иоганна Гутенберга (1452 год), был отправлен самолетом в сопровождении Д.Н.Чаушанского в начале октября 1945 года в Москву в ГБЛ. Мне довелось в сентябре 1945 года вывозить эту коллекцию в Берлин для отправки в Москву и держать ящик с Библией в руках.

Девятнадцать ящиков с коллекцией книг Немецкого музея книги и шрифта были эвакуированы из Лейпцига в начале 1944 года и спрятаны в подвале башни старинного фамильного замка Рауэнштейн, близ местечка Лангефельд в Рудных горах. Этот замок принадлежал Готфриду фон Гердеру, правнуку немецкого философа Иоганна фон Гердера, друга И.В.Гёте. О местонахождении этих реликвий сообщили в советскую военную комендатуру сами Гердеры. Сделали они это после ухода американских войск из этого района и занятия его советскими оккупационными силами в соответствии с Тегеранским соглашением. Таким образом, американцам свой подвал с музейными книгами Гердеры, видимо, не открывали, хотя скрыть их было, очевидно, непросто.

Я прибыл в замок Рауэнштейн из Берлина на трех грузовых машинах с тремя солдатами-водителями. Барон и баронесса фон Гердер очень приветливо нас встретили. Это были на редкость приятные в обращении пожилые люди. Их деликатность и изысканность поведения, особенно баронессы, подкупали. Мы довольно быстро извлекли из совершенно сухого подвала замка по-немецки добротно сделанные ящики с книгами и разместили их на машинах. Я, конечно, понимал ценность этого необычного груза. Ведь когда меня посылали за ним, то сказали — там находится Библия Гутенберга. А еще до войны в школе нам говорили, что Днепрогэс построили на гутенберговскую Библию, то есть на деньги, полученные за принадлежавший России экземпляр Библии Гутенберга, проданный большевиками американцам. Но, все равно, я не представлял, как понимаю это в настоящее время, что книги в ящиках из подвалов замка по сути были бесценны. Мы везли их по Германии без какой-либо охраны, получили без всякой описи.

За чашкой кофе после погрузки Гердеры рассказали, что ящики с книгами были привезены к ним в январе 1944 года. Сложили их в подвале замка до окончания войны. Вывезли из Лейпцига, спасая от англо-американских бомбардировок. В скором времени могли придти американские или советские

войска, и владельцам замка надо было решать, что делать с сокровищами, хранившимися в подвале. Они прекрасно сознавали высочайшее культурное значение этой музейной коллекции, и будущая ее судьба очень волновала их. По их словам, никаких указаний от германских государственных учреждений они не получили. Самостоятельно принять решение, что делать с не принадлежавшими им национальными ценностями, было трудно. Однако супруги приняли решение — передать оказавшиеся у них книги и рукописи не американцам, а советским (русским, как они говорили) войскам, которые должны были заменить американские части в Саксонии и Тюрингии летом 1945 года. Аргументировали они это следующим образом (говорила в основном баронесса):

Первый путь — передать коллекцию американцам — это был бы самый простой и безопасный для семьи Гердер выход из создавшейся ситуации. Коллекцию вывозят американцы, а вместе с ней и они уходят от русских войск на Запад, как и поступила практически вся немецкая аристократия, высшая буржуазия и большая часть интеллигенции. Минимум риска для жизней владельцев. Но этот путь, по их словам, был опасен — коллекция могла бы "уплыть через океан" в США, рассеяться там по частным каналам и пропасть навсегда для Германии.

И Гердеры, как они утверждали, не сообщили американцам о спрятанных в замке сокровищах.

Второй путь — передать собрание Лейпцигского музея русским. Такой вариант они и выбрали. Почему? Они считали, что, во-первых, Россия является близким соседом Германии, обе страны имеют глубокие вековые политические и культурные связи, и русские в конце концов, по гуманитарным соображениям, сами передадут коллекцию Германии. Если этого не случится, заметила баронесса, возможен и военный реванш со стороны Германии и возврат германских культурных ценностей силой. — Баронесса Гердер сказала об этом со смущенной, почти извиняющейся улыбкой. Понять ее было можно. Ведь прошло всего четыре месяца после окончания войны, когда еще некоторые немцы не могли и думать о военном реванше. Еще не произошла атомная бомбардировка японских городов, не состоялся Нюрнбергский процесс, и немецкий народ не принес покаяния за фашистские злодеяния. В те первые послевоенные месяцы я не мог себе представить, что немцы смогут так открыто и серьезно осудить свое прошлое и построить демократическое общество, поняв, что мир лучше войны, что мирное развитие страны дает во всех отношениях, в том числе и в экономическом развитии, много больше, чем военные завоевания. И послевоенные пятьдесят лет

подтвердили для Германии эту истину. А в то время теории социальных революций, реванша, неизбежности войн через каждые 20 лет (срок подрастания нового поколения в воевавших странах) делали перспективу новой войны вполне реальной.

Таким образом, Гердеры выбрали второй путь и передали нам временно хранившуюся у них коллекцию. Конечно, это был сложный, даже трагический для них выбор. Сохраняя коллекцию для передачи русским, они попадали в советскую зону оккупации Германии и тем самым шли на явный риск подвергнуться репрессиям и, вполне возможно, быть ликвидированными.

Сама перевозка музейных экспонатов в Берлин прошла вполне благополучно. Это уже было мирное время, особенно на юге Германии, где во многих районах следов войны не было и видно, а коммунистическая перестройка всей жизни восточных немцев еще не начиналась. Сейчас эту коллекцию, при ее транспортировке, застраховали бы на астрономическую сумму, везли бы под тщательной охраной, в сопровождении множества машин с мигалками, останавливали бы все движение на пути следования процессии, а нас тогда было всего четверо на трех стареньких грузовиках. Правда, по дороге подсела к нам очень милая молоденькая лейтенант-врач, которая ехала на Родину. Без приключений добрались мы до разрушенной столицы и сдали ящики на специальный склад в Берлине, где собирались книги для отправки в СССР.

В скором времени коллекция Немецкого музея книги и шрифта была доставлена в Москву и передана в Государственную библиотеку им. В.И Ленина, где она, как мы знаем, была окутана строжайшей тайной. Тайна была так велика, что многие научные и библиотечные работники, особенно молодые, стали вообще сомневаться — находятся ли в действительности эти материалы в России или бесследно исчезли.

В начале перестройки Маргарита Ивановна Рудомино ходила в ЦК КПСС, беседовала с одним из членов советского руководства о том, чтобы решить наконец проблему Немецкого музея книги и шрифта, а также и всю проблему перемещенных книг. И получила извечный ответ: "Маргарита Ивановна, обождите. Не время еще…"

В прошлые времена советская официальная пресса, обличая американских миллионеров, рассуждала о том, как они прячут у себя в тайниках купленные ими ворованные произведения искусства. И советские власти совершали нечто подобное. Прятали вывезенные из Германии и книги, и другие культурные ценности, будто они краденые. Но вывозили книги из Германии по репарациям — вполне законно. Зачем было их скрывать в спецхранах Ленинки и других библиотек? За эти годы тысячи

читателей, научных работников, студентов могли бы видеть вывезенные книги и рукописи и работать с ними. Повторю: книги из таких коллекций не принадлежат одной стране, они имеют мировое значение. В конечном счете неважно, где они находятся. Важно, чтобы ими можно было пользоваться. Мы все-таки живем в начале XXI века, а Россия, несмотря на десятилетия упадка и застоя русской культуры в советское время, имеет старые культурные традиции и должна следовать им.

Судьбу оказавшейся в России коллекции Немецкого музея книги и шрифта следует, безусловно, решать в комплексе со всей проблемой гибели, вывоза и возвращения русских и немецких культурных ценностей. Понятие "реституция", мне кажется, не точно определяет весь "пакет" вопросов, связанных с возвращением немецких культурных ценностей. В "Словаре иностранных слов" и в "Юридическом энциклопедическом словаре" термин "реституция" в международном праве определяется как возвращение одним воюющим государством другому имущества, незаконно захваченного и вывезенного во время войны. Однако, повторяю, книги, отправленные в Советский Союз после войны, имели статус репарационных, и можно утверждать, что они были вывезены вполне законно. И, если бы их не прятали почти пятьдесят лет, очевидно, вопрос о незаконности их вывоза и не ставился бы. Говоря о реституции книг, мы точно уже заранее признаемся в незаконности их вывоза из Германии.

Безоговорочное возвращение Германии коллекции книг и рукописей Немецкого музея книги и шрифта, возможно, было бы со стороны России благородным жестом. Безусловно, такой шаг показал бы миру великодушие русского народа, уважение им культурного достояния других наций, моральное признание того, что книги не могут быть военными трофеями, понимание того, что через пятьдесят лет после окончания войны следует простить покаявшемуся немецкому народу преступления фашизма. Здесь следует сказать, что советское руководство после окончания войны не было полностью уверено в целесообразности оставления в Советском Союзе вывезенных из Германии культурных ценностей, в том числе и книг. Некоторые значительные собрания, например Дрезденская галерея и Готская библиотека, были возвращены немцам по чисто политическим соображениям. Те же, что остались в Союзе, даже получили в дипломатической практике определенный термин: "культурные ценности, временно находящиеся в СССР".

Однако нельзя забывать и другое. Потери в минувшей войне, которые понес русский народ и русская культура, огромны,

сравнимы, может быть, только с ущербом, понесенным русскими и русской культурой от большевиков. Поэтому мнение многих в России о неправомерности возвращения немецких культурных ценностей имеет под собой серьезную основу. Особенно болезненно относится к этой проблеме поколение, которое воевало и видело своими глазами разрушения, нанесенные нашей стране фашизмом. При этом надо учитывать, что до сих пор не возвращены в Россию книги (летописи, русские первопечатные книги) и другие культурные ценности, вывезенные из России во время войны в Германию. Вообще же перемещение культурных ценностей, захваченных в результате войны, чрезвычайно сложная правовая, политическая, экономическая и этическая проблема. И в каждом конкретном случае ее решение требует огромных усилий, часто ни к чему не приводящих.

Сознавая это, Маргарита Ивановна Рудомино еще в 1987 году считала, что вначале надо навести порядок в российских хранилищах, "чтобы хоть книги навалом не лежали, как в церкви в Узком, куда буквально свалены великолепные трофейные библиотеки, никому оказавшиеся не нужными". Она ставила проблему так: "Давайте наконец вернем их и другие вывезенные в нашу страну после войны книги (а их многие тысячи) былым владельцам. В обмен на наши вывезенные ценности"[90].

Как я знаю, немецкая и мировая библиотечная общественность в послевоенные годы не ставила категорически вопрос о возвращении книг, оказавшихся в Советском Союзе. Так, бывший директор Немецкой государственной библиотеки в Берлине Фридель Краузе еще два года назад говорила мне: "Разве я могу требовать возвращения книг, вывезенных из Германии и находящихся в Ленинградской публичной библиотеке имени Салтыкова-Щедрина, после блокады Ленинграда и разрушения немцами его пригородных дворцов". У многих немецких библиотечных работников, как и у очень многих немцев, сильно чувство вины перед Россией, перед русским народом. Они понимают, что Германия в полной мере должна отвечать за те разрушения, которые нанесены вермахтом русской культуре, в том числе библиотекам. У нас, в доме Рудомино, бывали крупнейшие библиотечные деятели мира (Маргарита Ивановна многие годы была первым вице-президентом Международной федерации библиотечных ассоциаций и учреждений — ИФЛА.) В беседах с ними я никогда не слышал, чтобы резко ставился вопрос о возвращении вывезенных из Германии книг. Во всех странах сознавали, какой страшный ущерб нанесла нашей стране развязанная против нее война.

В настоящее время важно, чтобы специальная авторитетная

комиссия, которая уже существует, дала бы оценку потерям книг и других культурных ценностей Советским Союзом и Германией в минувшей войне. Такая оценка могла бы стать основой выработки обоюдоприемлемого решения по проблеме взаимного возвращения книг и других культурных ценностей, если такое решение вообще можно найти.

…Я испытал очень сложные чувства, когда недавно вместе с сотрудниками Российской государственной библиотеки оказался в печально знаменитом секретном "сейфе", расположенном в цокольном этаже здания, близ библиотечной столовой. Открыли железную дверь, отомкнули стальную решетку, и перед нами предстали те книги, что были в ящиках, которые я вывозил из Германии полвека назад, книги, которые скрывались так, что порой казалось, как я сказал, будто они вовсе не существовали. Не скрою, я испытал огромное чувство радости и облегчения. Все-таки эти книги сохранились, и я был причастен к их судьбе. Но было и чувство горечи — полвека книги прожили, по сути, в тюрьме, в условиях, которые не соответствуют этим сокровищам. Я не говорю уже о том, что эта случайная каморка, конечно, абсолютно не приспособлена для хранения раритетов мирового уровня. Я немало видел за границей комнат-сейфов, залов-сейфов, где хранятся различные ценности, и я поразился убогому состоянию хранилища в государственной библиотеке России, каким-то доморощенным картонным коробкам, в которых на открытых стеллажах находятся плененные книги. А Библия Гутенберга лежала в так называемом несгораемом шкафу, стоявшем посреди импровизированной комнаты-сейфа, который вряд ли может гарантировать ее сохранность в случае пожара или каких-либо иных катаклизмов, если они, не дай Бог, случатся. И я еще раз обостренно почувствовал — надо дать реликвиям из Немецкого музея книги и шрифта свободу и достойную жизнь. Их должны увидеть люди, чтобы восхититься той великой культурой, которую все же сохранило человечество — несмотря ни на что.

Вторая крупнейшая библиотека в Германии — Немецкая государственная библиотека (Staatsbibliothek) в Берлине (бывшая Прусская государственная библиотека) — во время войны была эвакуирована в более чем 30 мест в Германии. Часть книжных фондов погибла в период военных действий. Мама помогла немцам собрать и возвратить фонды библиотеки из мест эвакуации. Некоторая часть книжных фондов Немецкой государственной библиотеки была вывезена в Ленинград, в Государственную публичную библиотеку (ГПБ) им. М.Е.Салтыкова-Щедрина.

С Немецкой государственной библиотекой и ее директором в

первые послевоенные годы, известным немецким библиотековедом с мировым именем доктором Р. Хёккером у Маргариты Ивановны установились хорошие деловые отношения. Мама была высокого мнения о немецком библиотечном деле. Поэтому по ее инициативе уже в ноябре 1945 года в библиотеке было создано Бюро № 1 по подготовке аналитических материалов по библиотековедению и библиографии Германии. Привлечение к работе крупных немецких специалистов во главе с доктором Хёккером позволило подготовить ценные работы по развитию библиотечного дела в Германии в предвоенные годы. Кроме того, Бюро № 1 консультировало библиотечную группу Маргариты Ивановны по вопросам приобретения литературы для советских библиотек В 1946 году Немецкая государственная библиотека подарила ГБЛ, ГПБ им. Салтыкова-Щедрина и ГЦБИЛ ценные издания и дубликаты. Таким образом, уже в первые послевоенные месяцы зародилось сотрудничество между Немецкой государственной библиотекой и М.И.Рудомино.

Вывоз 200 тысяч книг из третьей по величине и значимости в Восточной Германии Саксонской земельной библиотеки (Sächsische Landesbibliothek) в Дрездене, по словам Маргариты Ивановны, был "трагической ошибкой". Библиотека серьезно пострадала во время англо-американских бомбардировок Дрездена в конце войны, в феврале-марте 1945 года. За три ночи бомбардировок погибли 450 тысяч книг, было разрушено здание библиотеки. Из оставшихся книг — 200 тысяч были собраны трофейными подразделениями из мест эвакуации и находились сначала на трофейных складах различных военных комендатур в Саксонии, а затем были перевезены на трофейную базу в Дрездене. 3 мая 1946 года СВАГ отменил ранее отданный приказ о вывозе книг Саксонской земельной библиотеки в Советский Союз и отдал приказ о том, что эти книги не подлежат вывозу. Однако приказ в Дрезден пришел уже после 6 мая — дня отправки эшелона с книгами в Москву. В 1957 году вывезенные тогда древние рукописи были возвращены Саксонской земельной библиотеке.

В дальнейшем, в 1950-1970-е годы, Маргарита Ивановна тесно сотрудничала с этими библиотеками. В конце 1960-х годов мама опубликовала в ГДР статьи о трех известных библиотечных деятелях Германии, в том числе и о генеральном директоре Немецкой государственной библиотеки в 1950-х годах Хорсте Кунце.

Значительная часть вывезенных из Германии книг шла по линии изъятия нацистской и милитаристской литературы, а также частных библиотек, принадлежавших нацистским и

милитаристским организациям и учреждениям (библиотеки Имперской канцелярии, Гестапо, министерств внутренних дел, Восточной Европы и т. д.), библиотек и книжных коллекций нацистских и государственных руководителей (Геббельса, Риббентропа, Шахта, Функа и др.), промышленников и финансистов, сотрудничавших с нацистами. Были вывезены дворцовые библиотеки прусских королей из Потсдама и замковая библиотека саксонских королей из Морицбурга (близ Дрездена), частные библиотеки и книжные коллекции крупных немецких землевладельцев, брошенные ими при бегстве из Восточной Германии во время наступления советских войск и при проведении земельной реформы (герцогов Брауншвейгского, Веймарского, Мекленбургского, графов Арнима, Штольберга, Шенебурга, Рехенвальда и др.), некоторые городские и отраслевые библиотеки, библиотеки некоторых крупных фирм и предприятий, разных обществ и т. д. Основная часть книг была вывезена из мест их эвакуации и трофейных складов военных комендатур, где они хранились упакованными в ящики, готовыми к перемещению.

В числе вывезенных находилось значительное количество книг, закупленных в книжных магазинах и издательствах разных городов Германии (более 30 тысяч названий продолжающихся изданий, комплектов периодики, подписных изданий, недостающие тома собраний сочинений, новейшая научно-техническая литература на иностранных языках). Кроме того, в счет репараций было отправлено в СССР более тысячи тонн библиотечного оборудования и библиотечной техники.

В целом Маргарита Ивановна пробыла в Германии полтора года, с 6 мая 1945 года по 1 ноября 1946 года. За это время ею и ее библиотечной группой было обследовано около 300 немецких библиотек и книжных собраний в 112 городах Германии. Всего было отобрано и вывезено в Советский Союз более 1 млн. томов. Кроме того, в июне 1946 года было отправлено в Советский Союз более 800 тысяч томов, полученных от СВАГ с трофейных складов военных комендатур. Таким образом, по линии Комитета по делам культурно-просветительных учреждений при СНК РСФСР, уполномоченной которого по вывозу книг из Германии была Маргарита Ивановна Рудомино, в 1945–1946 годах было вывезено в Советский Союз около 2 млн. томов.

Книги из Германии поступали на книжные базы Госфонда литературы в Москве и Ленинграде, где проходили цензуру. Распределялись книги по центральным, республиканским и областным научным и публичным библиотекам по всей стране. В центральных библиотеках Москвы и Ленинграда, как я знаю,

книги из Германии уже в течение 1946 года вошли в действующие книжные фонды. О них знали и библиотекари, и читатели. Исключение составляла нацистская, милитаристская и идеологически неподходящая для советских читателей литература, которая поступала в спецхраны библиотек. Второе исключение составили коллекции книжных раритетов. Например, коллекции книг и переплетов Немецкого музея книги и шрифта в Лейпциге. Она поступила в ГБЛ в октябре 1945 года и, как я уже говорил, почти пятьдесят лет хранилась в строжайшей тайне в специальной комнате-сейфе. Первое сообщение о том, что эта коллекция существует и не погибла во время войны, появилось в газете "Известия" в декабре 1993 года. По словам тогдашнего директора Российской государственной библиотеки (бывшей ГБЛ) И.С.Филиппова, даже от него был скрыт факт нахождения в библиотеке коллекции книг Лейпцигского музея.

Значительная часть книг и периодических изданий, вывезенных из Германии, являлась современной литературой того времени и способствовала доступу советских читателей, главным образом научных работников, к иностранной научной информации. Книги из Германии, безусловно, послужили солидной информационной базой развития отечественной науки в послевоенные годы. По сути дела, как я уже говорил, иностранная периодика, вывезенная из Германии, была во второй половине 1940-х годов основным источником информации о современном развитии западной науки и культуры, а иногда и единственным источником информации для советских ученых в некоторых областях знаний. Даже в конце 1940-х-начале 1950-х годов, в период борьбы с западным влиянием и космополитизмом, советская научная элита (профессора, академики) имели широкий доступ к литературе из Германии, в том числе и к литературе, находившейся в спецхранах. Преобладание книг на немецком языке не имело большого значения в то время, так как довоенное поколение изучало в средней школе и в вузах в основном немецкий язык и немецкая книга была наиболее распространенной в Советском Союзе. Пополнение советских библиотек немецкой и другой иностранной книгой в огромной степени восполнило недостаток иностранной литературы в этих библиотеках.

К огромной печали мамы, некоторая часть книг, вывезенных из Германии (в основном другими вывозившими книги организациями) не дошла до читателей. Это происходило чаще всего по вине самих библиотек, не внесших книги из Германии в свои каталоги. Такие книги могли десятилетиями лежать штабелями в подвалах библиотек. Хотя эти книги были вывезены

не мамой, но ей было горько узнать о том, как они бездарно гибнут. Это возмущало и расстраивало Маргариту Ивановну. Кажется, впервые в жизни она сталкивалась с тем, что результаты ее деятельности оказались, в некоторых случаях, не использованы. Она с тоской думала о Лейпцигском музее книги и шрифта, который практически был закрыт даже для научной элиты. Но она ничего не могла сделать — существовал режим секретности, а она всегда с этим считалась. Единственное, что ее успокаивало, это то, что книги Лейпцигского музея целы и должны находиться в хорошем состоянии, будучи запрятаны в комнату-сейф.

Маргарита Ивановна видела, как за послевоенные годы произошла эволюция мышления в отношении вывезенных из Германии книг, как у некоторых библиотечных деятелей, так и у некоторой части общественности. В период перестройки, когда заговорили о трофейных книгах, прошло уже 40 лет после окончания войны, сменились два поколения, стали забываться ужасы войны.

В ноябре 1946 года мама вернулась из Германии в Москву в свое родное детище — Государственную центральную библиотеку иностранной литературы. Вернулась к любимому мужу, к семье. Командировка в Германию была очень тяжелой для нее, как в физическом, так и в моральном плане. С одной стороны, она представляла правительство страны и российские библиотеки в Германии и выполняла свой долг, с другой — ее мучил страх за свою Библиотеку, которую она покинула на 1,5 года. Она боялась, что какому-нибудь партийному или государственному ортодоксальному чиновнику взбредет в голову, что Библиотека "рассадник тлетворной западной культуры", и ГЦБИЛ закроют.

Ее мучила разлука с мужем, состояние полного одиночества, крайняя усталость. И ко всему этому прибавлялась отвратительная, склочная атмосфера, активно разжигаемая музейщиками в "группе культуры". Пережив страх 1937 года, Маргарита Ивановна боялась склок и их зачинщиков. Она всегда помнила, как еще в середине 1920-х годов она как-то ехала в трамвае "А" в Наркомпрос вместе с будущим Генеральным Прокурором СССР, а в то время членом коллегии Наркомпроса РСФСР А.Я.Вышинским. Стоя на задней площадке трамвая, Маргарита Ивановна жаловалась ему на склоку, затеянную одной из сотрудниц Библиотеки в отношении честных, преданных делу сотрудников Библиотеки. И здесь, как мама рассказывала, Вышинский изложил свой принцип в отношении склок: "В склоке обе стороны виновны". Вспоминая эти слова, мама добавляла: "При том, что зачинщик склоки — провокатор и профессионально

ведет склоку к логическому концу — чисткам и процессам 30-х годов". Еще мамину жизнь в Германии отравляла неопределенность сроков возвращения в Москву. Вот-вот все закончится и можно будет уехать домой, но это "вот-вот" протянулось 1,5 года. Измученная, державшаяся только за счет огромного нервного напряжения, она наконец в ноябре 1946 года вернулась в Москву.

В заключение хочется еще раз повторить: для того чтобы объективно судить о вывозе книг из Германии в 1945–1946 годах, следует представить обстановку и атмосферу конца войны и двух первых послевоенных лет, понять, соответствующую времени, психологию советских людей. Может быть, в отдельных случаях и преобладали эмоции над здравым смыслом, но на то были война и полная подчиненность советских людей государственной воле. Всем было ясно: Германия должна компенсировать ущерб, нанесенный Советскому Союзу, в том числе и в области библиотечного дела.

"Золотой век" библиотеки

Постановление правительства о ГЦБИЛ

Сразу после окончания войны произошли изменения в деятельности Библиотеки. Обучение иностранным языкам перестало быть делом ГЦБИЛ, так как появилось множество специальных учебных заведений и курсов иностранных языков. Основное внимание мы стали уделять читателям, знающим иностранный язык и желающим повысить свои языковые познания. Начиная с 1945 года появились кружки чтения классиков иностранной литературы, разговорной практики, семинары по изучению научной грамматики, технике перевода и т. д. Кружки посещали люди разных профессий — научные работники, аспиранты, преподаватели вузов, студенты, артисты, военные, инженерно-технические работники и др. В первую очередь Библиотека сочла необходимым организовать сеть семинаров для преподавателей, готовящихся к сдаче кандидатских экзаменов и к защите диссертаций. Позднее были организованы специальные семинары для педагогов языковых вузов. Была установлена деловая связь с Министерством высшего образования, и Библиотека стала базой, где преподавателям иностранных языков вузов оказывалась необходимая методическая и научно-библиографическая помощь. В 1946 году в Библиотеке был организован специальный зал для педагогов, который и явился центром, где сосредоточилась эта работа.

Возникла новая форма деятельности, так называемые методические чтения, на которых преподаватели иностранных языков вузов обменивались накопленным методическим опытом, как-то: составление программ по обучению иностранным языкам, принципы построения учебников, критика отдельных методов преподавания языков. На этих методических чтениях проводился также критический анализ наиболее популярных учебников иностранных языков, многие из которых обсуждались еще в рукописи.

К обсуждению всегда привлекались авторы, и результаты дискуссий отражались в прессе. Обсуждались, например, учебники С.П.Суворова, А.Н.Шевалдышева, В.Р.Гундризера, М.А.Данциг — по английскому языку; И.В.Рахманова и К.М.Погодилова — по немецкому языку; Л.П.Милициной — по французскому языку и др. На методических чтениях рассматривались также тематические вопросы преподавания

иностранных языков. При Библиотеке силами крупнейших специалистов устраивались систематические консультации по методике преподавания иностранных языков.

Большую работу для педагогов иностранных языков провел лекторий Библиотеки. Устраивались лекции известных языковедов и методистов. Особой популярностью пользовались лекции Н.С.Чемоданова, И.В.Рахманова, М.В.Сергиевского, В.С.Виноградова, Э.Г.Ризель, К.А.Ганшиной и др.

В 1946 году Постановлением СМ СССР за подписью Сталина было организовано на правах министерства Издательство иностранной литературы (ИЛ) при СМ СССР. В документах Госплана СССР оно проходило отдельной строкой. В этом же Постановлении были отменены валютные ассигнования на покупку иностранной литературы всем библиотекам, за исключением трех — Библиотеки им. Ленина, Библиотеки АН СССР и Публичной Библиотеки им. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде. Выписка иностранной литературы сосредоточилась в издательстве. Мы остались без валюты и, значит, без возможности пополнения фонда Библиотеки новой литературой. Несколько лет мы еще могли бы просуществовать. ГЦБИЛ значительно пополнила свои фонды за счет трофейной литературы из Германии, пожертвований из США ("Дар американского народа") и других источников. Но эти фонды надо было систематически пополнять современной литературой и текущей периодикой. Было очевидно, что наших резервов хватит ненадолго, а дальше без поступления валюты мы не сможем обслуживать науку и культуру. Одним Шекспиром и Шиллером Библиотека жить не могла. Я понимала, что есть Постановление, при том за подписью Сталина, и всякие мои хлопоты о выделении ГЦБИЛ валюты — бесполезны. Это было не только решение Сталина, но, как говорили, и его идея: он хотел иметь издательство, управляемое и контролируемое им самим. Во главе издательства встал крупный советский литературовед Борис Леонтьевич Сучков.

И вот, в один прекрасный день, вдруг ко мне приходит Борис Леонтьевич и делает предложение: "В Постановлении правительства о создании Издательства иностранной литературы, — говорит он, — есть строка: организовать библиотеку иностранной литературы. Я хорошо знаю вашу Библиотеку. Вы же знаете, что Библиотека была моим вторым домом до войны. Я считаю нецелесообразным создавать новую библиотеку. Мы получим сейчас огромную сумму в иностранной валюте. Можно десятки и десятки тысяч иностранных книг приобретать в год. Ваша Библиотека могла бы стать такой библиотекой".

Предложение было очень заманчивым. Что меня смутило сразу — это профиль издательства, включавший в себя и естественные науки, а у нас фонды только по гуманитарным наукам — языкознание, литературоведение и, немного, общественные науки. Что делать? Выгодность предложения для Библиотеки была очевидна. Но было ясно, что Т.М.Зуева, председатель Комитета по делам кульпросветучреждений, конечно, не отдаст находящееся в ее ведомстве учреждение. Это понимал и Сучков, он мне сказал: "Маргарита Ивановна, я вас очень уважаю. Вы являетесь создателем Библиотеки. Я вас знаю уже много лет, занимался в Библиотеке и будучи еще студентом, и будучи уже литературоведом. Я всегда получал в вашей Библиотеке, что мне нужно было. Я высоко ценю Библиотеку и скажу вам прямо: я не буду ни у кого спрашивать разрешения. Мне важно ваше мнение, а дальше я буду действовать так, как найду нужным!" Я попросила немного времени, чтобы обдумать и посоветоваться с ближайшими сотрудниками и с мужем. И в конце концов пришла к выводу, что хоть для Библиотеки это большой риск, но, очевидно, в настоящее время это единственный путь к ее развитию, и дала согласие Сучкову.

1 марта 1948 года вышло Постановление СМ СССР за подписью Сталина о реорганизации Библиотеки во Всесоюзную государственную библиотеку иностранной литературы (ВГБИЛ) — центральное в СССР книгохранилище иностранной литературы почти универсального профиля (кроме иностранной литературы по технике, сельскому хозяйству, военному делу и медицине). Это было первое и пока единственное постановление правительства, специально посвященное работе определенной библиотеки. В нем следующим образом были сформулированы наши задачи:

"Возложить на Всесоюзную государственную библиотеку иностранной литературы:

а) Обслуживание иностранной литературой министерств, ведомств, центральных издательств, научных учреждений и организаций, высших учебных заведений, а также научных работников и специалистов;

б) Библиографическую обработку всей поступающей в Библиотеку иностранной литературы, а также научно-исследовательскую работу в области книговедения, библиотековедения и библиографии иностранной литературы;

в) Методический инструктаж и разработку методических документов в области библиотечной и библиографической работы с иностранной книгой библиотек СССР, имеющих иностранные отделы по профилю Государственной центральной

библиотеки иностранной литературы;

г) Функции публичной библиотеки и центрального хранилища иностранной литературы и русских переводов по естественно-научной, общественно-политической, филологической, художественной литературе и литературе по искусству".

Итак, мы, во-первых, стали Всесоюзной библиотекой. Во-вторых, универсальной библиотекой. Сохраняя функции публичной библиотеки, мы стали обслуживать иностранной литературой и издательства, и различные ведомства. Этим же Постановлением Библиотека передавалась в ведение Издательства иностранной литературы. В Издательстве создавался филиал ВГБИЛ, состоявший из каталогизаторов и библиографов. Он предоставлял редакциям Издательства для просмотра, рецензирования и перевода на русский язык вновь поступающую в Библиотеку зарубежную литературу, обслуживал редакции необходимыми в их работе словарями, справочниками и другими книгами из фондов ВГБИЛ и по межбиблиотечному абонементу из других библиотек, а также осуществлял связь Издательства со всеми отделами Библиотеки. Использованные Издательством книги затем вливались в фонды Библиотеки.

"Разинка"

Постановление дало начало расцвету ВГБИЛ. Мы получили огромные для того времени валютные ассигнования, значительно расширился штат сотрудников, нам передали большое здание на улице Разина (теперь улица Варварка), 12. До революции здесь размещалось Правление Торгового дома Морозовых. Подвалом дома служило отреставрированное в настоящее время английское подворье XIV века — посольский приказ Ивана Грозного, где заключались торговые сделки с англичанами. Библиотеку стали уменьшительно называть "Разинка" (до того "Лопухинка", а потом, когда мы переехали в новое здание на Ульяновской улице, 1, нас стали называть "Иностранка"),

В это время Библиотека значительно увеличила комплектование новых иностранных книг, были заложены основы фонда естественно-научной литературы. Именно тогда нами была получена большая партия книг по естественным наукам, изданных за рубежом в годы войны. Этой литературы другие библиотеки не имели, что привлекло к нам новых читателей — ученых-естественников. Наряду с библиографическими пособиями в области гуманитарных знаний мы впервые начали широко публиковать указатели литературы естественно-научного

профиля.

Развертыванию деятельности в области естественных наук нам "помогло" такое бедствие, как "лысенковщина", из-за которой оказались отлученными от науки и практической работы многие талантливые биологи-генетики, хорошо владевшие иностранными языками. Так нашими сотрудниками стали известные ученые и библиографы-естественники М.А.Арсеньева, Л.Д.Бергельсон, Е.Н.Волотов, В.В.Хвостова, В.П.Эфроимсон и др. В то время, время борьбы с генетикой и космополитизмом, их никуда не брали на работу, и я взяла их в Библиотеку. Они называли себя "Маргариты Ивановны падшие ангелы".

Консультантом одно время у нас в Библиотеке работал известный генетик И.А.Рапопорт. Специалисты-естественники развернули комплектование и библиографическую деятельность с инициативой и размахом, присущими широко и перспективно мыслящим ученым. И это, конечно, помогло в кратчайшие сроки повернуть наше исконно гуманитарное учреждение в сторону естественных наук. За четверть века существования естественно-научный фонд ВГБИЛ достиг более 400 тыс. томов книг и 375 тыс. номеров журналов. В 1972 году в естественно-научном зале было записано 13 тыс. читателей — научных работников и студентов старших курсов. Однако уже в следующем году (сразу после моего ухода) работа с этой литературой во ВГБИЛ прекратилась, что представляется мне ошибочным и требующим пересмотра. Думаю, что это связано с непониманием роли ВГБИЛ. Ведь она, по существу, давно выполняет функцию национальной библиотеки в отношении иностранной литературы. В Москве, правда, есть солидная Библиотека по естественным наукам Академии наук СССР, но она ведомственная, и научным работникам других ведомств, а тем более студентам, недоступна. А потребность в этой литературе очень велика и непрерывно усиливается.

Новый профиль комплектования фондов Библиотеки позволил собрать в последующие 25 лет (до моего ухода на пенсию) прекрасную коллекцию послевоенной литературы по математике, физике, химии, биологии, геологии, астрономии, теоретической механике. При этом, так как невозможно, конечно, было объять необъятное, мы выписывали главным образом теоретические работы, которые были на стыках разных наук. По отзывам крупных специалистов в области естественных наук, эта коллекция считалась одной из лучших, созданных за послевоенные годы. Библиотека выписывала полторы тысячи названий периодики по естественным наукам из 60 стран и все труды обществ, конгрессов, съездов, конференций и т. д. Библиотекой пользовались до 30–40 тысяч специалистов-

естественников в год. Ликвидировать такую прекрасную коллекцию было безусловно вредно для развития науки в стране.

Важное место в формировании книжного фонда Библиотеки сыграло расширение выписки литературы социалистических стран и стран Востока. В 1957 году был организован Отдел литературы стран зарубежного Востока, с литературой на 57 восточных языках и фондом около 4 тысяч книжных единиц.

Известный востоковед академик Н.И.Конрад высоко оценил наше начинание.

Директору ВГБИЛ тов. М.Рудомино

Благодарю Вас за присылку некоторых аннотированных карточек на новые книги. В этом я вижу новое свидетельство квалифицированной, культурной постановки дела в руководимой Вами библиотеке. Прошу Вас — в дальнейшем присылать мне карточки по разделам: японский язык, японское литературоведение, японская история и корейский язык, корейское литературоведение и корейская история.

Попутно позвольте высказать самую высокую оценку новому проявлению деятельности библиотеки — организации читального зала литературы зарубежного Востока. Это — то, что нужно. Думаю даже, что именно из этого начинания может в дальнейшем развиться то, о чем я вместе с другими специалистами писал в письме в газету "Правда": Центральная библиотека и газетный зал по Востоку.

Чл. — корр. АН СССР Н.Конрад 20.1.58.

Мне часто задают вопрос о наличии раритетов в Библиотеке, так как считается, что основное богатство любой большой библиотеки — это коллекция редких книг. Я как-то с самого начала создания Библиотеки считала, что наша Библиотека должна работать именно с новой иностранной литературой, необходимой для обучения иностранным языкам и развития культурного уровня читателей. Поэтому никогда не стремилась целенаправленно собирать редкие издания, хотя возможности были большие. Во ВГБИЛ есть Отдел редких книг, в котором хранятся старопечатные книги, начиная со второй половины XVI века, довольно широко представлены книги XVII и XVIII веков. Среди раритетов у нас имеются прижизненные и ранние издания Эразма Роттердамского, Боккаччо, Петрарки, Вольтера, Дидро, Лессинга, прижизненные издания почти всех классиков XIX века, книги с автографами известных писателей, а также инкунабулы, эльзевиры, альды и другие редкие произведения книжного искусства.

Но я всегда считала, что главное наше дело — создание коллекции современной литературы, что мы и сделали: в

Библиотеке имеется богатейшая коллекция литературы по мировому антифашистскому движению, коллекция по французскому движению Сопротивления. Мы специально собирали эту литературу. Например, антифашистскую литературу мы собирали с начала 1933 года. Это редкая коллекция. Гитлер в свое время уничтожил антифашистскую литературу во всех оккупированных Германией странах. США комплектованием подобной литературы никогда не занимались.

До войны мы собирали прижизненные издания писателей того времени. В Библиотеке подобраны академические, комментированные, иллюстрированные, хрестоматийные, сокращенные, адаптированные издания классиков на многих иностранных языках. Библиотека известна своими собраниями литературных памятников народов мира, сборников песен, пословиц, исследований по фольклору. Хорошо представлены в фондах многочисленные литературные серии XVIII–XX веков и разнообразные антологии, коллекция книг на редких языках, в том числе на языке эсперанто. Большой интерес представляют коллекции русской художественной литературы в переводах на иностранные языки. В языковедческом фонде Библиотеки собрано много лингвистических материалов на самых различных языках. С первых лет существования Библиотека уделяла много времени и сил собиранию учебников и учебных пособий по иностранным языкам и языковых словарей.

Интересно собрание руководств по сравнительному и историческому языкознанию, а также теоретические и сравнительные грамматики разных языков, в том числе редких. Богата коллекция книг по истории культуры, описывающих нравы, обычаи, костюмы, жилища многих народов мира. Гордостью Библиотеки является фонд по зарубежному искусству на 28 иностранных языках. Выделяется своим богатством литература о великих художниках. Известна наша коллекция произведений Шекспира и литературы о нем. Я об этом много писала.

Фонды Библиотеки в 1950-х годах значительно увеличились, и принципы нашего комплектования изменились. В первые годы существования Библиотеки мы брали все подряд, что лежало "на поверхности", главным образом из Государственного книжного фонда. С 1922–1923 годов стали появляться новинки зарубежной литературы, передаваемые из Коминтерна и других организаций, а многое мы закупали за границей сами. Позднее квалифицированный переводческий и писательский актив, сплотившийся вокруг Библиотеки, консультировал нас при выписке литературы и использовал ее сразу после получения.

Первые переводы М.Пруста, Дж. Конрада, Э.Хемингуэя, У.Фолкнера и других зарубежных писателей были сделаны в свое время по книгам нашего фонда.

Много коллекций, подаренных нам зарубежными деятелями литературы и культуры, в те годы вливалось в наш фонд: из Франции благодаря инициативе А.Барбюса, а позднее — Ж.Р.Блока, из Чехословакии — коллекция академика З.Неедлы, из воюющей республиканской Испании — полторы тысячи томов, составляющих коллекцию "Дар испанского народа". А после войны пришла большая коллекция книг и документов движения французского Сопротивления от французского антифашиста Ж.Романа. Но это отдельные, хотя и замечательные эпизоды пополнения наших фондов. Настоящее систематическое коллекционирование современной иностранной литературы началось лишь после правительственного Постановления о Библиотеке 1948 года. Принцип выписки иностранной литературы стал таким: тщательно изучая мировой книжный рынок, собирать только "сливки". И лишь немного "молока", но ни капли "воды". Не всегда это удавалось, но направление комплектования было выбрано. В результате наш книжный фонд действительно стал уникальным.

В 1950-е годы очень вырос наш лекторий. Он превратился в интернациональный клуб, где устраивались читательские конференции, встречи с зарубежными писателями, обзоры иностранной литературы, тематические вечера. По нашим изданиям и из рассказов посещавших нас в те годы деятелей науки и культуры о Библиотеке стали больше знать за рубежом. В те годы в лектории выступали Р.Олдингтон, Дж. Стейнбек, Э.Колдуэлл, П.Неруда, Л.Франк, Ч.Сноу, Дж. Олдридж, А.Цвейг, Н.Гильен, А. де Сантис, Р.Чандра, Р.Фрост, А.Маршалл, И.Стоун и другие. Наша аудитория, в основном, состояла из студенчества, преподавателей, научных работников, писателей, литераторов. Все эти мероприятия проходили на иностранных языках без перевода на русский язык. Это поражало ученых и писателей, приезжавших к нам в страну. Они говорили, что не могли представить себе, что в Советском Союзе может быть аудитория, которая на слух понимает иностранную речь. Кроме того, они удивлялись нашим знаниям иностранной литературы. Как-то Э.Колдуэлл сказал: "Я даже не знаю того, что знает ваша молодежь". Десятки писателей, которые приезжали в Советский Союз, считали своим долгом посетить нашу Библиотеку. По четвергам лекторий организовывал и показ кинофильмов на иностранных языках: английском, французском, немецком, испанском, итальянском, шведском, словацком, польском,

хорватском и других языках.

Помимо иностранных писателей и ученых в лектории постоянно выступали советские "друзья Библиотеки". Частым гостем был К.И.Чуковский. В апреле 1952 года в ответ на мое поздравление с его 70-летием Корней Иванович прислал письмо.

Дорогая Маргарита Ивановна,

Мне нужно будет прожить еще семьдесят лет (до 2022 года), чтобы отчасти заслужить ту оценку, которую Вы с такой великодушной щедростью дали моим скромным трудам. Но я заметил, что подлинно творческие люди вообще судят о других по своим широчайшим масштабам. Это отношение к Вам и ко всему коллективу Всесоюзной Гос. Библиотеки Иностранной Литературы, дружной и многообразной работой которого я издавна привык восхищаться, как одним из самых ярких проявлений подлинно советской культуры.

Крепко жму руку товарищам, приславшим мне свой задушевный привет. Желаю им долго и плодотворно трудиться на благо нашего общего друга — Советского читателя.

Ваш К.Чуковский

Узкое, санаторий АН СССР 7 апреля 1952 г.

Я всегда с улыбкой вспоминаю Павла Григорьевича Антокольского. Он был нашим читателем, благо жил неподалеку от "Лопухинки". Очень милый, хороший, пользовался большой симпатией со стороны наших сотрудников, но вдруг он ворвался ко мне в кабинет в страшнейшем негодовании: "…Почему на афише, которая висит сейчас внизу, среди выступающих на первом месте поставлен Эренбург, а не я. Надо располагать фамилии в списке по алфавиту, а по алфавиту Антокольский первый, а вы поставили Эренбурга".

Честно говоря, у меня даже в мыслях не было не поставить Эренбурга на первое место, особенно во время войны, когда он пользовался огромной популярностью. Притом Илья Григорьевич был нашим постоянным докладчиком и старым читателем. Действительно, может быть, с точки зрения писательской этики и надо было бы поставить их по алфавиту. Во всяком случае этот конфуз заставил нас в дальнейшем обращать внимание на такие вопросы. После этого в отношениях с Павлом Григорьевичем возник холодок. И только в самое последнее время при наших встречах возобновилась прежняя теплота. Я прихожу к заключению, что когда есть маленькая трещинка в отношениях между людьми и она хорошо не замазана, то она остается на долгие годы. Я уважала и любила Антокольского, и мне жалко, что столько лет у нас были холодные отношения. Я его недавно видела. Он очень постарел, у него умерла жена, и он очень

одинок

Большим другом Библиотеки была известная пианистка М.В.Юдина. Она приходила ко мне посоветоваться по разным зарубежным вопросам. Привожу ее письмо от 13 мая 1959 года.

Глубокоуважаемая Маргарита Ивановна!

1. Благодарю Вас за интереснейший доклад.

2. Разрешите в ближайшее время позвонить Вам в Библиотеку для того, чтобы лично встретиться с Вами по вопросу, условно названному "Ознакомление с современной Западной музыкой". Я здесь — среди своих college музыкантов крайне одинока — в старшем поколении; в младшем (студенчество, частично — организации так наз. "ИСО") — напротив: многие ждут от меня некого "сдвига" и помощи… Я была ужасно занята, поэтому откладывала встречу с Вами. И вот она наступила! Мне кажется, я смогу (скромно) кое-что полезное сделать с Вашей помощью. <… >

Всего лучшего. Уважающая Вас М.Юдина.

13. V.59

В моем кабинете в Библиотеке заветным местом для многих был книжный шкаф с английскими и американскими детективами. В нем стояли новые детективы, которые нам присылали зарубежные издательства в надежде на покупки и перевод их на русский язык. Вообще Библиотека придерживала детективную литературу и широко читателям не выдавала. Таково было требование цензуры. Особенно любила покопаться в "волшебном шкафу" писательница М.С.Шагинян. Когда я ей открывала шкаф, оторвать ее от него уже было почти невозможно. Она мне писала теплые письма.

Дорогая Маргарита Ивановна!

Что же это такое? Ждала Вас ждала, все глаза проглядела, свалилась в пневмонии, выздоровела — а Вас все нет как нет!! Неужели вы меня больше знать не хотите? Шлю на разведу Валентину Самойловну, пусть на Вас хоть посмотрит, а кстати и запасет лишнюю пачку детективов (кстати, они у Вас все очень плохие, и если хотите, мы Вам разберем, что стоит сохранить, а что просто выбросить). Посылаю Вам на прочтение отзыв буржуазной брюссельской газеты "Le Soir" об агаповской и моей статьях о Выставке (Expo 58), а также на просмотр немецк. перевод "Своей судьбы" и серии рецензий о ней.

Целую. Ваша М. Шагинян.

15/IV.59.

Заглядывал в заветный шкаф и академик Дмитрий Васильевич Наливкин. Меня всегда поражало в этом человеке соединение серьезности маститого ученого и непосредственной,

почти детской, радости, когда Дмитрий Васильевич вдруг находил интересный детектив. Часто наши споры о литературе этого жанра кончались легкими ссорами, но Дмитрия Васильевича переубедить я не могла. Потом мне стало понятно, чем привлекали его детективы. Он, выдающийся геолог, был в постоянном поиске, а детектив и есть поиск (лат. detego — раскрываю). Вообще Наливкин был не только крупным ученым. Это был человек с душой, открытой людям, внимательный к каждому, умеющий слушать другого, понимающий собеседника с первого слова, добрый и отзывчивый. Он был завсегдатаем Библиотеки. Когда он приходил в Библиотеку (для этого он приезжал из Ленинграда, где жил), то находил для каждого сотрудника теплое слово, и все старались ему помочь. Вспоминаю, как он вместе с нами переживал удачи и неудачи сооружения нового здания Библиотеки. Некоторые письма в правительство для ускорения строительства были составлены им лично, и первая подпись от читателей была его.

В 1960-1970-е годы я часто ездила в командировки во Францию и каждый раз бывала у Марии Павловны Роллан. С ней я познакомилась еще в 1920-х годах. В то время она — Мария Кудашева — работала секретарем в Государственной академии художественных наук (ГАХН), которая располагалась на углу Пречистенки и Левшинского переулка. Все о ней говорили, как о талантливой женщине. Она была дочерью русского и француженки, родилась и жила в России. Перед Первой мировой войной вышла замуж за князя Кудашева. Война застала их в Крыму. Муж умер от сыпного тифа, и она осталась с маленьким сыном. В 1921–1922 годах она приехала в Москву и поступила на работу в ГАХН. В это время президент ГАХН профессор П.С.Коган начал готовить полное собрание сочинений Ромена Роллана. Мария Павловна рассказывала, что она тогда, по поводу этого издания, начала переписку с Р.Ролланом, которая постепенно перешла из деловой в частную. Не видя ее, зная только по письмам, Р.Роллан создал ее образ в романе "Очарованная душа", который тогда писал. Вскоре он пригласил Марию Павловну в Швейцарию, где жил после Первой мировой войны, и она в конце 1920-х годов ездила к нему в деловую командировку. А затем, в 1929 или 1930 году, он предложил ей переехать к нему, стать его женой и помощницей в его работе. Она согласилась, и он просил советское правительство разрешить ей выехать к нему. Такое разрешение было дано, и она поселилась у него, став его женой, другом, помощником, секретарем. До нее он был один раз женат, но очень неудачно, рано разошелся и последние 20 лет жил один. Он был более чем на 30 лет старше нее. Сын Марии Павловны —

талантливый мальчик, окончил математический факультет и аспирантуру МГУ, во время Отечественной войны пошел добровольцем на фронт и был убит под Смоленском. Надо сказать, что Ромен Роллан предлагал ему еще в 1930-х годах переехать к нему во Францию, хотел усыновить его, но мальчик отказался. Перед войной он женился. У него была очень интересная переписка с Роменом Ролланом, которая в фотокопии хранится во ВГБИЛ. Когда Мария Павловна переехала во Францию, она стала присылать нашей Библиотеке книги Ромена Роллана. Мы много переписывались. А после войны и смерти Р.Роллана, в 1958 году, я, будучи в командировке в Париже, впервые навестила ее, и у нас до конца ее жизни установились дружеские отношения.

Тогда, в 1958 году, мы обсудили планы дальнейшего увековечения памяти Ромена Роллана и серьезно поспорили. У нас был очень неприятный разговор. Я критически отнеслась к ее плану постройки мемориального комплекса Р.Роллана в Везлее, маленьком городке в Бургундии, недалеко от Дижона, где в двухэтажном особняке с большим садом, в красивом месте на горе Р.Роллан провел свои последние годы. Я старалась убедить Марию Павловну в том, что надо продолжить работу с уже существующими музеями и архивами, а не начинать что-то совершенно новое. Но она мне на это резко возразила: "…Я не собираюсь только увековечивать память моего мужа, я хочу и продолжить его работу". Может быть, со своей точки зрения, она и была права, но время показало, что она не сумела это сделать. Она построила в Везлее в саду рядом с их виллой Дом дружбы между французскими и немецкими студентами, тем самым продолжив идею любимого героя Р.Роллана Жана Кристофа, желавшего вечного развития дружбы между молодежью Франции и Германии. Но вместе с тем она не много сделала по созданию музеев и архивов. Архив Роллана хранился в ее маленькой парижской квартирке, которая была завалена так, что невозможно было шагу ступить, чтобы не наступить на какой-нибудь раритет. Мария Павловна боялась расстаться с любым письмом, с любой бумажкой Роллана, хотя рядом была библиотека Сорбонны и новое здание библиотеки Сен-Женевьев, где можно было построить помещение под архив Р.Роллана. В этом здании давали помещение под музей-архив Р.Роллана — 4 комнаты с сейфами, хорошо защищенные от хищения, но Мария Павловна побоялась передать архив. Она не могла оторвать его от себя, считая, что у нее он в большей безопасности. Я ей несколько раз говорила: "Мария Павловна, не думайте, а передайте все в государственный архив. Если что случится с вами, то ведь здесь у вас все это может

пропасть, а там это останется навечно". Она с этим соглашалась, но все-таки с архивом не расставалась. Надо сказать, что сама Франция мало интересуется Роменом Ролланом. Вся забота о нем легла на плечи этой немолодой худенькой женщины.

В послевоенные годы Мария Павловна несколько раз бывала в Советском Союзе. К 25-летию смерти Р.Роллана она привозила материалы к большой мемориальной выставке у нас в Библиотеке. Очень хотела поехать в Коктебель, хотела вспомнить свою молодость, свою дружбу с Волошиным. Мария Павловна говорила: "Я для себя поставила цель побывать в Коктебеле, побывать еще разок, уже по-настоящему, с отдыхом…" Да, это была очень своеобразная женщина, страшно целеустремленная, очень активная, но не очень доброжелательная к людям. Поэтому ей довольно трудно было жить.

Семья

Первые послевоенные годы в жизни нашей семьи были годами потерь. В 1946 году скончалась после тяжелой и продолжительной болезни наша няня — Анна Ивановна. Мы потеряли любимого нами и бесконечно преданного семье человека. Она всю свою сознательную жизнь отдала нашей семье. И у нее ничего другого не было, кроме нашей семьи. Она любила Адриана и Марианну как своих собственных детей. Прах ее покоится в одной могиле с Василием Николаевичем и его мамой Марией Матвеевной на Донском кладбище в Москве. А через два года трагически погиб брат Василия Николаевича — Юрий Николаевич.

Я приехала из Германии в конце 1946 года и застала Василия Николаевича в плохом состоянии: уставший, раздраженный долгим моим отсутствием, горюющий после смерти Анны Ивановны, неприспособленный к главенству в семье… Адриан после демобилизации, в марте 1947 года, в виде исключения был принят на первый курс Московского института международных отношений. Но много пропускал, не учился. В 1948 году серьезно заболел, перенес операцию, ушел из МИМО и в 1949 году поступил в Институт внешней торговли, который и закончил в 1954 году. Последующие годы работал в Министерстве внешней торговли. В начале 1970-х годов перешел на преподавательскую работу в должности доцента в МГИМО. Никак не мог жениться. И только в 1968 году наконец женился. Можно было, как я говорю, столько времени ждать, чтобы получить такую прелестную жену, как Наташа Покровская, врач, научный сотрудник в Онкологическом институте на Каширке. В 1969 году у Адриана и

Наташи родился сын Васенька, наш второй внук, прелестный мальчуган, ласковый и очень хороший.

Дочь Марианна хорошо училась в школе, была очень прилежной в занятиях, закончила школу с серебряной медалью. Прекрасно прошла собеседование и поступила на учебу в Институт тонкой химической технологии им. М.В.Ломоносова. После окончания института в 1959 году работала в лаборатории академика М.И.Кабачника в Институте элементоорганической химии АН СССР. В 1960 году Марианна вышла замуж за Андрея Макарочкина, пианиста, ученика известного пианиста Владимира Софроницкого. Она быстро защитила кандидатскую диссертацию. У них сын Алеша, музыкально и художественно одаренный мальчик.

После войны я подготовила в черновом виде диссертацию на тему развития современного библиотечного дела в Дании. Сдала кандидатские экзамены. Но защитить диссертацию так и не удалось — работа не позволила выкроить время для завершения исследования.

Несколько лет собирала домашнюю коллекцию книг по библиотечному делу, но из этого ничего не вышло — то не было времени, то средств. К тому же я решительно против библиофильства среди библиотекарей. Настоящий библиотекарь не сможет держать дома книги, которых нет в библиотеке, где он работает. Я знаю многих крупных библиотекарей мира, и почти никто из них не имеет больших личных библиотек. Но любимые произведения отдельных авторов стоят у меня на полках. Как говорил Цицерон, дом, в котором нет книг, подобен телу, лишенному души.

Очень люблю музыку. Мы с мужем старались не пропускать интересных концертов и считали Большой зал Московской консерватории своим домом. Дома у нас богатая коллекция пластинок классической музыки, и наша прекрасная радиола всегда в ходу. Люблю старинный фарфор. Кое-что удалось собрать, но кажется, не как настоящему коллекционеру. Театралами мы никогда не были, но кино любили.

К телевидению у меня до сих пор отношение холодное. Телевизор — не люблю. По-моему, он хорош только для прямых репортажей с места событий. Главный же недостаток — обилие плохих передач. Редкий человек обладает такой дисциплиной, что может выключить телевизор в нужное время. И незаметно превращается в раба телевизора, который заменяет многим и театр, и музей, и книгу.

Но главное — много читаю. Книги, существующие уже тысячелетия, по моему мнению, не исчезнут никогда. Какие бы

новые способы чтения не были изобретены, люди никогда не смогут отказать себе в удовольствии перелистывать нужные страницы, наслаждаться неторопливым чтением. В связи с этим думаю, что будущее библиотеки — это не замена книг микрофильмами и пленками. Библиотеки будут развиваться как комплексные учреждения культуры, соединяющие в себе функции хранилища, лектория, музея, учебного заведения, информационного центра и т. д. Аудиовизуальные материалы встанут на полки на равных правах с книгами, журналами, газетами.

Старюсь читать только лучшие произведения художественной литературы. Могу спокойно отложить некоторые книги в сторону. Слишком дорожу своим временем. Если не выработать в себе самодисциплину, то можно разбросаться и упустить что-то главное в жизни и в своей работе. Например, я как член редколлегии журнала "Иностранная литература" прочла роман в то время еще малоизвестного колумбийского писателя Габриеля Гарсиа Маркеса "Сто лет одиночества", предложила напечатать его в журнале и до сих пор нахожусь под впечатлением этой прекрасной книги.

К сожалению, у нас очень плохо поставлено обучение библиографии, которое должно начинаться со школы. Как без компаса нельзя отправляться в неизученные края, так и без библиографии неграмотно любое чтение. Поток информации необъятен. Ученому, инженеру, врачу, журналисту необходимо знать, что уже было написано по интересующему его вопросу, чтобы не изобретать заново велосипед. То же самое и в художественной литературе. Все перечитать невозможно. Главное — обязательно. Например, вряд ли кому-нибудь, кроме литературоведов, нужно читать всего Шекспира. А "Гамлета", "Короля Лира", "Ромео и Джульетту" всякий образованный человек прочитать обязан. Мы, например, издаем справочник лучших книг мира, куда включены избранные произведения писателей всех стран со времен античности до наших дней. Наши библиотекари работали над справочником "Основные произведения иностранной художественной литературы" десятки лет. По моему мнению, такой справочник — руководство к чтению — должен быть в каждой семье.

Очень радуюсь, когда мой внук вместо того, чтобы задавать вопросы взрослым, пытается найти ответ в детской энциклопедии или справочнике, которых в нашем доме много и о существовании которых он знает. Думаю, в будущем, кем бы он ни стал, умение обращаться со справочниками сэкономит ему массу времени.

Дача в Барвихе по-прежнему занимала особое место в нашей жизни. Она требовала большого внимания. Во время войны в доме располагались военные, а после их ухода все растащили. Остался только сруб и крыша. В начале 1950-х годов сделали капитальный ремонт дома, утеплили его, что дало возможность приезжать и в зимнее время. Появился новый "член семьи" — немецкая овчарка Бинго. Все ее любили несмотря на то, что она почти всех в нашей большой семье искусала. Марианне искусала спину, Марии Николаевне и Григорию Михайловичу — руки. Она также умудрилась задрать козу и соседскую собачку. Но, с другой стороны, она была так ласкова с нами со всеми, что мы никак не могли с ней расстаться. Держали на даче специально для нее домработницу, не хотели брать в город. Но все-таки расстались с ней. Адриан отвел ее к леснику в Немчиновку. Он рассказывал, что когда оставлял ее у лесника, собака душераздирающе выла, а когда он пришел через две недели навестить ее, она не бросилась ласкаться, как всегда, а забралась в глубь конуры и оттуда грустно смотрела.

В конце 1950-х годов на даче начались большие изменения. Мы построили маленький дом в глубине участка, где "нога человеческая не ступала", и Василий Николаевич, я и Адриан переехали в него. В декабре 1960 года отпраздновали новоселье и почувствовали радость самостоятельной жизни. А в 1964 году мы переехали в Москве в отдельную квартиру в новом доме в Большевистском (ныне Гусятниковом) переулке рядом с Чистыми прудами. Конечно, были рады. 40 лет мы по вине А.В.Луначарского прожили в коммунальной квартире на Мясницкой улице. Но, когда переехали в новый дом, вначале пожалели: не было ни высоких потолков, ни больших комнат, как в дореволюционном доме на Мясницкой улице. Однако чувство самостоятельности затмило все.

Как я уже писала, мы с Василием Николаевичем старались каждый год обязательно отдыхать. В первые послевоенные годы в отпуск ездили в санатории на юг. Надо было лечиться — у меня было переутомление центральной нервной системы. Я даже лежала в 1948 году в больнице по этому поводу. Но позже мы полюбили отдыхать в Подмосковье и в центральной части России. Несколько раз ездили в Карловы Вары. Увлекались поездками на теплоходе по Волге, Волго-Балту, Оке и Каме. На Байкал так и не выбрались. В начале 1950-х годов зимой отдыхали в чудесном доме отдыха судостроителей "Красная Пахра", а затем в 1960-1970-х годах в доме творчества архитекторов "Суханово", который стал для нас как бы "вторым домом". "Суханово" мы полюбили за интеллигентный дух, создававшийся не только

отдыхающими, но который долгие годы поддерживал и развивал обслуживающий персонал во главе с сестрой-хозяйкой, незабываемой Ивой Лазаревной. С ее уходом этот дух безвозвратно улетучился, и, когда я отдыхала в "Суханово" в 1982 году, даже поверить нельзя было, что здесь когда-то витал тот неуловимый дух интеллигентного дома.

В 1957 году Василий Николаевич ушел на пенсию. Ему было 67 лет. У меня в то время в самом разгаре была подготовка к строительству нового здания и борьба с Ленинской библиотекой "не на жизнь, а на смерть" за нашу самостоятельность. А здесь еще врачи поставили диагноз — стенокардия! Настроение было плохое. Очень тянулась к Василию Николаевичу, он жил на даче, и мне его очень не хватало. Привожу два письма того времени к нему:

Москва, 17-XI..1960 г., 3 ч.д.

Толенька, мой родной!

Ты промелькнул, как луч зимнего солнышка! А вместе с тем мне так хотелось бы побыть с тобой, прижаться к тебе и тихо-тихо посидеть с тобой. Когда я открыла двери и у видела, у меня сильно забилось сердце и точно что-то теплое и приятное полилось в груди. Толик, родной, люблю я тебя сильно и так всю жизнь. Ты прошел в моей жизни красной нитью. Нам только никогда не хватало времени тихо посидеть и тихо поговорить или даже тихо помолчать. Всегда кто-нибудь или что-нибудь мешало. И темпы быстрой жизни и ежедневная текучка не давали быть вместе. А короткие перерывы отпусков отвлекали новыми впечатлениями, и мы, хотя были и близки, но много мыслей уходило на окружающее и окружающих. И так прошла вся жизнь. А дома вместе — это минуты, которые я помню:

1924 год, когда приехал из Киева, а я уже в декрете была и лошадь по саду понесла и ты побежал за ней, а я осталась одна;

1936 год, когда Марианка родилась и мы сидели вместе в комнате, полные чувств;

1956 год, когда мы вернулись из Карловых Вар и у нас было два дня отпуска и мы встали в 12 часов дня и разговаривали, сидя на диване у Адриана;

и 1957 год, когда ты только что ушел на пенсию и я бежала домой, чтобы побыть с тобой, и чувствовала себя, как в первые годы жизни с тобой. Но вскоре ты опять пошел работать. Это подлинные лучи, а в общем за 40 лет всегда хотелось тебя поцеловать и что-нибудь всегда мешало. И во сне мне это часто снится… Сейчас мечтаю об отпуске — как мы только вдвоем будем месяц и как мы тихо посидим и любовно поговорим и здоровье подремонтируем, чтобы еще долгие годы вместе быть.

Я давно думала тебе письмо написать, но сейчас наплыв чувств так велик, что решила не откладывать. Мне тебя, Толик, очень жалко, что тебе приходится с дачей возиться, а еще ко всему я заболела. И потому считаю дни и очень хотелось бы тебя в городе увидеть. Краме того беспокоюсь о тебе. В даче холодно, наступили морозы. А ты о себе мало думаешь. Очень прошу тебя, береги себя, хотя бы для меня.

Толинька, родненький и почему так получается? Мы муж с женой с тобой, а вместе бываем с трудом! Давай договоримся, что это в последний раз. Надо не быть рабами текучки, а думать о нас самих. Почитаем вместе. Походим в театры, в кино, наконец. Скорее бы эта неделя кончилась. Временами бывает так тоскливо, серо, далеко, а библиотечные боятся меня потревожить, дети на работе. Работы много. Надо написать несколько статей, написать письма, а нет силы воли взяться и начать… и так проходят дни… А ты? Думаешь или некогда?

Обнимаю, целую крепко, крепко, крепко.

Твоя навсегда Р.

В другом письме из больницы в феврале 1962 года я писала:

19 февраля 1962 г.

Толик, мой любимый!

Пишу это письмо только тебе. Мне хотелось поговорить с тобой. Спасибо тебе, мой единственно любимый, за ласку, внимание и любовь. Я чувствовала ее ежесекундно. Родной ты мой, какое счастье, что мы вместе. И это счастье надо продлить как можно дольше. Я все делаю, чтобы стать здоровой и еще долго жить вместе с тобой в таком единении, как последнее время. Но и ты, Толик, не забывай о себе. Ты действительно мне не понравился, когда я сверху из окна смотрела на тебя. Толинька, ты только начни следить за своим здоровьем. А потом уже пойдет. Несмотря на скорый санаторий, надо уже сейчас начать и пойти к врачу. Я понимаю твое состояние пустоты. Ведь я с тобой и все время с тобой. Жду тебя хоть бы под окно. Боюсь, что карантин продлят и придется ограничиваться только письмами.

Твои камелии — это чудо. Смотрю на них и думаю о тебе. Только одна уже поникла, а вторая оторвалась от ветки, и я положила ее в чудесную нашу вазочку. Спасибо тебе, родной. Все врачи и сестры любуются. Физкультурница сегодня ахнула, увидя их, и вынула, чтобы понюхать, а цветок и отпал. Было очень грустно. А фиалки были чудесные, но они продержались лишь 1–2 дня, а камелии сегодня уже 4-й день и простояли бы еще, если бы не этот неосторожный жест. Но все равно они красивы.

И люблю тебя. Целую тебя крепко и долго, долго и навсегда. Р.

В 1950-х годах с Сережей Королевым мы виделись редко —

только на даче, когда он приезжал навестить Марию Николаевну и Григория Михайловича. В семейной жизни его произошли перемены, жил он тогда у себя на заводе в Подлипках. Однажды, это было в юбилейные дни его 50-летия, в январе 1957 года, мы всей семьей — Василий Николаевич, Адриан, Марианна, Мария Николаевна, Григорий Михайлович и я приехали к нему в Подлипки. В этот вечер Сережа был в ударе и много говорил о будущем, о предстоящих полетах в космос. В конце 1950-х годов слово "космос" для всех нас стало уже привычным. Однако мы были потрясены грандиозными планами Сергея, казавшимися фантастикой. Сергей рассказывал о межпланетных кораблях — "вокзалах", где могли бы останавливаться космические корабли, как бы промежуточной станции. На этих "вокзалах" можно будет пополнять космический корабль горючим, получать необходимое для дальнейшего полета питание, переночевать, иметь связь с Землей…

Прошло немногим более двух десятилетий с тех пор, и его фантастическая мечта осуществлена. А, впрочем, может быть, для Сергея его "мечта" не была фантазией, может быть, уже тогда у него был законченный проект — не знаю. Надо признаться, что в тот вечер эти его планы воспринимались как утопия. А сегодня на орбите уже побывали целые комплексы — корабли "Салют" и "Союз". Незабываемое впечатление в тот вечер произвел на нас огромный макет Луны, в виде глобуса, с фигурой Королева на одной из ее вершин — подарок Сергею к его 50-летию от товарищей по работе. Этого гостеприимного вечера забыть нельзя, настолько оригинальны, необычны, убедительны и познавательны были рассказы Сережи. Так уже сложилось, что в последние годы его жизни нам редко удавалось поговорить по душам, как бывало когда-то. Но однажды случай представился. Рассказывая Сергею об удачах и неудачах в моей работе по строительству нового здания Библиотеки, я посетовала: "Тебе хорошо, Сережа, ты можешь сделать и получить все, что хочешь. Для тебя все двери открыты, а мне по-прежнему приходится зачастую лбом дверь прошибать". На это он ответил: "Подожди, потерпи, Маргарита, придет день, я уверен, и для тебя откроется заветная дверь, и за ней откроются все остальные, и ты будешь иметь то, чего с таким трудом сейчас добиваешься".

Он говорил точно и ясно. И в другом масштабе деятельности — обыкновенной, земной, по сравнению с его собственным делом — он оставался таким же оптимистом и таким же провидцем. Конечно, я понимала, что двери бывают разные, и хотя в моей работе для меня двери так и не открылись, но слова Сергея всегда поддерживали меня. И действительно, мне в жизни много

удалось.

Шли годы и годы…

12 января 1966 года сразу после незапланированной многочасовой операции, не подготовленный к ней, на операционном столе умер Сережа. О Королеве мы знали, что он знаменитый ученый, академик, генеральный конструктор. Но по-настоящему значение его вклада в историю человечества открылось мне, как и всему миру, лишь после его смерти. Только смерть выявляет истинный масштаб личности, и тогда особенно явственно становится видно непоправимое. Пятьдесят лет жили мы рядом и не осознавали истинного масштаба его личности. Детали быта, подробности становления характера, поведения, разговоры, о которых может знать и может помнить только один человек, все это оказывается невосполнимым и тем усиливает горечь утраты.

Новое здание

Теперь о новом здании Библиотеки. В это здание я вложила почти всю свою жизнь. Почти 30 лет (кроме военной поры), с 1930 года я пробивала день за днем, месяц за месяцем, год за годом возможность строительства специального здания для Библиотеки. В 1936 году вышло специальное постановление Совнаркома РСФСР за подписью председателя Д.Е.Сулимова о строительстве нового здания объемом в 30 тысяч кубометров в центре Москвы. Тогда же Моссоветом был выделен и участок — Настасьинский переулок, 5, на углу с Большой Дмитровкой, напротив театра Ленинского комсомола. Проект здания был создан в одной из мастерских Мосстроя и в 1938 году был утвержден Архитектурно-планировочным управлением (АПУ) Моссовета. Проект здания нам нравился, в нем было соединение классицизма и современного стиля. Он лег в основу и проекта нового здания на Ульяновской улице, 1. Уже в 1939 году должно было начаться строительство. Но началась советско-финляндская война, и все застопорилось. На заседании Совнаркома СССР и в конце 1939 года, когда рассматривался вопрос о строительстве ГЦБИЛ, с большой речью выступил А.Я.Вышинский, в то время заместитель председателя Совнаркома СССР. Он хорошо знал нашу Библиотеку еще по Главнауке и Главпрофобру начала 1930-х годов, когда он был членом коллегии Наркомпроса РСФСР. Он сказал, что новое здание Библиотеки должно стать гордостью Москвы и строить его кое-как нельзя. Но из-за военных действий в Финляндии даже гранита на облицовку здания нет. Он предложил из-за военного времени отложить строительство

нового здания для Библиотеки. И строительство было отложено, а затем началась Отечественная война. Только в 1948 году, когда мы перешли в ведение Издательства иностранной литературы, опять встал вопрос о строительстве нового здания. Вновь начался стремительный бег за той же "строчкой в титульном списке" — письма известных ученых и писателей в Моссовет, в Правительство, в ЦК КПСС. В 1949 году нам был предоставлен участок на Ульяновской улице, рядом с Астаховым мостом, тот, на котором в конце концов и было построено новое здание Библиотеки. Но уже через год или два Библиотека была вычеркнута из планов строительства в Москве. Началась невероятная борьба. Кто-то помогал. Я помню, был такой, покойный уже сейчас, Кравченко, начальник Бюро культуры Госплана СССР. Он очень помог.

А в том же Главполиграфиздате, в ведении которого мы находились к тому времени и которое к нам прекрасно относилось, кто-то из работников, только потому, что с ним не согласовали, взял и снял строительство Библиотеки из титульного списка. Потом нас включили, затем опять исключили. Мне жаль, что я тогда не вела дневника. Буквально дня не проходило без каких-либо звонков, каких-либо приемов у начальства по поводу строительства нового здания Библиотеки. Один работник ЦК сказал мне как-то с укором и невольным изумлением: "Что вы за женщина такая! Мы вас гоним в дверь, так вы — в окно!" Так, например, в одном и том же отделе кто-то помог, а дальше, когда это уже пошло на утверждение, кто-то снял. И опять кто-то помог, а затем кто-то снял…

В 1953 году вышло распоряжение СМ СССР о строительстве нового здания для ВГБИЛ по типовому проекту пятиэтажной школы с приспособлением ее для размещения Библиотеки. Срок окончания строительства — через год. А случилось это потому, что наше прекрасное, но такое малое для нас, здание на улице Разина должно было идти на слом в связи со строительством гостиницы "Россия". А так как Библиотеку, которая имела достаточный вес в Москве, нельзя было закрыть или куда-то просто выбросить, встал вопрос о строительстве школьного здания под нее. Мы на это пошли, даже были рады, потому что уже понимали, что с включением в титульный список ничего не получается. Но в 1954 году на заседании Президиума Моссовета, на котором я присутствовала, нам предложили участок за Соколом, в районе Балтийской улицы. Там были пустыри, и вот там должна была строиться Библиотека. Я тут же поняла, что если дам свое согласие, если я пойду с кем-то советоваться, а решение Президиум Моссовета вынесет сейчас, то будет все

кончено. Это означало бы закрытие Библиотеки. Может быть, у меня тогда не хватило фантазии представить себе, что новые микрорайоны могут быстро вырасти, как это действительно и случилось. Но даже на сегодняшний день, а уже прошло 25 лет, я должна сказать, что, конечно, центральная научная библиотека должна располагаться в центре города, чтобы читателю можно было легко до нее добраться. Центр — есть центр. Наше сегодняшнее месторасположение — прекрасное. И я категорически не дала своего согласия. Я понимала, что иду на большой риск и что мой отказ повлечет неприятности для меня. Но Главполиграфиздат меня поддержало. Думаю, что если бы это было позже, когда мы были в ведении Министерства культуры, то я, безусловно, получила бы выговор за то, что решение взяла на себя, и сама, ни с кем не согласовав, сказала "нет". Но я думаю, что члены Президиума Моссовета поняли, что я взяла на себя слишком много, и с формулировкой "вопрос недостаточно проработан" сняли его. Но через 4 года, в ноябре 1957-го, после того как Библиотека так и не попала в титульный список, группа известных ученых и писателей обратилась в ЦК КПСС с просьбой помочь Библиотеке. И уже в декабре 1957 года было поручение ЦК КПСС Мосгорисполкому ускорить строительство нового здания Библиотеки. Тотчас было принято решение Мосгорисполкома о строительстве нового здания по Ульяновской улице, где выделенный нам еще в 1948 году участок сохранился, так как был труден для выселения.

Началось судорожное и очень нелегкое выселение. За полтора года мы все-таки справились с этим. В этом большая заслуга моего заместителя Исаака Владимировича Гофлина. Учреждения были довольно быстро переселены, а с 250-ю жильцами пришлось долго повозиться. Кто-то хотел переезжать, кто-то не хотел. И.В.Гофлину грозили чуть ли не убийством. В конце концов почти все выиграли на этом переселении, площадка под строительство была освобождена, и в ноябре 1961 года на этом участке были вбиты первые сваи под новое здание Библиотеки. Сваи пришлось вбивать в два ряда, так как грунт был водянистый, в связи с тем, что это был низкий берег реки Яузы. Площадку основательно завалили мусором и песком, так что грунтовые воды нас не тревожат.

Проект был сделан в архитектурной мастерской Д.Н.Чечулина — Д.Н.Чечулиным, Н.М.Молоковым и молодым архитектором В.А.Ситновым. Наблюдал за строительством и вносил поправки в проект В.А.Ситнов. Его жена Ю.С.Артамонова была главным дизайнером внутренних помещений Библиотеки. Я как раз в это время побывала в Дании и видела современные

здания библиотек — большие светлые залы, никаких коридоров, много воздуха. Наш первоначальный проект отдавал душком. Поэтому я была довольна, когда В.А.Ситнов многое в проекте осовременил. Это довольно длительная работа отняла чуть ли не целый год. Но все-таки проектная документация была сделана вовремя. И вот в 1960 году Спецтрест, кажется второй, который строил Дворец съездов, кинотеатр "Россия" и другие важные объекты, приступил к работе.

Но не тут-то было! В разгар отделочных работ новое здание собрался захватить Государственный комитет по науке СМ СССР. У них возник план вселить в здание Всесоюзный институт научной и технической информации (ВИНИТИ). Было направлено письмо председателя Государственного комитета по науке Председателю СМ СССР с подтверждающей визой его заместителя К.Н.Руднева с требованием передачи этого здания Государственному комитету по науке. Когда я узнала об этом письме, я подняла всю московскую интеллигенцию, всех кого только можно, чтобы мне помогли отстоять новое здание. В последнюю очередь откликнулось Министерство культуры, в ведении которого к тому времени находилась Библиотека. Надо сказать, что министр культуры Е.А.Фурцева оказалась, к моему удивлению, довольна моими действиями, несмотря на то, что я действовала через ее голову. Ее заместители прекрасно знали об угрозе, но полностью бездействовали, а меня она не принимала, поэтому я сама ей не смогла доложить и вынуждена была написать докладную записку в ЦК КПСС.

И уже ЦК партии вмешался в это дело. В этот момент и Е.А.Фурцева стала действовать, даже не наказав меня за обращение в ЦК партии через ее голову. За несколько дней до рассмотрения нашего вопроса на Президиуме ЦК КПСС она говорила в моем присутствии с К.Н.Рудневым и убедила его, что нельзя забирать новое здание у ВГБИЛ, и он отозвал письмо. Наш вопрос был снят с заседания Политбюро ЦК. Я очень боялась, что решение могло быть не в нашу пользу. Трудно было предугадать, кто кого переборет. Ведь проталкивал это решение заместитель председателя Государственного комитета по науке Д.М.Гвишиани — зять А.Н.Косыгина, который в то время был председателем СМ СССР. Но все кончилось хорошо. После этого Е.А.Фурцева несколько раз приезжала на стройку. В обращении со мною неизменно демонстрировала свое недовольство.

Весною 1965 года начался переезд Библиотеки в новое здание. 2 июня 1965 года я писала Вере Александровне Артисевич в Саратов:

… Перевозим книги в новое здание. Перевезли уже 2 миллиона книг. Переезд идет тихо и спокойно и не нарушает общего ритма работы всей Библиотеки. Только по воскресеньям с 1 июня по 1 сентября закрывали читальные залы. При этом перевозили сами, без посторонней помощи, организуя щепочку" из сотрудников. Ящики грузят рабочие. Но переедем полностью лишь в конце года, а может быть, даже в начале будущего. Очень медленно идут отделочные работы. Мебель уже давно получена из Финляндии и ждет своей очереди. Пока все идет гладко.

В 1966 году закончилась 30-летняя эпопея строительства здания ВГБИЛ. Москва получила прекрасное, оборудованное по последнему слову техники библиотечное здание размером 24 тысячи квадратных метров с 8-этажным книгохранилищем (16 ярусов), 14-ю читальными залами и конференц-залом на 400 человек.

2 марта 1967 года я писала:

..Когда я вхожу в новое здание — одна и та же мысль — что было, начав с одной-двух комнат, и что стало — дворец. И гордость и удовлетворение всей жизни. Все очень хорошо — красиво, удобно, рационально. Конечно, неприятно, что многие не оценивают, в частности, наш министр Е.Фурцева, да и все министерство, пожалуй. Это тягостно и даже очень. Но вместе с тем сам факт, что ВГБИЛ есть и будет, да какая!.. Осенью специально приедешь посмотреть и порадоваться с нами. Открытие планируем на середину мая, тогда же будем проводить и научную сессию. Мечтаем о гостях, но пока вопрос не решен. Скоро постараюсь прислать фотографию нового здания.

Боюсь показаться сентиментальной, но признаюсь: увидев на новых полках многострадальные книги, столько кочевавшие, испытавшие и подвальную сырость, и холод, и переезды в разные концы города, наконец поставленные на постоянное место в этом удобном хранилище, я не удержалась и поцеловала их. В переезде и перевозке книг участвовали все сотрудники, практически мы не закрывали Библиотеку для читателей ни на один день. Буквально на руках, по цепочке, 4-миллионный фонд был перенесен с грузовиков на ярусы хранилища. Праздник открытия нового здания состоялся 31 мая 1967 года. Это было незабываемое событие в моей жизни и жизни коллектива Библиотеки, который насчитывал тогда уже около 700 человек Все здание заполнилось гостями. Все были в восторге от здания, от оборудования, от мебели, от общего дизайна. Все было ново для читателей и друзей Библиотеки. Я видела радостные лица. Меня все поздравляли. Я была счастлива!

К открытию нового здания Библиотеки я получила много

приятных писем. Привожу несколько из них. Вот письмо от 26 декабря 1966 года одного из старейших наших читателей академика Михаила Павловича Алексеева.

Глубокоуважаемая Маргарита Ивановна,

До Ленинграда дошло известие, что Ваша Библиотека заканчивает, наконец, переезд в новое прекрасное здание и что открытие всех ее помещений и просторных читальных залов совпадает с сорокапятилетием ее существования. Крайне сожалею, что не имею возможности приехать в Москву, чтобы выразить радость по этому поводу и лично поздравить Вас — организатора и бессменного директора Библиотеки, а также весь коллектив Ваших сотрудников, со знаменательным, событием в жизни Вашей библиотеки, с которого, несомненно, начнется новый и еще более блистательный период в ее истории.

Я — очень старый читатель Вашей библиотеки, на глазах которого происходит рост и постепенное превращение в крупнейшее книгохранилище не только всесоюзного, но и мирового значения. Десятки, если не сотни раз, я получал возможность именно в Вашей библиотеке найти то, что мне было крайне необходимо для моих работ и без чего они не могли быть опубликованы. Вероятно, ни одна из наших крупных библиотек не имеет ни таких специально подобранных книжных собраний, ни таких удивительных справочных карточек и пособий, изобильных и рационально расположенных. Благодаря этим, годами собиравшимся и улучшавшимся, изданным и еще неизданным пособиям в Вашей библиотеке можно быстро и с максимальными результатами почерпнуть то, на разыскание чего в других библиотеках ушли бы целые месяцы. Для меня всегда было очевидно также, что именно в Вашей библиотеке работают сотрудники не только искренне преданные своему делу, но и удивительно благожелательные ко всем, кто нуждается в их помощи: и справки вся кого рода, да и самые книги предоставлялись в Вашей библиотеке легко и быстро, хотя далеко не все Ваши читатели догадывались, что в прежние годы, чтобы достать нужную для них книгу, ее следовало возить чуть ли не через всю Москву, с одной улицы, где находилось книгохранилище, на другую, где расположены были читальные залы. Обо всем этом теперь можно вспоминать как о прошлом, испытывая вместе с тем чувство искренней благодарности к советскому правительству>, и в особенности к Министерству культуры СССР, уделившему средства для постройки Библиотеке нового превосходного здания.

Есть еще одна сфера деятельности Вашей библиотеки, о которой я хотел бы вспомнить с чувством особой признательности. Это — научно-библиографическая и

издательская деятельность ВГБИЛ, хорошо известная во всем мире. Ни одна из наших крупных государственных библиотек не ведет работ этого рода в таком масштабе и с такой действительной удачей, как Ваша библиотека: об этом мне приходилось читать неоднократно и в наших, и в зарубежных изданиях. Благодаря этой работе ВГБИЛ приближает свои бесценные книжные фонды к десяткам тысяч заинтересованных читателей, а научным работникам во много раз облегчает их собственные усилия.

Позвольте мне, старому благодарному читателю ВГБИЛ, высказать искреннее пожелание, чтобы фонды Вашей библиотеки еще шире пополнялись бы иностранными книгами, чтобы особый профиль Ваших книжных собраний, не повторенный ни в одном другом государственном книгохранилище СССР, сохранялся впредь и вырисовывался бы все отчетливее и яснее, чтобы свободные палки Вашего нового книгохранилища быстрее заполнялись бы новыми книгами, а чтобы мы все, читатели, благодаря этому, имели бы возможность приобщаться к мировой культуре и приобщать к ней наших читателей и учеников.

С искренним уважением и благодарностью

Академик М.Л.Алексеев.

Еще один ленинградец, академик Виктор Максимович Жирмунский прислал свое поздравительное письмо: Дорогая Маргарита Ивановна!

Я очень сожалею, что состояние здоровья лишает меня возможности приехать в Москву на открытие нового здания Всесоюзной Государственной Библиотеки иностранной литературы и поздравить Вас лично с 45-летием созданного Вами замечательного книгохранилища. Я жалею об этом особенно потому, что, по своему возрасту и давнему знакомству с Вами, я принадлежу к числу тех немногих, кто знал библиотеку на всех этапах ее существования — от самого раннего, почти частного ее состояния до того первоклассного книжного собрания, насчитывающего свыше 3,5 миллиона единиц хранения, в которое она превратилась благодаря Вашей энергии, организационным способностям и пониманию культурных задач руководимого Вами большого общественного дела. <…>

От всей души желаю дальнейших успехов этому делу, а Вам лично — доброго здоровья и прежней неистощимой энергии в нашем общем деле.

С искренним уважением и сердечным приветом

Академик В.М.Жирмунский.

Ленинград, 25 мая 1967.

Не могу не привести письмо от 31 октября 1967 года Федора

Николаевича Петрова, который, будучи начальником Главнауки в 1920-х годах, стоял у истоков создания ВГБИЛ, поддерживал активно ее развитие и много сделал доброго для нас.

Дорогие товарищи!

Сердечно поздравляю Вас с Великим днем 50-летия Октября. Я рад, что столь нужная стране СССР Библиотека Иностранной литературы выросла из маленькой библиотечки в дворец книги. Я помню труд и энергию Маргариты Ивановны Рудомино еще в 20-х годах. Шлю ей мой привет и мою радость по поводу ее большой культурной работы. Да здравствует Октябрьская революция, да здравствует Коммунистическая партия, развивающая науку и культуру на основе марксизма-ленинизма.

Ваш друг Ф.Н.Петров 31/X.67.

В связи с переездом Библиотеки в новое здание Корней Иванович Чуковский прислал мне письмо, в котором также говорилось о его желании передать ВГБИЛ его коллекцию англо-американских книг.

Дорогая Маргарита Ивановна!

Поздравляю Вас с великим новосельем! И как я жалею, что болезнь мешает мне стать постоянным посетителем Вашей дивной Библиотеки. Наконец-то осуществилась Ваша многолетняя мечта и теперь Вы уже не будете краснеть, когда какой-нибудь гордый сын Альбиона или Манхеттена посетит Ваше гордое книгохранилище. Воображаю, сколько работы пришлось проделать Вам и Вашим милым сотрудницам.

Кстати, небольшое дело. Очень возможно, что я не бессмертен. Не возражаете ли Вы против того, чтобы я завещал Вашей Библиотеке имеющиеся у меня англо-американские книги? В завещании я поручу дело передачи своей внучке Елене Чуковской.

Еще раз приношу Вам свои поздравления.

Я болен. Завтра меня увозят в больницу.

Ваш Чуковский.

21. V.67

Чуковский многим помог Библиотеке: помог советом, помог в выписке литературы, помогал защитить Библиотеку в кризисные для нее времена, говорил с моими начальниками о значении ВГБИЛ, о выделении средств на ее развитие, об увеличении валютных ассигнований на закупку книг за границей и т. д. С огромным уважением относился ко всему коллективу и действительно любил нас.

В конце 1960-х годов снимался документальный фильм о ВГБИЛ. Режиссер очень хотел заснять К.Чуковского и меня в Переделкине на его даче. Но Корней Иванович был уже болен и замысел не удался.

3 июля 1970 года мне исполнилось 70 лет. Получила множество поздравительных адресов, десятки телеграмм, около 100 зарубежных коллег поздравили меня с юбилеем. Коллектив Библиотеки просто засыпал меня поздравительными письмами. Вот общее поздравление коллектива ВГБИЛ:

"Дорогая Маргарита Ивановна!

Мы, Ваши товарищи по работе, коллектив созданной и бессменно руководимой Вами в течение почти пятидесяти лет Библиотеки, поздравляем Вас с днем рождения.

Итог подводить рано. У Вас столько смелых замыслов, которые требуют осуществления! Когда несколько лет тому назад Вы говорили о двухмиллионном книжном фонде на ста языках мира и о строительстве нового здания Библиотеки — это казалось мечтой. Сейчас — это действительность.

Работать с Вами — хорошая школа. С Вами работать — трудно и легко. Трудно угнаться за все возрастающими задачами, которые Вы перед нами ставите. Легко, потому что Ваша энергия и инициатива, Ваша вера в хорошие человеческие качества и творческие способности людей помогают преодолеть многие трудности.

Желаем Вам бодрости, сил, сохранения на долгие годы Вашего главного таланта — неутомимого организатора библиотечного дела.

Желаем дальнейших творческих успехов Вам — деятелю советской культуры, которую Вы с такой принципиальностью и глубоким знанием дела представляете за рубежом.

Желаем успехов в Вашей деятельности в борьбе за мир и расширение международных культурных связей.

Примите нашу любовь, глубокое уважение и готовность решать с Вами большие задачи, поставленные перед коллективом нашей библиотеки".

Очень мило меня поздравили ветераны ВГБИЛ:
Сквозь далекое время холодных подвалов,
Сквозь разбросанность зданий и суетность лет,
Сквозь зеленую занавесь старого зала
Шлет Вам горстка оставшихся теплый привет!
Все мы нынче — лишь выжившие динозавры —
Поднимаем бокал иль, быть может, стакан!
Пьет за Ваше здоровье, дубасит в литавры
Куча верных и любящих Вас могикан!
С Вами вместе мы шли по ступенькам карьеры,
Через горы газет и журналов и книг
Одолели преграды и взяли барьеры:

Это заняло жизнь, это заняло миг:
Мы горды, что мы шли где-то около — рядом
С начинавшей свой путь только с шкафчика книг
И добившейся славы, любви и награды!
Кто чего заслужил, тот того и достиг!
Вас признала давно мировая арена.
А Ваш шарм победил всю суровость ИФЛА!
Не одна Вас видала высокая сцена,
Там не только Директор, там Женщина шла!
Но пора закругляться! Мы Вас поздравляем!
Вам желаем здоровья и радостных лет!
И бокалы свои мы за Вас поднимаем!
Вам — наш низкий поклон и тепло и привет!

Кроме поздравительной правительственной телеграммы прислала поздравительный адрес и Е.А.Фурцева. Мне было приятно получить поздравление от Президента ИФЛА Г.Либарса[91]

Юбилейные торжества проходили дважды в Библиотеке — 3 июля, в день рождения, и 8 октября — в день награждения меня орденом Трудового Красного Знамени, как говорилось в Указе, "за большие заслуги в развитии библиотечного дела, активную общественную работу и в связи с семидесятилетием". Кроме того, мой юбилей был отмечен на заседании Клуба книголюбов 21 октября, которое вел артист Михаил Жаров и запись которого в тот же день была передана по первой программе Всесоюзного радио. На юбилейном торжестве 3 июля в ответ на поздравления я сказала:

"Дорогие друзья! Я не привыкла говорить в такие дни, у меня таких дней было мало. Поэтому я очень волнуюсь, и мне трудно сказать о тех чувствах, которые меня сейчас волнуют. Я должна сказать вам большое спасибо. Я счастлива была в своей жизни. Мне действительно очень повезло, что я могла с первого дня своей сознательной жизни отдать себя одному делу и это дело довести до определенной цели. Но в этом не только моя заслуга. Созданию Библиотеки помогла послереволюционная обстановка и государственные ассигнования. Для того чтобы начать такое культурное дело, нужны были деньги. И я благодарна Советскому государству и нашей партии за то, что они дали возможность мне в какой-то части проявить себя и довести дело до определенного конца. Дальше. Я не могла бы ничего сделать, если бы меня не окружали с самого начала исключительные в своей интеллигентности люди — это наш коллектив. Раньше был он

очень маленький. Начался с 3–5 человек. Большинства из этих людей уже сейчас нет в живых. Это были энтузиасты. Они были той силой, которая смогла преодолеть очень многие препятствия, которые были, есть и, вероятно, всегда будут. Сейчас это уже огромный коллектив — больше 700 человек. Мы всегда говорили, что наш коллектив предан Библиотеке. Даже после почти пятидесяти лет отношение к работе осталось таким же, как это было в начале существования Библиотеки у наших первых сотрудников. У нас есть традиции, и этими традициями мы живем и сейчас. Мы смогли создать нетрадиционную библиотеку, синтез библиотечного, научно-исследовательского, культурно-просветительского, учебно-консультационного, методического и массового учреждения. В последние годы мы смогли все это воплотить в жизнь в новом здании. Я счастлива, что исторически так сложилось, что мы сумели <…> помочь нашему народу стать культурным, образованным. И наша Библиотека в этом деле сделала немало.

Я сейчас говорю в кругу близких мне людей и, конечно, не могу не сказать и о том счастье, которое я имею в моей жизни, — это моя семья: мой муж и мои дети. Может быть, я не раз приносила им много и неприятного, не будучи вечерами дома, занимая свои мысли Библиотекой, но они всегда мне помогали и я находила всегда в тяжелую и трудную минуту ту поддержку, без которой человек вряд ли мог продолжать работать. У меня сейчас уже внуки. Мои дети не пошли по моей специальности. Может быть, они и правильно сделали. Эта специальность тяжелая и трудная, но вместе с тем, мне в какой-то части очень жалко. Не знаю, как будут мои маленькие внуки. Может быть, все-таки, к тому времени библиотечное дело подымется на такую высоту, что это уже не будет трудным делом, уже будет легко работать. Но то, что у нас интересно работать, что Вы получаете много удовлетворения от работы — это несомненно.

И я очень рада приветствовать здесь моих друзей, мой коллектив. Здесь среди нас находятся и представители других библиотек. Они тоже мои коллеги, и поэтому они тоже являются частью нашей семьи. Я очень благодарна им, что они пришли, проявили столько внимания и чуткости. Ваше уважение я отношу не только к себе, а главным образом к Библиотеке. Это меня радует.

А вообще, конечно, я счастливая — это правильно!

И еще раз большое, большое вам спасибо!"

Душевно и тепло было и на встрече у меня на даче в Барвихе. Приехали более тридцати сотрудников Библиотеки, и было просто прекрасно.

В 1972 году исполнилось 50 лет со времени открытия ВГБИЛ. Перед этой датой группа крупных советских ученых и писателей, друзей Библиотеки, обратилась в ЦК КПСС с просьбой "рассмотреть вопрос о награждении ВГБИЛ высокой правительственной наградой, а также ее старейших и самых заслуженных работников". Вот это ПИСЬМО:

"ЦК КПСС

В 1972 году исполняется 50 лет Всесоюзной государственной библиотеке иностранной литературы.

Созданная в трудные для страны первые годы Советской власти, поначалу как крохотное собрание книг на иностранных языках, Библиотека превратилась в огромный культурный центр, сыгравший и продолжающий играть совершенно уникальную роль в оказании помощи специалистам всех областей науки, литературы и искусства в изучении и освоении лучших достижений мировой культуры, а также в распространении и изучении иностранных языков в Советском Союзе. <…>

Не одно поколение представителей советской интеллигенции изучило иностранные языки в стенах Библиотеки. И сейчас это единственная Библиотека, столь широко помогающая в изучении иностранных языков с помощью новейших технических средств.

Крупнейшие писатели и деятели культуры — Анри Барбюс, Вайян-Кутюрье, Мартин Андерсен-Нексе, Исидоро Асеведо, Иоганнес Бехер, Пабло Неруда, Роберт Фрост. Ричард Олдингтон, Анна Зегерс и многие, многие другие всегда считали для себя за честь на своем родном языке говорить с трибуны библиотеки с умной и взыскательной советской аудиторией.

Благодаря усилиям Библиотеки, мы располагаем обширными данными о судьбах произведений советской многонациональной литературы за рубежом, подготавливаемые Библиотекой совместно с Союзом советских писателей указатели об издании советских книг в зарубежных странах начиная с 30-х годов по настоящее время стоят в личных библиотеках писателей и широко используются всеми, кто изучает проблемы взаимодействия литератур мира и роста международного авторитета советской литературы.

Мы считаем своим долгом обратить внимание на большие заслуги Всесоюзной государственной

библиотеки иностранной литературы в развитии культуры и науки в нашей стране и в укреплении и расширении наших контактов в области культуры с зарубежными странами и, учитывая ее авторитет в стране и в мире, считали бы важным: отметить славный юбилей — 50-летия ВГБИЛ и рассмотреть вопрос о награждении Библиотеки высокой правительственной наградой, а также ее старейших и самых заслуженных работников. Директор Института биологии развития им. Н.К.Кольцова АН СССР, академик Б.Л.Астауров Директор Института молекулярной биологии АН СССР, Герой Социалистического Труда, академик ВАЗнгельгардт

Директор Института биохимии им. А.Н.Баха АН СССР, Герой Социалистического Труда, академик А.И.Опарин Председатель Советского комитета славистов, зам. председателя Международного Комитета славистов, академик М.П.Алексеев Поэт, Герой Социалистического Труда А.А.Сурков Председатель Советского комитета защиты мира, Герой Социалистического Труда Н.С.Тихонов Декабрь 1971 г.".

И действительно, заслуги Библиотеки были признаны и она "за большой вклад в развитие библиотечного дела в стране и активную работу по коммунистическому воспитанию трудящихся" была награждена орденом Трудового Красного Знамени. В мае 1972 года на торжественном собрании Библиотеки председатель Мосгорисполкома В.Ф.Промыслов вручил Библиотеке орден. Поздравить Библиотеку с награждением приехал президент ИФЛА Г.Либарс. Должна сказать, что я была просто счастлива, что Библиотека была высоко отмечена и награждена. Я действительно могу с гордостью сказать, что моя жизнь недаром прожита.

К 50-летию ВГБИЛ сотрудница Библиотеки Таня Карпова, филолог по специальности, проработавшая в Библиотеке 30 лет (всю трудовую жизнь), написала грустное, но очень теплое стихотворение о Библиотеке.

Ах, как быстро мчатся даты,
Не охватит беглый взгляд,
Я такой была когда-то
30 лет тому назад.

Там, над "Англицким подворьем",
Трехэтажный домик был,
Не рабочим местом только,

Был нам домом ВГБИЛ.

Берегли седые дамы
Мудрость выцветших страниц.
Наши кресла из Потсдама
Мы назвали "Старый фриц".

Всюду веяли приметы
Незнакомых дальних стран.
Здесь бывали Джерманетто,
Линдсей, Стейнбек и Роллан.

Коридоров темных своды,
Небольшой уютный зал.
"Дар испанского народа"
Здесь за стеклами стоял.

Я бы кончила не вскоре,
Поведя об этом речь:
Сколько радости и горя,
Расставания и встреч!

Очень много в ВГБИЛе
Довелось нам пережить:
Книги думать здесь учили,
И учили люди — жить.

И общественных и личных
Сколько билось здесь идей!
Сколько судеб необычных!
Сколько подлинных людей!

Их вместить не могут строки,
Столько было в стенах сих
Ныне близких и далеких,
И умерших и живых!

Те, кто жизни здесь прожили,
Вспоминают и сейчас:
Здесь рожали, хоронили,
Провожали в первый класс…

Не предвидели когда-то,
30 лет тому назад,

Как мы здания меняли
И как рос безмерно штат.

Много верст мы прошагали
До сегодня от вчера,
И друзей мы приглашали
К нам на наши вечера…

Это — сказки, это — были,
Это в прошлое мой взгляд,
..Это было в ВГБИЛе
30 лет тому назад.

Константин Симонов написал в 1972 году о Библиотеке:

"…Может, никогда еще я не испытывал такого острого чувства зависти к людям, знающим не только свой родной язык, как сегодня, обходя этот прекрасный дом. То дело, которое в нем делается, имеет самое непосредственное отношение к будущему человечества, и об этом нельзя не думать".

К.М.Симонов не был постоянным читателем Библиотеки, но у нас в тридцатых годах работала его мать — Александра Леонидовна Иванищева, о которой у нас сохранились теплые воспоминания.

Тогда же, в юбилейные дни, чилийский поэт, лауреат Нобелевской премии Пабло Неруда сделал такую запись в Книге гостей Библиотеки:

"Всесоюзной государственной библиотеке иностранной литературы. Эта Библиотека всеобъемлющая, пронизанная светом. Свет всего мира в ее книгах и ее окнах. Только знание и только взаимное познание сосуществует с явной правдой. Спасибо Вам за то, что Вы храните человеческую мысль, иными словами — свет. Спасибо, замечательная Библиотека, за распахнутые окна в течение пятидесяти лет. Да здравствуют книги, рожденные светом, и книги, несущие свет!

Пабло Неруда Москва, Май, 1972".

ИФЛА

Широкий размах получила международная деятельность ВГБИЛ. Она заключалась в следующем. Во-первых, Библиотека переводила на русский язык и издавала три периодических издания ЮНЕСКО и Международной федерации библиотечных ассоциаций и учреждений (ИФЛА), в которую Советский Союз

вступил в 1959 году. С этой целью был создан специальный отдел, который также распространял по подписке свои издания в сотнях тысяч экземпляров по всей стране. С 1957 года я долгие годы была ответственным редактором русского издания "Бюллетеня ЮНЕСКО для библиотек". Во-вторых, Библиотека стала депозитарием основных изданий ЮНЕСКО и всех изданий ИФЛА; вплоть до докладов на конгрессах этой организации. Наши сотрудники широко участвовали в работе ИФЛА; 32-й конгресс ИФЛА в 1970 году проходил в нашей Библиотеке. Я лично принимала участие в работе ИФЛА с 1960 года, а с 1967 года находилась на выборных должностях: с 1967 по 1969 год являлась вице-президентом этой организации, а с 1970 по 1972 год первым вице-президентом. В 1973 году на конгрессе ИФЛА в Париже я была избрана пожизненным почетным вице-президентом.

Моя многолетняя работа в ИФЛА, которой я отдала много сил, доставила мне большую радость. Я старалась познакомить советских библиотекарей с библиотечным делом за рубежом. Я стремилась также установить деловые и дружеские связи с иностранными коллегами, эта дружба сохранилась на долгие годы. В 1980 году в энциклопедии "World Encyclopedia of Library and Information Sources", в статье обо мне, я была названа "главным послом советского библиотековедения за рубежом".

За годы работы в ИФЛА я пережила немало драматических эпизодов, которые теперь кажутся лишь забавными. Так, в августе 1968 года, во время чехословацких событий, я была в составе советской делегации на 39-й Сессии ИФЛА во Франкфурте-на-Майне. В нашу делегацию входили: директор Ленинской библиотеки, бывший генерал Иван Петрович Кондаков (руководитель делегации), начальник Библиотечного управления Министерства культуры СССР Анна Николаевна Ефимова и я. Одновременно на Сессию приехала большая туристическая группа советских библиотекарей (30 человек). Работали мы в здании Университета, а жили в гостинице, в центре города. В день открытия Сессии у мэра города был прием. Я пользовалась особенно большим вниманием как вице-президент ИФЛА от социалистических стран.

На следующий день утром, войдя в ресторан в гостинице, где мои коллеги завтракали, я почувствовала по тревожным лицам немцев, что произошло что-то неладное. Почему-то радио гремело на полную мощность. Мои коллеги ничего не могли понять, так как не знали немецкого языка. Они чувствовали, что что-то стряслось, но не знали что. Не став прислушиваться к радио, я подошла к сидевшему неподалеку немцу и спросила, что

случилось. Он мне спокойно и четко ответил: "Мадам, русские ввели свои войска в Чехословакию, чтобы сохранить там социалистический строй". Я сказала об этом своим коллегам. Они побледнели.

Идя по улице на заседание Сессии, мы встретили директора Болгарской национальной библиотеки им. Кирилла и Мефодия Константу Каладжиеву. Она была страшно перепугана и сказала, что улетает домой. Прошел слух, что намечается демонстрация перед зданием библиотеки франкфуртского университета с требованием изгнать из Франкфурта советскую делегацию и делегации других участвующих в чешских событиях стран. Она предложила и нам лететь с ней в Софию, а оттуда в Москву, и сказала, что у нее есть возможность обеспечить безопасность нашей делегации. Иван Петрович тотчас ухватился за это предложение, но мы с Анной Николаевной категорически воспротивились этому, напомнив о нашей ответственности за туристическую группу библиотекарей. Он заколебался.

Придя на заседание Сессии, мы услышали успокоительные слова от президента Библиотечного общества ФРГ. Он сказал, что в городе действительно проходят демонстрации протеста, но что городская полиция предупреждена, и если студенты захотят нас вывести с заседания Сессии, то он знает путь на улицу, где их наверняка не будет — под зданием университета. На заседании Исполкома президента ИФЛА лорда Ф.Френсиса[92] предупредили, что митингующие студенты хотят взять советского представителя в заложники, когда он, т. е. — я, будет выходить из здания университета. Тогда первый вице-президент ИФЛА бельгиец Герман Либарс предложил всем снять с одежды таблички с указанием принадлежности к соответствующим странам. Так и сделали, и я спокойно со всеми вместе вышла из здания университета после окончания заседания Исполбюро.

Вечером в гостинице по просьбе Ивана Петровича я разузнала у хозяйки о положении в городе. Она сказала мне: "Мадам, я никогда не предам хороших людей, будь они и коммунисты. Люди у меня делятся на хороших и плохих. А вы все хорошие, я убедилась по вашему отношению ко мне еще с первых дней. Живите у меня спокойно, ни о чем не волнуйтесь". Я попыталась, как могла, успокоить И.П.Кондакова, но он по-прежнему волновался и плохо себя чувствовал. Мы с Анной Николаевной оставили его вечером в гостинице и пошли, скорее, побежали к нашему соотечественнику Льву Ивановичу Владимирову[93], который жил с делегацией ООН, так как был в то время директором Библиотеки ООН в Нью-Йорке. Мы хотели посоветоваться с ним. Он толком сказать нам ничего не смог.

Только успокаивал. В тот же вечер мы услышали по радио угрозы в отношении Советского Союза. Было очень не по себе.

На следующий день устраивала прием делегация ФРГ, советские библиотекари оказались в полной изоляции. Участники Сессии не знали, как себя вести с нами, а потому предпочитали держаться от нас подальше. Чехословацкая делегация была настроена откровенно враждебно. Члены делегации и участники туристической группы получили в Посольстве Чехословакии транзисторы и ходили в университете и на улицах, включив их на полную громкость и привлекая к себе всеобщее внимание. И.П.Кондаков пытался объясниться с чехами по-хорошему, но произошла настоящая потасовка и мне с трудом удалось их разнять. После этого он прекратил всякие разговоры с делегатами и туристами из Чехословакии. В предпоследний день нашего пребывания на Сессии мы совершили прогулку на теплоходе по Рейну. Впечатление от этой, должно быть, прекрасной прогулки осталось ужасное, и я с горечью вспоминаю о ней. Наши друзья старались помочь нам, но я чувствовала, чего это им стоило, и держалась обособленно.

Не могу не вспомнить и анекдотические случаи наших поездок за границу с Иваном Петровичем. Однажды мы ехали с ним на машине по Парижу ночью. Везде сверкала и переливалась светящаяся реклама. Вдруг Иван Петрович встрепенулся и говорит: "Вы посмотрите, Маргарита Ивановна, на тот дом. Даже ночью антисоветские лозунги висят". Я посмотрела на светящуюся строчку и увидела рекламу издательства "La Rousse" ("Лярусс"), А когда во французских Альпах я восторгалась их красотой, он приговаривал все время: "Нет, Маргарита Ивановна, наш Кавказ лучше".

Наши сотрудники и я участвовали в деятельности и других международных организаций. Я была членом Национальной комиссии СССР по делам ЮНЕСКО, председателем Комиссии по зарубежным связям библиотек Совета по библиотечному делу Министерства культуры СССР, вице-президентом Общества "СССР — Дания" и членом исполкома Общества "СССР — Франция".

В 1957 году встал вопрос о моей долгосрочной командировке (на 3 года) на работу в ЮНЕСКО в Париж. Мне предложили должность руководителя департамента библиотек. Вызывали в ЦК партии, уговаривали. Хотелось поехать. Но я, как и от первого приглашения, которое было мне сделано сразу после войны, — занять пост директора Публичной библиотеки им. М.Е.Салтыкова-Щедрина в Ленинграде, отказалась. Я не могла бросить свое детище — ВГБИЛ. И жизнь подтвердила правильность моего решения.

В 1970 году в Москве состоялась 36-я Сессия ИФЛА. ВГБИЛ была ее организатором. Пленарные заседания Сессии проходили в Колонном зале Дома Союзов, остальные у нас в Библиотеке. В Сессии принимали участие более 500 иностранных специалистов из 50 стран мира. Сессия прошла успешно.

В 1972 году на заседании Национальной комиссии СССР по делам ЮНЕСКО в Москве я выступила с предложением о проведении Международного года книги. Наша Комиссия подхватила эту идею и передала ее в ЮНЕСКО в Париж. После обсуждения на Генеральном совете ЮНЕСКО 1972 год был объявлен Международным годом книги. Об этом писал президент ИФЛА Г.Либарс:

> "Международный год книги был организован ЮНЕСКО в 1972 году по предложению Советского Союза, а если быть точным, то по инициативе Маргариты Ивановны Рудомино. Я был председателем Подготовительного комитета по проведению Международного года книги. Открытие состоялось в Москве. Никогда мне не приходилось слышать более тусклых речей, произнесенных в честь книги. Зарубежные участники конгресса утонули в море советской статистики. Я говорил себе, что творится что-то неладное, если идеи заменяются цифрами. Американский оратор, известный литературный критик, выступил так плохо, что я вынужден был после окончания заседания попросить у него объяснений. Он сказал мне, что его правительство посоветовало быть вежливым.
>
> С того времени я понял, что одной из самых больших ошибок интеллигенции является следование советам правительства. <…> Если, тем не менее, я все же говорю о событиях Международного года книги, то только чтобы выразить сожаление по поводу того, что Маргарита Ивановна, которая могла бы принести столько пользы для своей страны, так мало участия принимала в нем. В программе Международного года книги Советский Союз был представлен не библиотеками или книжными палатами, а Государственным комитетом по печати, т. е. политическим органом, который был в привилегированном положении в ЮНЕСКО. У меня было желание поставить все на свои места, но я не сделал этого из-за дружбы с Маргаритой Ивановной. Я хотел бы исправить эту ошибку сейчас и заявить, что во время

торжественного открытия Международного года книги я думал о Маргарите Ивановне. Ее сильная личность была рядом со мною. Маргарита Ивановна, для которой книга была призванием и делом всей ее жизни, а международное значение книги так безусловно, не произнесла речи, продиктованной идеологией правящей партии. Молчание Маргариты Ивановны было утешением ее западных коллег и друзей. <".>"

С ИФЛА я не прерывала связи и после моего ухода на пенсию, была почетным вице-президентом, получала всю печатную информацию, вела переписку и собиралась написать историю ИФЛА. Собрала много материалов для этого. В связи с 50-летием ИФЛА в 1977 году была приглашена ее президентом на юбилейную Сессию. Последний раз я была на 47-й Сессии ИФЛА в 1981 году в Лейпциге.

Несправедливость

Изгнание

В 1973 году мне исполнилось 73 года. Но я была здорова, энергична, работоспособна, и, как говорили, у меня хватило бы сил на создание еще одной библиотеки. Я, конечно, понимала, что пора уходить на пенсию, и искала себе замену. Но, к сожалению, в то время я не могла предложить достойного кандидата на пост директора Библиотеки. Мой молодой заместитель Галина Ивановна Лукасевич была тяжело и неизлечимо больна, а того, кто мог бы меня заменить, не устраивала низкая зарплата.

В конце 1972 года я почувствовала, что Министерство культуры СССР начинает нагнетать обстановку вокруг меня и Библиотеки: все, что делается в Библиотеке, — плохо, развивается она не в том направлении, кадры "засорены" и т. п. Начались и провокации. Так, 7 ноября 1972 года, в день годовщины Октябрьской революции, меня ночью вызвали в Библиотеку. Что случилось? А случилось очень серьезное по тем временам ЧП. По краю крыши Библиотеки, со стороны высотного дома на Котельнической набережной, был расположен светящийся лозунг "Да здравствует марксизм-ленинизм — вечно живое интернациональное учение!" Той ночью была вывернута часть электролампочек в слове "интернациональное", и лозунг получил "вредительскую" направленность: "Да здравствует марксизм-ленинизм — вечно живое национальное учение!" Об этом тут же сообщили в МК партии, а в первый послепраздничный день об этом уже знали в ЦК. Все понимали, что это явная провокация. После праздников я спросила библиотечного офицера госбезопасности (работника КГБ): "Что произошло?" Он ответил: "Маргарита Ивановна, я даю Вам честное слово, что мы к этому непричастны. Это что-то местное. Буду выяснять". Через некоторое время выяснилось, что лампочки выкрутил библиотечный плотник за две бутылки водки, полученные от начальника отдела кадров Библиотеки — ставленника Министерства культуры. Дело с лампочками замяли, никто не захотел заниматься расследованием, да и некому было — все кадровые нити в Библиотеке были в руках министерства.

Я чувствовала, как вокруг меня сгущается тяжелая атмосфера тревоги и страха. Например, как-то вызывают меня в Министерство культуры и спрашивают: "…Что это у Вас в

кабинете антифашистской литературы завелась антисоветская литература? Что это там за материалы какого-то Романа?" А в Кабинет была передана уникальная коллекция книг, брошюр, газет, журналов, листовок, писем и других материалов французского движения Сопротивления Жоржем Романом. Быть может, единственная в мире. Среди книг были и книги русских эмигрантов — участников движения. На них-то и намекали. Осадок остался нехороший — вспомнила 1937 год.

Окончательно я поняла, что есть кто-то желающий занять мое место, когда неожиданно в апреле 1973 года Библиотеке был дан официальный статус научного учреждения. А было это так. Многие годы, особенно последние, я решительно добивалась для ВГБИЛ статуса научного учреждения, что было справедливо и позволило бы, подняв зарплату, привлечь в Библиотеку видных ученых. Это зависело от Государственного комитета по науке и технике (ГКНТ), где заместителем председателя был Д.М.Гвишиани, зять председателя СМ СССР А.Н.Косыгина. ГКНТ неизменно отказывал в этом. Однако в апреле 1973 года ГКНТ неожиданно дал ВГБИЛ статус научного учреждения, а значит, и повышение ставок зарплаты. Я, конечно, поняла, что это сделано под кого-то, кто претендует на мое место. Так оно и было — понадобилось место для дочери АН.Косыгина — Л.А.Гвишиани-Косыгиной, и зарплату подняли для нее. Стало ясно — мне давали понять, что мне не место в Библиотеке. В мае 1973 года Гвишиани-Косыгина была назначена директором ВГБИЛ. Меня, несмотря на мое 52-летнее руководство, в непозволительно грубой форме выгнали на пенсию, позолотив пилюлю обещанием оставить в штате для работы над историей ВГБИЛ, но и это не было выполнено. Новый директор не включила в план мою работу по истории Библиотеки и не оставила меня в штате.

Создавшуюся тогда обстановку я описала в письме к Мусе Минкевич:

Москва, 30 апреля 1973 г.

Мусенька милая! Я давно тебе не писала — уж очень тяжелое для меня время пережила. С 4-го мая сдаю Библиотеку новому директору и перехожу на пенсию. Остаюсь в Библиотеке для сбора документации и фактических материалов для написания истории ее развития за 52 года. <">

Форма моего ухода была ужаснейшей. В письме трудно описать. 9 марта меня пригласил заместитель министра культуры. У него уже были мои недруги — министерские кадровики. Вначале, волнуясь, зам. министра предложил мне уйти на пенсию и с честью меня проводить. Я отказалась сама подать заявление, так как считаю, что нет оснований, даже возрастных,

уходить в полной форме работоспособности на пенсию. Тогда начальница Управления кадров Министерства (подруга Е.А.Фурцевой) стала мне угрожать. "Снимем за ошибки!" Я ответила, что если они были, то вряд ли год назад Библиотеке дали бы орден. Получилась перепалка. Зам. министра, чтобы разрядить атмосферу, предложил перейти мне в Библиотеке же на другую работу. Я, конечно, согласилась. Тем более что это соответствовало моим планам (подготовить историю Библиотеки за 52 года). Но совершенно неожиданно начальница Управления кадров заявила: "…работа в ВГБИЛ для Вас исключена, а если надо трудоустроиться, то я это могу сделать в других библиотеках". Я до того была сражена, что не смогла ничего сказать. Окончился разговор тем, что я должна в 2-недельный срок сдать дела своей заместительнице. "Преемника на директора пока нет", — заявила начальник Библиотечного управления Министерства культуры, хотя я прекрасно понимала, что уже есть, но не знала кто. Как я дошла домой — не знаю. По дороге встретила знакомого и, рассказав ему, разревелась. Это первая часть.

Затем, взяв себя в руки, я многим звонила, ездила, говорила. Все были на моей стороне, возмущались формой, но… помочь никто не помог. И через неделю у меня был сильный сердечный приступ. Врач мне сказал, что если я хочу остаться в живых, то чтобы бросила немедленно бороться и перешла бы на пенсию. Я внутренне согласилась, но заявления все же не подала. Это вторая часть.

Выйдя после бюллетеня на работу, увидела, что отношение этих же самых людей сильно изменилось. Толи испугались моей болезни, то ли сказал кто-то "сверху", — Но в результате передали мне, что работать в Библиотеке могу, как и хотела, союзную персональную пенсию будут, просить и передавать дела буду непосредственно новому директору, а не через моего заместителя. Как видишь, все хорошо, но осадок остался горький. Конечно, результатов еще нет и рано радоваться. А уходить после 52-х лет не по своей воле — тяжело. А форму хулиганскую мне не забыть никогда. Уж очень несправедливо. Вот и третья часть.

* * *

5 мая 1973 г.

Вчера начала сдавать дела новой директрисе. Легче стало на душе. Думаю, что передаю Библиотеку в хорошие руки. Она произвела чарующее впечатление. Вчера провела одна с ней целый

день — рассказывала о Библиотеке и показывала Библиотеку. О людях ничего не говорили. Мнение ее о дальнейшем развитии Библиотеки совпадает с моим. Только бы не разочароваться и не ошибиться. Как-то сразу успокоилась. Ты первая, которой я пишу подробно и откровенно. Очень хотелось бы поговорить и посоветоваться в дальнейшем. Как будто перспективы развития Библиотеки хорошие. Нам повезло. Она — культурный, образованный человек, кандидат исторических наук.

Крепко тебя целую. Рита.

Но, к сожалению, я ошиблась, увидев в первую нашу встречу только одну сторону Л.А.Гвишиани-Косыгиной. А другая сторона для меня оказалась страшной. Я ужаснулась, когда на второй день нашего общения, в момент, когда я вынула ключи и хотела открыть свой сейф в кабинете, Гвишиани-Косыгина попросила отдать ключи ей. Я отдала, еще не понимая, что за этим последует. А последовало моментальное изменение выражения лица — из довольно приятного в высокомерное и жестокое. А затем — слова: "Я забираю ключи от сейфа. Сейф и его содержимое не ваша собственность, а государственное имущество, и вам там делать нечего". Я так была потрясена случившимся, что вышла из кабинета не попрощавшись. Я была раздавлена. Больше я в бывшем моем кабинете не была, ни при ней, ни после нее. Как верна пословица о волке в овечьей шкуре! В сейфе остались и некоторые мои личные вещи. Это событие вывело меня из равновесия.

Но я все же надеялась и даже была уверена, что смогу и на пенсии быть полезна своему детищу. А вышло все не так. С первых дней, как сдала дела, я оказалась как бы "в изгнании", в атмосфере недоверия и подозрительности. Страх сдерживал многих сотрудников от общения со мной, вскоре я перестала существовать и для внешнего мира: меня не приглашали ни на Библиотечный совет Министерства культуры СССР, ни на заседания других советов, членом которых я состояла, не говоря уже о ВГБИЛ. Куда я ни обращалась, поддержки мне никто не оказывал. Затем и общественные организации, в которых я принимала активное участие, отодвинули меня в сторону: Союз советских обществ дружбы, Общество "СССР-Дания", редколлегия журнала "Иностранная литература", Национальная комиссия по делам ЮНЕСКО в СССР и другие. В это тяжелое для меня время лишь ИФЛА не отвернулась от меня и на 39-м конгрессе в Гренобле присвоила мне звание "Почетный вице-президент ИФЛА".

Библиотека без меня

За время пребывания на пенсии я лишь несколько раз была во ВГБИЛ — работала в архиве. Обещания оставить меня на работе в Библиотеке для написания истории ВГБИЛ остались не выполнены, хотя я в начале им поверила. От старых сотрудников с горечью узнавала о происходящих переменах, с моей точки зрения недопустимых. В первую очередь — распад слаженного квалифицированного коллектива: многие уходили в другие библиотеки и учреждения сами, других просто "ушли". Из Библиотеки изгонялись все "люди Рудомино". Непрофессионально изменили годами отработанную и оправдавшую себя функциональную структуру Библиотеки. Только ради того, чтобы избавиться от "людей Рудомино", закрывали, делили и переименовывали отделы. Из шестнадцати заведующих отделами сразу же "ушли" четырнадцать.

Всего за год с мая 1973 по май 1974 года ВГБИЛ лишилась двухсот ведущих сотрудников. Все это меняло дух Библиотеки, превращая ее в рядовое предприятие по выдаче книг. К сожалению, начавшийся тогда упадок Библиотеки продолжился и в дальнейшем.

Неправомерно и в нарушение Постановления правительства от 1 марта 1948 года, которого никто не отменял, ВГБИЛ перестала быть универсальной библиотекой. Сразу же после моего ухода из Библиотеки работа с естественно-научной литературой была прекращена, а к тому времени это была большая и ответственная работа — естественно-научный фонд ВГБИЛ составлял свыше 400 тысяч томов книг и 375 тысяч номеров журналов (полторы тысячи названий ежегодно). В 1972 году в естественно-научном зале было записано 12 тысяч читателей — научных работников и студентов старших курсов. И вот эта двадцатилетняя работа волевым решением нового директора была ликвидирована — естественно-научный зал и аналогичный отдел закрыты, естественно-научная литературы разбазарена по различным библиотекам и учреждениям. Книги отдавались в любые руки. Только чтобы от них избавиться. Сотрудники Библиотеки говорили мне, что они видеть не могли, как разбазаривались ценнейшие книжные коллекции естественнонаучной литературы. Фонд, скрупулезно собранный крупными учеными, так нелепо погиб. Мне представляется, что прекращение работы во ВГБИЛ с естественно-научной литературой, является ошибочным и требующим пересмотра. Думаю, позиция нового директора была связана с непониманием роли ВГБИЛ. Ведь Библиотека, по существу, давно выполняла функции национальной библиотеки в отношении иностранной литературы. При наших гигантских масштабах Библиотека им.

В.И.Ленина не может справиться со всеми своими обязанностями. Недаром функции архивного хранения национальной литературы и изданий государственной библиографии выполняет у нас специальное учреждение — Книжная палата. В Москве есть солидная библиотека по естественным наукам Академии наук СССР. Но ведь она ведомственная и многим научным работникам недоступна. А потребность в этой литературе очень велика и в переживаемое нами время непрерывно усиливается. В связи с ликвидацией естественно-научного профиля были уволены или ушли сами все высокопрофессиональные сотрудники Библиотеки, занимавшиеся естественнонаучной литературой. Началось закрытие читальных залов. Был закрыт Кабинет антифашистской литературы с коллекцией книг о французском движении Сопротивления. Коллекции Кабинета были переданы в общий фонд, а плод многолетней работы сотрудников Кабинета — каталог — был рассыпан, даже каталожных ящиков не осталось. Наша гордость Отдел литературы Азии и Африки (Зарубежного Востока) также был ликвидирован, хотя потом ненадолго открывался, а затем опять был закрыт. Коллекции книг, собранные в этом отделе, были переданы в общий фонд. Неизвестно почему были закрыты филиалы ВГБИЛ при издательствах "Мир" и "Прогресс", в Доме дружбы и т. п. В Библиотеке исчез дух доброжелательности и интеллигентности. Академик М.П.Алексеев говорил: "Я приезжал в Москву из Ленинграда в Библиотеку иностранной литературы, предвкушая встретить в Библиотеке доброжелательных сотрудников, которые с радостью всегда сообщали мне, что по международному книгообмену или другими путями достали нужные мне книги, журналы. Я знал, что мое место в научном читальном зале сохранилось и мои книги и записи также сохранились и я буду себя чувствовать в Библиотеке как в своем кабинете на работе. С приходом новой власти все так изменилось, что после двух посещений я сказал себе — все, в такое казенное учреждение я не ходок".

Я беспокоилась о будущем Библиотеки, но вмешиваться в действия нового руководства было бесполезно, оно было слишком, как говорили в те годы, "престижным", и мало кто рисковал ему перечить. Внутренне я удивлялась, удивляюсь и теперь, неужели никому не нужен был мой полувековой опыт, мои налаженные деловые и дружеские связи с библиотекарями в стране и за рубежом? Ведь сколько пользы они могли бы принести! Мое имя выкорчевывалось из истории Библиотеки, стиралась память о нем. Например, у меня в кабинете в Библиотеке стоял шкаф с книгами, подаренными авторами или

переводниками с их автографами. Где-то более 300 книг. По приказу Л.А.Гвишиани-Косыгиной из этих книг были вырваны, или вырезаны, или замазаны автографы, а книги переданы в общий фонд. Главный библиограф И.М.Левидова попыталась попасть на прием к директору, но не была принята, в ответ же на ее письмо было обещано разобраться, но было уже поздно: работа по уничтожению автографов была проделана. Упоминания обо мне были отовсюду убраны. В исторической справке, изданной к 60-летию ВГБИЛ, обо мне не было ни одного слова. Вокруг меня была создана атмосфера "не нашего человека", при которой "такое делалось…" Я поняла, как я ошиблась в новом директоре в первый день знакомства с ней. В Библиотеке уничтожались ее многолетние традиции, был ликвидирован ее особый, интеллигентный дух. Однако я убеждена, что историю изменить нельзя: рано или поздно она правду скажет.

На пенсии

Подводя итоги, я с гордостью могу сказать, что моя жизнь прожита недаром. Библиотека тому доказательство. Ее создание, рост, совершенствование были главной целью и смыслом моей жизни. И я рада, что моя судьба сложилась столь счастливо: у меня на протяжении 52 лет была моя прекрасная Библиотека. Работала я с замечательным коллективом. Наконец, у меня есть моя дорогая семья — опора и в заботах и в радости. Мне было тяжело после 1973 года, но личная моя жизнь складывалась удачно. У меня прекрасный муж. 16 января 1974 года мы отметили золотую свадьбу. Два дня принимали у себя на даче родственников и друзей. Дети нам преподнесли большой, красиво сделанный фотостенд, с древом семьи: внизу фотографии Василия Николаевича и меня 1920-х годов, выше наша общая фотография 1970-х годов. А затем идут три ветви: центральная — ветвь ВГБИЛ. Здесь фотографии нового здания и членов Исполбюро ИФЛА во дворике Библиотеки перед главным входом. Дети сделали ветвь ВГБИЛ главной.

Справа шла ветвь сына, слева — дочери. Этот стенд висел у нас в гостиной на даче долгие годы. Юбилейные дни прошли очень тепло и доставили нам с Василием Николаевичем большую радость. Должна сказать, что я удовлетворена не только своей работой и семьей, но и друзьями, которых у меня много и отношения с которыми у меня хорошие. Каждый год в день моего рождения ко мне на дачу приезжают около двадцати старых сотрудников. Эти встречи доставляют много радости и мне и всем, так как дают возможность раз в год встретиться и

вспомнить жизнь нашей любимой Библиотеки.

То, что я женщина, никогда и ни в чем не мешало мне. И будь я мужчиной, я так же посвятила бы себя делу, которому отдала всю свою жизнь. Деловая, творческая, общественная активность нисколько не умаляет женственность и обаяние деловой женщины. Но и мужчина, как бы он ни был раздражен, разговаривая с женщиной, особенно подчиненной ему по службе, ни на минуту не должен забывать, что перед ним женщина.

В перспективе мне надо работать над воспоминаниями. Кроме того, хотела бы написать очерк о развитии научных библиотек у нас в стране, о деятельности в этом направлении Ю.М.Соколова, В.Я.Брюсова и др. У меня собран по научным библиотекам довольно большой материал, начиная с 1918 года. Я работала над диссертацией на эту тему. Кандидатские экзамены сдала еще в 1946 году. Но у меня никогда не было 2-3-х месяцев, чтобы можно было отойти от дел в Библиотеке и засесть за диссертацию. Есть у меня мечта написать подробную историю ИФЛА, чтобы познакомить советских библиотекарей с развитием и деятельностью организации, которой в 1977 году исполнилось 50 лет. Я просмотрела все тома "Annual" ИФЛА с 1927 по 1976 год, почти все журналы "Libri" и другие издания ИФЛА и все, что надо, законспектировала. Осталось только сесть и начать писать. Но это самое сложное. О своих планах в связи с этим я писала в 1978 году И.Видеру, директору Баварской государственной библиотеки в Мюнхене:

Я, к сожалению, мало работаю над историей ИФЛА. Почти весь 1977 год мой муж болел, и я много времени уделяла ежу. Надеюсь, что после санатория, в который мы сейчас собираемся поехать, оно у меня появится. Мне совестно, что я не пишу свои воспоминания, так тесно связанные с организацией и руководством Библиотекой иностранной литературы. Боюсь, что на две такие работы времени у меня не хватит. Нужно определиться и, главное, начать. Жаль, что жизнь так коротка и, как я теперь понимаю, много времени потеряно. Не помню, говорила ли я Вам в Брюсселе о том, что мы, пожилые библиотекари, не имеем права терять время и должны добиться, чтобы обязательно была издана книга "Who is who in Libraryship". Я говорила об этом с членами исполбюро Штумфоль, Вайнстром, Зауэром, Морхардтом и другими. Но дело с места не сдвинулось. Конечно, не мы будем авторами, но инициатива должна исходить от нас. Все профессии знают своих начинателей. А мы до сих пор не знаем. Я это особенно почувствовала, когда писала статью "Предыстория ИФЛА". Так много крупных библиотекарей забыто. Пожалуйста, поговорите об этом с Зауэром. Очень важно, чтобы это издание было включено в

издательский план ИФЛА. Об остальном позаботиться Вайнстром, а мы поможем консультациями.

Я продолжала общение со своими зарубежными коллегами. Несколько раз ездила на сессии ИФЛА, в том числе на юбилейную сессию, посвященную 50-летию ИФЛА. Министерство культуры СССР ничего не смогло сделать против этого и было вынуждено включить меня в советскую делегацию, в которую вошли заместитель министра культуры СССР Серов (руководитель делегации), директор Ленинской библиотеки Н.М.Сикорский, директор ВГБИЛ Л.А.Гвишиани-Косыгина, летчик-космонавт АТ.Николаев, директора двух московских библиотек и я. Я была изолирована от советской делегации, особенно в присутствии Л.А.Гвишиани-Косыгиной. Было впечатление, что в делегации незримо присутствует ее отец — второй человек в государстве. Подобострастие сквозило повсюду. В отношении меня подчеркивалось — "она не с нами". Было противно все это видеть.

Дважды по приглашению Министерства культуры ГДР посещала эту страну. Весною 1976 года три национальные библиотеки ГДР — Немецкая государственная библиотека в Берлине, Саксонская библиотека в Дрездене и Немецкая национальная библиотека в Лейпциге — пригласили нас с Василием Николаевичем побывать у них и попутешествовать по стране. Нас замечательно принимали, за нами была закреплена персональная машина, и мы объездили все достопримечательные места ГДР. Контакт с руководством и библиотекарями этих трех крупнейших немецких библиотек был, несмотря ни на что, полный. Как отмечала в то время директор Немецкой государственной библиотеки в Берлине Ф.Краузе: "Эта поездка, которую организовали три директора названных библиотек, превратилась для Маргариты Ивановны и ее мужа, который был в Германии впервые, в триумфальное пребывание. Повсюду она убеждалась в том, как мы уважали ее и как ценен для нас был ее богатый опыт в области библиотековедения, как важны ее советы политического и профессионального плана для нашей совместной работы".

В Москве у нас в гостях, на городской квартире или на даче, по-прежнему бывали мои зарубежные коллеги, в основном директора крупнейших библиотек мира, бывшие и действующие руководители ИФЛА. На таких встречах всегда царила атмосфера профессиональной близости. Мне бывало приятно, что мои зарубежные коллеги чувствовали себя у меня в гостях раскованно, что им весело у меня. Я забывала, что я пенсионер, и чувствовала себя, как в старые времена, и была им очень благодарна. Обычно

мы обедали у меня. Моя невестка Наташа пекла свой знаменитый пирог с капустой по старому русскому рецепту. Все бывали в восторге. Никогда такого не ели. Однажды, когда у нас в гостях были лорд Френсис с женой Кити, им так понравился приготовленный Наташей московский борщ, что они трижды просили добавки. И к тому же, с удовольствием съели мясо, нашпигованное салом и чесноком.

Моя дружба с академиком Ж.Кэном[94] не прекращалась до его смерти в 1974 году. Не могу без улыбки вспоминать трагикомическое событие, случившееся с нами. Однажды я повезла супругов Кэн на министерской "Чайке" на экскурсию в Суздаль. В то время им было уже под 90 каждому. Ехали мы ночью, и они в скором времени крепко уснули в машине. По дороге, в Реутове, нас остановила милиция и, ничего не выясняя, в сопровождении милицейского мотоциклиста отправила нас обратно в Москву, очевидно, как французских шпионов, ехавших через закрытую зону. Ночь и утро прошли в хлопотах на уровне заместителя председателя КГБ. Днем, взяв с собой в сопровождение офицера госбезопасности, прекрасно владевшего французским языком, мы двинулись опять в Суздаль. Устав от всех передряг, супруги Кэн и я спокойно дремали. Но когда мы опять проезжали Реутово, они вдруг встрепенулись и начали спрашивать: "Где, где, где ракеты?" Сейчас это выглядит смешно, но тогда мне было не до шуток.

Мы с Василием Николаевичем и на пенсии придерживались установленного еще в 1920-х годах правила — ежегодно отдыхать где-то на курорте. Теперь прибавилась и необходимость лечения в санаториях. Ездили лечиться, в основном, в подмосковные санатории. Часто, особенно зимой, бывали в любимом "Суханово". В 1974 году совершили поездку по Пушкинским местам в Псковщине. Пожалели, что не сделали этого раньше. Продолжили свои поездки по Волге, Волго-Балту, Оке и Каме. Навестили родные места. Василий Николаевич с Адрианом побывали в Нежине и Киеве. А я вместе с Е.М.Цветаевой побывала в родном для нас обеих городе Гродно. У родителей Евгении Михайловны под Гродно было имение, куда мы ездили и нашли, еще сохранившийся, их помещичий дом и даже стариков-крестьян, которые помнили ее родителей. Я уже писала, что нашла в Гродно дом, который принадлежал моим бабушке и дедушке, где жила когда-то наша большая семья. Я также ездила с Василием Николаевичем в Саратов, в город моего детства и юности. Конечно, пошли посмотреть, что сталось с домами, где я жила с родителями. С волнением посетила наши бывшие квартиры, хотелось вспомнить и пережить еще раз детство и юность. К

сожалению, они были так исковерканы реконструкциями и ремонтами, что узнать их было трудно. А в наших квартирах теперь были убогие коммуналки с общими кухнями и туалетами. От уютных садиков за домами вообще ничего не осталось. На месте лютеранского кладбища, где была похоронена мама, стояли жилые дома… Побывала в университете, в консерватории, в саратовских музеях.

В 1980 году мне исполнилось 80 лет. Получила трафаретную канцелярскую телеграмму от "треугольника" ВГБИЛ. Несколько теплее была правительственная телеграмма от заместителя министра культуры СССР Голубцовой. Зато так приятно было получить теплую телеграмму от председателя Государственного комитета по делам издательств и печати при СМ СССР Б.И.Стукалина.

Обрадовали меня западные коллеги. В 1980 году в "World Encyclopedia of Library and Information Services" ("Всемирная энциклопедия библиотек и информационных служб" американской библиотечной ассоциации) была помещена обо мне статья, которую написал Г.Либарс. На титульном листе энциклопедии ее главный редактор Роберт Веджворт написал:

"М-м Рудомино, с большим восхищением перед Вашими достижениями как библиотекаря и как выдающегося деятеля в области мировой культуры. 22 августа 1981".

20 апреля 1977 года у Василия Николаевича случился инфаркт. У него болела спина, и я давала ему аспирин и анальгин и поздно дала валидол. Это потом меня постоянно мучило. Казалось, что если бы он раньше его принял, может быть, этого и не случилось. До июля он лежал в больнице, а потом врачи не разрешали поехать на дачу, потому что там сосны. И мы остались в городе. Но 6 июля у Василия Николаевича произошел второй инфаркт, прямо во время визита лечащего врача. Помощь оказали тут же, но боли не проходили 20–30 минут. Положили в больницу, где он пролежал до начала октября. Потом я держала его под "стеклянным колпаком" дома, и он встал на ноги.

В 1977 году сестра Василия Николаевича, Мария Николаевна, за активную деятельность по увековечению памяти сына, С.П.Королева, была награждена орденом Трудового Красного Знамени. Фактическим поводом для награждения послужило признание ее заслуг в том, что она в 1939 году добилась пересмотра дела Сергея и вызова его в связи с этим из лагеря на Колыме, где надежд на спасение у него не было. Мы считали, что Сергей обязан ей вторым рождением. Скончалась Мария Николаевна от инсульта в возрасте 91 года 30 июня 1980 года. Вторая сестра Василия Николаевича, Анна Николаевна, которая

жила с семьей в Австрии, под Зальцбургом, тоже к тому времени умерла. Из двух братьев и двух сестер Москаленко остался только Василий Николаевич, которому в 1980 году исполнилось 90 лет.

Муся Минкевич в Саратове серьезно и тяжело болела. Привожу одно из последних писем к ней.

Барвиха, 22.VII.1979 Мусенька, дорогая!

Совсем замолчала… Я послала сегодня Рите (дочь Муси. — АР.) открытку с просьбой сообщить о тебе, о всех Вас. Мы действительно беспокоимся и не знаем, чем можем помочь. М.б., тебе лекарства нужны, которых нет в Саратове. Пришли рецепт — у нас все же больше возможностей, а вдруг достанем. <…>

Собой я стала довольна. Езжу несколько раз в неделю в Государственный архив, где работаю по 5–6 часов и выискиваю материалы по Высшим курсам иностранных языков при нашей Библиотеке (1926–1930 гг.). Нашла постановления о создании Института новых языков на их базе и различные постановления коллегии Наркомпроса тех лет. Теперь буду писать статью в журнал. Мусенька, напомни мне, когда Саратовские курсы иностранных языков получили право вуза. Для меня это важно, т. к. я считаю, что Институт новых языков в Москве стал первым высшим учебным заведением иностранных языков в СССР. А ведь ВКИЯ в Саратове были преобразованы в Институт еще в 1920 году? А имел он права вуза уже тогда?

Все наши тебе кланяются и детям тоже. Адриан с семьей 5 августа уехал в Киев на 2 недели, с поездкой по Днепру и в Нежин, Чернигов, м.б. Житомир. У Марианны планов нет. Мы на даче.

Целую крепко. Рита.

В конце сентября 1979 года, не дожив до восьмидесяти лет одного года, Муся скончалась. Мы дружили с ней с пятилетнего возраста, т. е. почти всю жизнь. Мне было очень тяжело потерять ее. Конечно, ездила на ее похороны.

9 февраля 1981 года на 91-м году жизни после непродолжительной болезни скончался Василий Николаевич. Я благодарна судьбе, что она подарила нам 57 лет счастливой семейной жизни. Мы, конечно, не имели права требовать большего. Василий Николаевич умер в хорошей умственной форме, но перенес два инфаркта и мы все боялись, чтобы не было третьего. А умер он от обострения желчно-каменной болезни, которой страдал почти всю свою жизнь. Мы прожили нашу супружескую жизнь душа в душу. Он был умным, благородным человеком, любил людей, был настоящим интеллигентом. Ему я бесконечно обязана тем, что стала такой, какая есть. Всю жизнь он помогал мне, жил моими интересами, и я часто думала, что

если бы его не было, то, возможно, не было бы и моей Библиотеки. Мне прислали много соболезнующих телеграмм и писем. Хочу привести выдержку из письма Л.И.Владимирова из Вильнюса:

Дорогая Маргарита Ивановна,

Очень жалеем Вас. Потерять друга, с которым Вы жили сердце в сердце и душа в душу больше полувека — это, конечно, для Вас большая, невосполнимая утрата.

Василий Николаевич был и навсегда останется в нашей памяти чудесным, милым человеком, человеком большой доброты и высокой духовной культуры. В наше время таких людей очень мало, и уход из жизни каждого из них — это большая потеря. После Вашего звонка мы с Ириной Федоровной долго вспоминали приезд Василия Николаевича с Вами в Вильнюс и беседы с ним. Хотя не в моих обычаях вставлять в свои письма цитаты, а тем более в это письмо, у меня невольно в памяти возникло старое забытое четверостишие:

О милых спутниках, которые нам свет Своим присутствием благотворили,

Не говори с тоской: их нет,

А с благодарностию: были[95].

Ваш Владимиров.

Потеря Василия Николаевича была самой большой потерей в моей жизни. Мне ужасно грустно и одиноко без него.

После смерти Василия Николаевича я крепко держала себя в руках, старалась жить полноценной жизнью, как можно больше работать, путешествовать. Летом 1981 года с внуком Васей ездила на теплоходе "Лев Толстой" по Волго-Балту до Выборга и обратно. На теплоходе играла в пинг-понг и вспоминала 1930-е годы, когда мы с Василием Николаевичем и Адрианом были увлечены этой игрой и играли в столовой нашей квартиры на Мясницкой. Как-то танцевала и думала о том, что очень любила танцевать, а жизнь прошла и танцевала я мало, так как Василий Николаевич не танцевал. Василий Николаевич все время со мной.

Осенью 1981 года по приглашению Министерства культуры ГДР и ИФЛА ездила на 47-ю Сессию ИФЛА, проходившую в Лейпциге, опять против воли Министерства культуры СССР. На открытии Сессии меня встретили аплодисментами и цветами. Но советская делегация игнорировала меня. Показывала, что "я не с ними". Было очень обидно и грустно наблюдать за подхалимством не только соотечественников, но и гедеэровского начальства. Восполнилось это доброжелательством простых библиотекарей и членов Исполкома ИФЛА. После закрытия Сессии, я еще 2 недели провела в ГДР, в Дрездене и Берлине. Выступила в Обществе

библиотекарей Саксонии. Походила по музеям, театрам. Выступала в германском обществе библиотекарей в Дрездене.

Зимою того же года лечилась в санатории "Подмосковье". А осенью 1982 года по приглашению дочери Ж.Р.Блока Клод провела почти 2 месяца во Франции — в Париже и на Лазурном берегу в Антибах, где жил П.Пикассо, у моей коллеги И.Журдан. Летом жила на даче, было тихо и спокойно, и хорошо на душе. Часто снился Василий Николаевич. Все время я была с ним. Но, к сожалению, на даче я много времени бывала бездеятельна. Приятная дачная обстановка не располагала к работе, работалось лучше в Москве. Но на зиму все же оставалась на даче. Адриан уехал в трехмесячную командировку в Англию, и мы жили на даче втроем — Наташа, Вася и я. Взяла себя в руки и много работала.

О своей жизни в 1982 году я писала В.Н.Стефанович, бывшей сотруднице Библиотеки, с которой я вместе работала в Германии в 1945–1946 годах и которая впоследствии уехала жить в Крым.

Москва, 22.IV.1983 Дорогая Вера Николаевна,

Спасибо за Вашу память. Очень жалко, что мы так редко виделись в последние 10 лет. Я Вас не забыла. Очень хотела бы Вас повидать, вспомнить прошлое. Приедете ли в Москву?

Посылаю Вам № 4 журнала "Собеседник" с моей откровенной и эмоциональной статьей о рождении ВГБИЛ. Я рада была случаю, который заставил меня написать впервые, как ВГБИЛ появилась на свет. Продолжаю писать "Летопись моей жизни" по годам с указанием конкретных событий по памяти, письмам и архивным документам. Когда пишу, не могу оторваться от работы, но сесть за работу очень трудно себя заставить. В результате — медленно подвигающаяся рукопись. Если она не будет напечатана при жизни, ничего не значит — останется в семейном архиве. Хорошо было бы, если и Вы бы прислали свои воспоминания, хотя бы для меня.

1982 год прошел активно: в июне с младшим внуком Васей совершили чудесное путешествие на теплоходе — плавучем доме отдыха "Лев Толстой" по маршруту Москва-Ленинград-Выборг и обратно. 4 дня в Ленинграде, длительные остановки в Петрозаводске, в Кижах, на Валаамских островах. Погода благоприятствовала.

В сентябре-октябре была по приглашению во Франции. Тоже чудесное путешествие. 3 недели жила у приятельницы-француженки на Лазурном берегу. Их дача в горах, в Альпах, в 20 км от Ниццы. Особенно поразили меня горные вершины, где сохранились монастыри, замки, церкви еще с римских времен, многие из которых реставрированы. Курортные места похожи на наши, только в несколько раз больше. Ознакомилась с бытом, живя

в семьях. И хотя я одиннадцатый раз во Франции, но по-настоящему их быт и жизнь увидела впервые. Удалось посмотреть и замки Луары — это история королей и вельмож.

Дома у меня все в порядке. Старший внук Алеша (сын Марианны) усиленно изучает японский язык в Институте Азии и Африки МГУ, переходит на II курс. Адриан на днях вернулся из Лондона, где пробыл 3 месяца в научной командировке. Марианна и Наташа целиком погружены в работу и дом. Живу в городе с большой заботой обо мне детей и внуков.

Много о чем надеюсь вспомнить за долгую жизнь и дружбу. Но лучше увидеться. Жду Вас.

Привет от всей семьи. Кланяйтесь Вашей племяннице.

Ваша М.Рудомино.

PS. Из ближайших планов — вторичная поездка на теплоходе с Васей в мае. Имею приглашение на Конгресс ИФЛА в августе в Мюнхене. Но это зависит от меня. Буду решать позднее.

Все десять лет после ухода на пенсию я работала над воспоминаниями. Но собой я не удовлетворена потому, что работала все-таки недостаточно, хотя хотелось очень о многом написать. Над моим письменным столом даже висел плакатик: "Ни дня без строчки". Надо было полностью уйти в эту работу. Но я любила общение с людьми и работала только днем, а по вечерам обычно кто-то приходил в гости. Да и днем что-то все время отвлекало. Но все-таки результат был. В 1974 году профессор МГК В.Д.Дувакин для архива МГУ записал некоторые мои воспоминания. В 1985 году, уже после смерти В.Д.Дувакина, я их немного дополнила.

За эти годы опубликовала воспоминания о Кларе Цеткин, Жане Ришаре Блоке, Жюльене Кэне, М.П.Рол-лан (Кудашевой). Они были опубликованы у нас и в зарубежных изданиях. В нескольких зарубежных изданиях была опубликована к 50-летию ИФЛА "Предыстория ИФЛА". Написала статью о Даре испанского народа — коллекции испанских книг, подаренной нашей Библиотеке правительством республиканской Испании в 1938 году. Сейчас я работаю над воспоминаниями об отдельных писателях. Начала хронологически с тех зарубежных писателей, с которыми встречалась еще в 1920-х годах. Мне хотелось бы дать отдельный обзор моих встреч с интересными людьми. Я выбрала тех, с которыми долго встречалась и, быть может, подружилась. Хочу вспомнить о встречах с немецкими антифашистами, с деятелями французского Сопротивления, с крупными писателями Англии, Франции, США и других стран. У меня есть что написать, но я собой недовольна, потому что не могу заставить себя ежедневно, как полагалось бы, по нескольку часов сидеть и

писать.

Мне пришлось много поработать в Государственном архиве по поводу создания Института иностранных языков. Достала все документы того времени, вплоть до Постановления Совнаркома СССР о реорганизации Высших курсов иностранных языков при ГБИЛ в Институт новых (иностранных) языков, в дальнейшем, получивший имя Мориса Тореза. Работая в Госархиве, я нашла много интересного по преподаванию иностранных языков до революции и в первые годы Советской власти. И в них очень много материала было связано с деятельностью моей мамы. В связи с этим я сейчас веду переговоры с одним лингвистом, который собирается написать работу о методической деятельности мамы по преподаванию иностранных языков. Ведь мама одна из первых у нас в стране ввела в методику преподавания иностранных языков натуральный метод, который сегодня называется аудиовизуальным методом преподавания иностранных языков. Это был важный ее вклад в методику преподавания иностранных языков в 1910-х годах.

Лето 1986 года у нас было очень сложным. Вася окончил школу и стал готовиться к поступлению в МГИМО. В связи с окончанием школы я сделала Васе подарок и к нему написала вот это письмо:

Дорогой Вася,

Рада за тебя — ты молодец — поздравляю тебя, милый внук и друг, — ты прекрасно окончил школу.

Мне хочется отметить сегодняшний день и подарить тебе на память старинный бокал, дорогой мне по воспоминаниям. Этот бокал передал мне в Берлине в последний день Великой Отечественной войны легендарный сержант Советской Армии Михаил Егоров, водрузивший наше знамя Победы на Рейхстаге 30 апреля 1945 года. Он подарил мне этот бокал во время моего посещения поверженной рейхсканцелярии Гитлера 8 мая 1945 года. М.Егоров в тот день дежурил по рейхсканцелярии и принимал победителей-армейцев. Он был потрясен, впервые увидев женщину-подполковника Советской Армии. Помню, что, несмотря на конец войны, у меня в эти дни было тяжело на душе из-за отсутствия сведений о твоем папе, который находился в то время на Севере Германии, в войсках 2-го Белорусского фронта и несколько месяцев не давал о себе знать. Мы разговорились с Егоровым, он почувствовал мое состояние и пожалел меня. Увидев на моих ногах полуботинки, сейчас же принес мне женские сапоги (к сожалению, они были мне малы) и старый зонтик из рейхсканцелярии (шел дождь, а машина стояла далеко), который я, конечно, по молодому легкомыслию не сохранила. Кроме того,

принес бокал из апартаментов Гитлера и, передавая его мне на память, М.Егоров сокрушался, что лучших памятных вещей не осталось, уже все разобрано. Но я была очень довольна, и на душе стало легче после теплого внимания солдата.

Бокал — старинный. Ему более 100 лет. На нем выгравировано "1864" На бокале — красные рисунки достопримечательных мест старого Карлсбада (теперь Карловы Вары). Как видишь, бокал сохранился — это заслуга дедушки. Теперь ты, Вася, становишься хранителем семейных реликвий — береги бокал и передай его своим потомкам.

Твоя бабаба М.Рудомино

Барвиха, 26 июня 1986 г.

Вася в МГИМО поступил. А старший внук Алеша в октябре вернулся из 10-месячной стажировки в Японии по линии МГУ, который он заканчивал.

Новый, 1987 год встречала на даче с Адрианом, Наташей и Васей. Как всегда, грустно без Василия Николаевича. Много было поздравительных телефонных звонков и писем. Пришли гости, и я просидела со всеми до 3-х часов ночи. В феврале жила в Москве. Была активной и интенсивно работала, но только днем, по вечерам кто-нибудь приходил.

Весною ездила на месяц по приглашению директора Берлинской государственной библиотеки в ГДР Ф.Краузе. Жила в Берлине и Дрездене. Поездка была приятной, все были очень гостеприимны. Много воспоминаний и совпадений. Несколько дней жила у свекрови дочери А.Куреллы, Марты Кох, и попала в ту же квартиру в Бабельсберге под Потсдамом, в которой я жила в 1946 году. Поздней осенью 1987 года отдыхала и лечилась в подмосковном санатории "Загорские дали".

"Справедливость восторжествовала, но не совсем…"

В 1986 году, в начале перестройки, когда стало немного легче "дышать", группа сотрудников ВГБИЛ по инициативе бывшего секретаря парторганизации Библиотеки А.С.Ионовой обратилась в журнал "Огонек" со следующим письмом:

"НЕ ПОРА ЛИ ВСПОМНИТЬ?

В апрельском номере журнала "Иностранная литература" опубликовано интервью с директором Всесоюзной государственной библиотеки иностранной литературы Л.А.Гвишиани-Косыгиной. В этом кратком рассказе о деятельности Библиотеки, которой в мае исполняется 65 лет, мы с удовлетворением прочли абзац, посвященный М.И.Рудомино: "Моя предшественница Маргарита Ивановна Рудомино работала в библиотеке со дня ее основания. Ей

и принадлежит пальма первенства по началу сбора коллекции".

Удовлетворение вызвал самый факт, что впервые за 14 лет после ухода Маргариты Ивановны на пенсию имя ее, — основателя и директора ВГБИЛ, руководившего Библиотекой 51 год, — упомянуто в московской печати. Ведь оно даже не было упомянуто на торжественном собрании в связи с 60-летием ВГБИЛ (1982 год); не называлось и в стенах самой Библиотеки во время многочисленных экскурсий по ней, на собраниях, на занятиях с молодыми сотрудниками и т. д.

Но вызывает этот абзац глубокое недоумение. Если уж называть имя М.И.Рудомино, то как же не сказать, что была она не просто "предшественницей", и не "начало коллекции" было ею положено. Маргарита Ивановна Рудомино была истинной создательницей этого уникального учреждения культуры — она Библиотеку основала и выпестовала, превратила ее не только в книгохранилище с огромным, многоязычным, тщательно подобранным и пополняемым фондом, но и в своеобразный культурный центр, широко известный своей многогранной деятельностью не только в Москве и в Советском Союзе, но и за рубежом. Маргарита Ивановна и сейчас является почетным вице-президентом ИФЛА (Международной федерации библиотечных организаций) и пользуется большим авторитетом и уважением мировой библиотечной общественности. Друзьями Библиотеки были многие замечательные люди — ученые, писатели, деятели культуры, и все они отдавали должное инициативе, творческой энергии, широкому кругозору ее бессменного директора.

М.И.Рудомино создала крепкий коллектив единомышленников, который десятилетиями жил общими интересами дела, жил творчески, преодолевая трудности (вспомним хотя бы многолетнюю "борьбу за новое здание"), которая увенчалась в 1967 году завершением строительства прекрасного дома. И сейчас, в свои 86 лет Маргарита Ивановна продолжает работать над воспоминаниями, касающимися разных сторон и этапов истории ВГБИЛ, которая стала одновременно и историей собственной ее жизни.

Сейчас ВГБИЛ исполняется 65 лет, а Маргарите Ивановне Рудомино через три года с небольшим будет 90. К сожалению, все прежние ее юбилеи 75, 80, 85 прошли не замеченными "вышестоящими организациями". Мы, от имени ветеранов ВГБИЛ, проработавших там по 20, 30 и более лет, хотим сердечно поздравить Маргариту Ивановну, пожелать и дальше сохранить свою удивительную бодрость духа, поблагодарить за годы интересной, живой, дружной работы. Талант организатора и увлеченная преданность делу — не столь уж часто встречающиеся

качества руководителя, — неотъемлемы от облика М.И.Рудомино.

Было бы естественно и только справедливо, если бы в нашей печати появилась беседа и с ней — основателем и бессменным — в течение более полувека — руководителем ВГБИЛ.

А.С.Ионова, А.П.Найда, Н.Г.Левитская, М.С.Шарова, И.М.Левидова, М.Я.Танер, И.Н.Сорокина, К.П.Сабенникова, П.И.Ройзман, Т.Д.Карпова".

В связи с этим письмом редколлегия журнала "Огонек" попросила сотрудницу ВГБИЛ, известного литературоведа И.М.Левидову взять у меня интервью об истории создания и развития Библиотеки. Интервью было взято, но Инны Михайловны не стало. И здесь все взял в свои руки главный редактор журнала "Наше наследие" Владимир Петрович Енишерлов, который деликатно, но твердо поставил жесткие сроки сдачи материала, засадил меня летом 1988 года за письменный стол на даче, и я с юношеской быстротой, не теряя ни одной минуты (все кругом боялись, как бы такой творческий подъем не подорвал мое здоровье), подготовила краткую историю ВГБИЛ в виде интервью. Это интервью под названием "Книги моей жизни" было опубликовано в журнале "Наше наследие" весною 1989 года. Огромное спасибо Владимиру Петровичу за то, что он вдохновил меня и вызвал творческий подъем. Конечно, историю ВГБИЛ мог бы написать кто-то другой. Мне же хотелось написать о людях, событиях воспоминания, которые уже никто не сможет дать. Я много чего не рассказала. Иногда я жалела, а иногда думала: "…Ладно, пусть со мной это и умрет. Много чего неприятного было".

Как-то в письме моему коллеге и ровеснику, бывшему директору Ленинградского библиотечного института профессору П.Г.Фирсову, страдавшему от одиночества и жизненных невзгод, я хотела его подбодрить, а получилось так, что в нем, по сути дела, я изложила свой подход к жизни после ухода на пенсию и во вдовстве.

Москва, 2.II.1987

Дорогой Георгий Гаврилович,

Давно собираюсь Вам написать, но всегда что-то мешает. Трафаретное письмо не хотелось писать. Оно никому ничего не дает. Поэтому и не писала. Но Ваше последнее письмо меня взволновало. Я понимаю Ваше состояние. Отсюда и Ваше настроение безнадежности, ненужности, одиночества. Но Вы не правы, и в Ваших руках сделать свою жизнь вновь нужной.

Об этом мне и хочется Вам сказать. Что случилось? Много тяжелого и горького. Вы потеряли близкого человека. Вы измучились за последние трудные годы жизни. Вы перестали

полностью работать. Вы отошли ото всех — от детей, от друзей, от знакомых. Вы постарели и т. п., и т. п. А как Вы думали? Будет иначе? Это и есть жизнь. Она у всех такая же, с небольшими внешними отклонениями. Но у Вас осталось главное — Ваша голова, Ваш мозг. А многие именно это потеряли. Вы должны взять себя в руки (это трудно, знаю по себе) и правильно организовать свою жизнь с теми возможностями, какие у Вас имеются. Рецепты не мне Вам давать — Вы лучше меня сможете это сделать. Главное — труд умственный, физический, какой угодно — читать, писать на профессиональные темы (статьи в журналы, а может быть, и книгу, это не проблема для нашей профессии), писать воспоминания, связанные с работой, с встречами, с личными переживаниями, составить родословную для потомков. А путешествия? Ваш же Ленинград и его окрестности объехать! А с друзьями, знакомыми возобновить близость! Вы, Вы должны сами это сделать…

Много интересного, пропущенного в жизни можно восстановить. Немного силы воли и своей собственной активности, и жизнь вновь войдет в свое русло. Есть минус — болезни. Но в Вашем письме я не заметила. Но, если и есть — можно лечиться, только желание должно быть. Ваша жизнь была интересной, поскольку Вы сами интересный человек, и вспомнить и передать другим большое будет удовлетворение. Еще Вы возразите — старость. Да, молодость, может быть, и лучше, хотя как для кого. Старость (только действительно без болезней) тоже часть жизни. И каждая из них имеет свои достоинства. У Вас дети, уважение, самостоятельность. Пожалуйста, не обращайте внимание на нашу отвратительную социальную систему — безразличие после ухода на пенсию. Но это просто некультурность, невоспитанность, может быть, ревность и… эгоизм.

Многое хотелось бы еще сказать, но это будет похоже на нравоучение. У меня самой это пережито, но сейчас я в форме — взяла себя в руки. 9 февраля 1981 года ушел из жизни Василий Николаевич, и я осталась одна после 57 лет совместной счастливой жизни. Плакать нельзя, а надо сказать спасибо за 57 лет. Требовать еще — будет нечестно. Есть дети, друзья, работа. С Библиотекой осталась горечь, туда не хожу. Пишу и печатаю воспоминания по организации ВГБИЛ, в частности о роли Библиотеки в изучении иностранных языков в первые годы Советской власти и об организации Института иностранных языков на базе ВКИЯ нашей Библиотеки. Для этого около года работала в Центральном государственном архиве. Медленно продолжаю работать над мемуарами. Хочется окончить написание предыстории ИФЛА, материал уже собран. Много путешествую.

Была на 50-летии ИФЛА в Брюсселе и на 47-й Сессии ИФЛА в августе 1981 года в Лейпциге. Вспоминали Вас с молодым Рюкклем и старым Вернером.

Откликнитесь на письмо и пересильте себя. Большой привет.

Ваша М.Рудомино.

В начале перестройки и гласности я не могла бездействовать и молчать, активно включилась в библиотечную жизнь. Я любила библиотечное дело. Оно было целью и смыслом моей жизни. И я вновь почувствовала, что мой опыт, мои советы нужны, и это принесло мне большое удовлетворение. В конце 1987 года я написала статью "Не могу молчать" о животрепещущих проблемах библиотечной жизни страны. Весною 1988 года состоялся Круглый стол Фонда культуры и журнала "Наше наследие", посвященный проблемам советских библиотек В нем приняли участие представители ведущих московских и ленинградских библиотек. Я выступила на этом совещании с анализом сложившейся ситуации и предложила свою программу спасения Библиотеки и выхода из кризиса. Основные положения моего выступления были опубликованы в статье "Не могу молчать" в журнале "Наше наследие" (1988, № 2).

В конце 1980-х годов в моей Библиотеке начались большие кадровые изменения. В 1987 году ушла из Библиотеки, окончательно рассорившись с коллективом и "хлопнув дверью", Л.А.Гвишиани-Косыгина. Вместо нее Министерством культуры была назначена Н.П.Игумнова, работавшая до этого заместителем директора Библиотеки им. В.И.Ленина. Вот, что я писала своему внуку Васе в армию, где он в то время служил:

Москва, 11.11. 1988 Дорогой Васенька,

*Немного опаздываю с письмом тебе — вчера целый день собиралась, но мелочные заботы не оставили свободного времени. Спасибо за твою заботливую поддержку в твоем письме о Библиотеке. Сейчас удар отодвинут на неопределенное время. Слава Богу, в Министерстве культуры СССР нашлись люди со здравым умом. Однако я продолжаю борьбу и жду приема в Госкомиздате при СМ СССР — председатель Б.Я.Стукалин болен, а с другими говорить не имеет смысла, все равно не решат, а главное — не поймут. Я имею в виду переход Библиотеки в их ведение, как мы были когда-то. Я всегда называла те 15 лет (1948–1963), когда мы были у них — *золотым веком" и для Библиотеки и для издательства. Подождем, будем готовиться, а там посмотрим. Жизнь так бежит, обстоятельства меняются, да и мысли о будущем Библиотеки тоже различны и разнообразны…*

Плохо то, что новый руководитель Библиотеки ни языков, ни иностранной литературы, да и научных дисциплин не только не

знает, но и не компетентна ни в одной из них. Узкие специалисты библиотечного дела и она, и новые ее заместители, что для нашей библиотеки мало. Библиотека уникальна и многоаспектна.

Я была очень рада твоим словам о дедушке и тому, что ты так отчетливо понял свои детские заблуждения. Каждый раз я нахожу некоторые сходные черты твои и дедушки и буду счастлива, если и дальше буду их находить, — ты похож на дедушку Васю и внутренне хорошими чертами. А когда я тебе советовала быть <хорошим", я всегда имела в виду дедушку.

Чувствовала, что 9 февраля (позавчера) ты был с нами. У нас на городской квартире собрались: Адриан, Наташа и я (Марианна была утром) и старые библиотечные друзья: Мина Познанская, Маля Найда, Аля Ионова, Инна Левидова, Ира Глаголева, Таня Гуткина. Вечер хотя был посвящен грустному событию, но прошел тепло, интересно, дружелюбно.

Целую крепко, крепко. Каждый час ждем твоей справки или телеграммы для поездки к тебе папы. Твоим письмом всегда радуемся. Это для нас праздник.

Бабаба.

Хочу привести выдержки из своих писем внуку Васе во время его службы в Армии в 1988–1989 годах, в которых хотела поделиться с ним своими мыслями:

Барвиха, 28 декабря 1987 г.

…Ты показал себя мужественным и мудрым в тяжелом боевом крещении, которое тебе, 18-летнему парню, выпало на долю. Оставайся смелым и разумным и дальше, а главное, имей терпение и сохрани спокойствие. Когда я читаю твои письма, то восхищаюсь и горжусь тобой. В тебе есть, заложенная с детства, выносливость и рассудительность. Ты трезво смотришь на жизнь и этим облегчаешь свое бытие. И еще мне кажется, что в тебе сохранились гены твоего дедушки Васи — замечательное свойство хорошо относиться к людям. Таким людям легче живется. Их любят. Только сдерживайся при раздражении. Это быстро проходящий момент, но в дальнейшем он обходится дорого и отношения ухудшаются и восстановить их трудно, трещина остается.

* * *

Барвиха, 4 января 1988 г.

..Поражает московская погода. Перед Новым годом температура превышала 20 градусов мороза, а со вчерашнего дня (3 января) оттепель. Сейчас 12 часов дня, и на нашем градуснике

плюс 2 градуса, а в городе — 4 градуса тепла. Все потекло. Из моего окна дорожка темно-серого цвета на белом снегу и сплошная вода. Не помню такого Нового года!

* * *

20 января 1988 г.

..Мне давно хотелось написать тебе о важности для всей жизни человека знаний. Тебе надо использовать твои два предстоящих года, невзирая ни на что, на самообразование. Главное не потерять молодые годы для самообразования. Здесь должен быть разработан план чтения, порядок обзора книг, чтобы не тратить время на ненужное чтиво. Почему у нас плохо понимают художников-классиков XIV–XIX веков? Потому что картины их большей частью посвящены библейским историям, древним мифам и легендам, — а мы их не знали. В первую очередь надо знать историю религий, античную историю и литературу. Этот круг вопросов должен быть введен в школьную программу, как это было до революции в мужских гимназиях. У дедушки Васи этот курс был в гимназии, и он хорошо знал эти вопросы, в то время как у меня в гимназии его не было. Несмотря на то что потом многое прочла и изучила, я всегда страдала, когда сталкивалась в разговорах с более образованными людьми. Если не найдешь у себя в библиотеке нужной литературы, напиши мне. Я постараюсь тебе помочь.

28 января 1988 г.

Дорогой Васенька, целый день берусь за перо тебе написать, и все время что-то мешает. Думаю о тебе очень часто и хочется тебе что-то рассказать и поделиться мыслями, но тут же вспоминаю, как ты не любил, чтобы давали тебе советы и передавали свой опыт. Хотя это, как я вижу, неписаный закон — никто не хочет слушать другого — ни молодежь, ни взрослые, ни старые. Жаль и очень жаль. Поймешь, когда сам станешь старым. Пока эту тему оставим.

А теперь немного напишу о своих переживаниях с моей Библиотекой. 14 лет я молчала, понимая, что пока дочь председателя правительства — директор, ничего сделать нельзя. Видела, как Библиотеки идет под откос, но знала, что какой бы она ни становилась, она сохранит свою самостоятельность, и моего вмешательства не требовалось. Но стоило ей уйти с поста директора, и наш старый враг Ленинская библиотека сразу "заработала" — написала в разные инстанции предложение централизовать крупные библиотеки и в первую очередь нашу

Библиотеку сделать филиалом Ленинской библиотеки. Внутренне я понимала, что такого абсурда не сделают, но при нынешней неразберихе, под видом хозрасчета, самофинансирования и т. п. все может случиться. Целую неделю поднимала, пока по телефону, всех оставшихся почитателей Библиотеки. Кое-кого нашла и кое-кого расшевелила. Но пока реального ничего не сделали. К счастью, в Министерстве культуры все же нашлись разумные люди и вопрос отложили как недоработанный. Срочность и с ней тревога отпали, но мне пришлось приехать на дачу и отсыпаться от переутомления, полученного в длиннейших переговорах…

2 февраля 1988 г.

Дорогой мой младший внучек Васенька. Старший внук уже не один, а со своей Леной. Все произошло так быстро и, пожалуй, неожиданно. А вдруг с тобой такое же случится? В запасе есть верные два года, а там видно будет, за эти годы посмотришь, как сложится личная жизнь и у Алеши, и у Сережи, и у Андрея, и у Саши[96] *и, возможно, и у твоих товарищей. В наше время ранние браки считались скорее отрицательными, особенно для мальчиков. В твое время ранние браки обычное явление, но зато часто расторжимые. Время покажет прочность молодых браков, и через два года у тебя будет перед глазами опыт твоих сверстников — сам сделаешь для себя вывод.*

1 марта 1988 г.

…Утром 9 февраля, в день кончины дедушки Васи, мы с папой были на кладбище, вспоминали его и говорили о нем. Дедушка мне очень помогал морально и всегда поддерживал меня при сложных и трудных обстоятельствах, когда я иногда падала духом. А такие ситуации, как требование закрыть Библиотеку, или присоединить к какому-либо учреждению, или иные обследования разных комиссий, особенно в 30-е гг., когда обвиняли меня во всех грехах и предлагали снять с работы, или, может быть, и хуже, были все 50 лет во время моей работы в Библиотеке. И всегда дедушка был рядом со мной, помогал и заставлял бороться, бороться не переставая за сохранность Библиотеки и ее самостоятельность. Спасибо ему большое. Дедушка был ***Человеком*** *с большой буквы. Очень хотелось бы написать о нем, как об интеллигенте конца XIX — начала XX века, которых сейчас уже почти нет, а также как о личности — он имел свои мысли, свои убеждения, от которых никогда не отступал, свое мировоззрение на жизнь и, главное, он был гуманистом в наше трудное время. Но для написания нужна большая сила воли, а я ее с каждым днем теряю…*

5 апреля 1988 г.

С конца февраля живу в Москве. На даче бываю редко, приезжаю только на субботу-воскресенье. На даче, конечно, лучше,

но я там бездельничаю и только читаю, ем и сплю, и даже мало гуляю. А в городе я живу активной жизнью — по вечерам у меня кто-либо из друзей бывает, много говорю по телефону, но совсем не бываю на воздухе, так как боюсь упасть из-за скользких дорог. Последнюю неделю выхожу, снег в центре убран, тротуары сухие — настоящая весна, но без весеннего запаха. Жаль. Или у меня пропало обоняние, или действительно в городе не чувствуется свежего воздуха. А вообще город грязный, не убранный, несмотря на клятвенные обещания Моссовета. У нас во дворе и сегодня пройти нельзя — еще много льда под черным снегом, все течет и грязь под ногами. Дворников нет и жаловаться некому. Надежда на солнышко, но его что-то маловато.

26 мая 1988 г.

..Почти весь май провела на даче и опять наблюдала за пробуждением природы. В прошлом году я была очарована и жалела, что раньше не обращала внимания, как медленно, закономерно распускаются деревья, кустарники, выползают из земли первые примулы у меня под окном. Всю зиму потом вспоминала. И вот в этот раз разочарование — медленность превратилась в мгновение и красота восприятия рождения природы пропала. Жаль. Надо ждать будущей весны…

29 мая 1988 г.

Когда сижу в саду, всегда любуюсь домам и восхищаюсь твоей покраской. Прошел год, а как будто покрашено сейчас. Вспоминаю тебя стоящим на лестнице и красящим дом белой эмалью. Я прошу тебя кончать, уже поздно, становится темно и надо спать ложиться, а ты с некоторым раздражением — "я знаю, когда кончать…" Ты был прав, и твое трудолюбие, настойчивость и терпение были мне близки, и я вижу, ты такой же и сейчас на твоей работе. Молодец! И как ты с окружающими? Будь доброжелателен к людям и еще больше будешь похож на дедушку Васю.

..Главное в жизни — это семья, и возможно, что молодежь права, когда заводит свою семью в раннем возрасте. Будущее покажет. Важно, чтобы жены оказались настоящими людьми. Другими словами — любящими, единомышленниками, дружно строящими свое гнездо, помогающими друг другу, доброжелательными, добрыми и… умными. Может быть, слишком требовательна? Возможно. Даже если бы некоторых качеств — тоже ничего…

1 сентября 1988 г.

Дорогой, дорогой мой Васенька. Поздравляю тебя с наступающим твоим 19-летием. Что тебе пожелать? Найти самому свой правильный жизненный путь. А путь у тебя должен

быть хорошим. Все данные для него у тебя при себе — светлая голова, быстрые руки, добрая душа, красивые глаза. Только не растеряй, сохрани и правильно используй. Не забудь, что на одной грамотности далеко не уедешь. Нужна громадная культура, широкое образование. Все это в твоих собственных руках. Подумай… Приедешь — потолкуем о судьбах человеческих.

Дорогой Васенька, как странно, что твой возраст и нелепое постановление о службе в Армии студентов совпали именно в твоей жизни. Но, с другой стороны, хотя ты опаздываешь с окончанием высшего учебного заведения, зато получил жизненный опыт, какой бы ты не получил, не пройдя эти два года. Возможно, что они были тяжелыми (хотя, к счастью, не такими тяжелыми, как у многих других), но зато ты прошел "огонь, воду и медные трубы" и можешь себя в 20 лет считать умудренным жизненным. опытом. Наша жизнь с тобой одинакова — я тоже в эти молодые годы побывала в переделках и благодарна судьбе — эти годы закалили мой характер и я не стала бояться дальнейших трудностей. А бороться в жизни тебе еще придется. Но с твоей приобретенной выносливостью и окрепшим характером будет легче — в этом скажи спасибо ранней службе и, конечно, Судьбе.

В 1988 году, в свои 88 лет, я начала болеть. Вот что я писала об этом во Францию бывшей заведующей Русским отделом Национальной библиотеки Франции И.М.Форест, с которой дружила долгие годы.

Москва, 24- XII. 1988 Милая Ида Михайловна,

Сегодня сочельник, и я помню с детства этот на всю жизнь запомнившийся вечер, елка, волнения и небольшой страх — не забыть стихи, подготовленные папе имаме, понравится ли бабушке мое рукоделие. Какими будут подарки под елкой. К сожалению, эта традиция у нас перенесена под Новый год, но у меня в памяти ярко сохранился этот день, как лучший в году. Ау Вас празднование у елки осталось — потому я сейчас буду Вам звонить по телефону, а до этого хочу написать Вам письмо.

Этот году меня прошел под знаком болезни. Еще с весны у меня стала подниматься неожиданно температура выше 39 градусов, перед этим сильнейший озноб, а после падения температуры, обильный пот. Длилось все вместе взятое 8-10 часов. А после этого — здорова. При этом вначале один-два раза в месяц. Конечно, предполагали грипп и особого внимания не обращали. Но осенью подъемы температуры участились и проходили чуть ли не через день. Врачи не понимали, пришлось лечь в больницу на исследование. Наташа (жена Адриана) энергично взялась за меня: она положила меня к себе в больницу, где спасла в буквальном смысле слова. Спасибо ей. Сейчас — дома, хорошо

питаюсь, поправляюсь, набираю потерянный вес.

О внуках. Вася в Армии, приезжал к нам на 10 дней. Алеша женился, окончил Университет и работает редакторам. Дети по-прежнему много работают. Жизнь у нас интересная, но не успеваем все сделать и, главное, все прочитать — книги, газеты, журналы, мемуары.

Вот поговорили по телефону и на душе стало легче, спокойнее. Хотя и сказала, что не приеду в Париж, но надежда имеется. Посмотрим, что будет со мной к весне.

Крепко Вас целую. Поздравляю с Новым годом и желаю здоровья и еще раз здоровья, а остальное все будет.

Ваша М.Рудомино.

P.S. В нашем новом журнале "Наше наследие" № 2, 1988 г. напечатана статья о библиотеках СССР, где есть мои высказывания о перестройке библиотечного дела у нас. Прочитайте. Если журнала не найдете — сообщите, я пришлю ксерокопию статьи.

В связи с кризисной обстановкой, сложившейся в Библиотеке вокруг нового директора Н.П.Игумновой, я в феврале 1989 года написала письмо Председателю Советского Фонда культуры Д.С.Лихачеву.

Уважаемый Дмитрий Сергеевич!

Зная Ваше отношение к научным библиотекам как центрам культуры, обращаюсь к Вам с просьбой помочь сохранить Всесоюзную государственную библиотеку иностранной литературы Министерства культуры СССР подлинно научной библиотекой гуманитарного профиля. <…>

Сейчас вся эта многогранная деятельность библиотеки находится под угрозой. Полтора года назад в ВГБИЛ произошла смена директора, причем новый директор, назначенный министерством, сразу вошел в конфликт с коллективом. Новая администрация стремится изменить сложившиеся традиции научной работы библиотеки и ограничиться лишь разработкой научно-методических документов, главным образом библиотековедческого характера. Такое решение может пагубно отразиться на судьбе Библиотеки, которая потеряет свое уникальное значение. В коллективе складывается сложная обстановка и возникает тяжелая атмосфера: сотрудники научных отделов не находят единства с новой дирекцией. Наиболее опытные сотрудники с большим стажем работы в ВГБИЛ уходят в другие организации, заменить их одними профессиональными библиотекарями не удастся, так как для поддержания ведущейся в библиотеке работы нужна другая квалификация.

Я полностью согласна с Вашим, Дмитрий Сергеевич,

афоризмом: "Библиотека нужна науке, и наука нужна библиотекам". Мне представляется, что развитие традиций ВГБИЛ послужило бы существенным вкладам в нашу общую борьбу за демократизацию и гуманизацию советского общества. Но для этого во главе библиотеки должен встать крупный деятель культуры или науки, понимающий всю важность ее задач и не боящийся трудностей их решения. Это должен быть человек с широким кругозором, эрудированный в гуманитарных науках, знающий иностранные языки, доброжелательный, внимательный к своим сотрудникам. Такие люди есть. И они могли бы взяться за это непростое дело, если бы был объявлен соответствующий конкурс. Думаю, что лучший выход из создавшегося положения — объявление конкурса на замещение должности руководителя ВГБИЛ.

Буду очень Вам благодарна, если Вы сообщите мне о Вашем решении. Я отдала этой библиотеке всю жизнь, основав ее и будучи ее директорам более полувека (1921–1973), и хотела бы надеяться на ее плодотворное развитие для блага нашей страны.

С глубоким уважением М.И.Рудомино. г. Москва 17 февраля 1989 г.

Мою просьбу Д.СЛихачев поддержал и направил министру культуры соответствующее письмо:

"Министру культуры РФ тов. Захарову В.Т.

Уважаемый Василий Георгиевич!

Как Вы увидите из прилагаемой копии письма, ко мне обратилась с просьбой о помощи Всесоюзной государственной библиотеке иностранной литературы ее основательница и первый директор на протяжении более полувека Маргарита Ивановна Рудомино.

Деятельность этой библиотеки широко известна в нашей стране и за ее пределами, она призвана играть важную роль в нашей перестройке духовной культуры советского общества. Это действительно уникальное учреждение культуры, и мы должны поддерживать ту интеллектуальную работу, которая ведется в его стенах.

Если в коллективе библиотеки действительно происходит то, о чем мне пишет М.И.Рудомино, то это не менее опасно, чем пожар в книгохранилище. Я присоединяюсь к ее просьбе о том, чтобы Вы лично разобрались с положением дел в библиотеке, и не сомневаюсь, что Вы найдете правильное решение. Все же мне представляется, что предложение поставить во главе библиотеки выборного директора вполне разумно и в

духе времени.

Прошу прощения за беспокойство и заранее благодарю за помощь.

Искренне Ваш Д.С.Лихачев

25 марта 1989 г."

Кризис в отношениях между администрацией ВГБИЛ и коллективом весною 1989 года перерос в прямое противоборство — часть сотрудников Библиотеки объявила забастовку. Они считали Библиотеку крупным научным и культурным учреждением, а администрация считала, что Библиотека должна главным образом "обслуживать как можно больше читателей".

В мае 1989 года в газете "Московские новости" (№ 20, 14 мая 1989) я писала: "Авторитет библиотек, и в частности нашей Библиотеки иностранной литературы, неуклонно падает. Наша Библиотека была "родоначальницей" Института иностранных языков имени Мориса Тореза, она выполняла функции "Международной книги", сюда приезжали виднейшие деятели мировой культуры… Упадок Библиотеки, ее превращение в рядовое "предприятие по выдаче книг" начался уже давно и завершался в последние годы…"

Журналистка Е.Грандова писала в газете "Советская культура" 1 июля 1989 года:

> "…То, что с "Иностранкой" неладно, стало ясно не вчера. Авторитет ее как научного и культурного центра неуклонно падал из года в год и становилось все меньше посетителей. Увы, после ухода Маргариты Ивановны Рудомино, создателя ВГБИЛ, основоположника ее традиций, библиотечного деятеля с мировым именем, "Иностранке" с директорами уже не везло. Несколько лет проработала здесь Л.Гвишиани-Косыгина. Случайно ли в этот период из шестнадцати заведующих отделами почти сразу же ушли четырнадцать? Не хотела Людмила Алексеевна, ну ни при каких обстоятельствах не хотела работать с "людьми Рудомино"… Зато Библиотека получила статус научного учреждения. Любое книжное собрание такого профиля долгие годы может лишь мечтать о подобном акте, но так и не добиться статуса. <…> Вскоре в "Иностранку" спускается новый руководитель — Н.П.Игумнова, работавшая заместителем директора ГБЛ. Не будем задаваться вопросом: почему именно из Ленинки, уже не первый год находящейся в кризисном состоянии, определяют директора во ВГБИЛ, где положение явно не лучше.

Видимо, у Министерства культуры СССР были на этот счет свои резоны. Однако с приходом Н.Игумновой и нового заместителя по научной части Т.Кузнецовой (тоже из ГБЛ) положение в "Иностранке" не только не улучшается или как-то стабилизируется. Оно резко ухудшается. Забастовщикам и Совету трудового коллектива (СТК), возглавляемому очень инициативным научным сотрудником Библиотеки Е.Ю.Гениевой все же удалось организовать и провести 27 апреля 1989 года общебиблиотечную конференцию, которая абсолютным большинством голосов выразила вотум недоверия директору библиотеки".

В те же дни в здании ВГБИЛ прошел митинг библиотечной и научной общественности Москвы, с которого я получила следующую телеграмму:

"Дорогая Маргарита Ивановна участники митинга библиотечной и научной общественности Москвы под девизом за возрождение московских библиотек в здании ВГБИЛ 25 апреля 1989 года рады приветствовать Вас основательницу замечательной Библиотеки и неустанного борца за достоинство библиотек и библиотекарей Желаем Вам крепкого здоровья и благоденствия Участники митинга во ВГБИЛ тчк".

О последних событиях в своей жизни я писала в июне 1989 года коллеге, бывшему директору Берлинской государственной библиотеки Ф.Краузе.

Москва, 21. VI. 1989 г.

Милая далекая Фридль,

<…> Что о себе рассказать? Переживала и переживаю вместе с коллективом ВГБИЛ их неурядицы с руководством Библиотеки. Сейчас ждем нового руководителя. Не везет Библиотеке… Переживаю также общее падение библиотечного дела в стране. Посылаю Вам копию статьи из нового журнала Фонда культуры СССР "Наше наследие" (№ 2,1988) "Беды и перспективы библиотек", где имеются и мои высказывания. Кстати, в этом же журнале в № 6,1988 год, который скоро выйдет, печатается мое интервью из истории Библиотеки. Как видите, я вновь вхожу в нашу библиотечную жизнь и жизнью удовлетворена. Чувствую себя неплохо и надеюсь еще пожить и поработать. О зимней болезни я Вам говорила и хочу о ней забыть.

Дома у меня все в порядке. Адриан с Наташей в начале июля на 1–1,5 месяца уезжают во Францию к друзьям по приглашению.

Очень довольны и мечтают впервые увидеть достопримечательности Парижа и других интересных мест. Васю ждем из Армии в ноябре этого года. Он часто пишет и звонит по телефону и чувствует себя хорошо. Отец недавно навещал его в Карелии и остался им доволен. Мы считаем дни до его возвращения. Марианна с мужем на даче строят новый дом и падают от усталости. Старший внук Алеша, окончив японское отделение Московского университета, с удовлетворением работает в АПН по специальности. Женился на милой студентке, оканчивающей в будущем году Историко-архивный институт. Живут отдельно, и я мало его и жену вижу, но все пока хорошо. Живу на даче с Адрианом и Наташей. Погода прекрасная -22-27 градусов тепла. Не так жарко. Ноу нас на даче нет дождей, в Москве ежедневно ливни.

Как жаль, что мы далеко живем друг от друга. А может быть, Вы приедете к нам? Напишите только за 2–3 месяца. Буду рада с Вами повидаться и обо всем поговорить.

Привет всей Вашей большой семье, особенно маме.

Крепко Вас целую. Кланяйтесь Юлиане и Фрейтаг.

Ваша М.Рудомино.

Весной и летом 1989 года отношения между коллективом и дирекцией Библиотеки обострились до предела. В середине мая 1989 г. я писала внуку Васе:

4 мая 1989 г.

…Теперь о моей Библиотеке. Там творится что-то несуразное. За последние 10–15 лет Гвишиани подготовила почву к развалу, к спорам и склокам внутри коллектива. Результат сказался сразу после ее ухода — "падения", и назначения неподходящего, полуграмотного, в смысле культуры и воспитания, нового директора. Коллектив разделился на несколько частей с обвинениями друг к другу и "дракой". Директор не только не смог привести в порядок работу, но и не сумел разобраться с большей частью коллектива. Появились статьи в газетах, появились отклики на ТВ, и с середины апреля несколько отделов Библиотеки объявили забастовку, которая длится и сейчас. 27 апреля на общем собрании коллектива 187 сотрудников Библиотеки проголосовали за объявление директору вотума недоверия (при 18 против). Министерство культуры СССР старается пройти мимо, не желает снимать директора. Некоторые партийные и профсоюзные организации тоже не становятся на сторону коллектива, хотя многие уже меняют свои позиции и поддерживают коллектив. Не знаю, чем это кончится. Сейчас война между Советом трудового коллектива и Дирекцией продолжается с требованием провести конкурс на замещение поста директора. В феврале написала письмо

Д.С.Лихачеву, которое было переслано в МК, но ответа не последовало…

В этом же письме писала о себе:

..Я довольна своими 88-ю годами, довольна окружением, удовлетворена своей относительной активностью, радуюсь дружеским отношениям и общением со многими людьми.

В результате борьбы между коллективом и администрацией ВГБИЛ, коллектив добился права самому выбирать директора Библиотеки на конкурсной основе. Выборы были назначены на 30 октября 1989 года.

За день до выборов я послала коллективу ВГБИЛ следующую телеграмму:

День 30 октября 1989 года открывает новую страницу истории ВГБИЛ, исключительно важную для дальнейшего ее развития.

Мне хочется видеть нашу Библиотеку как самостоятельную, сильную научную библиотеку, как подлинный центр познания мировой культуры и науки;

мне хочется видеть нашу Библиотеку, оснащенную компьютерами, автоматизированным каталогом, другой новой техникой;

мне хочется, чтобы Библиотека нашла новые творческие пути для раскрытия содержания ее уникального книжного фонда.

Мне хочется, чтобы вернулась благоприятная и дружеская атмосфера внутри коллектива и были установлены единые права научных и библиотечных отделов.

Наш и зарубежный опыт показал, что во главе крупной библиотеки любой страны, особенно в современных условиях, прежде всего должна стоять масштабная личность, ученый, не обязательно только библиотекарь, человек с широким кругозором, доброжелательный к людям, известный общественный деятель. Уверена, что такой директор сможет выполнить задачи, стоящие перед нашей Библиотекой.

Желаю всему коллективу ВГБИЛ день выборов провести во взаимопонимании и единодушно выбрать достойного директора.

Маргарита Рудомино.

Москва, 29 октября 1989 г.

30 октября 1989 года директором ВГБИЛ был избран известный ученый, депутат Верховного Совета СССР Вячеслав Всеволодович Иванов. Я была очень довольна. Понимала, что наконец Библиотека вырывается из рук бездарных, серых чинуш, которые по своей сути могли приносить научному учреждению только вред. Когда мне позвонил журналист "Литературной газеты" Евгений Кузьмин и сообщил результаты выборов, я

сказала ему: "Я счастлива".

От коллектива Библиотеки я получила следующую телеграмму:

> "Дорогая Маргарита Ивановна верим вместе с Вами что для нашей Библиотеки наступил новый день. От всей души желаем здоровья и бодрости Любящие Вас ВГБИЛцы 1.11.1989 г.".

В конце ноября 1989 года получила еще одну телеграмму и убедилась, что мои труды были не напрасны:

> "Дорогая Маргарита Ивановна рады сообщить Вам что 24 ноября 1989 года учреждена Московская библиотечная ассоциация Штаб квартира в нашей Библиотеке Очень рассчитываем на Вашу помощь и советы в работе Ассоциации Желаем Вам здоровья хорошего самочувствия Сотрудники Библиотеки иностранной литературы. 29.XI.1989".

Все это время я полностью жила делами моей Библиотеки и в целом библиотечными делами страны. Я была в курсе всех дел Библиотеки и видела, что я нужна, что нужны мои советы. В общем, я с головой окунулась в жизнь Библиотеки.

Последнее время у меня часто стали бывать не только мои старые сослуживцы, но и молодежь Библиотеки: Катя Гениева, возглавлявшая Совет трудового коллектива и борьбу с чиновничьей администрацией Библиотеки, и две Олечки — Оля Синицына (Большая Оля) и Оля Мяэотс (Маленькая Оля), близкие по духу Кате. Мне было это бесконечно приятно и очень нужно.

Я была очень довольна, что Катя Гениева, которую я знала как умного научного сотрудника, прекрасного переводчика и литературоведа, замахнувшегося на комментарии к самому известному, но и самому трудному произведению XX века — "Улиссу" Джойса, оказалась прекрасным организатором. И у меня появилась надежда, что она вытянет Библиотеку.

Кончался 1989 год. 29 декабря я получила от нового директора ВГБИЛ Вяч. В.Иванова поздравительное письмо:

> "Дорогая Маргарита Ивановна!
>
> В нашей Библиотеке планируется создание Совета директоров. Были бы очень Вам благодарны, если бы Вы согласились стать Почетным директором созданной Вами библиотеки.
>
> Поздравляем Вас с Новым годом, желаем Вам

здоровья, бодрости и очень хотим видеть Вас в библиотеке.

С глубоким почтением,
Директор ВГБИЛ В.В.Иванов

27 декабря 1989 г.".

К Новому, 1990 году послала коллективу ВГБИЛ поздравительную телеграмму:

Коллективу Библиотеки иностранной литературы: Поздравляю сотрудников родной мне Библиотеки иностранной литературы с Новым годам.

Каждому из Вас желаю любить Библиотеку так, как мы, старые работники, ее любили. Желаю, чтобы Ваша работа для читателя и с читателем радовала бы Вас и приносила удовлетворение. Желаю, чтобы каждый из Вас проявил бы инициативу и помог бы Библиотеке в ее дальнейшем росте. И еще желаю всем Вам доброго здоровья, благополучия Вашим семьям, побольше радости и улыбок.

Верю и надеюсь, что с выбором нового руководителя Библиотека будет развиваться по правильному пути. Всего доброго! Маргарита Рудомино.

О своей жизни в начале 1990 года я писала в Берлин Ф.Краузе:

Москва, 2611.1990

Милая Фридль,

В Библиотеке у наемного нового, хотя новый директор до сих пор читает курс лекций в ФРГ и Голландии. На его руководство возложено много надежд. Мне думается, что Библиотека будет развиваться по правильному пути: компьютеризация и автоматизация

библиотечного дела, развитие Библиотеки как центра изучения и распространения зарубежной литературы, серьезные доклады, интересные выставки, камерные вечера, музыка, кино, video, иностранная речь и т. п. Чувствуется перестройка.

Дома у меня все хорошо. Чувствовала бы себя совсем хорошо, если бы не приходилось бороться, как говорит сын, с ленью. Не хочется работать, а задумано много. Главное написать (или вернее) закончить книгу моей жизни и жизни Библиотеки на протяжении почти всего XX века. Сваливаю свою лень на отвратительную погоду — зимы нет, да и не было, а весна еще не пришла.

К моей большой досаде и сожалению, давно задуманную книгу о том, как прошагала вместе с ВГБИЛ почти весь XX век, я еще не написала. Если судьба позволит, напишу, обязательно напишу.

Крепко целую. Привет Вашим.

Ваша М.Рудомино.

В конце марта я писала в Брюссель давнему другу Герману Либарсу:

23 марта 1990 г.

Мой дорогой друг!

<">

Посылаю Вам номер журнала "Наше наследие" с моей статьей. Я бы очень хотела, чтобы Вам сделали письменный перевод этой статьи, из которой Вы сможете составить представление об изменениях в моей Библиотеке, чтобы Вы познакомились с новым директором библиотеки, который, как и Вы, является яркой личностью. Г-н Иванов (это фамилия директора) часто посещает Европу, недавно был в Голландии. Может быть, Вы его и встретите где-нибудь. Дорогой друг, я прошу Вас передать при случае мои дружеские и самые искренние поздравления г-ну Восперу, идеи которого мне очень близки. В последнее время мое здоровье несколько ухудшилось, чувствуется усталость. Но я все-таки надеюсь отпраздновать день своего рождения 3-го июля. С почтением к Вам и к Вашей семье. Жду от Вас, мой дорогой друг, новых известий.

М.Рудомино

А. В. Рудомино. Последние дни… память…

Мамино письмо Герману Либарсу от 23 марта 1990 года оказалось последним в ее жизни…

Еще 16 марта мама принимала дома Вяч. В.Иванова с супругой и Е.Ю.Гениеву. Была, как всегда, общительна, интересна в разговоре, гостеприимна. Много рассказывала об истории Библиотеки. Беседовали о современных библиотечных делах. Все четко, здраво. Любовалась красными розами, принесенными гостями.

Но уже в конце марта маме стало становиться все хуже и хуже. Она все понимала, но ни одного слова о кончине не произносила. Она мужественно держалась, говорила: "Вам тяжело будет со мной", скрывала плохое самочувствие. Ухаживала за собой. Старалась хорошо выглядеть. Мама всю свою жизнь внимательно следила за своими руками. Говорила, что плохо себя чувствует, если не сделан маникюр. Поэтому руки, а они были красивыми, аристократическими, до конца оставались ухоженными. До самых последних дней своей жизни мама была активной, сохраняла ясный ум и четкую память. И было тяжело видеть несоответствие между ясным умом, крепким духом и

угасающими силами.

Совсем плохо маме стало в начале апреля. Она слегла. Но к ней каждый день кто-то приходил. Была установлена очередь. Все всё понимали. Приходили попрощаться. Мама тоже понимала безнадежность своего состояния. Но ей очень хотелось жить, хотелось увидеть результаты идущих в стране перемен, возрождение своего детища — ВГБИЛ. И, конечно, хотелось отметить 14 апреля 1990 года — 100-летие Василия Николаевича, а 3 июля отпраздновать свое 90-летие. Хотелось дожить до 2000 года.

Незадолго до кончины мама сказала: "…Порок наказан, справедливость восторжествовала… Не совсем, конечно. Но все же…"

Одной из последних "библиотечных" у мамы во вторник 3 апреля была Е.Ю.Гениева. Они беседовали минут 30–40.

Надо сказать, что мама последние месяцы своей жизни все больше и больше связывала будущее Библиотеки с Е.Ю.Гениевой, которая импонировала ей всем — и образованием, и человеческими качествами, и организационными способностями, а самое главное, своей любовью к Библиотеке и глубоким пониманием ее сути. И жизнь показала, как она была права.

Приход к руководству ВГБИЛ новых, молодых, интеллигентных людей, уважающих ее основателя, дал возможность маме мысленно вернуться в свою родную Библиотеку, которую она создала и в которой 52 года была хозяйкой. Физически перешагнуть порог Библиотеки она так и не решилась. После ее пятнадцатилетнего полного отстранения от Библиотеки, когда даже ее имя не произносилось вслух в стенах Библиотеки, она услышала много слов признания и благодарности как от старых, так и от молодых коллег. Встречи с молодежью показали, что она нужна, интересна, что могут быть востребованы ее знания и богатейший опыт. Это же было признано и новым руководством Библиотеки и новым министром культуры СССР. Все это вдохновляло и радовало маму в последний год ее жизни.

В начале 1990 года Библиотека начала добиваться присвоения маме звания Героя Социалистического Труда. Ходатайство поддержали министр культуры СССР Н.Н.Губенко и председатель Советского фонда культуры академик Д.С.Лихачев.

"Председателю Президиума Верховного Совета СССР Лукьянову А.И.

Многоуважаемый Анатолий Иванович!

Полностью и безоговорочно поддерживаю

ходатайство о присвоении Маргарите Ивановне Рудомино звания Героя Социалистического Труда. Маргарита Ивановна Рудомино выдающийся деятель советской культуры, создатель и многолетний директор лучшей в нашей стране и одной из лучших в мире, что признано всеми деятелями международного библиотечного движения, библиотек — Библиотеки иностранной литературы.

То, что сделала Маргарита Ивановна Рудомино для развития библиотечного дела в нашей стране, неповторимо, ее деятельность — пример истинного служения культуре. Мы должны отдать долг этой выдающейся женщине, замечательному культурному и общественному деятелю. Присвоение звания Героя Социалистического труда М.И.Рудомино в наши дни поддержит идеи перестройки в области культуры, покажет изменения нашего отношения к библиотечному делу, являющемуся фундаментом нашей культуры. Я очень прошу Вас, многоуважаемый Анатолий Иванович, не откладывать решения этого вопроса. М.И.Рудомино приближается к своему 90-летию, она очень больна. Это единственный и уникальный человек, отдавший жизнь и создавший великую библиотеку, достойный высокого звания, о присвоении которого я ходатайствую.

Д.С.Лихачев".

Поддержал это ходатайство и член-корреспондент АН СССР С.САверинцев.

"В Президиум Верховного Совета СССР ОТ НАРОДНОГО ДЕПУТАТА СССР, ЧЛЕНА-КОРРЕСПОНДЕНТА АН СССР, члена Союза писателей СССР Аверинцева С.С.

Я безоговорочно поддерживаю добрую и справедливую мысль — дать звание Героя Социалистического Труда Маргарите Ивановне Рудомино, с именем которой связан долгий и славный период в жизни Библиотеки иностранной литературы.

Ее подвижническими трудами, ее благородной человечностью и высоким профессионализмом заложены основы традиции, унаследованной рабочим коллективом и доказавшей свою устойчивость в тяжелые времена, последовавшие за уходом Маргариты Ивановны. Долг благодарности общества по отношению к такому человеку не может быть забыт. Ее труд был героическим

в самом буквальном смысле слова.

17 января 1990 года С.Аверинцев".

Мама знала о ходатайствах и обещании А.И.Лукьянова их удовлетворить. Была этому очень рада. Но, как полагается, представление затормозилось сначала на уровне райкома КПСС, а потом и "наверху". И опоздало.

В понедельник 9 апреля мама скончалась. В последние часы перед кончиной мама напоминала мне ее юношеские фотографии. В ее образе появился дух юной Риты. Руки были в движении. Она хотела все обнять…

Осиротевшие сотрудники маминой Библиотеки — ее любимой ВГБИЛ — опубликовали пронзительно-горький некролог:

"МАРГАРИТА ИВАНОВНА РУДОМИНО (1900–1990)

Маргарита Ивановна не дожила несколько месяцев до своего 90-летнего юбилея. Она не была суетна, но тем не менее свои последние дни провела в надежде на то, что ей присвоят звание Героя Социалистического Труда. Не дождалась. Звание, несомненно, она получит — но уже посмертно, ведь у нас воистину "любить умеют только мертвых". И помешали ей порадоваться этому финальному аккорду ее долгой и такой достойной жизни жалкие людишки, чьи имена не хочется упоминать в этом скорбном тексте. Они приходят и уходят, успевая, к сожалению, причинить много зла, а такие люди, как Маргарита Ивановна Рудомино, остаются навсегда — в памяти людей, с нею бок о бок работавших (увы, их осталось очень мало); в сознании тех, кто уже не застал ее на директорском посту, и несомненно в легендах, что сложат о ней последующие поколения. И пусть складывают, ибо Маргарита Ивановна действительно была личностью легендарной. Она прожила почти целый век — со всеми его трагическими потрясениями. В страшные годы она как могла спасала людей — брала на работу тех, кто уже ни на что не рассчитывал. Давала убежище, пристанище. Она поразительно понимала людей и знала, кто чего стоит. Она знала несомненно и то, чего стоит сама — ей не была присуща ложная, дурно понимаемая скромность. И сотрудников находила по своему образу и подобию — людей особой, ныне почти ушедшей культуры, интеллигентности, внутреннего изящества души. И, конечно же — огромных знаний и разнообразных талантов. И была для всех них —

Маргарита Ивановна, а они для нее до конца так и остались: Инна, Галя, Маля… И наряду с собственными, нежно любимыми детьми, — и этих людей ощущала родными, радовалась их успехам, печалилась их неудачам. Но самым главным ребенком навсегда оставалась — созданная ею библиотека. И хотя мы подчас склонны были скептически воспринимать многократно повторенные рассказы о том знаменитом шкафе (воистину — чеховский "многоуважаемый шкаф"), с которого все начиналось, — но ведь это правда, юная девочка приехала в далекие уже от нас 20-е годы в Москву — и осталась в ней, вписавшись в столичную жизнь неразрывно и навсегда. Обо всем этом (и о том, что было после) Маргарита Ивановна рассказала в одном из последних номеров журнала "Наше наследие" — и в этом ее рассказе за горечью, которой были окрашены ее последние годы, когда она была вынуждена Библиотеку покинуть, — звучала все та же истинная гордость своим детищем, в которое она вложила столько человеческого таланта, столько душевного тепла — да и столько страданий, и в итоге — столько счастья. И после ухода она продолжала следить за всем, чем жила Библиотека (а жила она разно, и это Маргариту Ивановну очень тревожило и огорчало), знала все новости, по-своему их осмысливала и интерпретировала. Так мать благословляет в дальний путь своего ребенка, так садовник всю жизнь возделывает любимый сад. И вот Маргариты Ивановны нет, и надо жить без нее — всегда оглядываясь при этом, а что бы она сказала, и поверяя все свои поступки — ее волей, ее совестью, ее мудростью.

Да, мы непоправимо осиротели — и пусть придут другие люди, пусть они будут умнее, талантливее, образованнее — Маргарита Ивановна навсегда останется единственной в своем роде. Неповторимой. И — незабываемой. И пусть "бег времени" — неудержим — над Маргаритой Ивановной Рудомино он не властен. Ибо умерло только тело — а душа, ее вещая душа всегда будет жить в этих стенах. В памяти, в сознании, в легендах.

Коллектив ВГБИЛ".

Мама похоронена в Москве, на Донском кладбище рядом с папой.

Поступило множество телеграмм с соболезнованиями от друзей и коллег, государственных организаций, библиотек, в том числе из-за рубежа.

В журнале "IFLA Journal" (№ 16, 1990) был опубликован некролог от ИФЛА за подписью члена Исполбюро, коллеги и друга мамы И.Видера.

Наша семья и мамины друзья очень благодарны руководству ВГБИЛ, Вячеславу Всеволодовичу Иванову и Екатерине Юрьевне Гениевой за активную деятельность по увековечению памяти Маргариты Ивановны Рудомино. К счастью, уже никакие райкомы КПСС и тупые государственные чинуши не могли этому помешать. И сделано было очень много.

Уже 3 июля 1990 года, через 3 месяца после маминой кончины, в день ее 90-летия на здании ВГБИЛ у центрального ее входа была установлена мемориальная доска с надписью: "Всесоюзная государственная библиотека иностранной литературы основана Маргаритой Ивановной Рудомино в 1922 году".

Сразу после маминой кончины Библиотека направила в Министерство культуры СССР просьбу оказать содействие в решении вопроса о присвоении ВГБИЛ имени М.И.Рудомино. Министерство культуры СССР поддержало ходатайство Библиотеки и 30 августа 1990 года распоряжением Совета Министров СССР Библиотеке было присвоено имя М.И.Рудомино.

В Центральном вестибюле ВГБИЛ 22 августа 1991 года был открыт бюст Маргариты Ивановны (автор Е.А.Деревянко-Штейман). Открытие было приурочено к проходившей в Москве Сессии ИФЛА, одно из заседаний которой было посвящено памяти Маргариты Ивановны. На открытии бюста присутствовал президент ИФЛА Роберт Веджворт и многие зарубежные коллеги из ИФЛА. Очень символично, что это событие произошло в день победы демократических сил в стране.

В этот же день состоялась презентация книги "Великий библиотекарь" с избранными статьями мамы, написанными в 1976–1990 годах, и воспоминаниями о ней.

В 1989 году при ВГБИЛ учреждена "ШКОЛА РУДОМИНО", цель которой — непрерывное образование и повышение квалификации для специалистов, работающих в области культуры и библиотечного дела. "Школа Рудомино" проводит стажировки, семинары, консультации.

В 1993 году Библиотекой создано издательство "Рудомино", специализирующееся на выпуске гуманитарной литературы.

ВГБИЛ и семья М.И.Рудомино в 1994 году учредила стипендию "РУДОМИНО ГРАНТ". Стипендия позволяет раз в год

оплатить поездку специалиста российской библиотеки (главным образом провинциальной) на стажировку в одной из ведущих библиотек или информационных школ мира.

Старые сотрудники ВГБИЛ — соратники Маргариты Ивановны, руководство Библиотеки и некоторые молодые сотрудники ежегодно, вот уже более десяти лет, в день ее рождения 3 июля собираются у нас на даче в Барвихе и чтят ее память. Эти встречи начались еще при жизни мамы, в год ухода ее на пенсию.

Самое главное, Библиотека в последние годы прочно встала на ноги, не в пример многим другим российским библиотекам, которые без государственной опеки потеряли себя.

За последние десять лет фонды ВГБИЛ, основой которых был "знаменитый шкаф" с сотней первых книг, доведены до 4,5 миллиона экземпляров на 142-х языках народов мира. Ежегодно обслуживаются свыше 40 тысяч читателей, Библиотека оказывает огромную помощь провинциальным библиотекам, широко используя Интернет.

Вот о таком развитии Библиотеки как культурного и просветительского учреждения, объединяющего функции публичной и научной гуманитарной библиотеки и международного центра встреч национальных культур, и мечтала Маргарита Ивановна. И сегодня, в реформирующейся России, ее слова о том, что библиотека — это "накопитель и хранитель истинной духовности людей", особенно своевременны.

30 и 31 октября 1997 года во ВГБИЛ прошли юбилейные торжества, посвященные 75-летию Всероссийской государственной библиотеки иностранной литературы имени М.И.Рудомино. Было много поздравлений. Среди них поздравления Президента России Б.Н.Ельцина и Патриарха Московского и всея Руси Алексия II.

"ПРЕЗИДЕНТ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
Всероссийской государственной библиотеке
Иностранной литературы имени М.И.Рудомино

Сердечно поздравляю сотрудников, ветеранов и читателей Всероссийской государственной библиотеки иностранной литературы имени М.И.Рудомино со знаменательным событием — 75-летием со дня ее образования.

В истории культуры нашей страны Библиотека иностранной литературы занимает особое, уникальное место. И потому, что нигде в мире нет подобной специализированной библиотеки. И потому, что

наперекор замыслу быть идеологическим фильтром, она стала тем "окном в Европу", через которое проникал свежий воздух и не давал задохнуться в удушливом информационном застое.

Сколько блестящих умов, составляющих ныне интеллектуальную элиту и гордость России, приобретали знания, засиживаясь допоздна в уютных читальных залах Библиотеки. Для многих из них "Иностранка" без преувеличения стала родным домом. Замечательные коллекции литературы на более чем 100 языках мира и сегодня привлекают в Библиотеку многочисленных читателей.

В последнее время Библиотека иностранной литературы превратилась в международный культурный центр. Высоко ценю вашу культурно-просветительскую деятельность — выставки, книжные презентации, работу с зарубежными специалистами. Особой благодарности заслуживает деятельность Библиотеки по знакомству читателей с произведениями зарубежной русской литературы, по воссоединению двух ветвей отечественной культуры.

Уверен, что Всероссийская государственная библиотека иностранной литературы имени М.И.Рудомино будет и впредь вносить весомый вклад в развитие отечественной и мировой культуры.

Желаю сотрудникам, ветеранам и читателям Библиотеки здоровья, счастья, творческого поиска и успехов во всех делах!

Б.Ельцин

Пр-1774 30 октября 1997 г.".

В первый день торжеств была открыта выставка "Маргарита Рудомино", на которой были представлены фотографии, документы, вещи Маргариты Ивановны с детских лет и до последнего времени. Торжественное заседание первого дня также, в основном, было посвящено ее памяти. Много материалов, связанных с Маргаритой Ивановной, было опубликовано в красочном и изящно оформленном сборнике "Всероссийская государственная библиотека иностранной литературы имени М.И.Рудомино. 1922–1997 (М.: Рудомино, 1997). Можно сказать, что и старые и молодые сотрудники Библиотеки и ее руководство с огромным уважением и любовью вспоминали Маргариту Ивановну. Как всегда, были и стихи о ВГБИЛ и Маргарите Ивановне. На этот раз стихотворение написала сотрудник ВГБИЛ

В.В.Якушкина:

<…>

Здесь целый мир для нас открыла
Всех обогрела, приютила,
И не была никем забыта,
Кто сердце отдал нам давно,
И Мастер душ, и Маргарита,
С фамилией РУДОМИНО!
Какая б ни была огранка,
Иль перемены, иль ненастья,
Тебе желаю только счастья,
Живи и здравствуй, "Иностранка".

Не могу не сказать спасибо всем за то, что не забыли и не забываете Маргариту Ивановну Рудомино. Если бы мама могла узнать все, что сделано для увековечения ее памяти, она, наверное, могла бы изменить свою предсмертную фразу: "Справедливость восторжествовала… Не совсем, конечно. Но все же…", — оставив в ней только: "**Справедливость восторжествовала**".

М.И.Рудомино в воспоминаниях современников

Вяч. В.Иванов. Библиотека Рудомино в моей памяти [97]

Яне могу избежать сугубо личной ноты, говоря о том, что столько в жизни значило. Библиотека, самоотверженно созданная Маргаритой Ивановной Рудомино и немного больше десяти лет назад получившая ее имя, празднует свое 80-летие, а я в этом году могу отметить 55-летний юбилей своих отношений с этой замечательной книжной сокровищницей.

Осенью 1947 г. я впервые пришел в ее старое здание в околоарбатской части старой Москвы. Я был студентом второго курса филологического факультета и для занятий сравнительным германским языкознанием мне были нужны книги Мейе по-французски и Прокоша по-английски (позднее они были изданы в русском переводе, но тогда достать их было нелегко). Обе книги сразу же без проволочек оказались передо мной на столе, я засел за составление конспекта, сохранившегося в моей тетради по готскому языку (ксероксов еще не было, и мы своей рукой переписывали нам нужное). Вскоре оказалось, что я могу брать домой книги из книгохранилища библиотеки, помещавшегося в здании церкви напротив Моссовета (теперь, когда здание возвращено Православной Церкви, там священником отец Александр Борисов). Обслуживавшие этот абонемент сотрудники были на редкость милы и среди прочего помогли мне в чтении таких современных авторов, как Уильям Фолкнер и Томас Вулф, которых тогда у нас еще почти не знали. Как-то в этом здании я столкнулся с Корнеем Ивановичем Чуковским — он жил по соседству и часто туда наведывался, собирая материал для нового издания своей книги о переводе.

Следующий период едва ли не наибольшего сближения с библиотекой, ее постоянным директором Маргаритой Ивановной и некоторыми из ее сотрудников (в особенности из тогда созданного специального зала языкознания) относится ко времени, когда библиотека помещалась на улице Разина. Пока я писал диссертацию о хеттском языке, я бывал там почти ежедневно и всякий раз находил что-то мне нужное из самых новых западноевропейских и американских научных изданий (очень помогали и подробные библиографические справочники по лингвистической литературе, составленные сотрудниками

библиотеки и ею изданные — мы ими буквально зачитывались). В пору, когда власть хотела нас изолировать от всего света, возможность прочитать только что вышедший иностранный журнал приобщала нас к мировой науке. Я помню ощущение, близкое к восторгу, охватившее меня, когда в датском журнале "Acta Linguistica" прочитал статью создателя глоссематики Луи Ельмслева, содержавшую мысли, созвучные тем, которые мы обсуждали между собой с математиками и логиками, повлиявшими на создание нашей семиотической школы несколько лет спустя.

М.И.Рудомино не только способствовала тому, чтобы пробитое ею в самых трудных условиях окно в Европу никогда не закрывалось. Она помогала многим гонимым по политическим или анкетным причинам, устраивала их на работу. Когда меня за дружбу с Пастернаком выгнали из профессуры Московского университета, мне предложили выступать с публичными лекциями в библиотеке. Одну из них я посвятил сути поэзии, сопоставив высказывания Блока, Рильке, Т.С.Элиота. Свой стихотворный перевод пьесы Лопе де Вега "Без тайны нет и любви" я делал по фотокопии текста тома собрания сочинений, входившего в "Дар испанского народа", полученный библиотекой во время гражданской войны в Испании. Следующий этап, когда библиотека обзавелась новым большим зданием напротив высотного дома на Котельнической, сопряжен для меня с такими работами, которые, как комментарии к русскому переводу "Структурной антропологии" Леви-Строса, были бы невозможны без обращения к тогда безукоризненно полным собраниям книг в библиотеке.

Когда начались новые времена, мой давний друг священник Александр Мень стал уговаривать меня согласиться стать директором Библиотеки иностранной литературы, освободившейся от навязанной раньше в качестве обязательного официального лица дочери Косыгина. Мнение отца Александра для меня много значило. О том же со мной неоднократно говорили Екатерина Юрьевна Гениева (позднее моя заместительница и преемница на посту директора) и другие лидеры тогда пробудившегося к общественной жизни объединения всех библиотечных сотрудников. Они и избрали меня директором на общем собрании осенью 1989 года (тогда короткое время директоров избирали, а не назначали). Я успел побывать дома у М.И.Рудомино перед самой ее смертью. Она благословила меня на продолжение ею начатого. Дел было много, мы были первой библиотекой, отказавшейся от утаивания запретных книг в спецхране. Пришлось также разгружать наше

переполненное хранение, задыхавшееся от обилия писаний Брежнева, Чаушеску и им подобных в никому не нужных переводах на всевозможные языки.

Когда произошел путч в августе 1991 года, наша типография печатала не только листовки против путчистов, но и целый номер запрещенной "Независимой газеты"; на ежедневных митингах мы все сообща обсуждали возможности противостояния перевороту. Главной трудностью тех лет был внезапный и ничем не оправданный отказ государства от покупки книг за границей. Помогали личные связи, расширившиеся благодаря открывшимся возможностям поездок на Запад.

Читая лекции в 1990 году в Амстердаме, я открыл для себя замечательное собрание Библиотеки герменевтической философии. Ее основатель Ритман подарил нам собрание гностических книг стоимостью в сто тысяч долларов. Вместе с библиотекой Ритмана мы провели в Москве выставку (с использованием нашего богатейшего уникального собрания Отдела редких книг) и конференции по этой проблематике, где впервые после екатерининских запретов во всю ширь была показана религиозно-философская издательская работа Новикова, Гамалеи и их сподвижников, в конце XVIII века создавших сеть книг и масонского самиздата вольнодумного направления. Нам стали помогать отовсюду. Когда я приехал с семиотическим докладом в Берлин (тогда еще западный), директор Научно-технической Библиотеки дала мне возможность отобрать множество дубликатов из резервного фонда, целый день мы с ней вдвоем грузили их на тележки для последующей отправки к нам в Москву. В Стэнфордском университете, где я три года читал лекции, я получил в дар для библиотеки сто книг об усвоении ребенком языка.

Но особенно замечательный подарок приготовили английские издательства, безвозмездно передавшие сотни тысяч книг нашей библиотеке. Мы должны были ими делиться и с другими библиотеками страны, где английских книг было очень мало.

Пока осенью 1993 года Министерство культуры (вопреки моим планам) не уволило меня с поста директора, я собирался и дальше пополнять таким образом наше книжное собрание в те полгода, что читал лекции за границей. Другие полгода я проводил в основном в библиотеке, увлеченно занимаясь ее делами. Очень мне нравившийся детский зал попросил меня прочесть совсем популярные лекции для их маленьких читателей, что доставило мне немалую радость. Из начинаний, предназначенных для широкой публики, мне особенно памятен

устроенный по мысли отца Александра Меня диспут между ним и специально для того приехавшим в Москву мусульманским богословом. Отец Александр, как бы предчувствуя бури последующих десятилетий и заранее желая их избежать, старался показать, что объединяет, а не разделяет большие мировые религии.

Годы, проведенные в Библиотеке, я всегда вспоминаю с радостью. Завязавшаяся тогда дружба с ее сотрудниками продолжается. Так, зал искусства помог мне в подготовке иллюстраций к работе о Веласкесе и Пастернаке в относительно недавно изданном томе моих избранных сочинений. Библиотека еще в давние годы стала для нас клубом и местом дружеских встреч не только с книгами и с их авторами, но и с широким кругом интеллигентов, для которых это — их дом. Когда-то я слушал здесь замечательное чтение Луи Арагоном его лучших стихов времени Второй мировой войны; не могу не вспомнить и выступление Стейнбека: он пришел на встречу с читателями сильно нетрезвый и все повторял, что у нас в России в литературе идет "война Алой и Белой Розы" — он имел в виду столкновение начавших поднимать голову писателей младшего поколения с официальными лицами. Я уверен, что библиотека и дальше будет оставаться центром притяжения для всех любящих современную литературу.

К. И.Чуковский. Книги и бомбы [98]

В первую минуту вам кажется, что вы за границей. Всюду звучит итальянская, французская, английская речь. Кругом тысячи книг на любом языке, кроме русского. Посреди комнаты — невысокая стойка. Люди подходят и просят:

— Пожалуйста, "Историю Сирии".

— Нельзя ли "Записки Ллойд Джорджа"?

— А мне "Фашизм и женщина"…

— А мне что-нибудь о Латинской Америке.

И на стойке вырастают холмы французских, английских, американских, норвежских, немецких журналов, брошюр и книг. Вы идете в соседний зал. По стенам — словари, энциклопедии, справочники на всех языках — всевозможные Ларуссы и Брокгаузы. Сверху, словно с неба, благосклонно взирают на вас Сервантес, Шекспир и Гёте. За длинными столами какие-то прилежные люди склоняются над страницами книг, которые изданы в Лиссабоне, в Нью-Йорке, в Амстердаме, в Мадриде, в Торонто.

Это — московская Центральная библиотека иностранной

литературы. И те "иностранцы", которые так бойко говорят между собой на языках Европы и обеих Америк — русские рабочие, студенты, красноармейцы, педагоги, актеры…

Когда в широких массах нашего народа наметилась тяга к изучению иностранных языков, — эта скромная библиотека сама собой в течение нескольких месяцев превратилась в школу языков. Бывало, какую дверь ни откроешь в старинном приземистом здании, в каждой комнате видишь лысого или седого учителя, окруженного толпой учеников.

В одной комнате изучали начатки французской грамматики, в другой толковали о произношении английских дифтонгов, в третьей на чистейшем кастильском наречии декламировали Лопе де Вега (Lope de Vega).

Так готовила библиотека для себя новые кадры читателей.

Иные библиотеки бывают похожи на чинные кладбища книг. Эта библиотека больше всего напоминала мне бурно работающую кипучую фабрику. На основе прекрасного наследия прошлых веков здесь творилась новая культура. Каждый цех этой фабрики работал упорно и страстно. И если, например, на стене вестибюля появлялась бумажка с извещением о том, что "завтра профессор Морозов прочтет на английском языке лекцию о Драйдене и Попе (Dryden and Pope)", у лекционной залы заранее выстраивалась длинная очередь, словно у кассы театра во время премьеры. Бывали такие дни, когда эти очереди тянулись вдоль всего дома по улице. И тогда прохожие спрашивали:

— Что здесь такое? Театр?

И случалось, их догадка бывала верна, потому что читатели библиотеки для лучшего усвоения чужой им речи разыгрывали здесь отрывки из иностранных комедий и драм на французском, испанском и других языках. Так за месяц до войны (восемнадцатого мая тысяча девятьсот сорок первого года) читатели поставили на здешних подмостках сцены из "Сна в летнюю ночь" ("Midsumma Nights Dream"), из "Мнимого больного" ("Malade imaginaire") и тд. А потом декламировали Горация (Horace) по-латыни, Петрарку по-итальянски, Байрона по-английски и проч.

Немудрено, что из этой библиотеки в конце концов вырос Первый Московский институт иностранных языков. Институт перекочевал в другое здание, а библиотека с той же вдохновенной энергией продолжала работу по пропаганде всемирной словесности. Ее неутомимая основательница М.И.Рудомино (Rudomino) открыла филиалы библиотеки на многих заводах и фабриках…

Сейчас я пришел сюда посмотреть новую библиотечную

выставку. Выставка посвящена семидесятипятилетию со дня рождения Герберта Уэллса (H.G.Wells). Здесь на особом стенде демонстрируются первые издания "Машины времени" (The Time Mariner), "Чудесного визита" (The Wonderful Visit), "Пищи богов" (The Food of the Gods) и т. д. И тут же, в виде виньетки, на той же стене великолепные щипцы для тушения зажигательных бомб. Под портретом мистера Уэллса — не пальмовые гирлянды, не букет цветов, а вместительный ящик с сыпучим песком для тех же пожарных надобностей. Библиотека работает прежними темпами. Вот юноша зарылся в чашу книг и делает какие-то выписки. Это — Балашов, литературовед. Он работает над диссертацией "Эстетика Бодлера" (Baudelaire). Мы подошли к нему, и он сообщил:

— Я мобилизован… Но меня еще не взяли на фронт. Вот и пытаюсь закончить работу.

Рядом пышноволосая Ирина Бухтеева. Музыковед. Пишет многолетнее исследование "Песни Шумана на тексты Гейне". Но теперь перед ней не стихи и не ноты, а какая-то картонная модель. Что это? — Сухой огнетушитель "Тайфун". Изучаю конструкцию. Сегодня я дежурю в пожарной бригаде.

Вот бывший рабочий Гулевич. Научился читать и говорить по-английски в филиале библиотеки одного из заводов, потом окончил Институт иностранных языков, и теперь работает преподавателем английского языка в ряде ВУЗов. Он в военной форме лейтенанта: забежал сюда на полчаса почитать американские газеты.

Библиотекой только что получены новые книги. Аппетитно сверкают они своими глянцевыми обертками:

— Г.Л.Менкен — "Счастливые дни". (H.L.Manken "Happy Day").

— Луи Газамиан — "Развитие английского юмора" (The Development of English Humour)

Я шагнул к стенду, где выставлены эти новинки, но споткнулся и чуть не упал: пожарный резиновый шланг незаметно растянут у порога, как бы желая напомнить, что всем этим Гейне и Байронам, всей мировой культуре гуманизма ежеминутно угрожают фашистские бомбы.

Две бомбы уже были сброшены на эту библиотеку еще в июле, в один из первых воздушных налетов. Их удалось потушить, и сейчас не удивляйтесь, если по вторникам, четвергам и субботам вы увидите у книжных шкафов вместо миловидных библиотекарш — каких-то уродов со слоновьими хоботами. В эти дни все библиотекарши работают в противогазовых масках, облаченные в комбинезоны пожарников.

В вестибюле две новые выставки: "Антифашистская

литература всех народов" и "Высказывания писателей мира о Великой Отечественной войне".

Здесь и Эрскин Колдуэлл, и Катарина Сусанна Причард, и Жан Ришар Блок, и Эптон Синклер, и Клиффорд Одест. Рядом широкий пожарный бочонок, налитый доверху водой, ведра, лопаты, разноцветные мешочки с песком и опять-таки резиновый шланг.

Под этой крышей собраны чудесные книги — первые издания Руссо, Дидро, Вольтера, Свифта, Вордсворта, Гердера, Шиллера, Тика. Здесь стотомное собрание сочинений Гёте, здесь "Кастильские классики" в ста четырнадцати томах и т. д. Шекспироведение представлено здесь так богато и пышно, что один только перечень хранящихся здесь книг и статей о Шекспире составляет увесистый том.

Все эти книги каждой своей строкой, каждой буквой отвергают, разоблачают, клеймят ту философию насилия и расовой ненависти, по внушению которой одичалые наци сейчас заливают Европу океанами человеческой крови. Хотя любой солдафон, прорвавшись сюда на каком-нибудь "Онкерсе", может двумя-тремя бомбами уничтожить это благородное хранилище книг; дух, который дышит в этих книгах, победоносен, несокрушим и бессмертен, ибо это дух свободы и права.

Н.П.Колосова, В.П.Енишерлов. Красивая старость [99]

Уходящая раса, Спасибо тебе!

М.Цветаева

В 1973 г. наш приятель, мать которого работала в Библиотеке иностранной литературы, рассказал о беде, свалившейся на это учреждение: дочь Косыгина стала во главе библиотеки, выжив на пенсию "старушку Рудомино". Сотрудники в панике, кто-то уходит сам, кто-то ждет неизбежного увольнения. Подробности забылись, осталось только общее впечатление — при Рудомино Библиотека была культурным оазисом и прибежищем гонимых интеллектуалов, теперь она превратится в обычное казенное советское заведение. А сама бывшая директриса тогда представилась нам кроткой, беспомощной старушкой, до той поры по какому-то недосмотру занимавшей начальственный пост. Прошли годы, и вот в 1985 г. судьба свела нас с Маргаритой Ивановной: мы снимали дачу в деревне Барвиха, она жила неподалеку и у нас оказались общие знакомые. Первое впечатление — только не "старушка"! И как это мог приятель

назвать ее старушкой 12 лет тому назад?! Яркие, голубые, не выгоревшие за 85 лет глаза, ясный и проницательный их взгляд. Необычайно молодой голос. Аккуратная прическа, маникюр, бусы. Спокойного фасона платье, удивительно ей идущее. Она ни в коей мере не молодится, она просто не утратила женственности. Наделена была в высшей степени и не утратила. Поистине пример Вечной Женственности. И за все те пять лет, что мы общались с Маргаритой Ивановной, ни разу не застали ее врасплох — непричесанной, в "туфлях и в халате", кое-как одетой. Даже когда ей приходилось заниматься мытьем посуды (вообще-то стараниями близких М.И. была от кухни освобождена), она надевала не банальный передник, а привезенную из-за границы прелестную пеструю нейлоновую блузу с пуговицами на спине, в которой выглядела, как всегда, нарядной.

Но сколь ни поразителен и привлекателен был внешний облик М.И., еще больше удивляли молодость ее духа, неистощимая энергия ее. Она много читала и испытывала потребность обсудить прочитанное. Излюбленный жанр ее был мемуары. Очень часто оказывалось, что она прямо или опосредованно была знакома с автором или героями воспоминаний, коль скоро речь шла о ее современниках. А потому в суждениях ее, в ее оценках было много личного, страстного. Нельзя сказать, что М.И. была большим интеллектуалом, ученой дамой. Кажется, отвлеченное было ей чуждо. Пользуясь выражением Цветаевой, особо любимой ею, М.И. "творению предпочитала творца" и, во всяком случае в те годы, в которые мы ее знали, с большим удовольствием читала о писателях, чем произведения, ими созданные. Неистощима была в рассказах, которые, с чего бы ни начинались, неизменно сводились в конце концов к ее Библиотеке. Словно и не было более 10 лет вынужденной отставки. И всякий раз думалось: какое преступление было отстранить М.И. от ее любимого детища.

Надо сказать, что проблема библиотек, их состояния, их будущего стала тогда интересовать и занимать представителей интеллигенции, всерьез задумывающихся над будущим нашей культуры, будущим того общественно-политического процесса, который назывался "перестройка". Появились статьи Д.С.Лихачева. К нему М.И. относилась с глубоким уважением и всегда сетовала, что лично с ним не знакома. Тема библиотек поднималась в наиболее передовых газетах и журналах — люди культуры стали бить тревогу, чиновники же молчали, привычно делая вид, что все в порядке.

И вот в один из летних дней 1987 г., когда бывшие на даче

М.И. гости разбрелись кто куда, а она продолжала сидеть на террасе и неторопливо рассказывать о Библиотеке, мы достали маленький диктофон и предложили: "М.И., давайте попробуем записать беседу с вами, быть может, вам понравится, и вы станете наговаривать на пленку мемуары, если вам скучно писать их".

"Хорошо, — тут же согласилась М.И., — только задавайте мне вопросы. Мне будет легче". Так появилось это небольшое интервью, до сей поры не расшифрованное и нигде не напечатанное, хотя и касается оно основных для Маргариты Ивановны вопросов. Кассета была забыта, и лишь недавно мы случайно обнаружили ее, включили диктофон и услышали такой знакомый молодой голос.

— Маргарита Ивановна, вы создали практически на пустом месте великолепную библиотеку. Вы знаток этой проблемы. Что же происходит с нашими библиотеками?

— Для меня сейчас это вопрос глубокой важности. Я много думаю о нем, ведь действительно библиотеки — это дело всей моей жизни. Но не кажется ли вам, что в стране как-то пал престиж библиотек, само слово "Библиотека" перестало значить так много, как оно значило не века даже — тысячелетия. Что это? Следствие научно-технической революции, информационного взрыва, когда появились новые носители информации, вытеснившие книгу? Но при всем моем уважении к различного рода информационным центрам, институтам и т. д., они никогда не смогут заменить Библиотеку — хранителя и накопителя истинной духовности. Вообще, даже слово "Библиотека" для меня, да и не только для меня, для многих людей, кого я знала и уважала, пишется с большой буквы. Конечно, любое цивилизованное государство должно заботиться о библиотеках, помнить, что это фундамент духовного опыта, совершенно необходимый для нормального развития страны. У нас об этом, увы, забыли, а может быть, просто и не думали. Ведь наши самые высокие чиновники, самые крупные руководители просто плохо умеют читать. Это же видно и слышно всем, когда они пытаются произносить даже написанные для них заранее речи. Так что логическое развитие событий ясно — не умеющий и не любящий читать руководитель, книги в лучшем случае получающий по специальному списку и ставящий на собственную полку, о библиотеках думать не будет. Не по злобе, не по какому-то умыслу, а от элементарного непонимания. Его просто вовремя не научили. Это касается и партийных деятелей, и государственных, и, конечно, руководителей культуры. Вот уж кто у нас традиционно самые некультурные люди. Слава Богу, я счастлива, что застала время, когда что-то стало в нашей стране меняться.

Появились молодые лидеры, некоторые из них, впервые с ленинских времен, с университетским образованием, вот-вот что-то стронется и в Министерстве культуры. Я очень на это надеюсь. И смотрите, сразу же возник вопрос о библиотеках и их состоянии. Решаться он будет долго, трудно, быть может, не одно десятилетие, но проблема поставлена, и трещина, которая прошла по нашим библиотекам и в прямом и в переносном смысле слова, будет ликвидирована. И Ленинская библиотека будет отремонтирована, и замечательная Историческая с ее уникальными коллекциями откроется, и ленинградская Публичная вернется к тому состоянию, в котором должна находиться одна из лучших русских библиотек и т. д. и тд.

Конечно, мы страшно отстали. Ведь нашим читателям и многим библиотекарям даже представить себе трудно, да нет, не трудно, невозможно, как организована, механизирована, автоматизирована, компьютеризирована библиотечная деятельность в нормально развитых, цивилизованных странах. Мы находимся даже не в детском, в младенческом возрасте по сравнению с тем, что есть за границей. Я знаю все крупные библиотеки мира, как один из руководителей ИФЛА я неоднократно бывала в них. Впервые я подробно знакомилась с организацией этого дела в 1967 г. в Канаде. Вот уже когда начали всерьез заниматься техническим оснащением библиотек на Западе. А у нас ведь ничего нет. Или почти ничего. Когда я 14 лет назад уходила из Библиотеки иностранной литературы, там были зачатки механизации — выдачи книг, справочной работы, обработки литературы и т. д. Но за эти годы я не слышала, чтобы там в этом деле что-то развивалось, скорее наоборот. Ведь в мире существует целая индустрия, создающая всяческое оборудование для библиотек, а мы не можем толковых книжных полок сделать. Вот чем надо заниматься. Государство должно помочь вернуть престиж библиотеке, разработать программу их развития. Я думаю, что и вновь возникающие фонды, например Фонд культуры, должны уделять внимание библиотекам. Их же надо спасать.

— А как вы думаете, Маргарита Ивановна, должен ли каждый новорожденный фонд создавать свою библиотеку?

— Конечно, каждая культурная организация или считающая себя таковой, фонд культуры например, должна иметь хорошую справочную библиотеку. Создавать же новые крупные научные библиотеки — для нас сейчас, по-моему, излишняя роскошь. Давайте в тех, что есть, наведем порядок, чтобы хоть книги навалом не лежали, как в церкви в Узком, куда буквально свалены великолепные трофейные библиотеки, никому

оказавшиеся не нужными. Так давайте наконец вернем их и другие вывезенные в нашу страну после войны книги (а их многие тысячи) былым владельцам. В обмен на наши вывезенные ценности. Вот чем должен заниматься, в частности, Фонд культуры.

Нет у нас и хорошо работающего общества библиотечных работников. А ведь было такое общество до революции, было, видимо, по инерции, в начале революции, была ассоциация библиотек перед войной. Сейчас же нет ничего. Нет общения библиотекарей, они, собравшись вместе, не обсуждают профессиональные проблемы, да и узнают о проблемах своих коллег из газет да телевизионных передач. Это же не дело. Есть ведь Международная федерация библиотечных ассоциаций, предполагается, что в каждой стране, входящей в Федерацию, есть свое общество или комитет. У нас же существует забюрократизированный Совет по библиотекам при Министерстве культуры. Но это совсем не то. Это, в основном, руководители библиотек, часто люди случайные, как и те, кто ведает библиотеками в Министерстве культуры СССР. Нам нужна добровольная ассоциация творчески работающих профессионалов. Только от нее будет толк и польза обществу и работникам библиотек. Создать такое общество не может государство, так, может быть, Фонд культуры возьмется за это? Такие общества есть во многих странах — Германии, Соединенных Штатах Америки и других. У меня большая переписка с моими коллегами из разных стран. Вот, например, мой старый друг, бывший директор Филадельфийской библиотеки Эмерсон Гринуэй. Ему тоже уже за 80, но он активно сотрудничает в библиотечном обществе.

Они регулярно собираются в разных городах США, обсуждают возникающие проблемы библиотечного дела, работают над созданием новых библиотек, в том числе занимаются проблемами архитектуры библиотечных зданий, организуют помощь библиотекарям и т. д. Вот чего нам не хватает. Конечно, сами библиотекари должны наконец стать активнее, освободиться от диктата Министерства культуры и организоваться в свой творческий союз. Ведь есть, например, Союз театральных деятелей, почему же не быть Союзу библиотечных работников?

И, безусловно, у нас совершенно провалено библиотечное образование. Когда-то современный Институт культуры был Библиотечным институтом. Он действительно готовил квалифицированных библиотекарей. Тогда были споры о том, что надо иметь два таких института или создать библиотечные факультеты при университетах (как создал в Вильнюсском

университете мой старый друг Л.И.Владимиров), или хотя бы иметь библиотечную специальность на последних курсах тех же университетов по каждой из факультетских специальностей. Очень, кстати, неплохая, на мой взгляд, идея. Увы, все это не осуществилось, и в Московском институте культуры хотя и осталась библиотечная специальность, но в основном, мне кажется, там уделяют внимание подготовке работников для клубов — аккордеон, дискотеки, пение и т. д. Это, наверное, важно, но поверьте моему опыту — хорошее библиотечное образование для страны важнее.

А кто руководит сейчас библиотечным делом в стране? Я помню, что в самом начале при Наркомпросе было управление по научным библиотекам и им руководил В.Я.Брюсов. Тогда, кстати, научные библиотеки были хорошо организованы, достаточно финансировались, и всякая новая мысль в библиотечном деле поддерживалась. И наша библиотека тогда родилась, разве это могло случиться без большой поддержки? В наши же дни никакого серьезного внимания к библиотекам не ощущается. Потеряно даже много из того, что было завоевано с большим трудом и жертвами. Ведь в страшное время мы работали.

К сожалению, мы не можем участвовать в очень многих международных библиотечных программах, потому что наше внутреннее библиотечное дело неадекватно международному. И мы отстаем все больше.

— А как вы думаете, Маргарита Ивановна, останется ли в будущем библиотека или ее уничтожит технический прогресс?

— Я уверена, что библиотека не только останется, но с развитием цивилизации завоюет все большее место. Поэтому я не согласна с моим любимым писателем Габриэлем Гарсиа Маркесом, предрекающим смерть книге. Ведь чтение для всякого нормального человека — это кусок жизни. Именно чтение книги, но… хорошей книги, классики, которая, на мой взгляд, намного выше сегодняшней литературы.

Знаете ли вы, что раньше наша Библиотека иностранной литературы играла довольно большую роль в издании переводной литературы? Сейчас эту функцию библиотека почти потеряла, но, быть может, начавшаяся перестройка что-то изменит. Библиотека может очень помочь издательствам. Для этого надо лишь возродить то, что мы когда-то делали. Она должна создавать списки наиболее значительных из ежегодно выходящих в мире книг, аннотированные списки. Это десятки тысяч названий. В свое время мы специально работали для издательств — "Художественной литературы", "Иностранной литературы", создавали такие списки по естественным наукам. Сейчас отдел

естественных наук в Библиотеке иностранной литературы закрыт. Это неправильно. Это нанесло очень большой урон, многое потеряно. Ведь Библиотека иностранной литературы имела уникальную возможность получать зарубежную литературу по естественным наукам, вышедшую во время Второй мировой войны и в годы перед ней, полностью. Ни одна другая библиотека не имела такой коллекции — она была сосредоточена в нашей библиотеке. Но когда пришла новый директор Гвишиани-Косыгина, первым "делом", которое она сделала, — это закрыла естественный отдел. А ведь он был создан специальным Постановлением Совета Министров СССР от 1948 г., которым на Библиотеку иностранной литературы возлагался отбор лучшей литературы для перевода на русский язык и для обеспечения наших ученых новой литературой по естественным наукам. Это было, между прочим, очень неглупое, работающее на нашу культуру и науку решение. Но дочери Косыгина все, видимо, было нипочем.

Надо помнить, когда мы говорим о Библиотеке иностранной литературы, что она не рядовая среди 600 библиотек Москвы, а совершенно уникальное учреждение, очень многоаспектное, вышедшее за привычные для нас рамки понятия "библиотека". Ведь здесь есть и издания, и учебные заведения, массовые мероприятия, это и клуб, и лекторий, одним словом, здесь сосредоточено многое из того, что составляет понятие "культурная среда". Первой задачей Библиотеки было внести мировую культуру в сознание людей. Эта же задача осталась и сейчас, уже на другом витке общественного сознания. Ведь учиться надо всегда, и мировая культура развивается, к ней должны приобщаться наши сограждане. Вот "длинная", как любил говорить Блок, идея деятельности нашей Библиотеки. И вы не можете себе представить, как я рада, что это понимают молодые ее сотрудники. Они теперь довольно часто бывают у меня, это талантливые, энергичные, эрудированные молодые женщины. Мы говорим о многом, и я рада, что еще могу послужить своей Библиотеке. Жаль, конечно, что четырнадцать лет вычеркнуто — можно было бы так много сделать, но перестройка дала надежду, и действительно многое меняется.

Сейчас для нашей Библиотеки — непочатый край работы, новое поколение должно быть качественно другим, надо заниматься всесторонним воспитанием прежде всего учителей. Но что меня очень тревожит, так это то, что Библиотека наша пустует — во всяком случае от 2000 ежедневных посещений, которые были пятнадцать лет назад, осталась едва ли четверть. И я вас уверяю, что это не оттого, что москвичи и гости столицы

завели у себя дома хорошие иностранные книги, а от падения уровня культуры. Замечу, что библиотечные залы могут многое рассказать о нравственном и культурном здоровье общества.

— О здоровье общества можно судить и по школе, по учителям. Ваша мама, чьи книги стали основой Библиотеки иностранной литературы, была учительницей. В чем разница между учителями прежними и теперешними?

— Конечно, в культуре старых учителей. Они давали не только сам предмет, но и знания вокруг него, те элементы культуры, которые и делали, например, выпускников классических гимназий людьми с достаточно широким кругозором. В отличие, к большому моему сожалению, от большинства наших молодых людей. Впрочем, не будем брюзжать. Сейчас надо заставить учителей учиться. Куда это годится, если учительница литературы не может отличить "ямба от хорея" (это могла еще позволить себе Марина Цветаева, но то, что дозволено Юпитеру…), вульгарный Пикуль считается чуть ли не великим историческим писателем, и по его сочинениям изучают историю России, а иностранный язык преподают несчастные преподаватели, никогда не жившие ни дня в стихии того языка, который они по недоразумению выбрали своей специальностью. Именно преподавателям иностранных языков могла бы действительно помочь наша Библиотека. Это сейчас, когда налаживаются нормальные связи с другими странами, крайне важно. Ведь большинство наших сограждан глухи и немы за границей. Жалко смотреть бывает и на чиновника, и на ученого, и на писателя, которые не только мало-мальски серьезную дискуссию ни на одном из европейских языков провести не могут, но и завтрак в гостинице заказать не в состоянии. Что же сделали с нашим народом? Почему на Западе любой школьник, не говоря уж о выпускнике университета, знает, практически свободно, хотя бы один иностранный язык, а у нас свой-то стали забывать. Впрочем, я знаю причину. Если вспомнить, сколько довелось пережить мне за полвека в борьбе за библиотеку, многое станет понятным.

— В чем же эта борьба выражалась?

— О, во многом. Одни чиновники никак не могли понять, зачем вообще нам нужна какая-то иностранная литература, и постоянно хотели нас ликвидировать, держали в вечном напряжении, другие хотели отобрать здание, мебель, книги и т. д. Во время культа порой было жутко. Одна комиссия за другой. Почему, например, эта книга выдается, вы протаскиваете буржуазные идеи. А другая комиссия, глядя на эту же книгу через месяц уже в закрытом фонде, обвиняла в том, что мы лишаем

народ хорошей, нужной книги… И так постоянно.

Весы отношения к Библиотеке колебались все время. Причем, это шло от самых высоких инстанций. Вот что было опасно.

Помню, как однажды рассматривалось дело Библиотеки. Нас тогда обвиняли в насаждении вредной буржуазной культуры. Жуткая была проверка. Чуть ли не полы вскрывали. Я даже сказала, выйдя из себя, одному из проверяющих: "Вы что, оружие что ли ищете? Так здесь только книги". А затем на заседании комиссии меня обвинили во всех смертных грехах. И вдруг за меня заступилась председательница этой комиссии, как жаль, что я забыла ее фамилию. Она вдруг сказала совершенно правильные, нормальные слова, что Библиотека нужна, она несет народу культуру, воспитывает новую интеллигенцию. И меня отпустили с миром домой. <…> И я такая счастливая шла. Это была настоящая помощь. Вообще, вокруг Библиотеки было много друзей, и многие нам помогали. Спасибо им.

— Но и вы помогли очень многим, принимали на работу ученых, в том числе генетиков, которых не брали никуда, у вас работали правозащитники и близкие им люди, словом, Библиотека иностранной литературы была для многих последним прибежищем и спасением.

— Я считала своим долгом помогать нашей интеллигенции и делала все, что могла.

Так закончилось это импровизированное интервью. Сейчас, прослушав впервые этот текст через три года после того, как он был записан, мы поразились остроте суждений этой, в общем-то, очень старой женщины. Но к Маргарите Ивановне понятие "старость" никак не подходило. Читая в 1991 г. текст этой записи, видишь, что кое-что, о чем говорила тогда Маргарита Ивановна, сдвинулось с места, решается, и, самое главное, ожила ее родная Библиотека — все более возвращая себе приоритет одного из культурных центров столицы.

Безмерно жаль, что Маргарита Ивановна не закончила, как хотела, свои воспоминания. Понимала, что это нужно, но усадить себя за стол и предаться одинокому труду не могла. Она была деятелем. Ей нужны были слушатели. Мы советовали М.И. избрать форму писем к внуку, который тогда служил в армии. Она как будто соглашалась и даже воодушевлялась, говорила, что обязательно хочет написать для внуков историю своего рода, что все же сделала. И то, что сын Маргариты Ивановны Адриан Рудомино сумел собрать воедино ее разрозненные мемуарные записи и подготовить эту книгу — большая удача для всех, кто ее прочтет. Ибо современный читатель узнает о совершенно уникальной судьбе одной из великих русских женщин XX века,

талантом, настойчивостью, обаянием и интеллектом сумевшую совершить, вопреки тысячам препон и опасностей: революций, террора, войн, чиновничьему равнодушию и гонениям — великое дело культурного строительства — создать свою Библиотеку, которой нет равной в мире. Трудно найти в истории русской культуры XX века кого-то похожего на Маргариту Ивановну Рудомино. Она была настоящим Героем Труда. Пожалуй, ее можно сравнить и поставить в один ряд с профессором И.В.Цветаевым, строителем и создателем Музея изящных искусств им. Александра III в Москве (ныне знаменитый Государственный музей изобразительных искусств им. А.С.Пушкина на Волхонке). Тот же совершенно героический путь от замысла к завершению нового прекрасного Дома — у него — для классических слепков с римских и греческих подлинников; у нее — для иностранных книг. И та же ежедневная, изнурительная, отчаянная борьба за свое детище. Все же И.В.Цветаеву, пожалуй, было легче. У него был достойный меценат, миллионер В.Нечаев-Мальцев, который порой со скрипом, часто из последних сил, но финансировал строительство, сознавая значение Музея для России. А М.И.Рудомино приходилось сражаться с государством, с бюрократами за свою Библиотеку, за свою воплощающуюся идею. И то, что в Москве есть Музей изобразительных искусств, которому давно пора присвоить имя И.В.Цветаева, и Библиотека иностранной литературы им. М.И.Рудомино, заслуга этих двух выдающихся людей. "Отец и его Музей" назвала Марина Цветаева свой очерк "Мама и ее Библиотека", говорят дети М.И., считая, как это было и у Цветаевых по отношению к Музею, Библиотеку членом своей семьи.

Как-то за большим столом в саду в Барвихе обедали человек десять. Было начало перестройки, и все оживленно обсуждали "кадровые" вопросы: кого куда назначили, перевели, сняли или снимут на разных уровнях — от тех или иных ведомств до самого верха. Словом, обычный политизированный разговор, характерный для того времени. Маргарита Ивановна не принимала в нем участия, а потом, когда присутствующие молча стали отдавать дань еде, сказала тихо, с сожалением: "Какие все ничтожные темы теперь для разговора. Раньше говорили об искусстве, литературе, а сейчас…" Это не значит, что ее не волновала "современность", просто она справедливо полагала, что политике уделяется слишком много внимания, в ущерб более значимым вещам. По-настоящему ее интересовало то, что являлось производным от политических перемен: та самая гласность, с которой в нашу жизнь потоком хлынула запрещенная ранее литература, в частности обилие всякого рода фактографии.

Будучи ровесницей века, с юных лет находившаяся в центре культурной жизни, она, вероятно, именно в это время поняла, что только сейчас могла бы рассказать о людях и событиях полную правду. В то же время получалось так, что приходили все новые и новые издания, страшно интересно было читать — она жаловалась, что не справляется со всем этим обилием новой литературы, где уж тут было выбрать время для работы. Все-таки годы сказывались. В ее мемуарах много места было бы уделено, конечно, взаимоотношениям с высшими чиновниками от культуры. И если рассказы Маргариты Ивановны о хамстве Фурцевой не удивляли, то образ интеллигентного наркома просвещения Луначарского для многих оказался неожиданным. Нас, в частности, позабавил рассказ Маргариты Ивановны о том, как Луначарскому приглянулась большая квартира, в которой Маргарита Ивановна собирала библиотеку и где жила сама, — дом на углу Денежного, и именно там сейчас музей-квартира Луначарского. Так вот, Луначарский с Розенель бесцеремонно приехали торопить Маргариту Ивановну, чтобы она побыстрее освободила помещение. Маргарита Ивановна стала объяснять, что ведь при ней библиотека, надо ее перевозить. Луначарский настаивал, а Розенель, молча поглощавшая привезенную с собой клубнику, вдруг схватила корзину и запустила в Маргариту Ивановну. К счастью, попала в стенку… Было совершенно ясно, что Маргарита Ивановна делала свое дело, с первых дней преодолевая невообразимые препятствия, порой рискуя весьма серьезно.

Маргарита Ивановна пользовалась очень большим уважением в мире. Ее хорошо знали и любили деятели культуры многих стран. Как-то один из нас был с делегацией, возглавляемой Д.С.Лихачевым, в Бельгии. Нас пригласили на ужин с деятелями культуры в ресторан "Swan" на знаменитой овальной центральной площади Брюсселя, раз в год превращающейся в цветущий ковер. Тогда, в начале перестройки, на Западе очень интересовались Россией, особенно ее культурой, благодаря которой западные интеллектуалы надеялись глубже понять процессы, которые происходили в бывшем СССР, и когда зашла речь о библиотеках, которые Д.С.Лихачев считал основой культуры, и прозвучало имя М.И.Рудомино, вдруг элегантный седой господин, до того молчавший, буквально расцвел. "Маргарита Рудомино, мой добрый друг, — сказал он. — Благодаря таким, как она, мы на Западе верили в Россию, в СССР, несмотря ни на что. В мире таких, как Маргарита Ивановна, единицы, и на них держится и мир и культура". Оказалось, что говоривший был господин Г.Либарс, долго возглавлявший ИФЛА и работавший там с

Маргаритой Ивановной. Он предложил тост за ее здоровье, передавал ей приветы, говорил, что то, что Маргарита Ивановна вновь в гуще библиотечной и общественной жизни после десятилетий забвения в России— пишет, консультирует, встречается с коллегами, передавая им свой бесценный опыт, говорит для него, Г.Либарса, а значит, и для его коллег, деятелей культуры Запада, о сути перестройки больше, чем все статьи и заявления политиков вместе взятые. Не скрою, было очень приятно услышать эти слова в центре Европы. Д.С.Лихачев был очень доволен. Он так ценил библиотекарей, что услышать столь высокий отзыв о великом библиотекаре М.И.Рудомино было подтверждением правоты его мыслей и забот.

…Последний год жизни Маргариты Ивановны, когда она уже много болела, но сохраняла постоянный интерес к происходящим в стране переменам, принес ей немало добрых вестей. Она радовалась перестройке, но по-настоящему была счастлива, когда узнала, что директором ее Библиотеки стал крупный ученый, известный филолог Вяч. В.Иванов. Она послала большую телеграмму, приветствующую его избрание, много думала о будущем своего детища. После полуторадесятилетнего молчания ей вдруг позвонили из Министерства культуры, и новый министр Н.Н.Губенко, с первых дней своей работы взявшийся и за библиотечные дела, обратился к ней со словами благодарности и привета. Наконец, председатель Советского фонда культуры академик Д.С.Лихачев в большой телеграмме Председателю Верховного Совета СССР активно поддержал выдвижение кандидатуры Маргариты Ивановны на звание Героя Социалистического Труда.

В последний раз мы видели Маргариту Ивановну в ее московской квартире 9 марта 1990 г. Мы принесли ей стопку журналов "Наше наследие", где был опубликован ее большой материал "Книги моей жизни". Кажется, она понимала, что это ее духовное завещание, и была рада, что увидела его напечатанным, что сможет сама разослать друзьям. Она вышла из своей комнаты, как всегда, элегантная, быстрая, улыбающаяся, доброжелательная. Как и прежде, сидели за гостеприимным столом, активно обсуждали московские новости, шутили. И вдруг Маргарита Ивановна произнесла: "Сейчас так интересно жить. Даже в молодости не было так интересно жить, как сейчас". Через месяц ее не стало.

И будто бы ей, нашему доброму другу, посвятила так чтимая Маргаритой Ивановной Марина Цветаева свое стихотворение "Отцам":

Поколенью с сиренью
И с Пасхой в Кремле,
Мой привет поколенью
По колено в земле,

А сединами — в звездах!
Вам, слышней камыша,
— Чуть зазыблется воздух —
Говорящим: ду-ша!

Только душу и спасшим
Из фамильных богатств,
Современникам старшим —
Вам, без равенств и братств.
<">
Поколенье, где краше
Был — кто жарче страдал!
Поколенье! Я — ваша!
Продолженье зеркал.

Ваша — сутью и статью,
И почтеньем куму,
И презреньем к платью
Плоти — временному!

Вы — ребенку, поэтом
Обреченному быть,
Краме звонкой монеты
Всё — внушившие — чтить:

Кроме бога Ваала!
Всех богов — всех времен — и племен…
Поколенью — с провалом —
Мой бессмертный поклон!

Вам, в одном небывалом
Умудрившимся — быть,
Вам, средь шумного бала
Так умевшим — любить!

До последнего часа
Обращенным к звезде —
Уходящая раса,
Спасибо тебе!

* * *

Прошло уже четырнадцать лет со дня смерти Маргариты Ивановны, и сейчас, ретроспективно, можно не только оценить то, что она совершила — общеизвестно, что ВГБИЛ им. М.И.Рудомино остается одним из важнейших московских культурных центров, устоявших в хаосе "псевдодемократических" катаклизмов, раздиравших Россию и ее культуру в последнее десятилетие XX века. Будто хранил ее дух Маргариты Ивановны, помогавший ее ученикам и последователям сберечь и развить ее Библиотеку. Кстати, построенное ею здание ВГБИЛ на Яузе до недавнего времени оставалось единственным современным библиотечным зданием в Москве. Лишь недавно завершено строительство здания фундаментальной библиотеки МГУ на Воробьевых горах.

Думая сейчас о личности и характере М.И.Рудомино можно, пользуясь современной терминологией утверждать, что, кроме многих своих удивительных качеств, она была и менеджером высочайшего уровня. Твердость, целеустремленность, эрудиция, незаурядный дипломатический дар, и интеллигентность, и постоянная уверенность в значении своего дела позволили М.И.Рудомино блестяще завершите начатый в 1920-е гг. фантастический, амбициозный проект своей жизни, который современные эксперты и финансовые консультанты сочли бы при начале его совершенно провальным. В отличие от нынешних олигархов и богачей, "деловых людей", "бизнесменов удачи", с их личными парками "бентли", "мерседесов", миллионами и миллиардами наворованных долларов, футбольными клубами, поместьями, яхтами, самолетами и вертолетами, пасхальными яйцами Фаберже, толпами охранников, гувернанток, нянек, стилистов, мажордомов и горничных, она не нажила златых гор и каменных палат, но нашла неизмеримо большее — то, что и не снилось нашим "олигархам" и всякого рода коммерсантам, — создав свою Великую Библиотеку, Маргарита Ивановна Рудомино обрела — БЕССМЕРТИЕ.

Г. Либарс. Моя дорогая коллега, мой хороший друг [100]

Познакомился я с Маргаритой Ивановной Рудомино в 1964 г. в Брюсселе на совещании ЮНЕСКО по вопросам пересмотра

конвенции по международному книгообмену. Тогда я открыл для себя то огромное значение, которое в Советском Союзе придавали международному книгообмену как одному из способов приобретения зарубежной литературы, не прибегая к скудным запасам валюты. С точки зрения западных специалистов, такой обмен тоже представлял интерес, так как часто это была единственная возможность получить советские издания.

Далее у нас было много встреч на заседаниях ИФЛА. Интенсивность этих встреч достигла высшей точки, когда Маргарита Ивановна была первым вице-президентом, а я президентом ИФЛА, в период 1970–1974 гг. У нас было много встреч в Москве и Брюсселе, в Лондоне и Ливерпуле, в Нью-Йорке и Бостоне, в Монреале и Торонто. За долгие годы знакомства мы стали хорошими друзьями. Хочу особенно подчеркнуть, что Маргарита Ивановна была исключительно интересной собеседницей.

По своим профессиональным делам чаще всего я посещал США, а с 1965 г. — и Советский Союз. Я не говорю, конечно, о соседних с Бельгией странах. Сама по себе эта статистика не представляет интереса, но может объяснить мою роль своего рода посредника между США и Советским Союзом, особенно в период "холодной войны". Я сохранил об этом времени только хорошие воспоминания. Известно, что США были в числе членов — создателей ИФЛА. И я ходатайствовал перед моими американскими друзьями о принятии в ИФЛА Советского Союза. Мне это удалось, потому что я всегда ставил профессию выше политики. Таким же, кстати, было мое поведение и в собственной стране. Советский Союз вошел в ИФЛА в 1959 г.

В 1971 г. я имел честь присутствовать на праздновании в Москве 50-летия ВГБИЛ, библиотеки, которую Маргарита Ивановна основала в 1921 г.

Это было уникальное явление в международном библиотечном деле, и я был горд возможностью поздравить Маргариту Ивановну с тем вкладом, который она внесла в мировую культуру. Международная библиотечная общественность была бы беднее, если не было бы Библиотеки иностранной литературы в Москве. На чествовании Библиотеки я сказал: "Маргарита Ивановна, моя дорогая коллега, мой хороший друг, в вашем лице я благодарю ваших коллег и ваше руководство за это блистательное достижение в нашей общей профессии, что позволило нам встретиться сегодня. Если бы мне нужно было охарактеризовать вашу деятельность одной фразой, я бы сказал, что "вы открыли советское библиотековедение всему миру, а международное библиотечное дело — Советскому Союзу".

Маргарита Ивановна действительно познакомила ИФЛА с Советским Союзом и стала главным послом советской библиотечной общественности за рубежом.

Я исхожу всегда из того, что ситуация, в которой находилась Маргарита Ивановна, была гораздо сложнее моей. Она должна была на международной "шахматной доске" защищать точку зрения своего правительства, в то время как я не должен был давать никакого отчета своему правительству, если речь шла не об официальных встречах, а о профессиональных, например в рамках ИФЛА. Когда же речь шла о работе в рамках такой организации, как ЮНЕСКО, моя свобода была так же лимитирована, как и у Маргариты Ивановны. Кстати, на международной арене я не так уж часто выступал как представитель моего правительства и не жалею об этом.

Наиболее интенсивными наши деловые контакты с Маргаритой Ивановной были до, во время и после Генеральной Сессии ИФЛА в 1970 г. в Москве. Это была первая Сессия ИФЛА в Советском Союзе и первый год моего пребывания на посту президента ИФЛА. ИФЛА не сразу приняла приглашение Советского Союза провести сессию в Москве, так как оно поступило после вторжения советских войск в Чехословакию в 1968 г. Время прошло, и мы можем констатировать, что сессия в Москве прошла хорошо, без серьезных инцидентов. Этим успехом ИФЛА безусловно обязана Маргарите Ивановне.

Я хотел бы рассказать об одном весьма щекотливом случае. Еще во время моего президентства ИФЛА была исключена из ЮНЕСКО, так как я отказался исключить из ее рядов наших южноафриканских коллег. В это время как раз велись жаркие дебаты об апартеиде. Положение, которое я защищал в Париже на заседаниях ЮНЕСКО, было следующим:

1. Единственным источником получения либеральной литературы для наших южноафриканских коллег являются такие международные организации, как ИФЛА.

2. Легко осуждать апартеид, сидя в парижских салонах, и, наоборот, чрезвычайно опасно бороться с ним в самой Южной Африке, как это делают наши коллеги в Кейптауне.

Моя защита ни к чему не привела: ИФЛА была исключена из ЮНЕСКО.

Так совпало, что вскоре после этого события очередное заседание Исполбюро ИФЛА должно было проходить в Москве. Как обычно, я позвонил Маргарите Ивановне накануне своего приезда. Она обещала встретить меня в Шереметьеве. Но к моему большому удивлению, встречала меня делегация Министерства культуры. Среди встречавших я узнал двух чиновников высокого

ранга. Я понял, что меня принимают как "защитника апартеида".

На следующий день на заседании Исполбюро ИФЛА в кабинете Маргариты Ивановны я встретился с заместителем министра культуры Н.Моховым, который действовал вполне прямолинейно. Ничего не осталось от наших теплых отношений, установившихся ранее. Мохов хотел, чтобы Исполбюро осудило апартеид Я ему ответил, что все члены Исполбюро будут иметь возможность высказаться по этому поводу и что, как мне известно, никто не собирается защищать политику правительства Южной Африки. Я попытался объяснить, что нашими партнерами в этой стране, да и в других странах, являются не правительства этих стран, а профессиональные организации. Такая речь явно не понравилась Мохову.

На всех заседаниях Исполбюро ИФЛА в Москве и в других городах мира Маргарита Ивановна была единственным представителем Советского Союза. Здесь же она была в сопровождении заместителя министра культуры и еще двух или трех чиновников.

В тот день я открыл заседание Исполбюро и сразу же перешел к предмету нашего обсуждения, повторив свои уже известные аргументы, добавив только, что при принятии решения в расчет должны приниматься только интересы наших южноафриканских коллег. Переводчик едва закончил переводить мои последние слова, как бомба взорвалась. Мне было просто предложено осудить апартеид. Я знал, конечно, что переводчик перевел мое сообщение дословно. Но он не понимал, а следовательно, не указал на существенную разницу между ответственностью, которую несут правительственные и неправительственные организации.

Чтобы выйти из тупика, я попросил Маргариту Ивановну убедить заместителя министра привлечь к работе нашего постоянного переводчика, знакомого с обсуждаемой проблемой и, что не менее важно, с моей точкой зрения на нее и моей манерой излагать мысли. Маргарита Ивановна помогла, и заседание было продолжено в сопровождении уже двух переводчиков.

В своем дальнейшем выступлении я подчеркнул, что режим Южной Африки — не демократический, но не более, чем в Советском Союзе, и что ИФЛА не может и не хочет заниматься внутренними проблемами стран. Мое сообщение было хорошо переведено, но я не убедил официальных советских представителей, уверенных в том, что именно они живут в мире демократии.

Разрядить ситуацию помогла Маргарита Ивановна. По ее совету я пошел на уступки. Дело в том, что ИФЛА имеет два вида

членства: члены ИФЛА и наблюдатели. Я предложил перевести наших коллег из Южной Африки в наблюдатели, т. е. без права принимать участие в голосовании. Это давало возможность не порывать между нами связи. Мое предложение было принято единогласно.

Вечером я был в гостях у Маргариты Ивановны. Это был чудесный вечер. Чем больше мы произносили тостов, тем ближе становился конец апартеида.

По прошествии многих лет я попытаюсь поделиться воспоминаниями об эпизодах, имевших место вне рамок ИФЛА, в которых принимала участие Маргарита Ивановна. Мне хочется вспомнить мой первый визит к Маргарите Ивановне во время моего первого приезда в Москву. В посольстве Бельгии в Москве я спросил у бельгийского дипломата, что он думает по поводу того, есть ли у меня шансы быть приглашенным кем-нибудь из моих советских коллег к себе домой, чтобы посмотреть, как они живут. Ответ был кратким и простым: "У вас нет ни одного шанса, так как вы остаетесь здесь только на неделю. Они должны получить разрешение, но на это уходит не менее двух недель". Я заручился его позволением рассказать об этом Маргарите Ивановне, что и сделал во время нашей очередной встречи. Задетая за живое, Маргарита Ивановна ответила: "Приходите сегодня вечером в гости". После этой первой встречи в ее доме последовали многие другие, в том числе и встречи на даче.

Для советского гражданина дача является необходимостью, чтобы сделать сносной жизнь в городе. Я полагаю, что дача Маргариты Ивановны более типична для советской действительности, чем, например, дача министра культуры Е.Фурцевой, слухи о которой незадолго до ее смерти распространились на Запад. Кстати, Фурцева имела привычку на людях называть меня "мой самый старый друг-капиталист", на что я каждый раз отвечал, что я капиталист только в Советском Союзе. В моей капиталистической стране, говорил я, человек, живущий на зарплату, вовсе не капиталист, но живет он лучше, чем живут на родине пролетариата.

Но продолжаю свои воспоминания о Маргарите Ивановне…

Международный год книги был организован ЮНЕСКО в 1972 г. по предложению Советского Союза, а если быть точным, то по инициативе Маргариты Ивановны. Я был председателем Подготовительного комитета по проведению Года книги. Открытие состоялось в Москве. Никогда мне не приходилось слышать более тусклых речей, произнесенных в честь книги. Зарубежные участники конгресса утонули в море советской статистики. Я говорил себе, что творится что-то неладное, если

идеи заменяются цифрами. Американский оратор, известный литературный критик, выступил так плохо, что я вынужден был после окончания заседания попросить у него объяснений. Он сказал мне, что его правительство посоветовало быть вежливым. С того времени я понял, что одной из самых больших ошибок интеллигенции является следование советам правительства. Если быть откровенным до конца, могу добавить: чтобы это узнать, мне не надо было покидать Бельгию.

Если, тем не менее, я все же говорю о событиях Международного года книги, то только чтобы выразить сожаление по поводу того, что Маргарита Ивановна, которая могла бы принести столько пользы для своей страны, так мало участия в нем принимала. В программе Международного года книги Советский Союз был представлен не библиотеками или книжными палатами, а Государственным комитетом по печати, т. е. политическим органом, который был в привилегированном положении в ЮНЕСКО. У меня было желание поставить все на свои места, но я не сделал этого из-за дружбы с Маргаритой Ивановной. Я хотел бы исправить эту ошибку сейчас и заявить, что во время торжественного открытия Международного года книги я думал о Маргарите Ивановне. Ее сильная личность была рядом со мною. Маргарита Ивановна, для которой книга была призванием и делом всей ее жизни, а международное значение книги так безусловно, не произнесла речи, продиктованной идеологией правящей партии. Молчание Маргариты Ивановны было утешением для ее западных коллег и друзей.

Мои две последние встречи с Маргаритой Ивановной были у нее дома. В 1975 г. я сопровождал короля Бельгии во время его официального визита в Советский Союз. По возвращении в Москву я провел чудесный вечер у Маргариты Ивановны на даче, где ее внук, дотронувшись до меня рукой, сказал, что он думал, что гофмаршалы короля — а я был в то время именно гофмаршалом короля — живут только в книгах. Мальчик был не так уж неправ. Я рассказал эту историю переводчику короля — сыну гофмаршала последнего российского царя.

Самая последняя встреча с Маргаритой Ивановной состоялась в 1987 г. во время моего визита в Москву для участия в переговорах по поводу мероприятий в рамках фестивалей стран Европы. Уже 20 лет каждые два года в Бельгии организуются фестивали искусств одной определенной страны. Первый такой фестиваль был итальянский и собрал более 300 тысяч посетителей, последний — японский — собрал более двух миллионов посетителей. В 1984 г. я стал ответственным за испанский фестиваль. В 1987 г. я приехал в Москву, чтобы

обсудить возможность участия Советского Союза в подобном фестивале. У меня осталось тяжелое впечатление от этого визита. И я счастлив, что могу вспомнить о вечере, проведенном в один из дней у Маргариты Ивановны. Мы вспоминали прошлое, говорили о будущем, в котором уже виделись горизонты перестройки и гласности. Я счастлив, что Маргарита Ивановна, родившаяся вместе с веком, молодость которой совпала с революцией, увидела первые годы перестройки. Я счастлив знать, что дорогая Маргарита Ивановна сумела построить свою жизнь несмотря на немыслимые для западного человека трудности, что неутомимая Маргарита Ивановна успела рассказать о своем жизненном пути в журнале "Наше наследие" незадолго до своей кончины. Я получил номер этого журнала с посвящением Маргариты Ивановны и одновременно с известием о ее кончине.

Я счастлив, что Библиотека иностранной литературы в Москве, которую Маргарита Ивановна создала в 1921 г., отныне носит ее имя.

Л.З. Копелев. Это было чудом… [101]

Она приехала из Саратова в голодную Москву в 1921 г. Ровесница века — ей исполнился 21 год — она уже твердо знала свое призвание: учиться и просвещать. Гражданская война закончилась, оставались разруха, нищета, голод… Она верила в то, что говорил и писал Ленин: он сказал на комсомольском съезде, что необходимо овладеть всеми сокровищами культуры, которые накопило человечество, и она решила — будет создавать библиотеку, совсем особенную библиотеку, такую, где каждый желающий мог бы читать иностранные книги, журналы, газеты и тут же изучать иностранные языки.

В наркомате просвещения, куда она пришла, ей стали помогать. В доме наркомата выделили целую квартиру, притащили шкафы, столы и стулья, приносили немецкие, французские, английские, итальянские книги.

Однако внезапно сам народный комиссар Луначарский решил поселиться в этой квартире, она понравилась его жене. Маргарита Ивановна пришла к наркому, говорила сурово, гневно, волнуясь, едва не плача: "Как Вам не стыдно, мы создаем первую в России такую библиотеку, она должна быть не только читальней, но еще и учебным заведением, где будут работать курсы иностранных языков, и вы, народный комиссар просвещения, должны помочь нам, а не мешать".

Худенькая светлоглазая девушка говорила так уверенно и страстно, была так неколебимо убеждена, что Луначарский,

конечно же, согласен с ней и немедленно распорядится, чтобы доставили возможно больше книг, увеличили число сотрудников. Но нарком не уступил и въехал в квартиру. <…>

Шли годы, сменялись наркомы и вожди партии, шумели партийные съезды, спокойней проходили конгрессы Коминтерна; начались пятилетки, грохотали взрывы, рушились стены Китай-города и древних церквей; росли строительные леса, трещали барабаны, трубили фанфары парадов и праздничных шествий, заглушая рокотание моторов тюремных машин и "столыпинских" вагонов. В 1937–1938 гг. множество руководящих сотрудников министерств, трестов, партийных комитетов различных уровней заполняли камеры Лубянки, Лефортова, Бутырок; открывались новые станции метро — "самого прекрасного в мире", в витринах и на стендах вывешивали саженные карты Испании, на них флажками отмечали фронты гражданской войны; в Колонном зале судили врагов народа, и Вышинский кричал, требуя "расстрелять, как бешеных собак", Бухарина, Рыкова, Радека… Менялись наркомы просвещения, Луначарского сняли, назначили Бубнова, а после его ареста разоблачали его пособников, пробравшихся в наркомат "троцкистско-бухаринских агентов иностранных разведок".

В те годы Библиотека иностранной литературы оставалась едва ли не единственным в Москве учреждением, в котором не обнаружили "вражеского гнезда", никого не разоблачили. Разумеется, время от времени и в библиотеке созывались собрания, читались доклады о "коварных методах вражеских разведок", принимались резолюции с требованиями "беспощадно карать". Однако в 1938–1939 гг., когда я был уже постоянным читателем, завсегдатаем библиотечных будней и праздников, не помню, чтобы кто-нибудь из сотрудников "исчезал" или кого-то "прорабатывали". Но именно в это время заместителем Маргариты Ивановны стал Яков Иванович Менцендорф. Он был необычайным человеком, и его назначение по тем временам было необычайным. Бывший латышский стрелок, участник Гражданской войны, потом сотрудник Коминтерна, он в 30-е гг. считался "дипломатом", занимал какую-то должность в посольстве СССР в Лондоне, но работал "по линии Коминтерна". Он был образованный историк, филолог, владел несколькими европейскими языками, отличался чрезвычайной добросовестностью, кропотливой точностью и аккуратностью. В 1937 г. <…> Яков Иванович прислал из Лондона письмо в ЦК партии, в котором признавался, что в 20-е гг. некоторое время сочувствовал оппозиции, сомневался в "генеральной линии", что это воспоминание мучило его и он должен и может быть только

предельно откровенен с партией… Его немедленно отозвали из посольства; некоторое время он оставался безработным. Маргарита Ивановна не побоялась назначить его сотрудником справочно-библиографического отдела. Вскоре он стал главным цензором библиотеки. Некоторые сотрудники говорили: "Наша Маргарита хитрая — взяла себе такого помощника, и сама уже о бдительности может не беспокоиться. У Якова Ивановича комар носа не подточит. Он раньше любого главлита знает, какую книжку перевести в спецхран, какие фамилии вычеркивать из каталогов". (Когда в 1956 г. я после реабилитации пришел в библиотеку, Яков Иванович дружелюбно и с неподдельной радостью встретил меня: "Ох, сколько я туши потратил, вычеркивая вашу фамилию и на карточках, и в каталогах… Но все хорошо помню, теперь восстановим".)

Перед войной библиотека размещалась в здании старой церкви в Столешниковом переулке. Это было, кажется, уже третье помещение, завоеванное Маргаритой Ивановной. Часть хранилища и "выдача на дом" находились в другом доме — на Петровских линиях.

Не помню, когда я впервые увидел Маргариту Ивановну, должно быть, осенью 1938 г., но внятно слышу ее голос, вижу светлый пристальный, любопытный и серьезный, по-детски доверчивый взгляд: "Говорят, вы пишете диссертацию о Шиллере и Французской революции. Отличная тема и своевременная. В будущем году будет 150-летие штурма Бастилии. Вы наш активный читатель, вот и прочитайте у нас несколько публичных лекций. Разумеется, мы заплатим… Вы аспирант? Но я могу вам дать доцентский гонорар… Вас интересует проблема революции вообще? Право народа на восстание? Это же очень интересно. Ведь Шиллер писал самые революционные драмы еще до того, как французы свергли монархию, и есть же прямая связь, ведь Конвент присвоил Шиллеру звание почетного гражданина Франции. Вот вы нам и расскажете, как это все было".

Библиотека стала для меня и для многих моих друзей-коллег добрым пристанищем. Ее книжные и журнальные фонды были беднее, чем в Ленинской библиотеке, и читальные залы куда меньше, и курилка теснее.

Но я устроил себе отдельный угол, где хранил книги и рукописи, где можно было, поклянчив или поругавшись, задержать "просроченную" книгу, выписывал по межбиблиотечному абонементу редкие, старые издания из ленинградской и московской библиотек Академии наук. В справочно-библиографическом отделе работали замечательные девушки: Настя Паевская, Инна Левидова, Лора Харлап, Лара

Беспалова. Они самоотверженно помогали разведывать источники, разбираться в непролазных для начинающего аспиранта джунглях картотек и справочников.

Маргарита Ивановна ухитрялась подбирать замечательных сотрудников. Некоторые из них были образованнее, чем она, и не скрывали этого, даже подшучивали над директоршей, которая говорила и по-французски, и по-немецки с "саратовским акцентом", не читала ни Джойса, ни Пруста, была постоянно озабочена проблемами ремонта, отопления, финансирования: снова и снова надо было выпрашивать у министерства валюту на покупку зарубежных изданий, покупать книжки у букинистов.

Маргарита Ивановна отнюдь не казалась добренькой тетушкой, она, бывало, сердито выговаривала, и даже не всегда справедливо, за любое упущение, особенно если пожаловался читатель. Но никогда не была злопамятна, не обижалась на резкие возражения, нередко строптивых, непокорных, даже дерзких сотрудников она словно бы предпочитала послушным, уступчивым, робким.

Уже в первые месяцы нашего знакомства я испытал, как она притягивает новых людей. Ей были нужны, разумеется, прежде всего профессиональные книжники, библиотекари и библиографы, но вместе с тем всегда требовались, оказывались полезными литераторы и ученые — языковеды, историки, филологи, — электрики и переплетчики, студенты разных факультетов, журналисты, художники, актеры. Она умела любому неопровержимо доказать, что именно ему необходимо стать сотрудником библиотеки или написать о ней статью, отремонтировать котельную или прочитать лекцию, стать руководителем кружка книголюбов, преподавателем на языковых курсах, устроить праздничный концерт, оформить выставку…

Она покоряла прежде всего своей абсолютной, безоговорочной уверенностью в том, что ее собеседник понимает необходимость помочь библиотеке, что он сам, конечно же, рад поручению, и несомненно выполнит его наилучшим образом. Она внушала доверие, потому что сама была доверчива.

Нередко мне приходилось слышать недоуменные и даже подозрительно скептические вопросы: "Как могла эта женщина больше полувека оставаться директором Всесоюзной библиотеки иностранной литературы в Москве?.. Каким чудом пронесло ее сквозь все годы "чисток", "повышенной бдительности", идеологических истерик?.. Как могла она уцелеть, когда громили космополитов, обличали низкопоклонство перед иностранщиной и само понятие "иностранный" становилось обвинительным, ругательным?"

Однако даже немногие, но сердитые недоброжелатели Маргариты Ивановны не находили на эти вопросы таких ответов, которые причисляли бы ее к системе правящего террора, к номенклатуре доносчиков, проработчиков, карателей. Самые злоязычные говорили о ее чрезвычайной хитрости, мол, притворяется дурочкой, вечной провинциалкой, укрывается за спинами двух образцово-показательных заместителей — сверхбдительный Яков Иванович и Софья Владимировна Голубятко, член партии с 1903 г., добрейшая начетчица, верившая каждому слову любого постановления ЦК, — прикрывали свою директоршу от угроз сверху, а безотказные труженики — библиографы, консультанты, лекторы — создавали великолепный очаг культуры — несомненное достижение нашего социалистического строительства, очевидное для всего мира, так же как наши театры, картинные галереи, как хор Свешникова и ансамбль "Березка". Вот и Маргарите Рудомино позволяют безмятежно расцветать на ниве социалистической культуры. Один из примеров нашей многообразной "показухи".

Сердитые взгляды иногда острее видят, замечают иной раз и такое, что дружеский глаз не усмотрит. Внешние обстоятельства и впрямь подтверждали упреки в "показухе": Маргарита Ивановна была членом международных комитетов мира, обществ дружбы с зарубежными странами, числилась "выездной". В городах Запада она приходила прежде всего в библиотеки, договаривалась об обмене книгами, рассказывала о своей библиотеке. Она говорила только правду, и, конечно же, ее неподдельная влюбленность в свое дело, ее доверчивое упрямство и открытая целеустремленность — хочу, чтобы моя библиотека была богатой, обширной, лучшей из всех, — ее любознательность и любопытство привлекали к ней самых разных людей. И объективно она оказывалась живым доказательством успехов советской "экспортной" пропаганды, олицетворением идеала социалистического просветительства.

Все так и все же не так… Жизнь и дело Маргариты Ивановны были не только мифом, диковинной московской легендой, но и неподдельной реальностью, повседневно воспринимаемой тысячами ее читателей. Когда в июле 1941 г. начали бомбить Москву, я был среди тех читателей, которые приходили на ночные дежурства в библиотеку, вооружались рукавицами, ведрами с песком, клещами и лопатами, чтобы тушить зажигательные бомбы. Нам повезло: ближайшие попадания были в 100–200 метрах, и церквушка, начиненная книгами, уцелела.

После войны Маргарита Ивановна "отвоевала" новый дом, побольше, на улице Разина, там, где сейчас огромный куб

гостиницы "Россия". Но в это время она уже была одержима новой мечтой: построить большое специально библиотечное здание, в котором соединялись бы и хранилища, и читальные залы, лектории и помещения для каталогов. И в этом ей помогали читатели разных общественных положений и разных возрастов. Всем, приходившим в библиотеку, иногородним и зарубежным гостям, правительственным и партийным, комсомольским и профсоюзным деятелям гостеприимная директорша обязательно показывала большую модель будущей библиотеки. Проект был разработан во всех подробностях: архитекторов и строителей Маргарита Ивановна убеждала так же неотвратимо, как и всех нас, в том, что они сами хотят построить эту замечательную, единственную в своем роде библиотеку, что они спят и видят, как бы поскорее воздвигнуть ее на берегу Яузы в таком месте, куда можно добраться трамваем и автобусом, и от метро недалеко…

Здание было построено. Маргарита Ивановна едва ли не каждый день приходила на строительство и уж, конечно, звонила прорабам, снабженцам, поставщикам стройматериалов и оборудования, приходила в министерства и управления, вымаливала, уговаривала, торопила сверхплановые, внеочередные поставки… Когда все уже было построено, подключено к энергосети и газопроводу, — внезапный удар: здание передают какому-то важному ведомству! В эти дни я впервые видел Маргариту Ивановну подавленной, горестной, страдающей. Отнимали ее любимое дитя. Она осунулась, побледнела, муж, сын и друзья боялись за нее, хотели уложить в больницу. Но не тут-то было. Она рвалась в ЦК, в Президиум Верховного Совета… Здание помогла отстоять тогдашний министр культуры Екатерина Фурцева. Она вступилась за Библиотеку, что удивительно, так как она терпеть не могла Маргариту Ивановну, вероятно, потому, что не понимала ее, не понимала ее бескорыстия, ее доверчивости, ее искренне самоотверженного служения одному делу без каких-либо расчетов на карьеру, на отличия или награды. Эта странная, непонятная женщина с инородческой фамилией была белой вороной и в министерстве, и в любом кругу высокой номенклатуры. Она не заискивала, не льстила, не произносила высокопарных похвал начальству, не соблюдала давно принятых норм чинопочитания, не умела восхищенно или покорно безмолствовать перед разглагольствующими сановниками, а запросто возражала, спорила — не ругалась, не хамила, даже не горячилась, а спокойно убеждала, уговаривала, как терпеливый педагог, как заботливая родственница. И это действовало. Даже насквозь просушенные чинодралы в министерствах, в ЦК, в МК

уступали перед напором этой необычайной просительницы. Уступали, вероятно, еще и потому, что она не угрожала ничьей карьере, не претендовала ни на чье кресло и вообще ничего для себя не просила.

Да и на ее место охотников не было. За полвека не появился ни один претендент, т. е. член партии, владеющий иностранными языками, влюбленный в книги, готовый довольствоваться весьма скромным библиотечным окладом и утруждать себя очень хлопотливой и не слишком престижной работой.

Пожалуй, именно эти обстоятельства могут объяснить небывалое чудо — судьбу Маргариты Ивановны Рудомино.

Ведь едва появилась охотница на ее место — дочь Косыгина, — и после более чем скромного празднования 50-летнего юбилея библиотеки и ее директора, Маргариту Ивановну спровадили на пенсию; при этом сперва даже забыли, как положено было, наградить орденом, пока не напомнили все те же неуемные читатели.

Прошло много лет, и в июле 1990 г. впервые с тех пор я пришел в этот дом, который помнил еще моделью на столе Маргариты Ивановны, пришел на торжественное собрание в Библиотеку имени Маргариты Ивановны Рудомино, в день, когда открывали мемориальную доску у входных дверей.

Это было чудом. Но ведь и сама Маргарита Ивановна была чудом, и вся ее жизнь, единственная в своем роде, — необычайная судьба доброй и светлой души, пережившей злое и темное время.

Она была единственна, но не одинока. И сегодня, снова и снова думая о Маргарите Ивановне, о том, что она значила в моей, в нашей жизни, я вспоминаю и других людей, совершенно разных, даже несопоставимых по масштабам деятельности, дарований, известности, но родственно близких в том, как они влияли на мировосприятие и на судьбы моих близких и мою. Писательница и журналистка Фрида Вигдорова (1915–1965) была корреспондентом "Правды" и "Литературной газеты" в самые дурные годы, но она ни одной строкой не солгала, ни разу не поступилась совестью, ухитрялась пробиваться к заключенным в тюрьмы, в лагеря, добивалась пересмотра неправедных приговоров. Гениальный ученый и бесстрашный защитник прав человека Андрей Сахаров (1922–1989) тоже окончил советскую школу, советский вуз, и так же, как Маргарита Ивановна, как Фрида, верил, что мы строим социализм, создадим самое справедливое общество в истории человечества. Три совершенно разные личности, совершенно разные судьбы — три чуда, но в них олицетворено горестное, трагическое и, вопреки всему злу,

плодотворное чудо России.

Вспоминая Маргариту Ивановну, Фриду, Андрея Дмитриевича, я верю — верю в чудеса, которые спасут Россию.

Т. В.Агафонова. Счастливая судьба [102]

Вчера, когда за окнами большого конференц-зала вставал по-летнему светлый московский вечер, Всесоюзной государственной библиотеке иностранной литературы была торжественно вручена награда — орден Трудового Красного Знамени.

Это были минуты, часы, когда каждый, наверное, из семисот ее сотрудников невольно сверял себя, свою суть, свое отношение к труду, жизни, людям с той долгой, нелегкой дорогой, которую прошла Библиотека. Тогда, полвека назад, не всеми сразу понятая и признанная, она пробивалась тропинкой упорного научного поиска, смело и честно отстаивая право на свое существование…

Многим вот о чем еще думалось, наверное, вчера в этом зале. Как удивительно переплелись судьбы людей и книг. Со всеми их радостями и горестями судьбы эти создали уникальную историю Библиотеки, завоевавшей всемирное признание. И, быть может, есть особая символика в том, что юбилей этот пришелся на Международный год книги, который отмечается во всем мире по инициативе нашей страны.

Есть много восхищенных отзывов о Библиотеке, написанных в разные годы Ричардом Олдингтоном, Вилли Бределем, Джеймсом Олдриджем, Эрскином Колдуэллом, Пабло Нерудой, Херлуфом Бидструпом… "Эта библиотека вызывает восхищение и преклонение. Мысль, столь всеобъемлюще распространенная, и есть культура, широко доступная для всех…" — это недавний отзыв Ж.Дюамеля, министра по делам культуры Франции.

А вот что писал еще в 1944 г. Жан Ришар Блок: "…Когда я расскажу во Франции, что я видел в СССР, поверят ли мне? Да, отныне поверят. Ибо был Сталинград, были несравненные подвиги Советской Армии… Чтобы ограничиться библиотекой, где я пишу эти строки, скажу, что я не знаю ничего равного ей во всем мире. Маргарита Ивановна сумела превратить ее в не имеющий себе равных культурный центр".

Маргарита Ивановна Рудомино — бессменный директор Всесоюзной государственной библиотеки иностранной литературы. Но очень многие прогрессивные писатели и библиотекари мира знают ее не только как директора. Знают ее как друга, как помощника в делах Международной федерации библиотечных ассоциаций, вице-президентом которой она является многие годы.

Но вернусь к Библиотеке нашей. И, рассказывая вкратце ее историю, буду приводить штрихи из биографии Маргариты Ивановны, ибо они неотделимы от судьбы Библиотеки.

Начну, однако, с дня сегодняшнего. И постараюсь описать для тех, кто его не видел, новое здание Библиотеки, что стоит почти в центре Москвы. Строгое и монументальное, оно рождает вместе с тем ощущение какой-то жизнеутверждающей легкости. Видимо, из-за множества широких зеркальных окон, выходящих на обширную площадь между Ульяновской улицей и набережной древней Яузы. "Окнами в мир" называют их частотам, за окнами этими, на многокилометровых стеллажах библиотечных хранилищ тихо и мудро, прижавшись "плечами" друг к другу, живут книги — четыре с лишним миллиона на 132 иностранных языках. И кажется мне сейчас в тиши хранилищ, будто громкими голосами зовут книги нашу планету к той же дружбе, что между ними… Если бы всегда так сбывались мечты, как сбылись они у Маргариты Ивановны Рудомино…

1921 год. Москва. Кабинет одного из работников Наркомпроса… Убеждают двадцатилетнюю Рудомино:

— Поймите вы, странная девочка, нельзя сохранить часть, когда уничтожено целое. Неофилологический институт мы расформировали, а вместе с ним и вашу библиотеку…

Тогда "странная девочка" подходит к столу. Вынимает из витиеватой подставки стеклянную чернильницу и, держа ее в руках, доказывает, что вот, мол, "часть может существовать без целого". Однако это далеко не последний ее довод. Приехала из родного Саратова по вызову Наркомпроса. Будешь, сказали, заведовать библиотекой "богатств мировой культуры". И что же? Книг не оказалось. Ладно. Съездила и привезла книги, оставшиеся после покойной мамы, преподавательницы иностранных языков…

Рудомино решительно поставила на стол чернильницу и категорически потребовала, чтобы библиотеку возродили и узаконили, ибо читатели требуют…

— Какие читатели, девушка? Барыни-салопницы, которым подавай французские романы? Нам сейчас не до романов, хлеба не хватает…

Победа осталась на стороне Рудомино. Она возвращалась бегом в "помещение" библиотеки. Полуразрушенная квартира на пятом этаже… Окна без стекол. Вечерами от холода замерзают чернила. Директор и сотрудник библиотеки — в одном лице. И хлеба, кстати, не хватает даже на завтрак..

Вскоре выменяла печку-времянку на свою единственную подушку. Можно было бы книги под голову… Но посчитала это

кощунством.

С одного шкафа маминых книг, привезенных Рудомино из Саратова в Москву, начиналась Всесоюзная государственная библиотека иностранной литературы.

И стала такой, как написал о ней недавно в своем отзыве Константин Симонов: "Может, никогда еще я не испытывал такого острого чувства зависти к людям, знающим не только свой родной язык, как сегодня, обходя этот прекрасный дом. То дело, которое в нем делается, имеет самое непосредственное отношение к будущему человечеству, и об этом нельзя не думать".

О том же думается мне сейчас, когда целый день хожу как зачарованная по бесконечным, кажется, залам ее и отделам. Без добрых советчиков потерялась бы сразу, ибо, увы, отношусь к тому поколению предвоенных лет, которое не может похвастаться знанием иностранных языков.

Но вот ведь хитрость! Обида и злость на себя за недостаточную образованность начинают мгновенно и беспощадно сверлить твой мозг уже с первых шагов по Библиотеке. Как будто каким-то хитрейшим "гипнозом" обладают здесь все сотрудники. Но нет, причем здесь "гипноз"…

Очень скоро начинаешь понимать, что просто все они талантливые, многогранные ученые и, кроме того, проницательные воспитатели. Ими, их умами продуман до мельчайших деталей какой-то безукоризненно логичный и ясный уклад всей жизни Библиотеки. Продумано все, начиная от веточки цветка… Но главное в том ощущении, которое невольно вселяется в тебя здесь сразу… Быть может, оно субъективно?

Что греха таить, многие из нас любят потолковать о собственной эрудиции. Это, если хотите, своеобразная успокоительная "болезнь" нынешнего века. Так вот. Самому почувствовать здесь надо, с каким безграничным тактом, совершенно неуязвительно для тебя самого мудрые "врачи" этой библиотеки уже во второй, четвертый приход твой сюда облегчают "болезнь". И ты сам неожиданно выписываешь себе "рецепт". А в нем "лекарство" горькое: оказывается, твоя эрудиция лишь топчется неумело у первой ступеньки всех книжных богатств библиотеки этой. И оживает в тебе какая-то внутренняя прекрасная тревога, даже "паника" порою… И начинает казаться, что полжизни уже прожито зря, что просто немедленно надо догонять или хотя бы приблизиться к тому, что истинно называется эрудицией.

Вот, наверное, почему эту удивительную библиотеку уже сегодня называют библиотекой будущего, а стиль ее научно-исследовательской и методической работы предлагается как

высочайший образец для многих библиотек нашей страны, имеющих фонды иностранной литературы.

"Секретов" здесь уйма, но выделю лишь один. Самый сложный, пожалуй, моральный аспект, имеющий прямое отношение к читателю.

С первого же прихода новичка в Библиотеку сотрудники ее предлагают читателю содружество в работе. Мудро, тактично вселяют они в него надежду на возможность хоть краткого постижения богатств мировой культуры. Для молодого читателя это является каким-то стимулом и авансом на будущее. Человек выходит из Библиотеки с хорошей тревогой, но и окрыленный. Главное, что проверено: с каждым разом возвращается он сюда все с большей охотой. И обязательно начинает стремиться к глубокому познанию иностранного языка, понимая, что иначе "не оживут" книги.

…Когда-то, в 20-е гг., Маргарита Ивановна Рудомино вместе со своими немногочисленными сотрудниками завоевывала "своего читателя" по-другому. С граммофоном и пластинками по изучению иностранных языков библиотекари выезжали в Парк культуры и отдыха, на заводы и фабрики. Интерес к изучению иностранных языков оказался столь велик, что порою засиживались с учениками до поздней ночи… Шли дни, месяцы… И, наконец, приходила заслуженная радость. На пороге Библиотеки появлялся застенчивый ученик и просил записать его читателем.

Нынешним же читателям просто грешно не познать иностранные языки, ибо в двух прекрасно оборудованных залах аудивизуальных средств изучить языки можно в совершенстве. Здесь помогают телевизоры и магнитофоны, фонотека звукозаписей, диафильмов, диапозитивов на 40 иностранных языках.

…И снова уводит меня в дальние годы рассказ Маргариты Ивановны Рудомино…

— Помню, как пыталась я добыть для библиотеки хоть несколько иностранных газет и журналов. Не удалось, хоть исходила десятки учреждений. Тогда решилась на отчаянный, казалось, поступок. Вы не находите, что я вообще человек несколько отчаянный? Так вот. Отправилась я прямо в квартиру Клары Цеткин. Она жила тогда в Москве…

Клара Цеткин приняла "отчаянную" с большим интересом. Выслушав "речь директора Рудомино", произнесенную на безукоризненном немецком языке, Цеткин широко развела руки и прикрыла ладонями две высокие пачки иностранной периодики, что аккуратно были разложены по двум сторонам кресла…

А Цеткин уже говорила быстро и по-деловому:

— Теперь, детонька, вы будете приходить ко мне регулярно. Не стесняйтесь, если застанете прикорнувшей в кресле, ведь мне — семьдесят пять… Знайте, что левая стопка периодики всегда ваша. Смело забирайте. Правую же стопку никогда не трогайте. Правая значит, что я еще не успела просмотреть новые газеты и журналы. А для меня в них бьется пульс людей разных стран. У них я черпаю молодость…

Окончив рассказ, Маргарита Ивановна Рудомино на миг примолкла в кресле, опустив седую голову. Потом встала и протянула на прощание сильную ладонь. Светло-голубые глаза взглянули на меня весело, метко и чуть отчаянно. Невозможно поверить, что ей семьдесят второй. И мне почему-то сразу захотелось пообещать Маргарите Ивановне, что я, хоть и поздновато, наверное, выучу-таки в совершенстве иностранный язык.

В.А.Артисевич Яркая личность [103]

Во все века развития цивилизации благородному труду библиотекаря посвящали свою жизнь, талант, ум и сердце многие выдающиеся люди.

Неизгладимый след в библиотечной профессии, в становлении библиотечного дела в нашей стране и в деятельности ИФЛА оставила такая яркая личность, как М.И.Рудомино.

Мне довелось познакомиться с ней в 1930-е гг. в Наркомпросе, где она по совместительству была ученым специалистом и заведующей отделом научных библиотек. Я часто приезжала в Наркомпрос по делам Фундаментальной библиотеки Саратовского университета, будучи ее директором, и могу сказать, что в продолжении 60 лет установилась и крепла между нами и профессиональная, и личная дружба. У нас было много общего в стремлении вложить все силы в развитие возглавляемых нами библиотек и укрепление общественной роли библиотек в стране. У нас, как правило, были общие взгляды на назначение научных библиотек, на методы и формы их работы, на необходимость систематического повышения квалификации библиотечных кадров, на научно-издательскую и просветительскую работу библиотек. Первое, что обращало на себя внимание при знакомстве с Маргаритой Ивановной Рудомино, было ее всегда улыбающееся, доброжелательное лицо, свойственные ей приветливость, уважение к чужому мнению, общительность, контактность, стремление к сотрудничеству, постоянная готовность оказать помощь тому, кто в ней нуждается.

Общение с ней обогащало, было содержательным и интересным. Она всегда была увлечена и воодушевлена какой-нибудь новой важной идеей, делом, предложением, новой книгой, музыкой, спектаклем, произведением художника, знакомством с интересными людьми. У нее был живой ум, организаторский талант, государственный подход к решению проблем и необычайная энергия. Ее интересы были шире проблем библиотеки, которую она возглавляла, и распространялись на библиотечное дело в стране и в мире. Поэтому она участвовала во многих библиотечных общественных организациях, конференциях, съездах.

В ноябре 1937 г. мне довелось вместе с М.И.Рудомино в течение месяца обучаться в Москве на организованных Наркомпросом РСФСР курсах директоров научных библиотек. Лекции для нас читали первые советские библиотековеды —

преподаватели Московского библиотечного института Ю.В.Григорьев, Л.В.Трофимов, К.Р.Симонов, В.А.Штейн, Е.И.Шамурин и другие. Это было очень интересное время, когда из первых уст мы узнавали то, над чем работали наши лекторы; были споры, обсуждались опыт и перспективы развития библиотечного дела в стране. М.И.Рудомино хорошо знала немецкий, французский, английский языки, знакомилась с библиотековедческой иностранной литературой и делилась прочитанным с коллегами по курсам.

Объединяла нас с М.И.Рудомино и многолетняя дружба с выдающимся советским библиотековедом Любовью Борисовной Хавкиной, в то время находившейся уже в преклонном возрасте. Маргарита Ивановна немало сделала для того, чтобы облегчить ее быт, жизнь и творческий труд на дому, и в этом ее большая человеческая заслуга. Именно в 30-40-е гг. Л.Б.Хавкина работала над монографией "Сводные каталоги" и над "Словарем библиотечных терминов по библиотековедению, библиографии и смежным вопросам".

Сама М.И.Рудомино широко разнообразила виды просветительской работы библиотеки с иностранной литературой. С 30-х гг. она проводила встречи читателей своей библиотеки с иностранными общественными деятелями, писателями, поэтами, художниками, учеными. Многочисленные выставки книг и эти встречи всегда были большими событиями в жизни столицы.

Высоко оценивалась общественная деятельность М.И.Рудомино. С 1932 по 1940 г. она была членом Центрального бюро секции научных работников ЦК Союза просвещения, в 1934–1939 гг. — депутатом Свердловского райсовета Москвы. В начале войны, в октябре 1941 г. М.И.Рудомино с семьей была эвакуирована в Саратов и по приезде приступила по моему приглашению к организации кружков по изучению иностранных языков. Благодаря тому что в то время я исполняла обязанности ректора Саратовского университета, при всех трудностях с жильем удалось разместить М.И.Рудомино со всей семьей в небольшой комнате университетского общежития и устроить на работу в библиотеку университета. Несмотря на бытовые трудности она всегда была жизнерадостной, оптимистичной и деятельной.

В 1942 г. она вернулась в Москву и тут же приступила к своим обязанностям в Библиотеке. После окончания войны мы решили заняться обобщением своего опыта библиотечной работы и подготовить диссертации, сдали экзамены кандидатского минимума в Московском библиотечном институте, но вместо

диссертации нам обеим пришлось заняться вплотную строительством зданий для возглавляемых нами библиотек. А это отнимало массу времени. Я занималась строительством с 1949 по 1958 г., а Маргарита Ивановна — с 1960 по 1967 г. Оба здания теперь украшают города, в которых построены, и дают возможность миллионам людей заниматься в прекрасных помещениях, вспоминая добрым словом библиотекарей-строителей, которыми мы стали по воле судьбы. Неслучайно в день открытия нового здания ВГБИЛ в 1967 г., когда в зал вошла М.И.Рудомино, все присутствующие встали, приветствуя ее аплодисментами, выражающими дань глубокого уважения к ней.

В своей статье о М.И.Рудомино[104] я привожу много отрывков из писем выдающихся людей нашей и других стран, в которых воздается великая благодарность М.И.Рудомино за ее плодотворную незаурядную деятельность, за ее великое служение читателям, просвещению, культуре, науке.

В письме от 12 ноября 1957 г. СЯ.Маршак обратился к М.И.Рудомино с такими словами: "Библиотека выросла у меня на глазах, и я с восхищением слежу за ее ростом и расцветом. Это не учреждение, а идейное дело, и живая душа этого дела — Вы, Маргарита Ивановна. Ваши сотрудники — не служащие, а деятели культуры в истинном и большом значении этого слова".

Директор Королевской библиотеки в Брюсселе Герман Либарс, говоря о ВГБИЛ, отмечал, что "подобной библиотеки нет в мире", а Маргарита Ивановна является "замечательным послом нашей общей профессии".

Указом Президиума Верховного Совета РСФСР М.И.Рудомино в 1968 г. было присвоено почетное звание "Заслуженный работник культуры РСФСР", а в 1970 г. она была награждена орденом Трудового Красного Знамени.

2 июня 1972 г. Всесоюзной государственной библиотеке иностранной литературы была торжественно вручена награда — орден Трудового Красного Знамени. Так было отмечено 50-летие со дня создания Библиотеки, которой полвека бессменно руководила Маргарита Ивановна Рудомино, и так счастливо переплелись судьбы книг, библиотеки, человека и читателей, посетителей и гостей ВГБИЛ.

На 39-й Сессии Совета ИФЛА в Гренобле в 1973 г. Исполнительное Бюро Федерации, признавая большие заслуги М.И.Рудомино, решило присвоить ей звание почетного вице-президента.

И, наконец, Маргарита Ивановна Рудомино как человек.

О роли книг и библиотеки в ее жизни рассказано в интервью[105], опубликованном незадолго до ее кончины, за

месяц до славного юбилея — 90-летия со дня рождения.

М.И.Рудомино действительно человек счастливой судьбы, которую создавала сама, своим умом, сердцем, руками, всей своей самоотверженной жизнью, отданной книгам, людям, семье.

М.И.Рудомино с семьей были постоянными слушателями концертов лучших отечественных исполнителей. Дома у них всегда звучали записи с исполнением любимых произведений, особенно Моцарта, Шуберта, Баха, Бетховена, Шопена, Чайковского. Пластинки собирались в течение всей жизни и радуют ныне ее детей и внуков.

М.И.Рудомино обладала удивительной трудоспособностью, организованностью, успевала блестяще руководить Библиотекой, вести научную работу' результатом которой являются более 100 публикаций, всегда заниматься общественной работой и лично управлять своим семейным кораблем.

Нельзя не отметить ее замечательную статью о бывшем директоре Национальной библиотеки в Париже, почетном вице-президенте ИФЛА, ныне покойном Жюльене Кэне как об организаторе библиотечного дела во Франции, общественном и библиотечном деятеле международного масштаба и как о прекрасном человеке. На подаренной М.И.Рудомино книге Жюльен Кэн написал: "Моей дорогой коллеге Маргарите Ивановне Рудомино, дружба с которой имеет для меня большую ценность, которая нам подает пример своей прекрасной Библиотекой иностранной литературы, превращенной ею в великолепный центр культуры, и которая направляет все свои усилия на международное сотрудничество в области библиотековедения".

В очерке И.Видера по истории ИФЛА говорится: "Во время пребывания М.Рудомино на посту вице-президента она внесла большой вклад в равновесие профессиональных и личных контактов между советским библиотечным миром и библиотечным миром Запада. Она также сумела создать благотворную атмосферу для взаимного понимания. Удалось ей все это сделать благодаря ее дипломатии, человеческой доброжелательности".

Уйдя на пенсию в 1973 г., М.И.Рудомино не прекращает свою научную деятельность и публикует ряд статей по истории ВГБИЛ, о книгах — даре испанского народа ВГБИЛ, о жене Ромена Роллана, о своей жизни и роли книг в ней и т. д.

Я всегда поражалась ее собранности, умению планировать работу не только на день, но на значительное время вперед, она всегда знала, что, где и когда ей надо сделать. Она не раз добивалась в высших инстанциях, в правительственных органах,

казалось бы, совершенно невозможного. Надо сказать, что начальство ее не баловало вниманием к нуждам Библиотеки, а тем более к ее личным условиям жизни и работы. Зарплата и материальные условия были таковы, что нужно было постоянно во многом себе отказывать, кроме концертов, которые украшали всегда ее духовный мир. При этом ее положение обязывало выглядеть хорошо, быть к лицу одетой. Она с этим справлялась великолепно. Всегда модно, элегантно, со вкусом, изящно одетая, умеющая носить одежду, с доброй улыбкой, она привлекала к себе внимание всех, кому довелось с ней общаться. А чего это стоило, знали только она и семья.

Она много раз бывала в служебных и общественных поездках за границей. Ее круг друзей и в нашей стране и за рубежом огромен. Ей всегда было что рассказать и так интересно, что беседа с ней всегда привлекала людей. После каждой поездки в другие страны она рассказывала сотрудникам о виденном и многое использовала в работе Библиотеки, и, конечно, это постоянно обогащало ее эрудицию и личность.

М.И.Рудомино обладала замечательным качеством никогда не говорить дурно о других и была верным другом тех, кто был ей близок по духу. Могу сказать, что я так привыкла к общению и дружбе с ней, что до сих пор не могу свыкнуться с мыслью, что ее уже нет, но часто поступаю так, как поступила бы она, и дорожу воспоминаниями о ней, о дружбе, которую мы хранили всю нашу жизнь. Она вполне заслужила быть включенной в книжную серию "Жизнь замечательных людей". Таких людей в библиотечной профессии можно насчитать всего лишь несколько, и они должны служить примером для многих поколений верных служителей культуры — библиотекарей.

Ж.-П.Клавель. Прощайте, Маргарита Ивановна [106]

Наша первая встреча состоялась, по всей вероятности, в Риме в 1964 г., когда проходила ежегодная конференция ИФЛА, достопримечательностью которой явилось участие — впервые! — представительной советской делегации.

С тех пор мы встречались каждый год, и между нами установились профессиональные и дружеские отношения. В ее улыбке было что-то располагающее, материнское, а от всего ее облика исходила человечность, сочетавшая в себе доброту, жизненный опыт и твердость.

В 1968 г. ее присутствие на Сессии ИФЛА было очень заметным в силу известных обстоятельств. Она сохраняла спокойствие перед нападками и агрессивностью студентов

Франкфурта, и ей удалось проявить волю профессионального библиотекаря и преодолеть страх, что эти настроения могут проникнуть даже в ряды участников конференции и вызвать раскол.

А в 1970 г. нам представилась возможность более тесного сотрудничества. В этом году ежегодная конференция ИФЛА должна была состояться в Москве. И в этом же году отмечалось 100-летие со дня рождения В.И.Ленина. Исполнительное бюро ИФЛА приняло решение посвятить этому юбилею одно пленарное заседание. Официальные делегаты от тех стран, в которых жил Ленин и библиотеки которых посещал, должны были выступить с краткими сообщениями и рассказать о том, что им известно по этому вопросу. Мне было предложено написать доклад "Ленин и швейцарские библиотеки". Это была интересная и благодарная тема, так как Ленин многократно с похвалой отзывался о качестве обслуживания в швейцарских библиотеках и внимательном отношении к рядовому читателю.

Поручив одному из сотрудников моей библиотеки, в то время убежденному марксисту, найти для меня работы Ленина, в которых он выражал свое мнение по этому вопросу, я получил от него целую пачку выдержек из произведений и писем Ленина.

В начале лета 1970 г. текст моего сообщения был направлен госпоже Рудомино, которая как вице-президент ИФЛА отвечала за координацию деятельности по подготовке конференции. 11 августа, то есть за три недели до открытия конференции, я получил от нее письмо, подтверждающее получение моего материала. В письме было два замечания, и мне предлагалось сделать необходимые изменения. Первое замечание касалось названия на немецком языке одной библиотеки в Цюрихе, в которой часто бывал Ленин.

Второе замечание относилось к высказыванию Ленина, датирующемуся 1913 г.: Ленин критиковал полицейский режим России и обличал цензуру, существующую в империи. Эта цитата не имела прямого отношения к Швейцарии, но ясно раскрывала мысль Ленина, который особенно ценил в Швейцарии демократические свободы, в частности те, которые давали ему возможность регулярно пользоваться публичными библиотеками.

Госпожа Рудомино от имени О.С.Чубарьяна, тогдашнего директора Государственной библиотеки СССР им. В.И.Ленина, писала мне следующее: "Слова В.И.Ленина, приведенные на с. 3 Вашего доклада, относятся к реакционному царскому режиму. Его высказывание, очень конкретное, заменено в Вашем тексте обобщенным выводом, лишенным конкретности, который может вызвать спор. Мы не против дискуссии, но в данном случае она

едва ли будет полезной, так как приведет к широкому толкованию совершенно конкретного высказывания Ленина, относящегося к определенной стране и к определенному периоду времени".

Этим, по сути, было выражено требование исключить из моего текста призыв к библиотекарям противостоять любой политической цензуре в библиотеках, которые должны оставаться своего рода островком свободы для человеческого духа. Мне лично мой вывод был слишком дорог, чтобы им пожертвовать, а в те годы в мире было столько стран, испытывавших гнет политической цензуры, что я твердо решил высказать свои убеждения.

Цитата действительно относилась к России, что могло скорее задеть национальные чувства, чем идеи марксизма, в то время как та же цитата была бы принята без возражений, если бы она относилась к Германии времен империи или нацизма.

Я так и ответил, подчеркнув, что речь идет о царской России. Мой ответ, должно быть, не доставил удовольствия госпоже Рудомино, так как она могла иметь неприятности со стороны советских органов власти. Но она никогда со мной об этом не говорила.

Перед началом заседания участникам были розданы тексты выступлений на языке оригинала и в переводе на английский, немецкий и французский языки, но перевода на русский язык не было. И только синхронным переводчикам был дан вариант на русском языке, которого они и должны были придерживаться.

На заседании, которое состоялось 4 сентября 1970 г., я прочитал свой текст полностью перед собравшимися библиотекарями. Однако вместо написанного мною текста аудитория слушала вариант, точного содержания которого я не уловил, так как я говорил и не мог слышать перевод. Я только знал от немецкого библиотекаря, понимавшего русский, что перевод не соответствует письменному тексту.

Госпожа Рудомино могла бы сердиться на меня, потому что по моей вине тексты других выступлений, которые она, согласно ее письму от 11 августа, поручила перевести на русский язык, не были предоставлены участникам, а ведь это было нарушением установленного порядка, принятого в ИФЛА. Но она не сердилась на меня.

В тот же день участники конференции посетили монастырь в Загорске. После поездки госпожа Рудомино пригласила меня и трех членов Исполнительного совета ИФЛА — Германа Либарса, Форстера Морхардта и Иоахима Видера — на ужин. Из советских участников присутствовали Анна Николаевна Ефимова (на ужине

она произнесла тост "за женщину с большим сердцем") и Владимир Виноградов, с которым я имел удовольствие встретиться позднее в Риме, а также несколько русских переводчиков.

На ужине создалась очень теплая атмосфера, и госпожа Рудомино убедила меня в своем уважении и дружеском расположении, а те неприятности, которые я мог причинить ей своей неуступчивостью, она оставила в стороне. И все наши контакты, установившиеся с тех пор, и наша переписка, длившаяся до 1989 г., доказали мне, что у Маргариты Ивановны Рудомино было золотое сердце и что не было в ее душе места для мелочности и злопамятства.

В январе 1974 г. она написала мне, что собирается праздновать свою золотую свадьбу, и очень сожалела, что я не смогу принять участие в торжестве. Попутно она сообщила мне, что оставила свой пост, чтобы посвятить себя научной работе.

В следующем году я послал ей оригинальное издание стихов Пушкина, поступившее в нашу библиотеку в нескольких экземплярах. Она поблагодарила меня и сообщила, что только что посетила места под Псковом, где жил Пушкин, и что она очень счастлива, что у нее теперь есть время путешествовать вместе с мужем, так как они оба на пенсии. Она написала также, что приступила к большой работе — "пишет свои воспоминания" и особенно обо всем, что касается библиотеки, которую она создала и возглавляла более 50 лет. Но могла ли она говорить о себе и не говорить о библиотеке, которая и была ее жизнью?

Неоднократно она приглашала меня приехать в Москву, чтобы повидаться, особенно после того, как она познакомилась с моей женой на 50-летии ИФЛА в Брюсселе в 1977 г., и с той первой встречи она питала к ней самые теплые чувства. В 1982 г., после смерти мужа, она углубилась в работу над историей библиотеки, 60-летие которой должно было вскоре отмечаться.

"Я всегда пишу Вам с огромным удовольствием", — призналась она мне в своем письме по случаю Нового — 1984 — года. Ей очень хотелось посетить новую библиотеку в Лозанне, но это не удалось осуществить, равно как и мне не удалось приехать в Москву, чтобы увидеться с нею. В 1986 г. она прислала мне свою статью о жене Ромена Роллана, которую она хорошо знала, и я убедился, что она так же деятельна, несмотря на свой преклонный возраст, и так же превосходно владеет французским языком, который она особенно любила.

По мере выхода в свет я посылал ей очередные тома переписки императора Александра I с его воспитателем, а впоследствии другом Фредериком Сезаром Лагарпом. Оригиналы

переписки хранятся в фонде нашей библиотеки, и эти исторические документы ее чрезвычайно интересовали.

В 1987 г., зная, что я принимал участие в исследовании, связанном со строительством новой библиотеки в Александрии, она спрашивала меня, действительно ли Каллимах написал поэму о библиотеках, проявляя, как всегда, живой интерес ко всему, что относится к данной области. Ей также любопытно было узнать, что я думаю о Египте, поскольку ей не довелось там побывать, тогда как страны Европы, а также Америку и Канаду она посетила.

Ее последнее письмо датируется началом 1990 г. В нем она рассказывала мне о своей работе, о том, что она читает, особенно о современных произведениях, и о своих постоянных тревогах за "свою" библиотеку.

С глубокой печалью узнал я о ее смерти в апреле 1990 г. Я знаю, с какой симпатией относилась она ко мне и к моей жене. Она всегда близко к сердцу принимала наши новости и поддерживала узы дружбы вопреки расстоянию и течению времени. Какая верность! Мы держали друг друга в курсе нашей профессиональной деятельности, но главным в нашей переписке всегда было выражение глубокого уважения и искренней дружбы.

Госпожа Рудомино была воистину выдающейся Женщиной.

Прощайте, Маргарита Ивановна, я обнимаю Вас.

Н.И.Тюлина. Почти полвека назад [107]

Удивительная женщина удивительной судьбы. Редкостная, вызывающая изумленное восхищение энергия и целеустремленность, по-юношески активное восприятие жизни, полное неприятие возраста — этому ли не удивляться в наше время, исполненное скептицизма и усталости. "Линейное", "одномерное" течение трудовой жизни — все время в одном и том же месте, и редчайший подарок судьбы — возможность максимального профессионального самовыражения в создании уникального — и по своему содержанию и по "оболочке" — великолепного здания библиотеки. Это ли не удивительно в наше время, отмеченное, среди прочих катаклизмов, гибелью в катастрофах и медленным умиранием библиотек. Трагичный, несправедливый эпилог трудовой жизни и посмертное торжество справедливости — верность нового поколения ее светлой памяти, достойная дань ее подвижническому труду, что, может быть, самое удивительное для нашей жестокой эпохи.

Давным-давно, почти полвека назад, я в качестве стажера попала впервые в Библиотеку иностранной литературы.

Маргариты Ивановны тогда не было в Москве, но она была среди нас ежедневно и ежечасно, все, что делалось в библиотеке, было освещено ее волей, ее вкусом, направлено ее рукой: "Маргарита Ивановна сказала… Маргарита Ивановна решила… Маргарита Ивановна любит…" Она была настолько неотделима от своего коллектива, несмотря на длительную территориальную разобщенность, что, когда несколько лет спустя я познакомилась с Маргаритой Ивановной лично, оказалось, что мы давно и хорошо знаем друг друга, — ведь и ей в то время был известен каждый мой шаг и вздох, поскольку ее библиотека приняла меня, хоть и на время, в свою дружную семью.

Я говорю "семья" неслучайно, потому что во времена Маргариты Ивановны те, кто работал рядом с ней и под ее руководством, воспринимались именно не как "трудовой коллектив", а как единая семья.

У Маргариты Ивановны вообще был врожденный дар "неформальных связей". Он особенно ярко проявлялся в ее работе в ИФЛА. Ведь Маргарита Ивановна была единственным советским представителем в ИФЛА, действовавшим в этой организации, как живой человек, а не как ходячая схема "зарубежных связей" "хомо советикус", какими были мы все, остальные. У нее, единственной среди нас, были не просто "личные контакты", а человеческая дружба со многими иностранными коллегами из ИФЛА. Открытость, смелость, с которой шла она на эту дружбу, стоили всех наших докладов, сообщений и иных официальных деяний вместе взятых, потому что давали основание надеяться, что и за всеми остальными нами — "человеками-схемами" — таится живая душа, а следовательно, с нами можно иметь дело. Скажем честно: период вице-президентства Маргариты Ивановны в ИФЛА — это период расцвета нашей международной библиотечной активности несмотря и даже наперекор всем взлетам и падениям в общей международной обстановке. И этому ли не удивляться!

…Я иду во Всесоюзную государственную библиотеку иностранной литературы, библиотеку, носящую имя Маргариты Ивановны Рудомино, с неизменным чувством гордости за то, что ее жизнь увековечена в этом лучшем из возможных памятников, с глубочайшей благодарностью тем, кто позаботился об этом, с радостью за время, позволившее этому осуществиться.

М. В. Урнов. В Столешниках [108]

Маргариту Ивановну Рудомино я впервые увидел в 1935 г. Я увидел ее в церкви Космы и Дамиана, что в Столешниках, в здании этой церкви, но уже в ином храме — храме культуры под

названием Государственная центральная библиотека иностранной литературы. Она появилась из своего кабинета, находившегося возле алтаря. Я увидел молодую стройную женщину. Ее прическа и ладно облегавший фигуру свитер были ей к лицу, шли к облику самостоятельной, энергичной и вдохновенной женщины, настоятельницы храма культуры.

В Библиотеку я был переведен из Научно-исследовательского критико-библиографического института в связи с его ликвидацией. Мое согласие перейти в Библиотеку было обусловлено жизненной необходимостью не прерывать трудовой стаж, а также желанием удалиться в "тихий приют", поближе к "волшебной двери" (образ-символ Артура Конан Дойля), в мир зарубежной культуры, прежде всего и главным образом — в мир английской литературы, которую я избрал предметом своего изучения.

У кабинета Маргариты Ивановны находился секретарь — милая, приветливая, деловая и заботливая женщина. Много лет спустя я узнал, что эта женщина, Татьяна Александровна Ершова, прекрасно говорившая по-французски и отлично печатавшая на машинке, была праправнучкой великого князя Константина Николаевича Романова. Мы прошли мимо нее в директорский кабинет, и вскоре в нем появился заведующий научно-библиографическим отделом Библиотеки Николай Иванович Пожарский. Этот человек заслуживает отдельных воспоминаний.

Николай Иванович Пожарский был настоящим профессионалом, как и полагается быть истинному интеллигенту. Как я вскоре убедился, это был библиограф с большой буквы. Он не походил ни на одного из тех библиографов, которых я встречал в Научно-исследовательском критико-библиографическом институте. В Николае Ивановиче витал чистый дух Библиотеки. Это был эрудит-профессионал, готовый в любую минуту радушно встретить пришедшего за библиографической или литературной справкой, обстоятельно и вразумительно ответить на разного характера специальные вопросы, помочь и поддержать, особенно юношу или молодого человека, устремленных к знанию. Для меня это было новое впечатление. Мне часто казалось, что Николай Иванович — сам живая передвижная библиотека, "волшебная дверь" в которую открыта для каждого желающего протянуть ищущую руку к справочнику, энциклопедии, словарю, картотеке.

Николай Иванович встретил меня с такой улыбкой радушия, что я до сих пор, когда его давным-давно нет, помню его отеческую приветливость и продолжаю испытывать к его памяти чувство глубокого уважения и признательности. После

знакомства, короткой беседы, добрых пожеланий Маргариты Ивановны Николай Иванович повел меня по крутой лестнице наверх, где когда-то помещался клирос и пели певчие, а теперь разместился научно-библиографический отдел Библиотеки. За столиками сидели несколько молодых женщин, я был им представлен, они встретили меня приветливо.

Здесь, на библиографических хорах, и внизу, в читальном зале, я видел посетителей разного возраста, разных призваний и запросов. Приходили школьники и студенты, аспиранты и профессора, просто любители литературы, в их числе уцелевшие отпрыски старой культуры, "нафталинные барыни", как их презрительно обзывали начисто отрешившиеся от старого мира. Приходили молодые люди, скромные, тихие, и напористые, мобильные, и молодые люди иного толка: сосредоточенные, целеустремленные, жаждавшие знаний, достижения поставленных целей и профессионального успеха. Эти молодые люди общались между собой, обсуждали литературные новинки, сенсации и проблемы текущей литературной жизни, вопросы литературной теории. Из их числа, из тех, кто уцелел в 30-е и 40-е гг., со временем выросли знатоки-профессионалы, имена их стали известны и уважаемы. Назову, к примеру, два имени — Борис Леонтьевич Сучков и Александр Иванович Пузиков.

Борис Сучков многое пережил, достаточно вспомнить, что его официально числили в преступной категории немецких шпионов и организаторов покушения на Сталина, он был приговорен к высшей мере наказания (к счастью, в те короткие годы в конце 40-х-начале 50-х гг., когда не было смертной казни), уцелел, выжил и за свою режимом укороченную жизнь плодотворно проявил себя как историк литературы, литературовед и критик, журналист, издатель, организатор науки, был назначен директором Института мировой литературы Академии наук СССР, избран ее членом-корреспондентом.

Александр Иванович Пузиков стал видным специалистом по французской литературе, тридцать лет бессменно работал главным редактором самого масштабного и авторитетного всесоюзного издательства, выпускающего классиков мировой литературы, — ныне оно называется Издательство художественной литературы.

Важным моментом в духовном и профессиональном становлении и Сучкова, и Пузикова, и многих других видных деятелей нашей культуры явилась "Иностранка", Библиотека иностранной литературы, которую создала и которой руководила Маргарита Ивановна Рудомино.

Частыми посетителями "Иностранки" были уже заявившие о

себе молодые ученые-литераторы — Анна Елистратова, Александр Аникст, Абель Старцев…

Когда при перерегистрации в 1989 г. одного из них спросили, давно ли он числится читателем Библиотеки, тот ответил: "С тех самых пор, как увидел ее первого директора, — молодую и очень красивую Маргариту Ивановну Рудомино".

Справедливо говорила Маргарита Ивановна: "Церковь в Столешниковом переулке — целая эпоха в жизни Библиотеки".

В Библиотеку в Столешниках к Рудомино приходили наши широко известные деятели культуры. Помню, как появился в зале Библиотеки и обратил на себя мое внимание Михаил Левидов. Он начал печататься еще в 1914 г., сотрудничал в изданиях М.Горького — в "Летописи" и "Новой жизни", в 1918 г. заведовал Бюро печати Народного комиссариата иностранных дел, затем был корреспондентом РОСТА в Ревеле, Лондоне и Гааге, писал очерки, статьи, затем стал писать пьесы — "Заговор равных", "Аэроплан над городом", "Азорские острова"…

Случилось так, что впоследствии Михаил Левидов редактировал мои переводы из О'Генри, и я с признательностью вспоминаю об этой совместной работе. Он был требовательным, но доброжелательным редактором, мог, ненавязчиво, предложить вариант перевода сложной игры слов или необычного сравнения и уподобления (О'Генри любил всякого рода словесные и речевые игры), без раздражения указать на ошибку и тут же одобрить и вдохновить. Эти переводы издаются до сих пор.

В Михаиле Левидове жил дух несогласия и непокорства, и этого ему не прощали. Накануне Отечественной он был арестован и в 1942 г. расстрелян.

В Библиотеке работали кружки иностранных языков и было создано Бюро переводчиков. Деятельное участие в нем принимал Иван Кашкин, теоретик и практик художественного перевода, создатель целой переводческой школы. Он читал специальный курс художественного перевода на английском факультете Московского института новых языков, созданного по инициативе Библиотеки. Я окончил этот институт, руководил моей дипломной работой Иван Кашкин.

Публичные выступления видных деятелей культуры, собиравшие обширную, по преимуществу молодежную аудиторию, были составной частью просветительской жизни "Иностранки". Помню темпераментные, страстные выступления Михаила Михайловича Морозова и Корнея Ивановича Чуковского.

Библиотека регулярно устраивала разного рода выставки, посвященные знаменательным литературным датам и великим именам.

По понятной причине мне отчетливо запомнилась книжно-иллюстративная выставка, посвященная Сервантесу. Маргарита Ивановна пригласила меня в свой кабинет, сказала, что посмотреть эту выставку приезжает Надежда Константиновна Крупская в сопровождении Михаила Кольцова и поручила мне провести их по выставке и дать необходимые пояснения.

Именно Надежда Константиновна Крупская, насколько мне было известно, поверила в идеи и замыслы Маргариты Ивановны Рудомино, в ее планы развития Библиотеки иностранной литературы, способные возжечь интерес у молодежи к иностранным языкам и зарубежной литературе.

Во внешнем облике Надежды Константиновны Крупской я не увидел того, что предполагал увидеть: отражения величия и трагизма недавнего исторического прошлого и того, что обличало бы в ней спутницу и соратницу Владимира Ильича, жившего в памяти в образе страстного и величественного вождя с простертой вперед указующей рукой. Все просто и скромно и даже обыденно: утомленная заботами и болезнью пожилая женщина.

Я начал рассказывать о насыщенной испытаниями жизни Сервантеса, о его участии в битве с турками при Лепанто, в которой он потерял левую руку "к вящей славе правой", о его плене, когда он был продан в рабство алжирскому паше, о его отчаянных побегах из плена, о его деятельности комиссара по закупке провианта для "Непобедимой армады". Почувствовал, что затягиваю свой рассказ, повел почетных гостей по вехам его литературной деятельности, задержался у "Дон Кихота". Иллюстрации к трагедии "Нумансия" о героическом поведении осажденных в этой крепости задержали посетителей, они стали задавать вопросы, вглядывались в изображения осады. Этот живой интерес несомненно был обусловлен событиями в Испании, где шла борьба республиканцев и интернациональных бригад с фашизмом. Экскурсия окончилась, я проводил гостей в кабинет Маргариты Ивановны и вернулся к себе на хоры.

Как-то вдруг на наших хорах возникли новые приметы времени: замелькали непривычные фигуры и стала часто звучать немецкая речь — появились эмигранты из Германии. Некоторые из них жили в Коминтерновской гостинице на Тверской и приходили в Библиотеку как бы на работу.

Вскоре Николай Иванович Пожарский оставил нас: мы горевали, мы очень привыкли к нему. Его заменил молодой и статный немец — коммунист, писатель Альфред Курелла. Человек образованный, энергичный, деятельный, он не знал характера нашей работы и не вникал в нее. Он и не претендовал

на то, чтобы руководить нами, предоставив нам полную свободу самостоятельной деятельности. Альфред Курелла хорошо знал немецкую литературу, классическую и современную, мог дать квалифицированный совет и консультацию, пригласить для выступления на интернациональном вечере Иоганнеса Бехера, Вилли Бределя или кого-нибудь из видных коммунистических деятелей, а в повседневную нашу работу не вмешивался.

Вдруг произошла неожиданная для меня перемена, желанная, благостная, во многом определившая мою дальнейшую судьбу. Перемена по воле Маргариты Ивановны и благодаря ей: руководством Библиотеки я был рекомендован для поступления в аспирантуру Московского института истории, философии и литературы, знаменитого в свое время ИФЛИ, на кафедру всеобщей литературы.

Я сдал экзамены — не могу не отметить, что экзаменаторы были доброжелательны, — поступил в аспирантуру и одновременно был зачислен на должность заведующего научно-методическим кабинетом, а спустя некоторое время — ассистентом, и начал читать лекции по английской литературе. Опыт работы в "Иностранке" мне весьма пригодился, и я не прерывал с ней связи. По договоренности с Маргаритой Ивановной я предложил организовать в ИФЛИ филиал Библиотеки, и вскоре в здании института были организованы регулярные дежурства заведующего филиалом. Профессора, преподаватели, аспиранты, студенты получили возможность, не тратя время на долгую дорогу, заказать и получить любую библиотечную книгу, а журнальные новинки постоянно лежали на столах в комнате филиала. Это было так удобно и нужно для большого институтского коллектива — хорошее подспорье для научной и учебной работы.

С начала Отечественной и до конца 40-х гг. я не встречался с Маргаритой Ивановной. Потом снова стал постоянным читателем руководимой ею Библиотеки — в Лопухинском переулке, на улице Разина и, наконец, на Ульяновской.

В 1960 г. я получил от Всесоюзной государственной библиотеки иностранной литературы письмо, в котором было сказано: "Мы, Ваши старые друзья и товарищи по работе, <…> сердечно поздравляем и приветствуем Вас в день Вашего 50-летия <…>. Мы очень хорошо помним Вас — молодого одаренного литератора, пришедшего работать в научно-библиографический отдел Библиотеки и быстро завоевавшего симпатии коллектива. Уйдя из Библиотеки, Вы все эти годы оставались нашим постоянным читателем и другом. Мы с живым интересом следили за Вашим творческим ростом…"

Поздравление заканчивалось словами: "Желаем Вам, дорогой Михаил Васильевич (а для нас, старых сотрудников ВГБИЛ, — просто Миша), здоровья и новых творческих достижений". И подписи…

Перечитываю сейчас это поздравление и с глубокой горечью и скорбью сознаю — никого из них уже нет. Одни ушли из жизни сравнительно молодыми — Анастасия Паевская, Инна Левидова… Нет и Маргариты Ивановны. До 1989 г. я с ней изредка встречался или говорил по телефону. Извиняясь, она по-прежнему называла меня Мишей, и меня это трогало. Однажды я услышал слова горькой обиды, когда перед ней, создателем Библиотеки, новое, к счастью, временное руководство закрыло ее родные двери. Дикий, возмутительный поступок. Позорный штрих все того же времени.

Однажды я позвонил Маргарите Ивановне и вдруг узнал от ее сына Адриана, что она скончалась. Горько сожалею, что не склонил признательной головы у ее гроба.

Ю.Г.Фридштейн. Останется в легендах [109]

Такие люди, как Маргарита Ивановна Рудомино, остаются навсегда — в памяти людей, с нею бок о бок работавших (увы, их осталось очень мало); в сознании тех, кто уже не застал ее на директорском посту; и, безусловно, в легендах, что сложат о ней последующие поколения. И пусть складывают, ибо Маргарита Ивановна действительно была личностью легендарной. Она прожила почти целый век — со всеми его трагическими потрясениями. В страшные годы она, как могла, спасала людей — брала на работу тех, кто уже ни на что не рассчитывал. Давала убежище, пристанище. Она поразительно людей понимала и знала, кто чего стоит. Она знала, несомненно, и то, чего стоит сама, — ей не была присуща ложная, дурно понимаемая скромность. И сотрудников находила по своему образу и подобию — людей особой, ныне почти ушедшей культуры, интеллигентности, внутреннего изящества души. И, конечно же — огромных знаний и разнообразных талантов. И наряду с собственными, нежно любимыми детьми — и этих людей ощущала родными, радовалась их успехам, печалилась их неудачам. Но самым главным ребенком навсегда оставалась созданная ею Библиотека. И хотя мы подчас склонны были скептически воспринимать многократно повторяемые рассказы о том знаменитом шкафе (воистину чеховский "многоуважаемый шкаф!), с которого все начиналось, — но ведь это правда: юная девочка приехала в далекие уже от нас 20-е годы в Москву — и осталась, вписавшись в столичную жизнь неразрывно и навсегда.

Обо всем этом (и о том, что было после) Маргарита Ивановна рассказала в одном из номеров журнала "Наше наследие"[110], и в этом ее рассказе за горечью, которой были окрашены ее последние годы, когда она была вынуждена библиотеку покинуть, звучала все же истинная гордость своим детищем, в которое она вложила столько человеческого таланта, столько душевного тепла и столько страданий, но в итоге — это и было счастье. И после ухода она продолжала следить за всем, чем жила Библиотека (а жила она разно, и это Маргариту Ивановну очень тревожило и огорчало), знала все новости, по-своему их осмысливала и интерпретировала. Так мать благословляет в дальний путь своего ребенка, так садовник всю жизнь возделывает любимый сад.

Бег времени неудержим, придут другие люди, но Маргарита Ивановна навсегда останется единственной в своем роде. Неповторимой. И — незабываемой.

Т.И.Скрипкина. С сердечной благодарностью [111]

О Маргарите Ивановне Рудомино я уже много слышала до того, как имела счастье близкого с ней знакомства. Настоящие библиотекари всегда говорили о ней с чувством глубокого уважения как о человеке и специалисте. Непосредственное мое общение с ней относится к началу 60-х гг., когда я работала ученым секретарем в Государственной Публичной библиотеке им. М.Е.Салтыкова-Щедрина. Но это были тогда, в основном, просто деловые контакты и письма. Во время командировок в Москву я непременно бывала в ВГБИЛ и в связи со служебными обязанностями, и для того, чтобы поработать в кабинете библиотековедения, где всегда была новейшая литература в области библиотечного дела за рубежом, которую нельзя было найти в других библиотеках. Уже тогда бросалась в глаза необычность личности Маргариты Ивановны — сочетание мудрости, глубокого знания дела и простоты в обхождении, что коренным образом отличало ее от тех, кто в то время возглавлял библиотечное дело.

Близкое знакомство с Маргаритой Ивановной, запомнившееся на всю жизнь и сыгравшее важную роль в моей дальнейшей судьбе, произошло осенью 1963 г. С 1 по б сентября в Софии состоялась очередная, 29-я Сессия Совета ИФЛА. До этой сессии за более чем 30-летний период существования ИФЛА на ней присутствовали, да и то в последние годы, только официальные представители нашей страны. В этом году, кроме них, в работе сессии впервые приняла участие специализированная туристская группа советских библиотекарей в составе 29 человек Это стало

возможным также во многом благодаря настойчивым усилиям Маргариты Ивановны, всегда понимавшей важность международных связей, особенно для специалистов.

Я попала в состав этой группы, и это была моя первая поездка за рубеж. Теперь больно и горько вспоминать, что мы представляли собой в то время. Многие из нас были библиотекари с большим стажем, заведующие крупными библиотеками, директора библиотек союзных республик, преподаватели библиотечных дисциплин, но для большинства это тоже была первая зарубежная поездка: тогда не очень-то просто было для представителей нашей профессии поехать за пределы Союза.

Мы держались своей группой, напуганные проведенными с нами собеседованиями, в которых и гулять по городу рекомендовалось числом не менее трех человек. Сбившись в кучу, мы выглядели дико на фоне наших зарубежных коллег, привыкших к многолетнему общению и радостно приветствовавших друг друга, как старых знакомых. Особенно это было заметно на приемах и во время совместных поездок, когда наша группа ехала обязательно в отдельном автобусе. Так, на одном из приемов, проходившем в прекрасном ресторане на горе Витоша, мы сидели обособленно в углу за отдельными столиками, откуда с интересом и некоторым страхом наблюдали за поведением присутствующих. Тут мне особенно бросилось в глаза, как просто, непринужденно общалась с зарубежными коллегами Маргарита Ивановна, как уважительно они к ней относились и какая тесная, дружественная связь существовала между ними. В довершение всего Маргарита Ивановна необычайно мило пошла танцевать с пригласившим ее директором библиотеки Высшей технической школы в Мюнхене, генеральным секретарем ИФЛА И.Видером. Многие из нас были в шоке — танцевать да еще с немцем из Мюнхена! А я с восторгом смотрела на ее улыбающееся лицо, на весь ее притягательный облик. В скромной пестрой кофточке, непринужденная, как всегда обаятельная, она дала нам всем наглядный урок по укреплению международных библиотечных связей!

На этой же сессии мне пришлось, по просьбе Маргариты Ивановны, выступить с небольшим сообщением, к которому я заранее не готовилась, и, к моему ужасу, она даже не потребовала предварительно согласовать текст.

Позже мне довелось много поработать в ИФЛА, быть синхронным переводчиком, работать в отдельных комиссиях, а также, благодаря знанию иностранных языков, побывать в ряде стран, читать лекции, и каждый раз, "по капле выдавливая из себя

раба", я всегда вспоминала Маргариту Ивановну и думала, как бы она поступила в том или ином случае.

После этой первой поездки я много раз встречалась с Маргаритой Ивановной на сессиях ИФЛА, а также в Москве и в Ленинграде на различных библиотечных совещаниях и форумах. Маргарита Ивановна очень любила бывать в Ленинграде, где она делала интересные, всегда собиравшие большое число слушателей сообщения, часто в лектории Государственной Публичной библиотеки. Для меня было большой радостью встречать ее и провожать до гостиницы, где она останавливалась. Она всегда привносила живую струю, новые мысли, конкретные предложения — все то, в чем нуждалось наше захиревшее библиотечное дело.

В дальнейшем, будучи доцентом на кафедре библиотековедения Ленинградского государственного института культуры, где я читала курсы лекций по истории библиотечного дела в нашей стране и за рубежом, я всегда с особым удовольствием рассказывала студентам о Маргарите Ивановне и ВГБИЛ, хотя это, к сожалению, не предусматривалось программой. Персоналии официально не пользовались успехом. Когда у нас на кафедре собирались издать справочник о выдающихся библиотекарях нашей страны, я, конечно, попросила закрепить за мной статью о Маргарите Ивановне, которая сама дала мне нужные материалы. Я составила статью, показав Маргарите Ивановне, но справочник не разрешили, и все собранные ценные материалы так и остались под спудом. Но это дало мне повод лишний раз поговорить с Маргаритой Ивановной, узнать многое о ее жизни, о том, как она создавала ВГБИЛ, какой огромный вклад сделала она в развитие и укрепление международных связей нашей страны.

Во всех странах, где мне довелось побывать, имя Маргариты Ивановны открывало двери любой библиотеки. И это не случайно — ведь ее близкими друзьями были и директор Немецкой государственной библиотеки в Берлине Хорст Кунце, и сменившая его на этом посту Фридхильде Краузе, генеральный директор Национальной библиотеки в Париже Жюльен Кэн, директор Королевской библиотеки в Брюсселе и президент ИФЛА — в течение многих лет — Герман Либарс и многие другие. Она поддерживала тесную связь с крупнейшими библиотеками мира, была, как ее неоднократно называли, связующим звеном между Востоком и Западом.

Обширные личные знакомства Маргариты Ивановны с крупными учеными, писателями и, особенно, библиотекарями сыграли большую роль в установлении и расширении

библиотечных и личных контактов между советскими библиотекарями и библиотекарями других стран. Она сумела, как неоднократно говорили известные библиотечные деятели этих стран, создать благотворную атмосферу для взаимопонимания, ей удалось все это сделать благодаря ее знаниям, дипломатии и человеческой доброжелательности. Ее неслучайно называли "послом советского библиотековедения за рубежом", как сказано во "Всемирной энциклопедии библиотек и информационных служб"[112].

Международное признание ВГБИЛ, созданной главным образом усилиями Маргариты Ивановны, тесная связь с ЮНЕСКО и особенно с ИФЛА привели к ее избранию в 1967 г. на 33-й Сессии Совета ИФЛА в Канаде вице-президентом ИФЛА и повторному избранию в 1970 г. на 36-й Сессии в Москве.

Г.Либарс, присутствовавший в 1972 г. на 50-летии ВГБИЛ в Москве, говорил, что эта библиотека, получившая международное признание, представляет собой уникальное явление в истории библиотечного дела и что это могло осуществиться благодаря ее организатору и бессменному директору М.И.Рудомино. Особой заслугой Маргариты Ивановны он считал то, что "она открыла советское библиотековедение миру, а международное библиотечное дело — Советскому Союзу, что является важным вкладом для понимания между народами и профессионалами"[113].

Чувство гордости и радости испытывали мы, советские библиотекари и друзья Маргариты Ивановны, так же как и наши зарубежные коллеги, когда в 1973 г. ей было присвоено звание почетного вице-президента ИФЛА, а во время празднования 50-летия ИФЛА в 1977 г. в Брюсселе Маргарита Ивановна была членом юбилейного комитета ИФЛА наряду с такими крупнейшими деятелями библиотечного мира, как А.Брейша-Вотье (Австрия), Ф.Френсис (Великобритания) и ГЛибарс (Бельгия).

Когда я вышла на пенсию, то каждый раз, бывая в Москве, обязательно навещала Маргариту Ивановну. Она была уже на "вынужденном отдыхе", несмотря на огромную работоспособность, энергию и желание работать в любимой библиотеке. Это были незабываемые встречи.

Каждая из них давала так много! Маргарита Ивановна щедро делилась своим огромным опытом и взглядами на библиотечное дело и всегда беспокоилась о настоящем и будущем своей дорогой ВГБИЛ. Мы говорили об ИФЛА, историей и деятельностью которой Маргарита Ивановна занималась до последнего времени и публиковала интересные статьи по этим

вопросам. Мы много говорили и об истории нашего библиотечного дела, живым воплощением лучших традиций которого была она сама. Так я узнала о том, что Маргарита Ивановна была близко знакома с Л.Б.Хав-киной и считала себя во многом ее ученицей. Маргарита Ивановна делилась также со мной планами своей научной работы. Я бережно храню книги и статьи с ее дарственными надписями, а также теплые и всегда очень красивые открытки, которые много лет получала от Маргариты Ивановны в ответ на мои поздравления к праздникам. Меня всегда поражали ее прямота, искренность, точность суждений, великолепная память. Огромное уважение вызывала ее полная отдача себя библиотечному призванию, библиотекам и книгам, привязанность к друзьям и семье, всегда удивляла ее необычайная энергия, целенаправленность, эрудиция и культура.

В июле 1990 г. советские библиотекари, а также многие зарубежные друзья Маргариты Ивановны готовились отметить ее 90-летний юбилей. Мы все с большой радостью ожидали это важное событие. В конце марта я позвонила Маргарите Ивановне из Ленинграда, чтобы сообщить ей о том, что в журнале "Zentralblatt fűr Bibliothekswesen" будет напечатана о ней статья. В это время Маргариту Ивановну как раз собирались отправить в больницу, но она, хотя ей было очень плохо, все же поговорила со мной. Ее последние слова были о ВГБИЛ и ИФЛА. Это был наш последний разговор.

М.И.Рудомино в одном из своих интервью сказала, что руководителем библиотеки должна быть масштабная личность с талантом организатора, человек с широким кругозором и профессиональными знаниями, эрудированный, воспитанный, доброжелательный, любящий книги, умеющий общаться с людьми. Именно такой и была сама Маргарита Ивановна, и это большое счастье для советской культуры и науки, когда ей служат такие энтузиасты книги и просвещения, как Маргарита Ивановна Рудомино.

Л.И. Владимиров. Почетный вице-президент [114]

Существует дружба, которая зарождается и углубляется в процессе долгого жизненного общения между людьми, близкими по характеру, культуре и убеждениям, и существует дружба, которая выковывалась в процессе общих трудовых усилий по достижению общих целей. Однако наиболее надежна, крепка и долговечна та дружба, когда оба эти вида дружбы совпадают. Так сложились мои 36-летние отношения с Маргаритой Ивановной Рудомино, скрепленные к тому же общим культом книги.

Впервые я встретился с Маргаритой Ивановной Рудомино весной 1954 г., когда с группой студентов библиотечного отделения Вильнюсского государственного университета я приехал на практику в Москву. В процессе практики мы ознакомились со всеми крупными библиотеками Москвы и, конечно, не обошли и Библиотеку иностранной литературы, которая тогда ютилась на улице Разина. В библиотеке, несмотря на большое количество читателей и тесные помещения, царил удивительный порядок, а среди сотрудников библиотеки — дух доброжелательности и компетентности. Здесь со студентами встретилась Маргарита Ивановна. В непринужденной беседе она рассказала нам о сложной истории библиотеки, о ее задачах и значении и о библиотечной профессии, о высоком ее призвании и ее незаслуженно скромном положении в обществе, о трудностях и радостях библиотечной работы. Своей открытостью, простотой общения и убежденностью она просто обворожила моих студентов. Я тогда договорился с Маргаритой Ивановной о возможности отбора из обменного фонда литературы для библиотеки ВГУ.

Затем я встретился с Маргаритой Ивановной весной 1958 г., когда в Вильнюсе был основан республиканский центр Национальной комиссии СССР по делам ЮНЕСКО, а я был избран его председателем. Первую обстоятельную консультацию по этому поводу я получил от Маргариты Ивановны. Она тогда меня предупредила, чтобы я не ожидал слишком многого от деятельности этой комиссии, но благодаря ей у нас как бы открылось еще одно маленькое оконце в мир европейской культуры, и мы должны как можно лучше использовать это, пропагандируя идеи ЮНЕСКО, поддерживая мероприятия этой организации для пользы нашего общего библиотечного дела. Тогда я и стал верным союзником Маргариты Ивановны Рудомино.

Еще раз я встретился с ней 24 сентября 1959 г. на юбилейной научной сессии, посвященной 50-летию Саратовского университета. Я читал доклад на тему "Вопросы подготовки высококвалифицированных специалистов для научных библиотек". В своем докладе я заявил, что в настоящее время такие специалисты, судя по учебному плану Московского государственного библиотечного института (ныне Московский государственный институт культуры), не готовятся и готовиться не могут и что по примеру Вильнюсского университета должны создаваться кафедры библиотековедения при университетах для подготовки специалистов для библиотек любого профиля, в том числе и для научных и специальных библиотек. Этих моих

утверждений не могли выдержать присутствовавшие на сессии представители института. Они атаковали меня со всей силой своего красноречия, их начали поддерживать некоторые другие участники сессии. Один из них даже обвинил меня в поддержке буржуазных взглядов на библиотеку. И тут в дискуссию, принявшую сугубо односторонний характер, вмешалась Маргарита Ивановна: "А ведь Владимиров прав: не готовят наши библиотечные институты специалистов для научных библиотек. Их нужно готовить как-то иначе, и нам следует прислушаться к голосу представителя университета, руководящего одновременно и университетской кафедрой библиотековедения, и научной библиотекой. Ведь и ВГБИЛ получает из институтов совершенно неподготовленных для работы в такой библиотеке молодых "специалистов", которым нужно доучиваться и переучиваться".

Одной из черт, свойственных Маргарите Ивановне, было ее чувство нового. Она поддерживала все новое, прогрессивное, и это зачастую невзирая на мнение большинства. Ей был совершенно чужд дух конформизма, приспособленчества, бюрократической рутины, за что ее, по-видимому, не любили многие вышестоящие чиновники от библиотечного дела.

Мои отношения с Маргаритой Ивановной с течением времени углублялись и расширялись. Постепенно пришли знакомство и дружба семьями. Летом 1968 г. она была нашим гостем в Нью-Йорке, ознакомилась с нашим житьем-бытьем в этом шумном городе-гиганте, со штаб-квартирой ООН и библиотекой ООН, которой я тогда руководил, и, конечно, с самим городом, с его прекрасными музеями, Нью-Йоркской публичной библиотекой и замечательным книжным магазином "Брентано".

Уже после моего возвращения из Нью-Йорка она приезжала к нам в Вильнюс с мужем Василием Николаевичем Москаленко, человеком большой культуры и начитанности. Их приезд не был связан со служебными делами, а бьгл чисто туристическим, познавательным. Особенно их заинтересовали архитектурные памятники и старый город. Василий Николаевич заглядывал в каждый живописный дворик и увлеченно восхищался стариной. Их поразил архитектурный ансамбль древнего университета с его еще более древней 400-летней библиотекой, а в ней — зал старопечатной и редкой книги с фресками и богатой экспозицией раритетов. Второй раз Маргарита Ивановна посетила Вильнюс 12 лет тому назад с целью, как она подчеркнула, разыскать свои литовские корни. Многие считали ее фамилию французского происхождения. Это, конечно, заблуждение: в Великом княжестве Литовском с XVI в. был известен шляхетский род Рудамина. Одним из виднейших представителей этой семьи был Казимир

Станислав Рудамина, живший в первой половине XVII в. Он учился в Падуанском университете, был композитором и искусно играл на лютне. В 12 км от Вильнюса расположено местечко Рудамина с костелом, построенным в 1592 г., которое мы и посетили.

Но особенно нас сблизила наша общая деятельность в ИФЛА. Мы оба понимали важное значение этой деятельности и рассматривали ее как одну из редких тогда возможностей расширить связи по сотрудничеству и обмену опытом и идеями между библиотеками нашей страны и библиотеками всего мира. В начале моей деятельности в ИФЛА Маргарита Ивановна была моим ментором в делах этой организации. Она отлично знала всю ее "кухню", а заодно и "кухню" нашего Министерства культуры. Как я быстро заметил, министерство, не ориентируясь в международной обстановке, нередко ставило перед нашими делегациями в ИФЛА нереальные задачи и этим создавало для нас сложное положение. В такое положение нередко попадала и Маргарита Ивановна. Как это ни странно, но ее отношения с иностранцами складывались проще. Их поражала ее обходительность, тонкая дипломатичность, культура общения с ними. Я бы назвал Маргариту Ивановну нашей библиотечной Александрой Коллонтай: как и та, Маргарита Ивановна удивляла иностранцев своим тактом и большой начитанностью и знанием иностранной литературы, как и та, она изъяснялась на трех европейских языках и не нуждалась в переводчиках, без которых никак не могло обойтись большинство членов советских библиотечных делегаций на сессиях ИФЛА О том, какую высокую оценку получила ее деятельность в ИФЛА со стороны ее иностранных коллег, говорит провозглашение ее пожизненным почетным вице-президентом этой международной организации.

Не имея возможности подробно остановиться на ее деятельности в ИФЛА, как я ее наблюдал, хочу ограничиться одним довольно характерным эпизодом, свидетельствующим о ее дипломатическом таланте, гражданском мужестве, чувстве долга и решительности.

Это случилось во Франкфурте-на-Майне в августе 1968 г. во время очередной сессии ИФЛА которая, к несчастью, совпала с пражскими событиями и вступлением войск стран Варшавского договора в "мятежную" Чехословакию. В Западной Европе это событие вызвало бурю возмущения, накалило атмосферу, привело к антисоветским выступлениям массового характера. Прошел слух, что намечается демонстрация перед зданием библиотеки Франкфуртского университета, в котором проходила сессия ИФЛА, с требованием изгнать советскую делегацию и делегации

других участвовавших в чешских событиях стран из Франкфурта.

Узнав об этом, руководитель советской делегации тогдашний директор Государственной библиотеки СССР им. В.И.Ленина И.П.Кондаков настаивал на том, чтобы наша делегация немедленно оставила сессию и вернулась в СССР. Большинство членов делегации возражало против этого, и в конце концов было решено обстоятельно обсудить этот вопрос в гостинице, которая была на окраине города. Маргарита Ивановна и Анна Николаевна Ефимова из Министерства культуры СССР настаивали, что никоим образом нельзя постыдно дезертировать и что нужно спокойно продолжать свою работу <…> как нам было поручено, тем более что большинство членов делегаций западных стран не сторонятся нас и желают и дальше с нами сотрудничать. Ведь они привыкли в своих странах к разным политическим пертурбациям и в первую очередь заинтересованы в том, чтобы данная сессия прошла продуктивно и содержательно. Я им ответил, что уже беседовал с Кондаковым и советовал ему не оставлять сессию, так как это могло быть понято как политическая демонстрация и затруднило бы нашу дальнейшую деятельность в рамках ИФЛА. Однако мои доводы его не переубедили. И тут Маргарита Ивановна предложила план, в котором я должен был играть роль посредника. На следующий день, по моему предложению, мы вместе с Маргаритой Ивановной и Кондаковым должны были зайти к директору Франкфуртской университетской библиотеки и попросить его в присутствии президента ИФЛА сэра Френка Френсиса провести экстренное совещание об условиях дальнейшего пребывания советской делегации на сессии. Такое совещание и было незамедлительно организовано. Я объяснил собравшимся, что советская делегация опасается, что ее присутствие здесь может нанести ущерб библиотеке, а также того, что если советская делегация оставит сессию, то, следуя ее примеру, сессию оставят и другие делегации социалистических стран, а это нанесет ущерб не только данной сессии ИФЛА, но и налаживающимся отношениям и сотрудничеству между библиотеками Востока и Запада. Директор ответил, что он уже пережил не одну демонстрацию подобного рода: соберутся несколько сот демонстрантов с плакатами, покричат, может быть, выбьют несколько окон, как это уже случалось, а затем разойдутся. Что же до советской делегации, то она может быть спокойна, тогда как ее уход поставил бы их, немцев, в неловкое положение. Я поспешил заявить, что из его слов понял, что он не предвидит никаких особых осложнений из факта пребывания на сессии советской делегации, и поблагодарил его за гостеприимство. Затем я обратился к президенту ИФЛА с

вопросом по поводу дальнейшего участия на сессии советской делегации в связи с последними политическими событиями. Он мне ответил, что сожалеет о случившемся, но политические события своим чередом, а сессия ИФЛА — своим, и что нам предстоит решить массу своих профессиональных проблем. А дальше инициативу переняла Маргарита Ивановна, выдвинув перед президентом целый ряд деловых предложений по дальнейшему ведению сессии и по некоторым обсуждаемым на ней вопросам. Напряженность сразу же спала, и наша беседа перешла в деловое русло.

Маргарита Ивановна еще в период своей активной деятельности в ИФЛА задумала написать книгу об этой организации. Ведь она столько знала о ней и вложила в нее немалый собственный вклад. Однако эта идея постепенно становилась несбыточной мечтой, и это ее мучило. А несбыточной эта идея становилась по двум причинам. Она никак не могла собраться начать изучение архивов ИФЛА и накопившейся о ней литературы. Мне кажется, она по своему характеру была больше организатором и идеологом библиотечного дела, чем его исследователем, хотя по глубине своей мысли и по широте знаний и опыту она намного превосходила большинство наших признанных библиотековедов.

Второй причиной, почему она никак не могла приняться за работу над этой книгой, была ее щепетильная скромность. Она, проработав в этой организации "послом" от Советского Союза, вложив немалый труд в превращение ИФЛА в настоящую международную организацию и одновременно подняв в ней престиж нашего библиотечного дела, просто не могла писать об этом периоде истории ИФЛА и искала соавтора, который бы осветил этот период объективно и со знанием дела. Она остановилась на мне, надеясь на мою "архивную усидчивость", объективность и благожелательность к ней. Я легкомысленно согласился, так как сам интересовался этой темой, а в юбилейном издании ИФЛА "IFLA’s first fifty years" даже опубликовал свою статью "Социалистические страны Европы в ИФЛА".

Мы составили план совместного издания, причем она взяла на себя всю историю ИФЛА со дня ее основания до вступления в нее Советского Союза, а я — последующий период. Я засел на целую неделю в читальне "Ленинки", собирая материал по этой теме, и, утонув в нем, наконец понял, что, работая над такой обширной монографией, как "Всеобщая история книги"[115], и ведя ряд плановых научно-исследовательских работ в своем университете, не говоря уже о студентах и лекциях, к тому же не имея под рукой в Вильнюсе нужных материалов, я поступил

неосмотрительно. И я начал увиливать от работы над книгой об ИФЛА. А Маргариту Ивановну мое поведение обижало, так как она жила этой темой, но потом она просто махнула на меня рукой, по-видимому, поняв мое положение.

Мы переписывались с ней долгие годы, но иногда эта переписка прерывалась, и всегда тоже по моей вине. Весь 1988 г. я был занят подготовкой к изданию "Всеобщей истории книги" и все свои эпистолярные дела откладывал временно в долгий ящик. И вот 12 февраля 1989 г. я получил письмо от Маргариты Ивановны, которое меня взволновало. Она писала о тяжелом и трудном положении, в котором оказались крупные научные библиотеки СССР, в том числе и ВГБИЛ, о состоянии всего библиотечного дела (руководство, подготовка кадров, научно-исследовательская работы, зарплата, права и тд.), предлагала целый комплекс мероприятий по подготовке генерального наступления за наше святое библиотечное дело, используя для этого печать, в первую очередь "Наше наследие", "Советскую культуру" и др. Среди ее предложений был и библиотечный закон, и восстановление самостоятельного научно-исследовательского института библиотековедения, предоставление самостоятельности библиотечным учебным учреждениям и возможности готовить специалистов для библиотек всех профилей, приравнивание работников научных библиотек в правах и зарплате к сотрудникам научно-исследовательских институтов, организация общества библиотекарей и т. д.

Эти ее предложения говорят о том, что она все время зорко и с большой озабоченностью следила за всем, что переживало библиотечное дело в нашей стране, и терпеливо ждала того времени, когда она опять сможет приложить свои недюжинные силы, знания и опыт, чтобы выступить с целой программой перестройки нашего библиотечного дела на принципиально новых, прогрессивных началах. Я, конечно, сразу ей ответил, сделав некоторые замечания по поводу ее программы, и заверил ее, что я с ней.

Хочу прибавить, что о каждой своей новой идее, о каждой появившейся в печати своей публикации она считала нужным меня информировать и присылать эту публикацию или ее копию. Она как бы включила меня в свою личную систему обязательного экземпляра. А как ей было трудно найти издателя для своих статей! Ведь пути в нашу официальную библиотечную печать ей на долгие годы были заказаны. Особое впечатление на меня произвели ее краткие, но содержательные и глубокие очерки о великих деятелях культуры, с которыми ей пришлось встречаться

на своем жизненном пути.

Закончить хочу эти воспоминания о Маргарите Ивановне Рудомино стихотворением поэта Жуковского:

О милых спутниках, которые наш свет
Своим сопутствием для нас животворили,
Не говори с тоской: их нет,
Но с благодарностию: были.

Е.Ю.Гениева Альфа и омега библиотеки иностранной литературы [116]

Она и при жизни — воспринималась как легенда. Всех, кто знал Маргариту Ивановну и с ней работал, поражало удивительное сочетание женственности, обаяния, и в то же время работоспособности, властности. Познакомилась я с ней близко, когда она уже не была директором. Я хорошо помню то время. Случилось это в тот год, когда всех нас захлестнул ветер перемен. После ухода Л.А.Гвишиани-Косыгиной библиотека выбирала преемника Маргариты Ивановны. Не могу сказать, что я очень хорошо знала М.И., но те короткие встречи, которые проходили за чашкой чая или за ужином у нее дома, чувствую и помню очень хорошо. Мне представляется, что я поняла суть ее величия и ту драму, которую она испытала, и трагедию, которую ей довелось переживать при жизни.

У Маргариты Ивановны были двое прекрасных детей — сын и дочь, она была богата внуками, у нее был любимый, заботливый муж. Но и Библиотека была ее настоящим ребенком. Я убеждена, что та молоденькая девушка, которая приехала в Москву в двадцатые годы, сама еще не представляла, какую роль в истории мировой культуры ей суждено было сыграть. Дело вовсе не в собранном ею самом большом хранилище книг на иностранных языках в Советском Союзе и России и не в том, каких высоких международных титулов она достигла. Важно то, что ей было на роду написано придумать модель саморазвивающейся библиотеки.

Повторяю, я не убеждена, что в те двадцатые годы и позже, когда библиотека кочевала из одного здания Москвы в другое, Маргарита Ивановна концептуально, стратегически понимала эту свою задачу. Думаю, что ей от природы была дана удивительная интуиция, которая вообще-то присуща мало кому в мире людей. Иногда эта интуиция сполна отдается женщине какими-то сферическими силами. Как манна небесная. Найти аналогию ей в

истории мировой культуры я, честно говоря, затрудняюсь. Если попробовать найти такой пример, мне близкий и понятный, то она в моем сознании сочетается с Екатериной Романовной Дашковой. И своим милым образом, и привлекательностью, и образованностью, и огромным внутренним динамизмом.

Люди, от природы щедро наделенные дарованиями и сумевшие полностью реализоваться, встречаются редко. В Евангелии есть место, где говорится о том, как на учеников Иисуса Христа нисходит Дух Святой. Все можно воспринимать формально — Божественный огонь спускается с неба на избранных. Но если вдуматься в метафорический смысл этого образа, то понимаешь, что порой на свет Божий появляются люди, которые отмечены при рождении. Они отмечены при переходе из одного мира в другой, о чем писал Пушкин в стихотворении "Пророк". Поэтому нельзя не подчеркнуть, что та концентрация энергии, что воплотилась в этой женщине (как и в Дашковой!), позволила ей сделать то, что нельзя сделать будучи просто обычным умным, талантливым, ярким человеком. Это — харизма.

Благодаря этой отмеченности, харизме, Маргарита Ивановна сумела в те непростые годы объединить вокруг себя круг единомышленников. До сих пор на ее могилу приходят те, кому она действительно спасла жизнь, хотя это отдельная история. Возвращаясь к ее отмеченности… Она не просто поняла, что надо спасти западную книгу, западную формацию, культуру для этого зарождающегося Советского государства, к которому она очень хорошо относилась. После войны она вывезла из разрушенной Германии огромное количество немецких книг не только потому, что должна была это сделать, будучи подполковником Советской армии. Она сумела отнестись с уважением к иной культуре и пыталась что могла сохранить, не разрушая структур этой культуры, на территории другой страны.

Она одна создала то, над чем сейчас бьются лучшие умы в разных комиссиях и комитетах, институтах и так далее, разрабатывая стратегии развития институтов и институций. Создавая свою схему библиотеки иностранной литературы, она с самого начала придумала безупречную саморазвивающуюся систему. Очень простую, ибо все сложные мысли очень просты. Библиотека — окна, открытые в мир других культур. Это окна или форточки, а в соответствующие тяжелые годы — только щелки, на которые можно было приоткрыть эти окна. Собственно говоря, в этом и была задача библиотеки иностранной литературы. Добывать информацию. Давать возможность доступа к этой информации и по мере возможности максимально расширять эти окна, строя культурные мосты.

А вообще, Маргарита Ивановна передала мне эстафету, и я должна быть этого достойна, чего бы мне это ни стоило. Но я горжусь этой трудной и ответственной ношей. Она сумела создать вокруг себя именно то, что только сейчас на разных научных конференциях мы начинаем осмыслять как концепцию семьи на производстве. Осознавая, что такое семья как структура человеческого общежития, которая является цементирующим его веществом…

Что замечательно было в этой женщине (я видела это ясно, хотя знала ее уже уходящей), так это ее выдумка и задор, которые сочетались с удивительным практицизмом, тоже типично женским. Черты, что, конечно, всегда сопутствуют харизме. Она понимала, насколько важно вести хозяйство так, как обычно ведется хозяйство в хорошем доме. Так же, как красиво у нее дома подавался чай с вареньем, так же точно она красиво, эстетично относилась к тем зданиям, к тем книгам, к тем людям, которые работали около нее. Когда я пришла работать в Библиотеку, уже после вынужденного ухода Маргариты Ивановны, то была удивлена прежде всего тем, сколько красивых людей работает в Библиотеке. Я не хочу сказать, что они все были писаные красавицы, но это были люди, на лицах которых была видна печать одухотворенной избранности, элитарности, причем элитарности не снобистской, а подлинной, духовной.

И даже в те годы, когда в Библиотеке были другие руководители, которые поменяли множество сотрудников, невозможно оказалось ни физически, ни политически уничтожить ту свободу и гордость духа, знаний, мысли, которые заложила и воспитала Маргарита Ивановна Рудомино.

Если говорить обо мне как о преемнице М.И.Рудомино, которой я себя и воспринимаю, то, в общем, я получила в наследство по-настоящему замечательную организацию. Это очень интересное здание, человечески выстроенное, а если говорить о фондах — замечательные фонды. Но здесь есть и то, что мне объяснил отец Александр Мень, который очень внимательно относился к роли библиотек, что потом я поняла сама, став руководителем этой Библиотеки и работая в Фонде Сороса.

Я поняла, почему у Джорджа Сороса такой философский интерес к библиотекам. Поняла, что в этой Библиотеке очень важно настроить себя так, чтобы уловить тот сигнал, что идет к тебе откуда-то из вечности или от самих этих стен. И как только ты его улавливаешь и начинаешь слышать, осмыслять и начерно расшифровывать, то выходишь на правильные практические шаги. Потому, что было ею заложено.

Маргарита Ивановна — это человек, воплотивший в себе такие ритуалы, в которых представлено время, динамика времени, и, кроме того, то, что было свойственно ее личности. Пушкин, когда он пишет о пророке, показывает, что происходит с человеком, если его посвящают в ритуал инициаций. Весь "Пророк" — это рассказ, как обычный человек становится харизматической личностью. Что происходит с его сердцем, с его умом, что происходит с его устами… В этих стихах сказано буквально все про Маргариту Ивановну. И про любую личность, если она выбивается из рядов себе подобных для свершения великой миссии.

Избранность… "Много званых, но мало избранных". Но при этом она была хранительницей мудрости и хранительницей очага, в ней было что-то удивительно возрожденческое — Джульетта и Миранда…

Иллюстрации

М.И.Рудомино в рабочем кабинете просматривает книги, подаренные Британским советом. ГЦБИЛ, 1943 год

Дом (одноэтажный), в котором жила семья Рудомино.
Саратов, 1910-е годы

Анна фон Бер, прапрабабка М.И.Рудомино.
С дагеротипа начала 1850-х годов

О.Ф.Кноте, бабушка М.И.Рудомино.
Гродно, 1903 год

Я.Ф.Кноте, дедушка М.И.Рудомино.
Гродно, 1904 год

Э.Я.Рудомино, мать М.И.Рудомино.
Гродно, 1905 год

И.М.Рудомино, отец М.И.Рудомино.
Киев, 1888 год

Е.Я.Кестер,
сестра Э.Я.Рудомино.
Гродно, 1901 год.

О.Я.Москаленко,
сестра Э.Я.Рудомино.
Лодзь, 1913 год

Я.Я.Кнопе, брат Э.Я.Рудомино.
Одесса, 1912 год.

А.Я. фон Кретч, сестра Э.Я.Рудомино.
Гродно, 1901 год

Рита Рудомино в три года. Балашов, 1903 год

Ричард (Чарик) фон Кретч, сын А.Я. фон Кретч. Гродно, 1911 год

Юрочек Кноте, сын Я.Я.Кноте. Познань, 1926 год

Рита Рудомино и ее трокродная сестра Надя Панченко (слева). Саратов, август 1914 год

Ольга Кирова, дочь Е.Я.Кестер. Роттердам, 1926 год

Элеонора Яковлевна (в центре) и Рита (третья слева в третьем ряду) среди учениц Первой Саратовской женской гимназии. В первом ряду (вторая слева) – Муся Минкевич. Саратов, 1914 год

Рита Рудомино и Сережа Королев (четвертая и пятый слева во втором ряду). Летний молодежный лагерь в Плютах на Днепре. Лето 1916 года

Рита Рудомино (слева в первом ряду) среди учеников 7-го класса Первой Саратовской женской гимназии. Саратов, 1916 год

Читальный зал НФБ в Денежном пер. Интерьер 1920-х годов. Современная фотография

Дом в Денежном пер., где располагалась Неофилологическая библиотека (НФБ) в 1921–1924 годах. Современная

Читальный зал Библиотеки в Историческом музее. Интерьер 1920-х годов. Современная фотография

В.Н.Москаленко. Киев, 1923 год

М.И.Рудомино с сыном Адрианом. Москва, 1925 год. Фотография В.Н.Москаленко.

М.И.Рудомино и В.Н.Москаленко с сыном Адрианом. Барвиха, осень 1927 года

М.И.Рудомино. Париж, 1928 год

На даче в Барвихе. В первом ряду – С.П.Королев, М.В.Минкевич; во втором ряду – К.А.Радвилович, М.И.Рудомино. 1931 год. Фотография В.Н.Москаленко

Большая семья Рудомино на даче в Барвихе. Слева направо: М.И.Рудомино, С.П.Королев, К.М.Винценттини, Адриан Рудомино, А.И.Марченко (няня), О.Я. и Ю.Н. Москаленко, друзья. 1935 год. Фотография В.Н.Москаленко

В.Н.Москаленко с сыном Адрианом. Барвиха, 1935 год

Марианна Рудомино (слева) и Наташа Королева на даче в Барвихе. Лето 1937 года. Фотография В.Н.Москаленко

М.И.Рудомино с дочерью Марианной. ГПБИЛ, 1940 год

Здание церкви Космы и Дамиана в Столешниках, где в 1931–1944 годах размещалась ГЦБИЛ. Фотография 1932 года

М.И.Рудомино в рабочем кабинете в ГЦБИЛ. 1935 год

М.И.Рудомино среди сотрудников ГЦБИЛ. 1938 год.
Слева направо. Первый ряд — Н.И.Пожарский, М.И.Рудомино, С.В.Голубятко, В.Ф.Кельин, Л.Г.Жантиева, И.С.Жилко; второй ряд – третья слева и далее — Т.А.Ершова, художник, О.Н.Окулова, П.И.Ройзман, И.А.Данилевская, В.П.Веретенникова

М.И.Рудомино. Москва, 1940 год

М.И.Рудомино в справочном зале ВГБИЛ
на ул. Разина. 1957 год

М.И.Рудомино и Д.Н.Чаушанский. Берлин, 1945 год. Фотография А.В.Рудомино

М.И.Рудомино в Бабельсберге под Потсдамом. 1945 год

М.И.Рудомино с сыном Адрианом. Потсдам, июнь 1945 года

М.И.Рудамино и С.П.Королев. Потсдам, 1945 год

«Разинка». Здание ВГБИЛ на улице Разина. 1950-е годы

Вечер французской литературы. ВГБИЛ, 1959 год.
В перерыве (справа налево): М.И.Рудомино, Н.Дорлиак, советник по культуре французского посольства и И.Г.Эренбург

Брат и сестра – В.И.Москаленко и М.И.Балашина-Королева. Москва, 1956 год

М.И.Рудомино и В.И.Москаленко во время путешествия на теплоходе по Волге. 1964 год

М.И.Рудомино беседует с Р.Олдингтоном и его дочерью. ВГБИЛ, 1962 год

М.И.Рудомино среди сотрудников ВГБИЛ, 1963 год. Сидят (слева направо): З.Л.Шварцман, Т.А.Ершова, М.И.Рудомино, О.Н.Окулова, М.С.Морщинер, В.Н.Стефанович; стоят: А.В.Паевская, О.Е.Куликовская, И.А.Данилевская, П.И.Ройзман, И.М.Левидова, В.П.Веретенникова-Гершман, Н.Н.Фольц, И.И.Максимушкин, М.М.Селезнева, З.И.Колмановская

М.И.Рудомино, директор Британской библиотеки лорд Ф.Френсис (второй слева) и директора крупнейших западноевропейских и американских библиотек у строящегося здания ВГБИЛ. 1966 год

Вручение Х.Бидструпу Ленинской премии мира в Кремле. Москва, 1964 год. Слева направо: Б.Е.Ефимов, М.И.Рудомино, Х.Бидструп, В.Д.Вовченко, Л.П.Орлова, Г.В.Александров

М.И.Рудомино и председатель Общества «СССР–Дания» П.Йоргенсон. Москва, 1966 год

Новое здание ВГБИЛ. Зима 1966 года

Приемка нового здания ВГБИЛ. Слева направо: архитектор В.А.Ситнов, М.И.Рудамино, министр культуры СССР Е.А.Фурцева. Сентябрь 1966 года

В.Н.Москаленко
в новом здании ВГБИЛ.
Лето 1967 года

М.И.Рудомино в рабочем кабинете.
ВГБИЛ, 1969 год

М.И.Рудомино и Г.С.Уланова в президиуме собрания Общества «СССР–Дания». Москва, 1967 год

М.И.Рудомино среди канадских и французских библиотекарей. Монреаль, 1967 год

М.И.Рудомино
испанскими поэтами
Рафаэлем Альберти
Марией Терезой Леон.
ВГБИЛ, 1968 год

М.И.Рудомино и
французская писательница
Рита Пенна.
ВГБИЛ, 1971год

М.И.Рудомино
в гостях у Ж.Кэна.
Париж, 1967 год

36-я сессия ИФЛА. Москва, ВГБИЛ, 1970 год. Слева направо: члены Президиума ИФЛА П.Киркегор, Ф.Морхардт, И.Видер, М.И.Рудомино, Г.Либарс, А.Томпсон, М.Вайнстрам, Э.Бьергор, лорд Ф.Френсис

М.И.Рудомино и Генеральный директор ЮНЕСКО Р.Майо. ВГБИЛ, 1972 год

М.И.Рудомино в гостях у библиотекарей ГДР. Дом Гёте в Веймаре. Август 1981 года

70-летие М.И.Рудомино. Справа налево: М.И.Рудомино, В.Н.Москаленко, А.В.Рудомино. 3 июля 1970 года

М.И.Рудомино с внуками Алешей (слева) и Васей на даче в Барвихе. Апрель 1970 года

М.И.Рудомино, В.Н.Москаленко, Н.Н.Покровская и Вася. Барвиха, декабрь 1973 года

М.И. и А.В.Рудомино. Барвиха, июль 1989 года. (Последняя фотография Маргариты Ивановны Рудомино)

М.И.Рудомино. Берлин. Июнь 1987 года

Основные даты жизни и деятельности М.И..Рудомино

1900 — 3 июля в г. Белосток Гродненской губернии родилась М.И.Рудомино

1901 — Переезд семьи в Саратов

1909–1911 — Поездки с семьей в Германию и Францию

1915 — Кончина матери Элеоноры Яковлевны Рудомино

1916 — Кончина отца Ивана Михайловича Рудомино 1918 — Окончание Первой саратовской женской гимназии

1921 — Переезд в Москву 1921, июль — Организация библиотеки при московском Неофилологическом институте в Денежном пер. и назначение М.И.Рудомино заведующей библиотекой

1921, август — Ликвидация Неофилологического института и реорганизация библиотеки при институте в самостоятельное учреждение — Неофилологическую библиотеку

1921–1926 — Учеба в МГУ

1922 — Открытие Неофилологической библиотеки для читателей;

организация при Библиотеке Бюро по выписке литературы из-за рубежа для научных учреждений и видных ученых

1924, январь — Вступление в брак с Василием Николаевичем Москаленко

1924 — Переезд Библиотеки в помещение Государственного Исторического музея на Красной площади

1924, сентябрь — Рождение сына Адриана

1924 — Переименование Неофилологической библиотеки в Государственную библиотеку иностранной литературы (ГБИЛ)

1925 — Организация при ГБИЛ групп и кружков по обучению иностранным языкам

1926 — Реорганизация учебных групп и кружков в Высшие курсы иностранных языков (ВКИЯ) при ГБИЛ

1928 — Командировка в Париж и Берлин

1929 — Переезд ГБИЛ в переоборудованное здание бывшей церкви Космы и Дамиана в Столешниковом пер.

1930 — Организация при ГБИЛ Бюро переводчиков; открытие специализированного зала для самостоятельно изучающих иностранные языки; преобразование Высших курсов иностранных языков при ГБИЛ в Московский институт иностранных языков (ныне Московский государственный лингвистический университет)

1932 — Переименование ГБИЛ в Государственную центральную библиотеку иностранной литературы (ГЦБИЛ)

1936 — Рождение дочери Марианны

1943 — Открытие новых читальных залов в переданном Библиотеке здании в Лопухинском пер.

1945–1946 — Командировка в Германию; организация вывоза книг в СССР

1948 — Постановление Совета Министров СССР о преобразовании ГЦБИЛ во Всесоюзную государственную библиотеку иностранной литературы (ВГБИЛ) универсального профиля. Начало создания фонда естественно-научной литературы; организация филиала ВГБИЛ в Государственном издательстве иностранной литературы. Выпуск первых специализированных изданий, подготовленных ВГБИЛ

1949 — Переезд читальных залов в новое помещение на ул. Разина (ныне ул. Варварка) 1954 — Решение Совета Министров СССР о строительстве нового здания ВГБИЛ

1960 — начало строительства нового здания ВГБИЛ; выход в свет первого издания сборника "Основные произведения иностранной литературы"

1964 — Избрание М.И.Рудомино вице-президентом Международной федерации библиотечных ассоциаций (ИФЛА)

1967 — Избрание М.И.Рудомино первым вице-президентом ИФЛА (по 1973 г.)

1967, январь — Открытие для читателей нового здания Библиотеки на Ульяновской улице (ныне Николо-ямская ул.)

1970 — В связи с семидесятилетием награждение орденом Трудового Красного Знамени; проведение 36-й Сессии ИФЛА в Москве в здании ВГБИЛ

1972 — В связи с пятидесятилетием со дня основания ВГБИЛ награждена орденом Трудового Красного Знамени

1973, май — Уход из Библиотеки на пенсию

1973 — Избрание почетным вице-президентом ИФЛА 1973–1989 — Работа над книгой воспоминаний. Участие по персональному приглашению в работе сессий ИФЛА. Поездки за границу по приглашению зарубежных библиотек

1981.9 февраля — Кончина Василия Николаевича Москаленко

1990.9 апреля — Кончина Маргариты Ивановны Рудомино. Похоронена в Москве на Донском кладбище

В 1990 году Всесоюзной государственной библиотеке иностранной литературы присвоено имя М.И.Рудомино

notes

Примечания

1

Статья академика Д.С.Лихачева была написана в качестве предисловия к кн.: Великий библиотекарь. Маргарита Ивановна Рудомино (1900–1990). М.: Рудомино, 1991.

2

Фон Беры значатся в книгах прибалтийских дворянских родов.

3

Родители Элеоноры Яковлевны жили в Гродно.

Разница во времени составляла 2–3 часа.

5

Воспоминания М.И.Рудомино о пребывании в Плютах были опубликованы в кн.: "Академик С.П.Королев. Ученый, инженер, человек. Творческий портрет по воспоминаниям современников". М.: Наука, 1986.

Акимова ТМ. Начало пути // Опыт работы зональной научной библиотеки Саратовского университета. 1982. № 25. Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1982.

Муж Екатерины Яковлевны — Г.Гийом.

8

Толек, Толик — уменьшительные имена Василия Николаевича Москаленко.

9

Государственная академия художественных наук.

10

Рина, Ринуська, Ринушка — домашние имена Адриана Рудомино.

11

Елена Емельяновна Киричинская — заведующая немецким отделением и учебным кабинетом ГБИЛ. Во время командировки М.И.Рудомино замещала ее.

12

Рене Мартель — французский писатель, который в это время приезжал в Москву.

13

Сотрудник Главнауки Наркомпроса.

14

Татьяна Алексеевна Яковлева (1906–1991) — в эмиграции с 1925 г., племянница художника А.Яковлева. Жила в Париже, где в 1928 г. познакомилась с В.Маяковским.

15

Андрей Андреевич Марков, младший (1903–1979) — математик, ч.-к. АН СССР.

16

Андрей Андреевич Марков (1856–1922) — математик, академик Петербургской АН и РАН.

17

Михаил Иванович Чигорин (1850–1908) — шахматист, основоположник русской шахматной школы, чемпион России по шахматам (1899–1906).

18

Родион Осисвич Кузьмин (1891–1949) — математик, ч-к. АН СССР.

19

Группа изучения реактивного движения.

С.А.Лопашов — заместитель директора ГБИЛ, единственный тогда член ВКП(б) в Библиотеке.

21

В то время Василий Николаевич Москаленко работал редактором в Объединении государственных книжно-журнальных издательств (ОГИЗ).

Имеется в виду ликвидация должности ученого специалиста по научным библиотекам, которую занимала М.И.Рудомино.

23

Сотрудница ГЦБИЛ, одна из активисток в процессе чистки кадров в Библиотеке.

24

Татьяна Львовна Щепкина-Куперник (1874–1952) — русская писательница, переводчик.

25

Вера Александровна Артисевич (1907–1999), — с 1931 г. бессменный директор Научной библиотеки Саратовского государственного университета.

26

Ольга Владимировна Дурасова — дочка троюродной сестры Маргариты Ивановны — Н.П.Дурасовой

27

Варвара Ивановна Марченко — няня в семье Москаленко-Рудомино.

28

Анна Николаевна Раманюк (урожд. Москаленко) — младшая сестра братьев Москаленко..

29

Михаил Иванович Раманюк — муж Анны Николаевны Москаленко.

Имеются в виду братья нянь А.И. и В.И. Марченко, живущие в Глухове.

31

Имеется в виду сослуживец Сергея Королева А.Г.Костиков, оклеветавший его и В.П.Глушко, что привело к их аресту и заключению.

32

Домашнее имя няни, Анны Ивановны Марченко.

33

Имеется в виду немецкое происхождение Ольги Яковлевны Москаленко и возможное выселение ее из Москвы в принудительном порядке.

34

Уменьшительное имя няни, Василисы Ивановны.

35

Ксения Максимилиановна Винцентини — жена С.П.Королева.

36

Адриан Рудомино воевал на севере Германии, и от него долго не было никаких известий.

37

Речь идет о берлинских библиотеках, которые необходимо было найти в первую очередь.

38

Предместье Берлина Нейхаген.

39

В мае 1945 г. стоял вопрос о командировке в Германию В.Н.Москаленко по линии Центрального статистического управления (ЦСУ) Госплана СССР, где он работал.

40

Мария Николаевна Баланина — сестра В.Н.Москаленко, мать С.П.Королева.

41

Полевая почтовая станция.

42

М.З.Сабуров — уполномоченный Особого комитета ГКО по Германии в 1945–1946 годах.

43

Дмитрий Николаевич Чаушанский (1896–1957) — майор, заведующий отделом комплектования Государственной библиотеки им. В.И.Ленина. Книговед. Известный исследователь иллюстрированной книги.

44

Елена Сергеевна Дорогутина — майор, заведующая отделом книгохранения Государственной Исторической библиотеки.

45

"Маленький" — подполковник А.Д.Маневский, руководитель музейной части музейно-библиотечной группы.

46

Боярская — сотрудница ГБИЛ. В начале 1930-х гг. устроила в библиотеке провокационную склоку, в результате которой прошли "чистки" сотрудников Библиотеки.

47

Иван Михайлович Рудомино — отец Маргариты Ивановны.

48

Маргарита Ивановна хорошо помнила довоенный Берлин.

49

Сотрудники ГЦБИЛ: Зоя Лазаревна Шварцман — зам. директора, Зинаида Федоровна Иоралова — зав. отделом библиотечных связей, Деляра Гиреевна Жантиева — гл. библиограф, литературовед, Надежда Зиновьевна Фридман — завотделом каталогизации.

50

Александр Васильевич Караганов — литературовед, в то время главный редактор журнала "Советская литература" на английском языке.

Л.В.Чекина — заместитель председателя Комитета по делам культурно-просветительных учреждений при СНК РСФСР

52

В.П.Пронин — в то время первый заместитель председателя СНК РСФСР.

53

Комитет по делам культурно-просветительных учреждений при СНК РСФСР.

Имеется в виду сеть библиотек в различных городах Советского Союза.

55

Уборщицы библиотеки.

56

В конце июня 1945 года в Берлине готовились к вводу оккупационных войск союзников в их сектора.

57

Восточный сектор Берлина, оккупированный советскими войсками.

Имеется в виду Франкфурт-на-Одере.

Комиссия культуры Особого комитета состояла из представителей Комитета по делам культурно-просветительных учреждений при СНК РСФСР по музеям и библиотекам.

К.М. Коваль — генерал, заместитель Уполномоченного Особого комитета по Германии.

61

Военный институт иностранных языков Красной Армии (ВИИЯКА)

62

Земельная реформа 1945 г. в Германии ликвидировала имения и поместья крупных землевладельцев.

63

Иосиф Бенцианович Симановский (1892–1967) — директор Государственной библиотеки БССР.

П.Н.Скородумов — генерал, зам. уполномоченного Особого комитета по Германии, начальник М.И.Рудомино по линии Особого комитета.

М.Ф.Арбузов — зам. председателя Радиокомитета СССР, его представитель в Германии.

Имеется в виду вывоз коллекции старинных книг и рукописей Музея книги и шрифта из-под Хемница.

67

Л.А.Корейша — известный хирург, находившийся в командировке в Германии.

68

На закупку книг в Германии в ноябре 1945 года был выделен один миллион германских марок.

69

Имеются в виду шахты на юге Германии, в которых находились эвакуированные книги из разных немецких библиотек.

70

СОВВГ — советские оккупационные войска в Восточной Германии.

71

Генералы из Советской военной администрации Германии (СВАГ).

Генералы из Особого комитета и СВАГ.

В.П.Лронин — первый заместитель председателя СНК РСФСР; Г.Ф.Александров — заведующий Управлением пропаганды и агитации ЦК ВКП(б); А.Н.Косыгин — председатель СНК РСФСР; А.Ф.Горкин — секретарь Президиума Верховного Совета СССР.

Елена Сергеевна Дорогутина — заведующая отделом книгохранения Государственной Исторической библиотеки.

Имеются в виду музейные работники Комиссии культуры Особого комитета Маневский и Поздняков.

"[82].

Очевидно, имеется в виду один из генералов Особого комитета

77

Комиссия Отдела пропаганды и агитации ЦК ВКП(б), давшая Комиссии культуры Особого комитета новые задания. В связи с этим был задержан отъезд М.И.Рудомино в Москву.

78

Вера Николаевна Стефанович — сотрудница ГЦБИЛ, командированная в Германию.

Сотрудники ЦК ВКП(б).

И.В.Гофлин — заместитель директора ГЦБИЛ по хозяйственной части.

81

Любовь Борисовна Хавкина (1871–1949) — библиотековед, библиограф, заслуж. деятель науки России; жила на Арбате в доме с печным отоплением.

И.Н. Лазебный — начальник книжной базы в Дрездене.

83

Анри Жиро (1879–1949) — французский генерал, соратник Де Голля.

Шторх — известный берлинский портной.

85

К.М.Винцентини с одиннадцатилетней дочкой Наташей собралась поехать на лето к мужу С.П.Королеву в Блайхероде (Тюрингия).

86

А.В.Рудомино был командирован в Берлин с 21 июня по 17 сентября 1946 г. Главным управлением кадров Вооруженных сил СССР.

Напряженную обстановку в Комиссии культуры Особого комитета нагнетал представитель музеев Маневский, который постоянно провоцировал склоку.

88

Заместитель начальника Особого комитета в Москве.

89

Варвара Ивановна Марченко — сестра Анны Ивановны, была няней С.П.Королева

Великий библиотекарь. Маргарита Ивановна Рудомино (1900–1990). М., 1991. С. 143–144.

91

Герман Либарс (р. 1919) — бельгийский библиотекарь, доктор философии, гофмаршал бельгийского короля.

92

Френк Френсис (1901–1988), лорд — английский государственный и библиотечный деятель. Директор Библиотеки Британского музея.

93

Лев Иванович Владимиров (р. 1912) — российский и литовский книговед, библиотековед, автор книги "Всеобщая история книги" (М.: Искусство, 1988).

94

Жюльен Кэн (1887–1974) — директор Национальной библиотеки Франции.

95

Неточная цитата четверостишия В.А.Жуковского "Воспоминание".

Алеша Макарочкин, Сережа и Андрей Королевы, Саша Крылов — двоюродные и троюродные братья Василия Рудомино

97

Впервые опубл. в: Общая газета. 2002, 4-10 апреля. № 14 (452).

98

Впервые опубл. в: Вечерняя Москва. 1941, 9 октября.

99

Впервые опубл. в: Великий библиотекарь… С. 140–151. Для настоящего издания исправлена и дополнена.

100

Впервые опубл. в: Великий библиотекарь… С. 163–169.

101

Впервые опубл. в: Великий библиотекарь… С. 152–159

102

Впервые опубл. в: Комсомольская правда. 1972, 3 июня № 129

103

Впервые опубл. в: Великий библиотекарь… С. 121–126

Артисевич В А Современница века // Опыт работы зональной научной библиотеки СГУ. Вып. 25.Саратов, 1982. С. 1–20.

105

Рудомино М.И. Книги моей жизни // Наше наследие. 1989. № 6. С1-6.

106

Впервые опубл. в: Великий библиотекарь… С. 135–139

107

Впервые опубл. в: Великий библиотекарь… С. 189–190

108

Впервые опубл. в: Великий библиотекарь… С. 191–197

109

Впервые опубл. в: Великий библиотекарь… С. 198–199.

110

Рудомино М.И. Книги моей жизни // Наше наследие. 1989. № 6.С. 1–6.

111

Впервые опубл. в: Великий библиотекарь… С. 183–188

ALA World Encyclopedia of Library and Information Services. 2 ed. Chicago, 1986. P. 716–717.

113

Liebaers H. Mostly in the Line of Duty: Thirty Years with Books. Hague, 1980. P. 218–219.

114

Впервые опубл. в: Великий библиотекарь… С. 127–134

Владимиров Л.Я. Всеобщая история книги. М.: Книга, 1988.

" Впервые опубл. в: Рудомино МЛ. Моя библиотека. М.: Рудомино, 2000. С. 5–7.